

Потеря
Мастера

ФРЕДЕРИК
ФОРСАЙТ

**ПСЫ
ВОЙНЫ**

ЭКСМО

Псы войны

*Посвящается Джорджио, Кристиану,
Шле, Большому Марку и Черному Джонни.
И всем другим в безымянных могилах.
Мы делали все, что могли...*

*Воскликнув: «Сейте смерть!», спускайте
псов войны.*

Вильям Шекспир

*Пусть... не судачат о моей кончине,
И не скорбят по мне лишь оттого,
Что не в святой земле меня зароют,
Что не ударит в колокол звонарь,
Что не придет никто со мной проститься,
Что не пойдут скорбящие за гробом,
Что на могиле не взойдут цветы,
Что ни одна душа меня не вспомнит,
Под сим подписываюсь я...*

Томас Гарди

Пролог

Этой ночью над взлетной полосой в саванне не было ни звезд, ни луны. Только западно-африканская тьма, окутавшая группы людей теплым влажным покровом. Завеса облаков почти касалась верхушек деревьев, и притаившиеся люди молились про себя, чтобы она как можно дольше скрывала их от бомбардировщиков.

В конце полосы выдавший виды старенький ДС-4, только что умудрившийся приземлиться на свет посадочных огней, включившихся лишь за пятнадцать секунд до посадки, развернулся и, чихая, неуверенно покотил вслепую к хижинам, крытым пальмовыми листьями.

Федеральный МИГ-17, ночной истребитель, ведомый, наверное, одним из шести пилотов Восточной Германии, присланных недавно на смену египтянам, которые боялись летать по ночам, с ревом пронесся на запад. Его не было видно за пеленой облаков, как и пилот не видел под собой взлетную полосу. Он высматривал предательское мигание посадочных огней, подающих сигнал самолету, но они уже погасли.

Не слыша рева пролетающего над ним самолета, пилот выруливающего ДС-4 включил прожектор, чтобы осветить себе путь. Тут же из темноты раздался бесполезный крик: «Выключи свет!» Прожектор тотчас погас, тем не менее пилот успел сориентироваться, а истребитель был уже за много миль от этого места. С юга донесся гул артиллерии. Там к этому времени уже рассыпалась линия фронта, потому что люди, у которых не было ни пуль, ни пищи уже два месяца, побросали оружие и ушли под прикрытие лесных зарослей.

Пилот ДС-4 остановил свой самолет в двадцати ярдах от бомбардировщика «Супер Констеллейшн», стоящего на площадке перед ангаром, заглушил двигатели и спустился на бетонную полосу. К нему подбежал африканец, и они приглушенно переговаривали. Затем оба подошли к самой многочисленной группе людей, черным пятном выделяющейся на темном фоне пальмового леса. Люди расступились, и белый человек, прилетевший на ДС-4, оказался лицом к лицу с тем, кто стоял в центре группы.

Белый никогда не видел его раньше, но знал о нем, и даже в темноте, слегка подсвеченной огоньками сигарет, узнал того, кого

хотел видеть...

На пилоте не было фуражки, поэтому он слегка наклонил голову вместо того, чтобы отдать честь. Ему никогда не приходилось делать этого раньше, перед негром во всяком случае, и он не смог бы объяснить, почему сделал это.

– Меня зовут капитан Ван Клееф, – произнес он по-английски с южно-африканским акцентом.

Африканец кивнул в ответ. При этом его черная лохматая борода словно метелка махнула по груди, обтянутой форменной курткой пятнистой защитной окраски.

– Опасная ночь для полетов, капитан Ван Клееф, – сухо заметил он, – и груз слегка запоздал.

Он говорил медленно, низким голосом. У него был скорее акцент выпускника английской частной школы, каковым он и был на самом деле, чем африканца. Ван Клеефу стало не по себе и он опять, как сотню раз до этого, пока летел сквозь тучи от побережья, задался вопросом: «Зачем мне это нужно?»

– Я не привез никакого груза, сэр. Больше нечего было везти.

Вот опять. Он же поклялся, что ни за что не обратится к нему «сэр». Это как-то само вырвалось. Но они были правы, другие пилоты-наемники в баре либревильской гостиницы, те, что его встречали. Этот был ни на кого не похож.

– Тогда зачем вы прилетели? – мягко спросил генерал. – Вероятно, из-за детей? Здесь есть дети, которых монашки хотели бы переправить в безопасное место, но мы не ожидали больше самолетов миссии сегодня.

Ван Клееф отрицательно покачал головой и вдруг понял, что никто не видит этого жеста. Ему стало неловко, и он решил, что темнота сыграла ему на руку. Стоящие вокруг телохранители, сжав в руках автоматы, вглядывались в него.

– Нет. Я прилетел, чтобы забрать вас. Если, конечно, вы захотите.

Наступила томительная тишина. Он чувствовал, что африканец уставился на него в темноте. Случайно заметил отблеск зрачка, когда кто-то из окружения поднес к губам сигарету.

– Понятно. Вас послало сюда правительство вашей страны?

– Нет, – ответил Ван Клееф. – Это была моя идея.

Снова воцарилась тишина. Бородатая голова медленно покачивалась в нескольких футах от него. Это могло быть жестом понимания или недоумения.

– Я очень благодарен, – произнес голос. – Это было бы

увлекательным путешествием. Но на самом деле, у меня есть собственный транспорт. «Констеллейшн». Надеюсь, что он сможет доставить меня в изгнание.

Ван Клеефу стало легче. Он не мог представить себе всех политических пертурбаций, которые последовали бы, прилети он обратно в Либревиль в компании с генералом.

– Я дождусь, пока вы взлетите и удалитесь, – сказал он и снова кивнул.

У него возникло желание протянуть руку для пожатия, но он не знал, нужно ли это делать. Ему было невдомек, что африканский генерал испытывал аналогичное затруднение. Он повернулся и зашагал обратно к своему самолету.

После его ухода в группе африканцев на некоторое время повисло молчание.

– Почему южноафриканец, африканер к тому же, решился на такое? – спросил у генерала один из министров.

В темноте блеснули белые зубы. Лидер группы беззвучно улыбнулся.

– Думаю, что нам этого никогда не понять, – сказал он.

Дальше, за ангаром, тоже под прикрытием пальм, пять человек, сидя в «лендровере», наблюдали, как темные силуэты двигаются от зарослей к самолету. Главный сидел на переднем сиденье рядом с водителем-африканцем. Все пятеро беспрестанно курили.

– Это должен быть южно-африканский самолет, – сказал главный и повернулся к остальным четырем белым, сгрудившимся за ним на сиденье «лендровера». – Жанни, пойдй, спроси у шкипера, не найдет ли он и для нас местечко.

Высокий, сухой, костистый человек выбрался с заднего сиденья машины. Как и остальные, он был с головы до пят одет в защитную форму преимущественно зеленого цвета, с коричневыми пятнами. На ногах у него были зеленые высокие брезентовые бахилы и в них заправлены брюки. На ремне болталась фляжка, охотничий нож, три подсумка для магазинов автоматического карабина ФАЛ, висящего на плече, все три пустые. Когда он поравнялся с передним сиденьем «лендровера», главный снова окликнул его.

– Оставь ФАЛ, – произнес он, протянув руку, чтобы забрать карабин, – и, прошу тебя, Жанни, сделай все как надо, ладно?

Потому, что нас изрежут на мелкие кусочки.

Человек, которого называли Жанни, кивнул, поправил берет на голове и направился к ДС-4. Капитан Ван Клееф не услышал звука

мягких резиновых подметок за собой.

– Naand, meneer.^[1]

Ван Клееф резко повернулся, услышав родной язык, и разглядел лишь силуэт и габариты человека, стоящего за ним.

Даже в темноте нельзя было не заметить белевшую на левом плече нашивку: череп со скрещенными костями. Он осторожно кивнул.

– Naand, Jy Africaans?^[2]

Высокий человек утвердительно кивнул.

– Жан Дюпре, – сказал он и протянул руку.

– Кобус Ван Клееф, – представился летчик, ответив на рукопожатие.

– Waar gaanjy nou?^[3] – спросил Дюпре.

– В Либревиль. Как только они закончат погрузку. А вы?

Жан осклабился.

– Я тут застрял немного. Мы с приятелями. Если федералы нас накроют, то нам наверняка крышка. Не можешь подсобить?

– Сколько вас? – спросил Ван Клееф.

– Всего пять.

Сам будучи наемником, хотя и летчиком, Ван Клееф не раздумывал. Порою те, кто вне закона, нуждаются друг в друге.

– Хорошо, садитесь. Но торопитесь. Как только этот «Конни» взлетает, мы тоже трогаемся.

Дюпре благодарно кивнул и рысцой отправился обратно к «лендроверу». Четверо белых стояли кружком возле капота машины.

– О'кей, нам нужно срочно садиться в самолет, – сказал им южноафриканец.

– Хорошо, бросаем железки в машину и двигаем, – скомандовал главный.

После того, как карабины и пустые сумки для магазинов полетели в багажник автомобиля, он наклонился к черному офицеру с нашивками младшего лейтенанта, сидящего за рулем.

– Пока, Патрик, – сказал он. – Боюсь, что все кончено. Забирай «лендровер» и спрячь его. Автоматы закопай и пометь место. Сбрасывай форму и иди в лес. Понял?

Лейтенант, который всего год назад был новобранцем в чине рядового и получил повышение не за умение пользоваться ножом и вилкой, а за боевые заслуги, грустно кивнул, выслушав инструкции.

– До свидания, сэр.

Остальные четверо наемников попрощались и направились к самолету.

Главный собирался следовать за ними, когда из темноты леса за ангаром к нему выскочили две монахини.

– Майор.

Наемник обернулся и узнал в первой сестру милосердия, которую впервые встретил десять месяцев назад, когда ее госпиталь попал в зону военных действий и ему пришлось заниматься эвакуацией.

– Сестра Мария-Жозеф? Что вы здесь делаете?

Пожилая ирландская монахиня начала серьезно говорить, не выпуская из руки пятнистый рукав его форменной куртки. Он кивнул.

– Я попытаюсь, большего я просто не могу сделать, – сказал он, когда она закончила.

Он вышел на площадку и направился к южно-африканскому пилоту, стоящему под крылом своего ДС-4. Несколько минут два наемника о чем-то переговаривались. В конце концов человек в военной форме вернулся к ожидающим монахиням.

– Он согласен, но вам придется поторопиться, сестра. Он хочет поднять свою телегу в воздух как можно скорее.

– Благослови тебя Господь, – сказала сестра и быстро отдала указания своей напарнице.

Та побежала к хвосту самолета и начала подниматься по приставному трапу к двери салона для пассажиров. Другая поспешно скрылась в тени пальмовой рощицы за ангаром, откуда вскоре появились люди. У каждого в руках был сверток. Подходя к ДС-4, мужчины передавали свертки примостившейся на верхней ступени трапа монахине. Стоящий за ней второй пилот сначала наблюдал, как она аккуратно выложила первые три свертка в ряд вдоль внутренней стенки фюзеляжа, потом включился в работу, принимая протягиваемые снизу свертки и передавая их внутрь салона.

– Благослови тебя Господь, – прошептала ирландка.

Один из свертков вылил на рукав летчика несколько унций жидкого зеленоватого кала.

– Черт подери, – шепотом выругался он и снова принялся за работу.

Оставшись в одиночестве, главарь группы наемников смотрел на «Супер Констеллейшн», по ступеням трапа которого поднималась цепочка беженцев, в основном родственники руководителей побежденного народа. В тусклом свете, сочащемся из открытой двери самолета, он заметил человека, которого хотел видеть. Когда он подошел ближе, тот человек уже собирался последним из очереди вступить на ступеньку, в то время как другие, кому выпало остаться и

прятаться в лесах, ждали окончания посадки, чтобы убрать трап. Один из них окликнул улетающего:

– Сэр! Майор Шеннон идет.

Генерал обернулся к подошедшему Шеннону и даже в такую минуту выдавил из себя улыбку.

– Ну что, Шеннон, хотите составить нам компанию?

Шеннон встал перед ним во фронт и отдал честь. Генерал ответил на приветствие.

– Благодарю вас, сэр. У нас есть транспорт до Либревилья. Я просто хотел попрощаться.

– Да. Борьба была долгой. Теперь, боюсь, все кончилось. Во всяком случае, на несколько лет. Я не могу поверить, что мой народ навеки обречен на рабство. Кстати, вам и вашим коллегам заплатили согласно контракту?

– Да, благодарю вас, сэр. Мы в полном порядке, – отозвался наемник.

Африканец печально кивнул.

– В таком случае, прощайте. Большое спасибо вам за все, что вы смогли сделать.

Он протянул руку, и они обменялись рукопожатием.

– Кое-что еще, сэр, – сказал Шеннон. – Мы тут с ребятами поговорили, сидя в «джипе». Если вдруг придет время... ну, если мы вам снова понадобится, только дайте знать. Мы все прибудем. Только дайте знать. Ребята хотят, чтобы вы это понимали.

Генерал пристально смотрел на него несколько секунд.

– Эта ночь полна сюрпризов, – медленно произнес он. – Возможно, вам это пока неизвестно, но половина моих старших советников, самые состоятельные из них кстати, сегодня ночью переходят через линию фронта, чтобы встать на сторону противника. Большинство оставшихся последуют их примеру в течение месяца. Спасибо за предложение, мистер Шеннон. Я буду помнить о нем. Еще раз до свидания. Желаю вам удачи.

Он повернулся и вошел по ступенькам в тускло освещенное нутро «Супер Констеллейшн» как раз в тот момент, когда первый из четырех двигателей, закашляв, проснулся. Шеннон отступил и отдал прощальный салют человеку, который пользовался его услугами последние полтора года.

– Желаю удачи, – сказал он, обращаясь и к себе тоже, – она тебе здорово пригодится.

Он повернулся и направился к ожидающему ДС-4. Ван Клееф

выровнял самолет в начале полосы и, не выключая двигателей, наблюдал сквозь мглу, как вислоносый силуэт «Супер Конни» загромыхал по полосе, задрал нос вверх и, наконец, оторвался от земли. Бортовые огни самолетов не зажигались, но сквозь стекло кабины своего «Дугласа» африканеру удалось различить очертания трех вертикальных стабилизаторов «Констеллейшн», мелькнувшие над кронами пальм в южном направлении, прежде чем исчезнуть в гостеприимной пелене облаков. Только после этого он направил ДС-4 с его писклявым хныкающим грузом вперед, к месту старта.

Прошел почти час, прежде чем Ван Клееф приказал своему второму пилоту включить свет в кабине. Час шараханий из одной гряды облаков в другую, выныриваний из укрытия и бешеной гонки сквозь редкие перистые облака в поисках более надежной защиты, час постоянного страха быть обнаруженными на залитом лунным светом небосклоне каким-нибудь блуждающим МИГОм тянулся долго. Только когда Ван Клееф убедился, что летит над заливом, оставив берег далеко позади, прозвучало разрешение включить свет.

Из темноты возникла загадочная картина, достойная кисти Доре в период депрессии. Пол салона был сплошь устлан замаранными пеленками, в которые час назад завернули их содержимое. Само содержимое свертков копошилось двумя рядами вдоль бортов грузового салона. Сорок младенцев, худых, сморщенных, с выпученными от недоедания рахитичными животами.

Сестра Мария-Жозеф поднялась со своего сиденья рядом с кабиной пилота и двинулась вдоль ряда заморышей, ко лбу каждого из которых была прилеплена полоска из пластыря, чуть ниже уровня волос, давно приобретших красно-коричневый оттенок в результате анемии. На пластыре шариковой ручкой сообщалась информация, необходимая для сиротского приюта под Либревилем. Имя и номер, больше ничего. Победленным большего не полагается.

В хвосте самолета сощурившиеся от света наемники наблюдали за своими попутчиками. Им доводилось видеть это раньше. Много раз за последние месяцы. Каждый испытывал неприятное чувство, но не подавал вида. Ко всему можно привыкнуть в конце концов.

В Конго, Йемене, Катанге, Судане – везде одна и та же история. Везде дети. И нигде ничего нельзя с этим поделать.

Поэтому, поразмыслив, они достали сигареты.

Освещение салона позволило им рассмотреть друг друга впервые после вчерашнего захода солнца. Форма была в пятнах от пота и красной африканской грязи, лица измождены. Командир сидел спиной

к двери туалета, вытянув ноги вдоль фюзеляжа, лицом к кабине пилота. Карло Альфред Томас Шеннон, тридцать три года, светлые волосы стрижены под бобрик. Чем короче волосы, тем в тропиках удобней – пот стекает легче, и насекомым некуда заползти. Прозванный благодаря своим инициалам «Котом»,^[4] Шеннон был родом из графства Тюрон в провинции Ольстер. После того, как отец отослал его учиться в непрестижную, но частную английскую школу, ему удалось избавиться от северо-ирландского акцента. После пяти лет службы в Королевском морском десанте он демобилизовался, решив попробовать себя на гражданском поприще, и шесть лет назад оказался в Уганде в качестве служащего одной лондонской торговой компании. Однажды солнечным утром он тихо захлопнул свой грессбук, уселся за руль «лендровера» и покатил на запад, к конголезской границе. Спустя неделю завербовался в качестве наемника в Пятый отряд Майка Хоара, в Стенливиле.

Он пережил уход Хоара и приход Джон-Джона Питерса.

Поругался с Питерсом и двинулся на север, чтобы присоединиться к Денару в Полисе. Участвовал в стенливилском мятеже два года спустя и, после эвакуации контуженного француза в Родезию, пошел под начало Черного Жака Шрамма бельгийского плантатора, ставшего наемником, – с которым совершил долгий поход в Букаву, а оттуда в Кигали. После репатриации с помощью международного Красного Креста, он быстро подписался на другую войну в Африке и в конце концов принял под командование собственный батальон. Но слишком поздно, чтобы победить.

По левую руку от него сидел человек, которого можно было назвать лучшим артиллеристом к северу от Замбези. Большой Жан Дюпре, двадцати восьми лет, родом из Паарля в провинции Кейн, был отпрыском обедневшего рода переселенцев-гугенотов, чьи предки бежали на Мыс Доброй Надежды, спасаясь от гнева кардинала Мазарини после крушения религиозной свободы во Франции. Его продолговатое лицо с выдающимся крючковатым носом, нависающим над тонкой полоской губ, выглядело более изможденным, чем обычно, благодаря глубоким морщинам, прорезавшим запавшие от усталости щеки. Бледно-голубые глаза полуприкрыты белесыми ресницами, рыжеватые брови и волосы запачканы грязью. Окинув взглядом младенцев, лежащих вдоль стен салона, он пробурчал: «Bliksems» (сволочи), обращаясь к миру наживы и привилегий, который считал виноватым в бедах этой планеты, и попытался задремать.

Рядом с ним развалился Марк Вламинк, Крошка Марк, прозванный

так благодаря своим необъятным размерам. Фламандец из Остенде был ростом шесть футов и три дюйма, а весил восемнадцать стоунов.^[5] Некоторые могли бы посчитать его толстым. Но это было не так. Он приводил в трепет полицейских в Остенде, людей в основном мирных, предпочитающих скорее избегать проблем, чем решать их, а вот стекольщики и плотники этого города взирали на него с любовью и уважением за то, что он регулярно снабжал их работой. Говорили, что можно безошибочно угадать, в каком баре Крошка Марк разыгрался накануне, по количеству мастеров, вызванных для восстановительных работ.

Сирота, он воспитывался в церковном учреждении, где святые отцы столь настойчиво пытались вколотить в мальчишку-переростка чувство уважения к старшим, что даже Марк однажды не вытерпел и в возрасте тринадцати лет уложил одним ударом увлечшегося поркой наставника на каменные плиты пола, с которых тот так и не встал.

После этого последовала череда исправительных колоний, потом специальная школа, тюрьма для малолетних и, наконец, ко всеобщему облегчению, вербовка в десантные войска. Он был одним из тех 500 парашютистов, сброшенных над Стенливилем вместе с полковником Лораном для спасения миссионеров, которых местный вождь, Кристоф Гбонье, грозился зажарить живьем на главной площади.

Не прошло и сорока минут после того, как они приземлились на аэродроме, а Крошка Марк уже нашел свою дорогу в жизни.

Спустя неделю он ушел в самоволку, чтобы избежать репатриации в Бельгию, и завербовался в отряд наемников. Помимо крепких кулаков и широких плеч, Крошка Марк славился своим необычайным умением обращаться с базукой – своим любимым оружием, которым он орудовал так же весело и непринужденно, как мальчишка трубочкой для стрельбы горохом.

В ту ночь, когда они летели из анклава к Либревилю, ему было только тридцать лет.

Напротив бельгийца, прислонившись к стене фюзеляжа, сидел Жан-Батист Лангаротти, погруженный в свое привычное занятие, помогающее скоротать долгие часы ожидания. Небольшого роста, крепко сбитый, подтянутый и смуглый корсиканец, родившийся и выросший в городке Кальви. В возрасте восемнадцати лет он был призван Францией в числе ста тысяч *appeles*^[6] на алжирскую войну. К середине полуторагодичной службы он подписал постоянный контракт и позже был переведен в 10-й Колониальный десантный полк, в пресловутые «красные береты» под командованием генерала Массю,

известные под названием «les paras». Ему был двадцать один год, когда наступил раскол и некоторые части профессиональной французской колониальной армии встали под знамена идеи «вечно французского Алжира», проповедуемой в то время организацией, называемой ОАС.

Лангаротти ушел вместе с ОАС, дезертировал и после неудавшегося путча в апреле 1961 года ушел в подполье. Тремя годами позже его поймали во Франции под чужим именем, и он провел четыре года в заключении, томясь в мрачных и темных камерах сначала в тюрьме Санте, в Париже, затем в Туре и, наконец, в Иль-де-Ре. Заключенным он был неважным, о чем у двух надзирателей остались отметины на всю жизнь.

Несколько раз битый до полусмерти за нападение на охрану, он отмотал весь срок от звонка до звонка и вышел в 1968 году, боясь лишь одного на свете: закрытого пространства, камер и нар. Он давно дал себе зарок ни за что больше не попадать в камеру, даже если это будет стоить ему жизни, и прихватить с собой на тот свет не меньше полудюжины тех, кто снова придет его забирать. Через три месяца после освобождения он на свои деньги прилетел в Африку, взялся в военные действия и поступил в отряд Шеннона как профессиональный наемник. В ту ночь ему был тридцать один год. Выйдя из тюрьмы, он не перестал неустанно совершенствовать свое искусство владения оружием, которое было ему знакомо еще с мальчишеских лет на Корсике, и благодаря которому он позже приобрел себе репутацию в закоулках города Алжира. Левое запястье у него было обычно обмотано кожаным ремнем, таким, которым пользуются старые парикмахеры для заточки опасных бритв.

Ремень крепился на запястье двумя металлическими кнопками.

Когда было нечего делать, он снимал его с запястья и наматывал на кулак левой руки гладкой стороной вверх.

Именно этим он и занимался теперь по дороге в Либревиль. В правой руке у него был нож с шестидюймовым клинком и костяной ручкой, которым он умел орудовать так лихо, что тот оказывался на своем месте в спрятанных в рукаве ножнах быстрее, чем жертва успевала сообразить, что наступила смерть. В размеренном ритме лезвие двигалось вперед-назад по натянутой поверхности кожи, и, заточенное как бритва, становилось еще острее. Эта работа успокаивала нервы. Правда, раздражала всех остальных, но никто никогда не жаловался. Как никто, кто знал этого низкорослого человека с тихим голосом и грустной улыбкой, никогда не решался

затянуть с ним ссору.

Зажатым между Лангаротти и Шенноном оказался самый старший из компании. Немец. Курту Земмлеру было сорок, и это именно он еще в начале действий на территории анклава придумал эмблему в виде черепа со скрещенными костями, которую носили наемники и их африканские помощники.

И ему же удалось очистить пятимильный сектор от федеральных войск, обозначив линию фронта шестью, на которые были надеты головы федеральных солдат, погибших днем раньше.

Спустя месяц его участок фронта оказался самым тихим из всех.

Родился в 1930 году, воспитывался в гитлеровской Германии.

Сын мюнхенского инженера, который погиб на русском фронте, сражаясь в дивизии «Мертвая Голова». В возрасте пятнадцати лет, пламенный последователь Гитлера, как почти все молодые люди страны в последние годы гитлеровского правления, он командовал небольшим отрядом детей младше него и стариков, кому было за семьдесят. В его задачу входило остановить колонны танков генерала Джорджа Паттона при помощи одного фауст-патрона и трех винтовок. Неудивительно, что это ему не удалось, и он провел отрочество в Баварии под американской оккупацией, которую ненавидел. Ему досталось немного и от матери – религиозной фанатички, которая мечтала сделать из него священника. В семнадцать он убежал из дома, перешел французскую границу в районе Страсбурга и завербовался в Иностраннный Легион на призывном пункте, расположенном в Страсбурге для того, чтобы перехватывать беглых немцев и бельгийцев. После года в Сиди-бель-Аббесе он ушел с экспедиционным корпусом в Индокитай. Спустя восемь лет, в правлении Дьен Бьен Фу, с легким, вырезанным хирургами Турана (Дананга), лишившись, к счастью, возможности наблюдать окончательный позор в Ханое, он был отправлен обратно во Францию. После выздоровления его послали в Алжир в ранге старшего сержанта самого элитного во французской колониальной армии Первого иностранного парашютного полка. Он был одним из немногих, кто уже дважды пережил полное уничтожение 1-го ИПП в Индокитае, когда тот разросся от батальона до полка. Он уважал только двоих: полковника Роже Фолька, который служил в Иностранной парашютной роте еще в те времена, когда их разбили в первый раз, и командующего Ле Бра, другого ветерана, который теперь возглавлял Республиканскую Гвардию Республики Габон, храня для Франции богатую ураном страну.

Даже полковник Марк Роден, под началом которого ему довелось служить однажды, потерял в его глазах авторитет после окончательного крушения ОАС.

Земмлер был в составе 1-го ИПП, посланного на верную гибель во время путча в Алжире, после чего полк и был распущен раз и навсегда Шарлем де Голлем. Курт следовал повсюду за своими французскими командирами и позже, арестованный в Марселе в сентябре 1962 года сразу же после получения Алжиром независимости, два года просидел в тюрьме.

Четыре ряда нашивок за участие в боевых операциях сослужили ему дурную службу. Очутившись на улице в 1964 году, впервые за последние двадцать лет, он повстречал своего сокамерника, который предложил принять участие в контрабандной афере на Средиземном море. В течение трех лет, не считая года, проведенного в итальянской тюрьме, он переправлял спирт, золото и изредка оружие с одного конца Средиземного моря на другой. В конце концов он уже начал сколачивать состояние на контрабанде сигаретами между Италией и Югославией, когда его напарник, обманув одновременно и покупателей, и продавцов, подставил Земмлера и смылся со всеми деньгами. Спасаясь от весьма воинственно настроенных джентльменов, Земмлер на попутном корабле махнул в Испанию, пересаживаясь с автобуса на автобус добрался до Лиссабона, нашел приятеля, торгующего оружием, и оказался на африканском фронте военных действий, о котором читал в газетах. Шеннон взял его к себе сразу, потому что, имея за плечами шестнадцать лет военного опыта, он больше всех подходил для войны в джунглях. Теперь на пути в Либревиль он мирно дремал.

За два часа до рассвета ДС-4 подлетел к аэродрому. Над плачем младенцев завис другой звук. Как будто кто-то свистел.

Это был Шеннон. Его коллеги знали: он всегда насвистывает, когда начинается или заканчивается очередная операция. Им было известно даже, как называется эта мелодия, потому что он сам им сказал однажды. Она называлась «Испанский Гарлем».

ДС-4 дважды облетел вокруг аэродрома Либревилья, пока Ван Клееф говорил с диспетчерами. Когда старый грузовой самолет остановился в конце посадочной полосы, военный «джип» с двумя французскими офицерами подкатил и пристроился спереди. Ван Клеефу жестом предложили следовать за ним вдоль рулевой дорожки.

Они отъехали в сторону от главного здания аэропорта к нескольким домикам на дальнем конце летного поля. Здесь французы

сделали знак остановиться, но не выключать двигатели. К грузовому люку в хвосте самолета был мгновенно приставлен трап, второй пилот открыл люк изнутри. Голова в кепи просунулась внутрь и осмотрела помещение. Нос под козырьком принялся и брезгливо сморщился. Глаза французского офицера остановились на пяти наемниках, и он предложил им спуститься на летное поле. Когда они были на земле, офицер жестом велел второму пилоту закрыть люк, и без дополнительных указаний ДС-4 вновь отправился вперед, к основному зданию аэропорта, где группа врачей и медсестер французского Красного Креста готовилась принять детей и отвезти их в педиатрическую клинику.

Когда самолет проезжал мимо, пятеро наемников с благодарностью помахали сидящему в кабине Ван Клеефу и повернулись, чтобы пройти за французским офицером.

Им пришлось прождать целый час в одном из домиков, расположившись на неудобных деревянных стульях с высокими спинками, в то время как несколько молодых французских военных заглядывали в щелку двери, чтобы посмотреть на «les affreux» или «ужасных», как их называли на французском жаргоне. Наконец, с улицы послышался скрип тормозов подъехавшего «джипа» и приближающиеся шаги зазвучали в коридоре. Когда дверь открылась, в комнату вошел загорелый старший офицер с жесткими чертами лица, в бежевой тропической форме и кепи, отороченном поверху золотой тесьмой. Шеннон обратил внимание на решительный острый взгляд, коротко стриженные седые волосы под кепи, крылышки значка парашютиста под пятью боевыми нашивками. Бросив взгляд на мгновенно застывшую фигуру Земмлера – подбородок выпячен, сдвинутые пальцы рук вытянуты вдоль выдавших виды форменных брюк – он убедился окончательно – перед ними сам легендарный Ле Бра.

Ветеран Индокитая и Алжира по очереди пожал руку каждому, чуть дольше задержавшись перед Земмлером.

– Ну как, Земмлер? – произнес он мягко, с легкой улыбкой. – Все воюешь? Вижу-вижу, уже не адъютант. До капитана дослужился.

Земмлер смутился.

– Да, господин майор... то есть полковник... Вроде бы...

Ле Бра несколько раз задумчиво кивнул. Потом обратился ко всем.

– Я распоряжусь, чтобы вас удобно расселили. Вам необходимо помыться, побриться и поесть. Скорее всего, у вас нет сменной одежды. Об этом позаботятся. Боюсь, что на время вам придется

оставаться в пределах своего расположения. Это простая предосторожность. В городе полно журналистов, а любых контактов с ними следует избегать. Как только появится возможность, мы переправим вас обратно в Европу.

Он сказал все, ради чего пришел, и замолчал. Приподняв вытянутые пальцы правой руки к козырьку своего кепи, развернулся и вышел.

Час спустя, после поездки в закрытом фургоне, воспользовавшись черным ходом, они оказались в своих апартаментах – пяти номерах на последнем этаже отеля «Гамба», нового строения, расположенного всего в пятистах ярдах от здания аэропорта, на другой стороне дороги и, таким образом, в нескольких милях от центра города.

Молодой офицер, сопровождавший их, сказал, что они должны будут питаться в номере и оставаться на местах впредь до особого распоряжения. Через час он вернулся с полотенцами, бритвами, зубной пастой и щетками, мылом и губками. Поднос с кофе уже принесли, и каждый из них с благодарностью погрузился в глубокую, горячую, пахнущую мылом ванну, первую за последние полгода.

К полудню появился армейский парикмахер в сопровождении капрала, который притащил стопку брюк, рубашек, курток, трусов, носков, пижам и матерчатых туфель. Они перемеряли все, отобрали подходящее, и капрал удалился с остатками.

Через час вслед за четырьмя официантами, принесшими ленч, пришел офицер и велел им держаться подальше от балконов. Если не терпится поразмять кости, пусть занимаются этим в пределах номера. Ближе к вечеру он вернется с набором книг и журналов, хотя не обещает, что найдет что-нибудь на английском или на африкаанс.

После трапезы, в какой им не приходилось участвовать больше шести месяцев, со времени последнего отпуска, пятеро мужчин завалились на кровати и уснули. Пока они похрапывали на непривычных матрасах под невероятно белоснежными простынями, Ван Клееф поднял свой DC-4 над пыльной взлетной полосой, пролетел в миле от окон отеля «Гамба» и направился на юг, в сторону Каприви и Йоганнесбурга. Его миссия тоже закончилась.

* * *

На самом деле пяти наемникам пришлось провести на последнем этаже отеля четыре недели. Только тогда интерес журналистов к ним заглох, и редакторы отзывали своих корреспондентов обратно, не видя причин дольше держать людей в городе, где ничего нового не

происходит.

Однажды вечером, без предупреждения, к ним в гости пришел французский капитан из штата командующего Ле Бра. Он широко улыбался.

– Месье, у меня для вас новости. Сегодня ночью вы улетаете. В Париж. Вам всем заказаны места на рейс «Эр Африк» в 23.30.

Пятеро мужчин, вконец измученные вынужденным заточением, взбодрились.

Полет до Парижа длился десять часов с остановками в Дуале и Ницце. Около десяти часов на следующий день они окунулись в пронизывающий холод февральского утра в аэропорту «Ле Бурже».

За кофе в буфете аэропорта они распрощались. Дюпре решил добраться на автобусе до Орли и купить себе билет на ближайший самолет компании САА до Иоганнесбурга и Кейптауна.

Земмлер вызвался ехать вместе с ним, а потом ненадолго махнуть в Мюнхен. Вламинк сказал, что направляется на Северный вокзал, откуда первым же экспрессом доберется до Брюсселя, а оттуда – в Остенде. Лангаротти собирался ехать на Лионский вокзал, чтобы сесть на поезд до Марселя.

– Давайте не будем терять связь, – сказали они друг другу и посмотрели на Шеннона. Он командир. Он должен позаботиться об очередном контракте, подыскать новую работу, еще одну войну. Ну а если кто-нибудь из них прослышит о работе для группы, ему надо будет с кем-то связаться, очевидно, с Шенноном.

– Я пока останусь в Париже, – сказал Шеннон. – Здесь больше шансов найти временную работу, чем в Лондоне.

Они обменялись адресами. Адресами «до востребования» или адресами баров, где бармен сам передаст письмо или подержит его у себя, пока адресат не зайдет пропустить стаканчик.

После чего они распрощались и каждый пошел своей дорогой.

* * *

Их перелет из Африки достаточно надежно держался в тайне, потому что в аэропорту журналистов не было. Но кое-кто слышал об их прибытии и ждал, пока Шеннон, после того как остальные разойдутся, выйдет из здания аэропорта.

– Шаннон.

Голос произнес его фамилию на французский манер и отнюдь не дружелюбным тоном. Шеннон повернулся, и глаза его сузились, когда он увидел фигуру, стоящую в десяти ярдах от него. Крупный мужчина

с обвислыми усами. Одет в добротное пальто, предохраняющее от зимней стужи. Он сделал несколько шагов навстречу, и они оказались лицом к лицу в двух футах друг от друга.

Судя по тому, как каждый из них смотрел на другого, нетрудно было догадаться – о любви и дружбе речи нет.

– Ну, – промычал Шеннон.

– Значит, вернулся.

– Да, мы вернулись.

Француз презрительно фыркнул.

– Вы проиграли.

– У нас не было выбора, – ответил Шеннон.

– Послушай моего совета, дружок, – перебил его Ру. – Отправляйся в свою страну. Не оставайся здесь. Это было бы неразумно. Этот город мой. Если здесь и возникнет слух о возможном контракте, я первый об этом узнаю и подпишу его. И сам буду подбирать исполнителей.

Вместо ответа Шеннон направился к такси на стоянке и бросил сумку на заднее сиденье. Ру шел вслед за ним, и лицо его покрывалось пятнами от злости.

– Послушай меня, Шаннон. Я тебя предупреждаю...

Ирландец снова обернулся.

– Нет, это ты меня послушай, Ру. Я останусь в Париже на столько, на сколько захочу. Ты на меня и в Конго никогда не производил впечатления, не производишь его и сейчас. Так что заткнись.

Ру гневно посмотрел вслед удалявшемуся такси и что-то пробубнил себе под нос, направляясь к стоянке, где оставил машину. Завел мотор, включил передачу и на мгновение застыл, напряженно вглядываясь в лобовое стекло.

– Когда-нибудь я прикончу этого ублюдка, – успокоил он сам себя.

Но эта идея так и не вывела его из дурного настроения.

Часть первая

Хрустальная гора

Глава 1

Джек Малруни повернулся с боку на бок на раскладушке, прикрытой пологом от москитов, и заметил, что темнота над кронами деревьев на востоке понемногу рассеивается. Еле заметно, но достаточно для того, чтобы стали видны очертания обступающего поляну леса. Он потянулся за сигаретой, проклял окружившие его первобытные джунгли и в очередной раз задал себе традиционный для белого человека в Африке вопрос: на кой черт он снова приперся на этот вонючий континент?

Если бы он попытался проанализировать это, то вынужден был бы признать, что не может жить где-либо еще, во всяком случае ни в Лондоне, ни вообще в Британии. Он не выносил больших городов, условностей, налогов и холода. Как все белые ветераны, он одновременно любил и ненавидел Африку, но признавал, что она впилась в его плоть и кровь за последние четверть века вместе с малярией, виски и миллионами укусов насекомых.

Он впервые выехал из Англии в 1945 году в возрасте двадцати пяти лет после пяти лет службы в Королевских военно-воздушных силах в качестве механика, причем часть времени провел в Такоради, где залатывал изрешеченные «спитфайеры», готовя их к очередному полету в Восточную Африку и на Средний Восток. Это было его первое знакомство с Африкой, и после демобилизации, забрав выходное пособие, он сделал ручкой холодному, сидящему на карточках Лондону и в декабре сорок пятого ступил на борт корабля, отправляющегося в Западную Африку. Кто-то сказал ему, что в Африке можно быстро сколотить состояние.

Состояния он так и не сколотил, но после скитаний по континенту приобрел, наконец, небольшую концессию по добыче олова на Плато Бенуе, в восьмидесяти милях от Джоса, в Нигерии. Пока сохранялось чрезвычайное положение на Малайях, цены были высокими, олово стоило дорого. Он работал бок о бок со своими африканскими помощниками, и в английском клубе, где колониальные леди провожали сплетнями последние дни угасающей империи, поговаривали, что он «совсем отуземился» и что «на это страшно смотреть». На самом деле Малруни действительно предпочитал африканский образ жизни. Он любил джунгли, любил африканцев,

которые не протестовали, когда он ругался, орал на них и даже колотил, пытаясь заставить работать лучше. Он любил посидеть с ними, попивая пальмовое вино, и посмотреть на ритуальные танцы. Он не относился к ним свысока. Срок его концессии истек в 1960 году незадолго до провозглашения независимости, и он нанялся на сезонную работу в компанию, владеющую большей и существенно более богатой концессией неподалеку. Компания называлась «Мэнсон Консолидейтед», и после того, как и эта концессия иссякла, его зачислили в штат.

В свои пятьдесят лет этот ширококостный мужчина был еще сильным, здоровым и мощным как бык. У него были громадные руки, покрытые шрамами и задубевшие за долгие годы работы в рудниках. Одной из них он провел по буйной, кудрявой седой шевелюре, а другой вмял окурочек во влажную красную землю под раскладушкой. Светало, скоро солнце встанет. Он услышал, как его повар раздувает костер на другом конце поляны.

Малруни называл себя горным инженером, хотя у него не было никакого диплома. Тем не менее, он прослушал соответствующие курсы и добавил к ним то, что неспособен дать ни один университет в мире: двадцать пять лет напряженной практической работы.

Он добывал золото на Рэнде и медь у Ндолы, бурил скважины в поисках драгоценной воды в Сомали, искал алмазы в Сьерра Леоне. Он мог инстинктивно отличить надежную шахту от ненадежной, по запаху обнаружить присутствие руды. Во всяком случае, он сам это утверждал, а после того, как он принимал свою обычную дозу в двадцать бутылок пива за вечер в захолустном баре, никто не решался оспаривать этот факт. На самом деле, он был одним из последних оставшихся настоящих старателей. Он понимал, что «Мэн-Кон», как сокращенно называли компанию, поручает ему мелкую работу, далеко в джунглях, в диких, Богом забытых местах, за многие мили от цивилизации, где, тем не менее, нужно было произвести разведку. Но ему это нравилось. Он предпочитал работать в одиночку, это соответствовало его образу жизни.

Последнее задание полностью отвечало всем перечисленным условиям. Уже три месяца он занимался разведкой на склонах так называемой Хрустальной горы, расположенной на территории республики Зангаро, крошечного анклава на берегу Западной Африки.

Ему сказали, на чем надо сосредоточить усилия.

Непосредственно на Хрустальной горе. Цепочка невысоких гор, причудливо изогнутых холмов высотой в две-три тысячи футов,

пересекала территорию республики от одной границы до другой параллельно океанскому берегу, в сорока милях от него. Эта гряда отделяла прибрежную равнину от внутренней части страны.

Лишь в одном месте горная цепь прерывалась, и именно там шла дорога вглубь страны – узкая грязная колея, твердая, словно бетон, летом и расползающаяся топкой жижей зимой. За грядой жило племя Винду, по уровню развития находящееся в железном веке, с той разницей, что орудия у них были деревянными. Ему приходилось бывать в диких местах, но он готов был поклясться, что такой первобытной дикости, как в центре Зангаро, он не встречал нигде.

На дальнем конце гряды холмов, чуть в стороне, располагалась гора, которая, единственная из остальных, удостоилась собственного названия. Она не была даже самой высокой среди всех. Сорок лет назад одинокий миссионер, проникнув вглубь страны, направился к югу от дороги вдоль гряды и через двадцать миль заметил холм, стоящий отдельно от других. Предыдущей ночью шел дождь – тропический ливень, один из тех, благодаря которым годовая норма осадков, выливавшихся за пять месяцев сезона дождей, достигала здесь 300 дюймов. Священник увидел, что гора сверкает яркими бликами на утреннем солнце, за что и назвал ее Хрустальной, сделав соответствующую запись в своем дневнике. Через два дня после этого священника убили и съели. Дневник был обнаружен год спустя патрулем колониальных войск. В деревне из него сделали амулет. Солдаты выполнили свой долг и сравнивали деревню с землей, после чего вернулись на побережье и передали дневник в христианскую миссию. Таким образом, название, данное священником, осталось жить, хотя все остальное, что он совершил на благо этого неблагодарного мира, было забыто. Позже тем же названием стали называть всю горную область в округе.

То, что предстало взору священника тем утром, было не хрусталем, а мириадами ручейков, каскадами стекающих с горы после ночного ливня. Дождевая вода стекала и с других гор, но ее не было видно под густыми зарослями джунглей, покрывших поверхность этих гор сплошным зеленым одеялом, проникнув под которое, вы оказывались в адском пекле. Та гора, что сверкала тысячью ручейков, не могла похвастать столь густым растительным покровом на своих склонах. Священнику, как впрочем и дюжине других людей, никогда не пришло в голову задаться вопросом, почему так вышло?

После трех месяцев жизни в адском пекле окружающих подножье Хрустальной горы джунглей Малруни знал ответ на этот вопрос.

Он начал с обследования местности вокруг горы и обнаружил, что склон, обращенный в сторону моря, отделяется от остальной гряды ложиной. Таким образом, Хрустальная гора располагалась в одиночестве к востоку от основного хребта. Благодаря тому, что она была чуть ниже остальных, с моря ее не было видно. Да и с другой стороны ее не просто было выделить среди других холмов, расположенных к северу и к югу, разве что по значительно большему потоку воды на квадратную милю поверхности, стекающей вниз по склону.

Малруни сосчитал все потоки, как на самой Хрустальной горе, так и на ее соседях. Сомнений не было. Вода стекала после дождя с других гор, но большая ее часть поглощалась земляным покровом. Толщина его на соседних склонах достигала двадцати футов над скальной поверхностью, в то время как на Хрустальной горе слоя земли почти не было. Он попросил местных рабочих, из племени Винду, пробурить серию пробных скважин прихваченным заблаговременно буром и получил подтверждение различию толщины земляного покрова в двадцати случаях. Исходя из этого, он стал доискиваться до причины.

В течение миллионов лет земной покров образовывался при разрушении горных пород, благодаря переносимой ветром пыли, оседавшей на скалах. И хотя каждый дождевой поток смывал часть покрова, унося его вниз к рекам и, в конце концов, образуя илистые отмели в устьях, часть земли оставалась в небольших трещинах, в стороне от текущей воды, которая в свою очередь вымывала себе русло в мягкой породе. Вода точила камень, образовывались стоки, по которым устремлялся дождевой поток, все более углубляя их. Часть воды впитывалась в поверхность склона, оставляя, таким образом, земляной покров в неприкосновенности. Так, постепенно, толщина его росла.

Птицы и ветер приносили семена, которые находили почвенные ниши, приживались и давали корни, способствуя, в свою очередь, процессу закрепления почвы на горных склонах. Когда Малруни осмотрел холмы, на них оказалось достаточно земли, чтобы поддерживать могучие деревья, окутанные лианами, которыми были сплошь покрыты склоны от подножья до самых вершин. Везде, кроме одного места.

На этой горе вода не смогла пробить себе достаточно глубокие бороздки, чтобы превратить ручейки в потоки. Ей не удавалось при этом впитываться в поверхность скалы. Особенно на самом крутом, восточном склоне, обращенном к центру страны. Земля здесь

оставалась лишь в отдельных углублениях в теле скалы, и в этих нишах росли кусты, трава и папоротник.

От ниши к нише тянулся дикий виноград и вьюны, покрывая тонкой зеленой сетью голую поверхность скал. Это ненадежное покрывало регулярно смывалось во время сезона дождей.

Сверкающие пятна стекающей по камням воды и увидел незадолго до своей смерти миссионер. Причина была проста: стоящий отдельно холм состоял из другой горной породы, нежели остальные. Старая скальная основа была тверда как гранит, по сравнению с мягкой породой молодых гор главной гряды.

Малруни завершил обследование окрестностей горы и установил этот факт абсолютно определенно. На это у него ушло две недели, за то же время он выяснил, что с Хрустальной горы стекает не меньше семидесяти ручейков. Большинство из них сливалось в три основных потока, текущих на восток от основания горы, вниз, в долину. Он обратил внимание еще на один факт. По берегам ручьев, берущих начало на склонах этой горы, цвет почвы и характер растительности отличались от других. Оказалось, что некоторых растений на этих берегах нет, хотя они благополучно растут на других. В общем, растительность у подножья Хрустальной горы была намного беднее. При этом нельзя было больше ссылаться на недостаток земли. У подножья ее было предостаточно.

Значит, в самой земле содержалось нечто, мешающее росту флоры на берегах этих ручьев.

Малруни решил нанести все семьдесят ручейков на карту, которую набросал по ходу обследования. Кроме этого, он брал образцы песка и гравия вдоль ложа ручьев, начиная от поверхности и вплоть до скальной подложки.

В каждом случае он набирал два ведра гравия, высыпал их на брезент и начинал «кучковать и четвертовать». Так отбираются образцы. Он высыпал гравий в кучу на брезент, потом делил ее лопаткой на четыре части, брал на выбор две из них, смешивал вместе в одну кучу, снова делил ее на четыре и продолжал процедуру до тех пор, пока перед ним не оказывалась горстка породы весом в два-три фунта. После просушки она помещалась в выложенный полиэтиленом холщовый мешочек, который запечатывался и тщательно маркировался. За месяц у него набралось 1500 фунтов песка и гравия, собранных со дна семидесяти ручьев, в шестистах мешочках. После этого он принялся за самую гору.

Он уже был уверен, что в его образцах гравия после лабораторного

исследования будет обнаружено россыпное олово, мельчайшие частички металла, смытые с поверхности горы за десятки тысяч лет, свидетельствующие о том, что в недрах Хрустальной горы есть залежи кассетерита или оловянной руды.

Он поделил поверхность склона на секторы, пытаясь локализовать истоки ручейков и поверхности скал, по которым текут потоки, пополняющие ручьи в сезон дождей. К концу недели он уже знал, что в теле скалы нет оловянной жилы, и предположил то, что геологи называют рассеянным месторождением. Следы минерализации обнаруживались повсюду.

Под связками выходящих растений он находил поверхности скалы, испещренные, словно нос алкоголика сосудами, полудюймовыми прожилками молочно-белого кварца, ярд за ярдом покрывающими гладкую грань камня.

Все, что он видел вокруг себя, как бы говорило: «Олово».

Он снова трижды обошел вокруг горы, и наблюдения подтвердили предположение о рассеянном месторождении – повсеместно виднелись белые прожилки на темно-серой поверхности камня.

Молотком и зубилом он вырубил в скале глубокие полости, но картина не менялась. Иногда ему казалось, что он видит темные пятнышки в кварце, что говорит о наличии олова.

После этого он принялся за серьезную работу, походя отмечая достигнутые результаты. Он откалывал образцы чистых белых вкраплений кварца, а для страховки тут же брал кусочек обычной породы, расположенной между прожилок. Спустя три месяца после того момента, как он впервые вошел в первобытные джунгли к востоку от горного хребта, он, наконец, закончил работу. Ему предстояло доставить на побережье еще полторы тысячи фунтов камней. Все собранные им образцы оловянной руды и породы, в количестве полутора тонн, переносились порциями раз в три дня из рабочего лагеря в основной, где он теперь лежал, дожидаясь рассвета, и складывались в кучи под брезентом.

После кофе и завтрака придут носильщики из деревни, он обговорил с ними условия еще вчера, и отнесут его трофеи к разбитой колее, гордо именуемой дорогой, связывающей центр страны с побережьем. Там в придорожной деревне покоилась его двухтонка, обреченная на неподвижность без ключа зажигания и ротора распределителя. Тем не менее, она должна завестись, если, конечно, туземцы не разобрали ее на части. Он достаточно заплатил вождю деревни, чтобы тот присмотрел за грузовиком. С образцами в кузове и

двадцатью туземцами, идущими впереди машины, чтобы толкать ее на крутых подъемах и вытаскивать из ям, он должен вернуться в столицу через три дня. После телеграммы в Лондон ему придется ждать несколько дней, пока зафрахтованный компанией корабль не заберет его оттуда. Он предпочел бы свернуть на шоссе, ведущее на север вдоль побережья, и проехать лишнюю сотню миль до соседней республики, где был приличный аэропорт, откуда и отправить образцы домой грузовым самолетом. Но согласно договору между «Мэн-Коном» и правительством Зангаро, он должен отвезти груз в столицу.

Джек Малруни тяжело спустил ноги с кровати, откинул марлевый полог и заорал на повара:

– Эй, ты, придурок, где же твой чертов кофе?

Повар из племени Винду, не поняв ни слова кроме «кофе», улыбнулся во весь рот и радостно замахал рукой. Малруни прошел через поляну к ведру, используемому как умывальник, и начал чесаться, отгоняя впивающихся в потный торс moskitov.

– Проклятая Африка, – пробурчал он, плеснув водой в лицо.

Но этим утром он был доволен. Он был уверен, что обнаружил как рассыпное олово, так и руду. Главный вопрос был в том, сколько олова приходится на тонну породы. Учитывая, что цена на олово держалась около 3300 долларов за тонну, по результатам анализов экономисты-горняки должны решить, заслуживает ли содержание руды в породе строительства рудника с его сложной механизацией, сменными бригадами рабочих, не говоря об улучшении связи с побережьем, для чего придется вести узкоколейку прямо от шахты. Кроме того, нельзя сбрасывать со счетов, что это все-таки Богом забытое и весьма труднодоступное место. Как обычно, все будет рассмотрено, принято во внимание или отброшено с точки зрения фунтов, шиллингов и пенсов. Так уж устроен мир. Он прихлопнул очередного москита на плече и натянул майку.

Шесть дней спустя Джек Малруни перегнулся через борт небольшого суденышка, зафрахтованного его компанией, и смачно сплюнул в сторону удаляющегося зангарийского берега.

– Сволочи поганые! – в сердцах выругался он.

На груди и спине у него ныли внушительные кровоподтеки, а щеку украшала свежая ссадина – следы ружейных прикладов, которыми орудовали солдаты во время налета на отель.

Два дня у него ушло на то, чтобы перетащить образцы из лагеря в джунглях к дороге, и еще тяжелейшие, изнурительные день и ночь потребовались, чтобы отволочь грузовик по изрытому ямами

ухабистому проселку из внутренней части страны на побережье. В сырую погоду ему бы это ни за что не удалось, но и в сухой сезон, который должен был закончиться еще через месяц, твердые как камень бугры засохшей грязи чуть было не разнесли его «мерседес» на куски. Три дня тому назад он наконец расплатился и отпустил носильщиков-Винду, осторожно катя под уклон по последнему участку проклятой дороги до выезда на грунтовое, покрытое битумом шоссе, начинающееся всего за четырнадцать миль от столицы. Еще через час он добрался до города и отеля.

Вообще-то «отель» не совсем подходящее слово. После провозглашения независимости главная гостиница города выродилась в ночлежку. Но здесь была своя стоянка для машины, где он и оставил грузовик, тщательно заперев его, после чего послал телеграмму. Он успел как раз вовремя. Через шесть часов после этого началось черт знает что, после чего порт, аэропорт и все возможные учреждения связи были закрыты по приказу президента.

Он узнал об этом после того, как группа солдат, одетых в какие-то лохмотья, размахивая прикладами винтовок, которые они держали за стволы, ворвалась в отель и начала обыскивать номера. Спрашивать у них что им надо, было бесполезно, потому что они кричали в ответ что-то на своей тарабарщине, хотя ему показалось, что он узнал диалект Винду, на котором переговаривались его рабочие последние три месяца.

Надо было знать Малруни, который стерпел два пинка прикладом, прежде чем двинул кулаком. В результате удара ближайший к нему солдат проехал на спине половину гостиничного коридора, а остальные здорово рассвиrepели.

Дело не дошло до выстрелов только по милости Божьей, хотя, впрочем, и потому, что солдаты предпочитали использовать свои винтовки как дубинки, а не тратить время на поиски таких мудреных приспособлений как курок и предохранитель.

Его отволокли в ближайший полицейский участок, где на него в очередной раз наорали, после чего заперли в подвальной камере и забыли на два дня. Он даже не знал, как ему повезло на самом деле. Швейцарский бизнесмен, один из редких иностранных гостей республики, видел, как его утащили, и испугался за его жизнь. Он связался со швейцарским посольством, одним из шести европейских и северо-американских посольств в городе, а посольство связалось с «Мэн-Коном» – название его фирмы узнали от бизнесмена, который, в свою очередь, перерыл вещи Малруни.

Через два дня с севера прибыло вызванное судно, и швейцарский консул договорился об освобождении Малруни.

Несомненно, без взятки не обошлось, и наверняка «Мэн-Кон» оплатит издержки. Тем не менее, Джек Малруни был расстроен.

После освобождения он обнаружил, что его грузовик вскрыт, а образцы разбросаны по всей стоянке. Куски породы были маркированы и могли быть отсортированы, а вот песок, гравий и сколы перемешались. К счастью, содержимое более пятидесяти мешочков, разбросанных по земле, практически не пострадало, поэтому он снова запечатал их, после чего доставил груз на корабль. Даже здесь таможенники, полиция и солдаты обыскивали все трюмы, кричали сердито на членов команды, и все это без объяснений, чего, собственно, они ищут. Перепуганный чиновник из швейцарского консульства, который отвозил Малруни из полиции в отель, сказал, что ходят слухи, будто на президента замышлялось покушение, и войска ищут какого-то офицера, подозреваемого в организации преступления.

Через четыре дня после выхода из порта Кларенс, Джек Малруни, сопровождая свои образцы породы, приземлился на зафрахтованном самолете в Лютоне, в Англии. Грузовик повез образцы на анализ в Уотфорд, а его, после осмотра врачом компании, отпустили на три недели в отпуск. Он решил отдохнуть у своей сестры в Дальвиче, но не прошло и недели, как ему стало нестерпимо скучно.

* * *

Ровно три недели спустя сэр Джеймс Мэнсон, председатель и исполнительный директор горно-добывающей компании «Мэнсон Консолидейтед Лимитед», откинулся на спинку кожаного кресла в своем кабинете на десятом этаже здания правления компании в Лондоне, еще раз взглянул на лежащий перед ним отчет и выдохнул: «Боже правый».

Он вышел из-за широкого письменного стола, пересек комнату и подошел к панорамным окнам, выходящим на южную сторону.

Посмотрел на распростертый под ним лондонский Сити, квадратную милю в центре древней столицы, сердце финансовой империи, все еще контролирующей мировую экономику, что бы там ни говорили злые языки. Для кого-то из торопливо снующих внизу жучков в мрачно-серой униформе и нахлобученных черных котелках это было всего лишь местом работы, нудной, утомительной, высасывающей из человека все соки, отнимающей юность,

возмужание, зрелость, все, вплоть до окончательного ухода на пенсию. Для других, молодых и полных надежд, здесь был кладёзь возможностей, где достойный и упорный труд приносил заслуженное вознаграждение и уверенность в завтрашнем дне. Для романтиков здесь, несомненно, было гнездо торгашей-авантюристов, для прагматиков – самый большой рынок в мире, для профсоюзных активистов левого крыла – место, где ленивые и бездарные представители буржуазии, унаследовав богатство и привилегии, могли беспрепятственно купаться в роскоши. Джеймс Мэнсон был циником и реалистом. Он знал, что такое Сити: это самые простые, обыкновенные джунгли, где он сам был одной из пантер.

Прирожденный хищник, он, однако, рано усвоил два принципа: первый – существуют правила, которые следует соблюдать только на словах, а на самом деле посылать к чертям, и второй – как и в политике, есть только одна заповедь, которой следует строго придерживаться, одиннадцатая: «Не светись». Благодаря первому принципу его имя появилось в новогоднем Почетном списке удостоенных рыцарского звания месяц назад. Его кандидатура была представлена консервативной партией (под предлогом большого вклада в развитие промышленности, а на самом деле за тайные вливания в партийную кассу во время предвыборной кампании) и утверждена кабинетом Вильсона благодаря его поддержке правительственной политики в Нигерии. Следуя второму принципу, он нажил состояние и, являясь владельцем двадцати пяти процентов акций собственной горно-добывающей компании и занимая самый высокий кабинет, уже давно во много раз увеличил свой когда-то миллионный счет в банке.

Это был человек шестидесяти одного года, невысокого роста, агрессивный, мощный как танк, брызжущая энергия и какая-то пиратская безжалостная решительность которого вызывали симпатию некоторых дам и нагоняли страх на конкурентов. Он был достаточно хитер, чтобы демонстрировать уважение как к учреждениям Сити, так и ко двору, к экономике и к политике, хотя прекрасно знал, что тем и другим в основном заправляют люди, лишённые каких-либо моральных принципов, если заглянуть под маску, обращенную к общественности. Он даже взял кое-кого из них в свой Совет директоров, включая двух экс-министров бывшего консервативного правительства. Никто из них не возражал против солидной ежемесячной прибавки, существенно перекрывающей само директорское жалование и поступающей на их счет в банк на

Кайманских островах Багамского Архипелага. А один из них, по его сведениям, любил тайком поразвлечься, прислуживая за столом трем-четырем обнаженным девицам, в женском капоре и передничке на голом теле. Мэнсон считал их обоих полезными людьми с солидным авторитетом и самыми высокими связями, не отличающимися, к счастью, безупречной репутацией. Остальной публике они были известны, как верные слуги народа. Итак, Джеймс Мэнсон был человеком, уважаемым по законам Сити, не имеющим ничего общего с законами остального человечества.

Он был таким всегда. Поэтому любители покопаться в его прошлом постоянно натывались на одну глухую стену за другой.

О начале его карьеры было известно очень мало, и его это вполне устраивало. Он признавал, что был сыном родезийского машиниста, вырос недалеко от медных копей Ндолы, в Северной Родезии, ныне Замбии. Он даже не опровергал то, что начал работать в управлении рудников мальчиком на посылах и впоследствии сколотил на меди свой первый капитал. Но никогда не рассказывал, как ему это удалось.

На самом деле он ушел с рудника довольно скоро: ему еще не было двадцати, когда он понял, что люди, рискующие своей жизнью под землей, среди ревущих машин, никогда не смогут заработать денег. Больших денег. Деньги находились наверху и даже не в управлении шахтами. В юности он изучал экономику, как пользоваться и манипулировать деньгами, и эти ночные занятия убедили его в том, что, занимаясь продажей акции медных компаний, можно за неделю заработать больше, чем за всю жизнь работы в шахте.

Он начал со спекуляции акциями на Рэнде, приторговывал время от времени из-под полы алмазами, распустил на бирже несколько слухов, заставивших игроков крупно раскошелиться, и продал одному недотепе несколько давно выработанных рудников. Таким образом он и заработал начальный капитал.

Сразу после второй мировой войны, в возрасте тридцати пяти лет, он оказался в Лондоне, обладая столь необходимыми связями для Британии, остро нуждающейся в меди, чтобы восстановить разрушенную войной промышленность. В 1948 году он уже основал свою собственную горно-добывающую компанию. К середине пятидесятых годов с ней стали считаться в стране, а за пятнадцать лет существования компания вышла на международный уровень. Он одним из первых уловил подувший над Африкой ветер перемен Гарольда Макмиллана, когда перед черными колониями маячила перспектива независимости. Он не счел за труд лично познакомиться с

новоиспеченными, рвущимися к власти африканскими политиками, в то время, как большинство бизнесменов в Сити продолжало упрямо осуждать деколонизацию.

Встречи с новыми людьми были полезны. Они догадывались, что кроется за его успехами, а он знал, что стоит за их стремлением помочь своим черным собратьям. Они понимали, что нужно ему, а он видел их проблемы. Поэтому он перевел деньги на их счета в швейцарских банках, а они продали «Мэнсон Консолидейтед» концессии на разработку полезных ископаемых по ценам ниже номинала. «Мэн-Кон» процветал.

Джеймс Мэнсон кое-что приработал и на стороне. Последний раз – на акциях никеледобывающей австралийской компании под названием «Посейдон». Когда в конце лета 1969 года акции «Посейдона» застыли на уровне четырех шиллингов, до него дошел слух, будто бригада разведчиков кое-что обнаружила на участке земли в центральной Австралии, права на разработку которого числились за «Посейдоном». Он рискнул вступить в игру и выложил круглую сумму, чтобы первым взглянуть на поступающие из центра страны сведения. В них утверждалось, что никель есть, причем много. На мировом рынке никель не был в дефиците, но это не могло бы остановить биржевых игроков, которые запросто взвинтят цены на акции.

Он связался со своим банком в Швейцарии, учреждением настолько скрытным, что единственным напоминанием о его существовании для публики являлась маленькая золотая табличка размером не больше визитной карточки, укрепленная на стене рядом с солидной дубовой дверью на неприметной улочке Цюриха. В Швейцарии нет брокеров, все финансовые операции производят банки. Мэнсон поручил доктору Мартину Штайнхоферу, начальнику отдела вкладов Цвинглибанка купить для него 5000 акций «Посейдона». Швейцарский банкир связался с престижной лондонской фирмой «Джозеф Сибэг и К°» от имени Цвинглибанка и передал просьбу. Когда сделка была совершена, акции «Посейдона» были на уровне пяти шиллингов за штуку.

Гроза разразилась в конце сентября, когда стали известны размеры австралийского месторождения никеля. Ставки начали расти и, умело подогреваемые своевременными слухами, быстро понеслись вверх по спирали. Сэр Джеймс Мэнсон планировал начать продажу акций, когда они дойдут до 50 фунтов за штуку, но рост был столь стремительным, что он решил потерпеть.

Наконец, он прикинул, что максимальная цена будет 115 фунтов и

велел доктору Штайнхоферу начать продажу со 100 фунтов за акцию. Немногословный швейцарский банкир так и сделал, продав весь лот в среднем по 103 фунта за штуку. На самом деле, максимальная цена доросла до 120 фунтов, прежде чем, наконец, здравый смысл возобладал, и стоимость акции упала вниз до отметки 10 фунтов. Мэнсон, конечно, не стал бы возражать против 20 лишних фунтов, но он знал, что продавать надо до того, как цена достигла пика, когда еще нет недостатка в покупателях. После уплаты всех накладных расходов у него образовалось чистыми 500 000 фунтов дохода, которые он, как обычно, поместил в Цвинглибанк.

Вообще-то британскому подданному, живущему в пределах Королевства, не положено заводить счет в иностранном банке, не поставив об этом в известность Казначейство, как, впрочем, нельзя заработать за шестьдесят дней полмиллиона фунтов стерлингов, не заплатив большие налоги с дохода. Но доктор Штайнхофер – житель Швейцарии, и доктор Штайнхофер болтать не будет. Для этого, собственно говоря, и существуют швейцарские банки.

В этот февральский день сэр Джеймс Мэнсон медленно вернулся к письменному столу, уселся в роскошное кожаное кресло и вновь уставился на лежащий перед ним отчет. Он поступил в большом конверте, запечатанном сургучом, с пометкой «Лично, для ознакомления». Под ним стояла подпись доктора Гордона Чалмерса, главы Отдела исследований, разработки, геологии и анализа образцов «Мэн-Кона», расположенного под Лондоном. Это был отчет о результатах анализа образцов, привезенных человеком по имени Малруни из страны под названием Зангаро три недели назад.

Доктор Чалмерс зря слов не тратил. Заключение экспертов было кратким и ясным. Малруни обнаружил гору, или возвышенность, с вершиной, расположенной на высоте 1800 футов над уровнем земли, и шириной около 1000 ярдов у основания.

Она располагается немного в стороне от гряды аналогичных холмов на территории центральной части Зангаро. На холме обнаружено сильно рассеянное месторождение, приблизительно равномерно распределенное в скальной породе, которая имеет вулканическое происхождение и на миллионы лет старше, чем песчаник и известняк, из которых состоят соседние холмы.

Малруни обнаружил многочисленные, повсеместные вкрапления кварца и предположил присутствие олова. Он возвратился с образцами кварца, скальной породы и проб грунта, взятых в руслах ручьев, стекающих с горы. В кварцевых образцах действительно обнаружены

небольшие вкрапления олова. Но наибольший интерес представляет скальная порода. Многократно проведенные серии тестов показали, что в скальной породе и в речном гравии присутствует небольшое количество низкопробного никеля. Помимо этого там же обнаружено значительное содержание платины. Она содержится во всех образцах и распределена относительно равномерно. Самое богатое платиновое месторождение в мире – Рустенбергские копи в Южной Африке, где концентрация или степень содержания драгоценного металла доходит до 0.25 троянской унции на тонну породы. Средняя концентрация в образцах, привезенных Малуни, составляет 0.81.

«С наилучшими пожеланиями, искренне Ваш и т. д...»

Сэр Джеймс Мэнсон знал не хуже любого другого связанного с горнорудным бизнесом человека, что платина занимает третью строчку в списке самых драгоценных металлов и стоит на рынке свои 130 долларов за троянскую унцию, так же определенно, как то, что он сидит сейчас в этом кресле. Кроме того, он понимал, что с увеличением спроса на металл в мире цена подскочит минимум до 150 долларов за унцию через три года, а за пять лет, возможно, и до 200 долларов. Вряд ли будет достигнут пик 1958 года в 300 долларов, потому, что это была смешная цена.

Он быстро подсчитал на листке бумаги. Двести пятьдесят миллионов кубических ярдов скалы, по две тонны на кубический ярд, давало пятьсот миллионов тонн. Даже если на тонну придется полунции, это значит двести пятьдесят миллионов унций платины. Если предположить, что открытие нового источника платины в мире может спустить цену до 90 долларов за унцию, и если предположить даже, что труднодоступность месторождения приведет к окончательной стоимости в пятьдесят долларов, с учетом добычи и переработки руды, это все равно означает...

Сэр Джеймс Мэнсон откинулся на спинку своего кресла и тихо присвистнул.

– Боже правый. Гора ценою в десять миллиардов долларов...

Глава 2

Платина – это металл, и, как у всех металлов, у нее есть цена. Цена, в основном, определяется двумя факторами. А именно: потребностью в металле с учетом запросов мировой индустрии и редкостью металла. Платина – очень редкий металл.

Мировая добыча платины в год, за исключением секретных запасов, о которых производители предпочитают умалчивать, составляет чуть больше полутора миллионов троянских унций.

Подавляющая часть платины, вероятно, более девяноста пяти процентов, поставляется тремя странами – Южной Африкой, Канадой и Россией. Россия, как обычно, – самый несговорчивый участник этой группы. Производители хотели бы удерживать мировые цены на определенном уровне, чтобы иметь возможность планировать долгосрочные вложения в горнодобывающее оборудование и новые разработки, при условии, что рынок не развалится, если вдруг на него будет неожиданно выброшена большая партия запасов платины. Русские же, обладая неучтенными запасами, могут в любой момент, когда им захочется, продать огромное количество металла, держа таким образом рынок в постоянном страхе.

Россия реализует на мировом рынке ежегодно около 35 000 унций из общего числа в полтора миллиона. Это составляет двадцать тридцать четыре процента от общей суммы, что обеспечивает русским значительное влияние на рынке. Запасы реализуются через Союзпромимпорт. Канада выбрасывает на рынок почти 200 000 унций в год, весь металл поступает с никелевых рудников компании «Интернейшнл Никель» и почти целиком скупается из года в год американский «Энгельгардт Индастриз».

Но если потребность Штатов в платине резко возрастет, Канада вряд ли сможет обеспечить дополнительные поставки.

Третий поставщик – Южная Африка, дающая около 950 000 унций и доминирующая на мировом рынке. Помимо рудников Импала, которые только начинали работу в тот момент, когда сэр Джеймс обдумывал конъюнктуру платинового рынка, и с тех пор заняли важные позиции, гигантами платины считаются Рустенбергские рудники, обеспечивающие более половины мировой добычи. Они контролируются компанией «Йоганнесбург Консолидейтед», которая

имеет достаточно солидный пакет акций, чтобы считать себя единоличным хозяином приисков.

Обогащением и продажей поставляемой Рустенбергом руды всегда и по сей день занимается базирующаяся в Лондоне фирма «Джонсон-Мэтти».

Джеймс Мэнсон знал все это не хуже других. Хотя он и не имел дело с платиной к тому моменту, когда отчет Чалмерса лег ему на стол, он хорошо разбирался в положении дел, так же, как нейрохирург разбирается в принципе работы сердца. Ему было известно уже тогда, почему глава компании «Энгельгардт Индастриз оф Америка», колоритный Чарли Энгельгардт, более известный в мире как владелец знаменитого скакуна по кличке Нижинский, начинал закупку южно-африканской платины. Потому, что Америке понадобится гораздо больше, чем сможет поставить Канада к середине семидесятых годов. Мэнсон был в этом уверен.

А причина, по которой потребность Америки в платине должна возрасти, возможно утроиться к середине или к концу семидесятых, заключалась в куске металла, именуемом выхлопной трубой автомобиля.

В конце шестидесятых годов проблема смога в Америке приобрела размеры общенациональной. Слова типа «загрязнение воздуха», «экология», «окружающая среда», которых не слышали десять лет назад, не сходили с уст каждого политика, стали притчей во языцех, самой модной темой для обсуждения. Все громче звучали призывы к введению законов об ограничении, контроле и прекращении загрязнения окружающей среды, и благодаря мистеру Ральфу Надеру автомобиль стал мишенью номер один. Мэнсон был уверен, что движение наберет силы в начале семидесятых годов и что к 1975 или, самое позднее, 1976 году каждый автомобиль в Америке должен будет, согласно закону, снабжен специальным устройством, очищающим ядовитые выхлопные газы. Он также предположил, что рано или поздно такие города, как Токио, Мадрид и Рим, вынуждены будут последовать этому примеру. Но куда им до Калифорнии.

Выхлопные газы автомобиля состоят из трех ингредиентов, и каждый можно обезвредить, два из них – благодаря процессу окисления, а третий – в процессе восстановления. Процесс восстановления требует добавки, именуемой катализатором, а окисление может быть осуществлено путем сжигания газов при очень высоких температурах в присутствии дополнительного воздуха или сжиганием их при низких температурах, которые характерны для

самых выхлопных газов. Низкотемпературное окисление тоже нуждается в катализаторе, том же, что и при процессе восстановления. Единственный надежный катализатор такого свойства, известный на сегодняшний день, это платина.

Сэр Джеймс Мэнсон отметил для себя две вещи. Хотя ведется и будет продолжаться работа по поискам катализатора, нейтрализующего выхлопные газы автомобиля, но не содержащего драгоценные металлы, трудно предположить, что результаты, готовые к использованию в производстве, появятся раньше, чем к 1980 году. Таким образом, в течение ближайшего десятилетия устройство контроля за выхлопом с платиновым катализатором будет единственным решением проблемы, а на каждое такое устройство потребуется одна десятая унции чистой платины. И второе: после принятия в США соответствующего закона, что по его расчетам должно будет случиться до 1975 года, все вновь выпускающиеся автомобили должны будут снабжаться прошедшими проверку устройствами, что потребует дополнительно полтора миллиона унций платины ежегодно. Это эквивалентно увеличению мировой добычи в два раза, и американцы не будут знать, где достать такое количество металла.

Джеймс Мэнсон подумал, что он мог бы им помочь. Они будут покупать у него. А учитывая необходимое присутствие платины в каждом газовом фильтре на протяжении десятилетия и мировой спрос, который намного обгонит предложение, цены будут хорошие, замечательные просто.

Оставалась одна проблема. Нужно быть абсолютно уверенным, что только он, и никто другой, будет обладателем всех прав на разработки в районе Хрустальной горы. Главный вопрос: как это сделать?

Обычный путь состоял в следующем: нанести визит в республику, где находилась гора, добиться встречи с президентом, показать ему результаты анализов и предложить сделку, по которой за «Мэн-Коном» закрепляются права на разработку, а за правительством – доля в распределении прибыли, которая пополнит государственную казну. За президентом же закрепляются ежегодные щедрые вливания на счет в швейцарском банке. Это был бы обычный путь.

Но, помимо того, что любая другая добывающая компания в мире, пронюхав о том, что скрывается в недрах Хрустальной горы, может запросто перекупить себе права на разработку, увеличив долю правительства в доходах по сравнению с предложением Мэнсона, существовали еще три заинтересованных стороны, которым более, чем

кому-либо, хотелось бы взять ситуацию под контроль, чтобы начать добычу или же, наоборот, никогда ее не начинать. Речь идет о южноафриканцах, канадцах и, главное, русских. Ибо появление на мировом рынке новых мощных источников поступления металла снизит долю советского участия до уровня незначительной и лишит Советы власти, влияния и возможности делать деньги на платиновом поприще.

Мэнсон смутно помнил, что слышал где-то название Зангаро, но это было так неопределенно, что он понял, что ничего об этом не знает. Прежде всего необходимо было восполнить пробел.

Он наклонился над столом и нажал кнопку селектора.

– Мисс Кук, зайдите, пожалуйста.

Он называл ее мисс Кук на протяжении всех семи лет, которые она работала его личным секретарем, и даже десять лет до этого, когда она была обычной секретаршей компании, постепенно перебирающейся с первого этажа, где сидели машинистки, на десятый; никому и в голову не приходило, что у нее есть имя. А оно было.

Марджори. Но назвать ее Марджори как-то не поворачивался язык.

Конечно, мужчины звали ее Марджори, задолго до войны, когда она была молодой. Возможно, с ней даже пытались заигрывать, щипать за задницу, лет этак тридцать пять назад. В общем давно. Пять лет войны в карете скорой помощи, трясущейся по изрытым воронками, горящим улицам, попытки забыть гвардейца, который так и не вернулся из Дункерка, и двадцать лет ухода за больной, хнычущей, прикованной к постели матерью-тираном, пользующимся слезами в качестве оружия, стоили мисс Марджори Кук юности и привлекающих мужчин качеств. Теперь, в свои пятьдесят четыре года, это была подтянутая, исполнительная и строгая женщина, которой работа в «Мэн-Коне» заменяла жизнь, десятый этаж – исполнение желаний, а терьер, который жил с ней в чистой квартирке предместья Чигвелл и спал на ее кровати, – ребенка и любовника.

Итак, никто и никогда не называл ее Марджори. Молодые клерки дразнили «сморщенной грушей», а юные пташки-секретарши «старой мымрой». Все остальные, включая ее шефа, сэра Джеймса Мэнсона, о котором она знала слишком много, чтобы признаться ему в этом, звали ее мисс Кук. Она вошла через дверь, которую невозможно было различить в стене, отделанной буковыми панелями.

– Мисс Кук, мне кажется, что несколько месяцев назад мы посылали кого-то... по-моему, одного человека... на разведку в республику Зангаро.

– Да, сэр Джеймс. Это так.

– Так вам это известно.

Конечно ей было известно. Мисс Кук никогда не забывала того, что проходило через ее руки.

– Да, сэр Джеймс.

– Хорошо. Тогда выясните, пожалуйста, кто вел переговоры с правительством с нашей стороны, чтобы добиться разрешения на разведку.

– Это должно быть в архивной папке, сэр Джеймс. Я поищу.

Она вернулась через десять минут, предварительно просмотрев свой дневник с записями всех распоряжений. Каждый листок был поделен чертой на две части: в левой колонке записывалась фамилия исполнителя, а в правой – суть поручения. После этого для проверки заглянула в архив.

– Это был мистер Брайант, сэр Джеймс, – она заглянула в листок, который держала в руке. – Ричард Брайант из отдела зарубежных контрактов.

– Вероятно, он представил отчет? – спросил сэр Джеймс.

– Он должен был это сделать. Так предусмотрено правилами компании.

– Принесите мне его отчет, мисс Кук, если вам не трудно.

Она снова вышла, а глава «Мэн-Кона», сидя за столом в своем кабинете, смотрел сквозь зеркальные стекла окон, как ранние сумерки опускаются на лондонский Сити. Начали загораться окна средних этажей – на нижних этажах они горели весь день. На уровне крыш зимнего света было еще достаточно, чтобы ориентироваться, но не для того, чтобы читать. Сэр Джеймс щелкнул выключателем настольной лампы, и в этот момент вошла мисс Кук, положила перед ним на стол требуемый отчет и отступила к стене.

Отчет Ричарда Брайанта был написан шесть месяцев назад в сжатом стиле, принятом в компании. В нем сообщалось, что, в соответствии с распоряжением начальника отдела зарубежных контрактов, он вылетел в Кларенс, столицу Зангаро, где, после томительной недели ожидания в гостинице, договорился о встрече с министром природных ресурсов. За шесть дней состоялось три встречи, в результате которых было достигнуто соглашение, по которому один представитель «Мэн-Кона» мог приехать в республику с целью проведения разведки полезных ископаемых в районе Хрустальной горы в центральной части страны. Границы обследуемой области намеренно не оговаривались компанией, чтобы дать

возможность группе разведки маневрировать, если потребуется. После долгой торговли, во время которой министру дали понять, что компания не собирается платить ту сумму, которую он ожидает, и пока нет никаких оснований надеяться на то, что поиски увенчаются успехом, окончательная сумма была обговорена между министром и Брайантом. Как всегда, сумма, указанная в контракте, составляла чуть более половины от той, на которой они сошлись. Разница была переведена на личный счет министра.

Это все. Единственное указание на местные нравы – ссылка на продажность министра. «Что с того, – подумал сэр Джеймс Мэнсон, – с тем же успехом Брайант мог бы отчитаться о визите в Вашингтон. Изменилась бы только сумма».

Он снова потянулся к селектору.

– Будьте добры, мисс Кук, скажите мистеру Брайанту из зарубежных контрактов, чтобы поднялся ко мне.

Он отпустил кнопку и нажал другую.

– Мартин, зайди на минутку, пожалуйста.

Мартину Торпу понадобилось две минуты, чтобы подняться из своего офиса на девятом этаже. Он не был похож на ловкого пройдоху и протеже одного из самых безжалостных деляг в традиционно безжалостной и деляческой горной индустрии. Скорее походил на капитана спортивной команды привилегированного частного колледжа: симпатичный, юношески стройный, с аккуратно подстриженными волнистыми темными волосами и синими глазами. Секретарши прозвали его «хитрецом», а директора, из-под носа которых вдруг уплывали пакеты акций, на которые они рассчитывали, и чьи компании неожиданно попадали под контроль невесть откуда взявшейся группы акционеров – подставных лиц Мартина Торпа, называли его иначе, совсем не таким безобидным прозвищем.

Несмотря на свою внешность, Торп никогда не был ни студентом частного колледжа, ни спортсменом, ни, понятно, капитаном команды. Он не знал, чем отличается среднее число ударов за партию в бейсболе от средней температуры воздуха, но мог держать в голове в течение всего дня каждый час меняющийся курс акций всех многочисленных филиалов «Мэн-Кона». В свои двадцать девять лет он был полон честолюбивых планов и горел желанием их осуществить.

«Мэн-Кон» и сэр Джеймс Мэнсон должны были способствовать ему в этом, а его преданность им определялась чрезвычайно высокой зарплатой, возможностью занять связи в Сити и сознанием того, что он сидит на выгодном месте, откуда легко будет при случае приметить

«крупный кусок», как он выражался.

Когда он вошел в кабинет, сэр Джеймс смахнул результаты анализов в ящик стола, и перед ним теперь лежал только отчет Брайанта.

Он дружески улыбнулся своему любимчику.

– Мартин, есть одно дело, которое требует определенной секретности. Его нужно выполнить срочно, и на это может уйти полночи.

Не в традициях сэра Джеймса было поинтересоваться занят сегодня вечером Торп или нет. Торп был готов к этому – высокий оклад обязывал.

– О'кей, сэр Джеймс. У меня нет ничего неотложного.

– Хорошо. Видишь ли, я просматривал старые отчеты и наткнулся на этот. Полгода назад один из наших людей из зарубежных контрактов был послан в страну под названием Зангаро. Не знаю почему, но хотел бы знать. Этот парень получил добро у местного правительства на проведение силами малочисленной нашей группы разведки полезных ископаемых в непомеченной на карте области вокруг так называемой Хрустальной горы. Так вот, я бы хотел знать следующее: заходила ли речь об этом визите полугодовой давности до этого, во время или после на нашем Совете?

– На Совете?

– Вот именно. Упоминалось ли когда-нибудь на Совете директоров компании, что мы проводим эту разведку? Это я хотел бы знать. Скорее всего, вопрос не входил в официальную повестку дня. Тебе придется просмотреть стенографические отчеты. Возможно, об этом упоминается в разделе «разное». Придется проштудировать все протоколы заседаний за последний год. Во-вторых, выясни, кто и почему отправил Брайанта в командировку полгода назад, и кто и почему направил туда горного инженера-разведчика. Его фамилия Малруни. О нем мне тоже хотелось бы знать побольше. Покопайся в личных делах сотрудников. Понял?

Торп был обескуражен. Это было не совсем по его части.

– Да, сэр Джеймс, но мисс Кук справится с этим в два раза быстрее меня. Или может поручить кому-нибудь еще...

– Верно, она могла бы это сделать. Но я хочу, чтобы этим занимался ты. Если ты начнешь копать в личных делах или протоколах заседания Совета, все решат, что дело связано с финансами. И лишних вопросов не возникнет.

До Мартина начало доходить.

– Вы хотите сказать... Они там что-то нашли, сэр Джеймс?

Мэнсон смотрел на уже потемневшее чернильного цвета небо, на море огней под ним, в то время как брокеры и дилеры, клерки и финансисты, банкиры и налоговые инспекторы, страховые агенты и маклеры, покупатели и продавцы, представители закона и, несомненно в некоторых конторах, нарушители его, дорабатывали хмурым зимним днем до заветных пяти тридцати.

– Неважно, – хрипло сказал он стоящему перед ним молодому человеку. – Делай, что тебе сказано.

Выйдя через заднюю дверь и спускаясь по лестнице к себе в контору, Мартин Торп широко улыбался.

– Хитрая сволочь, – прошептал он себе под нос.

Сэр Джеймс Мэнсон повернулся, когда динамик селектора нарушил звуконепроницаемую торжественную тишину его кабинета.

– К вам мистер Брайант, сэр Джеймс.

Мэнсон встал из-за стола и прошел к расположенному в стене выключателю. Включил верхний свет, подошел к селектору и нажал кнопку.

– Пусть войдет, мисс Кук.

Существовало три причины, по которым служащие среднего звена могли быть вызваны на ковер десятого этажа. Первая – выслушать указания или представить отчет, которые сэру Джеймсу хотелось отдать или выслушать лично, то есть вызов по делу. Вторая причина – когда человека нужно было пропесочить до основания, выжав из него последние соки. Это был сущий ад. В третьем случае главный администратор решал поиграть в доброго дядюшку со своими любимыми подчиненными. Это обычно ничем не грозило.

Еще на пороге кабинета Ричард Брайант, в свои тридцать девять не поднявшийся выше среднего уровня, но исполняющий поручения ответственно, со знанием дела и держащийся за свое место, сразу понял, что из трех возможных причин, по которым он мог оказаться здесь, первую придется отместить. Он заподозрил вторую и вздохнул с облегчением, когда увидел, что речь идет о третьей.

Сэр Джеймс направился к нему с приветливой улыбкой.

– Заходите, Брайант, заходите.

Когда Брайант вошел в кабинет, мисс Кук прикрыла за ним дверь и вернулась к своему столу.

Сэр Джеймс жестом предложил подчиненному сесть на одно из небольших кресел, на солидном удалении от стола, в противоположном конце просторного кабинета, где обычно проходили

коллективные обсуждения. Брайант, все еще недоумевающий, почему его вызвали, уселся на указанное место, опустившись на блестящее кожаное сиденье. Мэнсон подошел к стене и раскрыл дверцы, за которыми оказался прекрасно оснащенный бар.

– Выпьете, Брайант? Солнце уже зашло.

– Благодарю вас, сэр, э-э... Виски, пожалуйста.

– Вот это верно. Моя любимая отравка. Я тоже присоединюсь.

Брайант взглянул на часы. Без четверти пять. Популярный в тропиках афоризм «солнце село – выпей смело» вряд ли подходил для коротких зимних дней в Лондоне. Но он запомнил, как во время одной вечеринки для сотрудников сэр Джеймс с презрением отзывался о любителях хереса и прочей дряни, весь вечер налегая на виски. «Полезно запоминать такие мелочи», – отметил Брайант, пока его шеф наполнял два старинных хрустальных бокала своим любимым отборным гленливотом. Ведерко со льдом он даже не подумал доставать.

– Разбавить водой или содовой? – спросил он, не отходя от бара.

Брайант обернулся и задержал взгляд на бутылке.

– Чистый солод, сэр Джеймс? В таком случае лучше неразбавленный.

Мэнсон несколько раз одобрительно кивнул и поднес бокалы.

Они чокнулись и начали смаковать виски. Брайант все ждал, когда начнется разговор. Мэнсон заметил это и придал себе вид заботливого дядюшки.

– Не волнуйтесь из-за того, что я вас сюда вызвал, – начал он. – Просто разбирал старые бумаги в своем шкафу и случайно наткнулся на один из ваших отчетов. Видимо, в свое время прочитал его и забыл передать мисс Кук для архива...

– Мой отчет? – заволновался Брайант.

– Э-э? Да, да. Тот самый, который вы составили после возвращения из... как там оно называется? Зангаро? Я правильно говорю?

– Совершенно верно, сэр. Зангаро. Это было полгода назад.

– Да, именно так. Полгода назад, конечно. Перечитывая, обратил внимание, что вам пришлось нелегко с этим субчиком, министром.

Брайант начал расслабляться. В комнате было тепло, в кресле – очень удобно, виски – словно старый добрый друг. Он улыбнулся своим мыслям.

– Но мне удалось заключить контракт о разрешении на разведку.

– Удалось, черт возьми, – поздравил его сэр Джеймс. Взгляд его потеплел, он, казалось, вспомнил что-то. – Я ведь тоже этим занимался

в свое время, знаете?.. Отправлялся в рискованные путешествия ради куска хлеба. Хотя ни разу не добирался до Западной Африки в то время. Позже бывал там, конечно. Но только после того, как все это закрутилось.

При словах «все это» он обвел рукой свой шикарный кабинет.

– А теперь мне приходится проводить слишком много времени за бумажной работой, – продолжал сэр Джеймс. – Я даже завидую вам, молодым – ездите по свету заключать сделки, совсем как в былые времена. Ну, расскажите мне о своем путешествии в Зангаро.

– Тут уж действительно все было, как в былые времена. После нескольких часов пребывания на месте я уже думал, что встречу туземцев с костяными кольцами вносу, – сказал Брайант.

– Правда? Боже правый. Глухое местечко, это Зангаро?

Сэр Джеймс чуть отклонил голову назад в тень, а Брайант слишком комфортно себя чувствовал, чтобы, взглядевшись пристальнее, уловить напряженное внимание в его глазах, которое никак не вязалось с ласковым тоном голоса.

– Совершенно верно, сэр Джеймс. Порядочная дыра. Прямой дорогой катятся в средневековье после того, как пять лет назад получили независимость.

Он припомнил одну фразу, которую обронил когда-то его шеф в разговоре с группой сотрудников.

– Это классический пример того, что в большинстве африканских республик сегодня к вершинам власти пришли люди, которые не способны были бы руководить даже мусорной свалкой. В результате, конечно, страдают простые люди.

Сэр Джеймс, который не хуже любого другого мог распознать свои собственные слова, обращенные к нему же, улыбнулся, встал и подошел к окну, чтобы взглянуть на кишашие людьми улицы внизу.

– Ну и кто же там всем заправляет? – тихо спросил он.

– Президент. Или, скорее, диктатор, – отозвался со своего кресла Брайант. Его бокал был пуст. – Человек по имени Жан Кимба. Он победил на первых и единственных выборах перед самым получением независимости пять лет назад вопреки желанию колониальных властей. Как говорят, не без террора и одурманивания избирателей. Надо сказать, что народ там очень отсталый. Большинство из них даже не знали, что такое голосование. Теперь им это и не нужно.

– Суровый парень, этот Кимба? – спросил сэр Джеймс.

– Назвать его суровым неправильно, сэр. Он совершенно сумасшедший. Бредовая мания величия и, судя до всему,

параноидальная шизофрения. Он правит в абсолютном одиночестве, окружив себя политическими подпевалами. Если они возражают ему или просто вызывают подозрения, то их отправляют в камеры старых колониальных полицейских бараков. Ходят слухи, что Кимба лично присутствует при пытках. Никто еще не вышел оттуда живым.

– Хм... В каком мире нам приходится жить, Брайант. И они обладают тем же количеством голосов в Организации Объединенных Наций, что Великобритания или Америка. К чьему же совету прислушивается он в своем правительстве?

– Он не считается ни с кем из своих людей. Конечно, слушает свои голоса. Так говорят немногочисленные местные белые. Из тех, что там остались.

– Голоса? – переспросил сэр Джеймс.

– Да, сэр. Он заявляет всем, что слышит божественные голоса. Утверждает, что разговаривает с Богом. Об этом он даже упоминал, выступая перед народом и представителями дипломатического корпуса.

– О Боже, опять то же самое, – задумчиво сказал Мэнсон, не отрывая глаз от улицы внизу. – Иногда мне кажется, что было ошибкой приобщать африканцев к Богу. Половина их лидеров теперь, похоже, с ним на дружеской ноге.

– Помимо этого, его правление основывается на каком-то гипнотическом страхе. Люди считают, что он могущественный колдун, шаман, волшебник или что-то в этом роде. Он держит людей в состоянии панического ужаса перед собственной персоной.

– А как обстоит дело с посольствами? – поинтересовался стоящий у окна сэр Джеймс.

– Видите ли, сэр, они предпочитают ни во что не вмешиваться. Похоже, напуганы эксцессами этого маньяка не меньше туземцев. Он что-то вроде гибрида между шейхом Абид Карумом из Занзибара, Папы Дока Дювалье с Гаити и Секу Туре из Гвинеи.

Сэр Джеймс медленно повернулся от окна и спросил притворно вкрадчивым тоном:

– А причем здесь Секу Туре?

Брайант чувствовал себя на коне, демонстрируя глубокие познания политической жизни в Африке, радуясь возможности показать своему шефу, что он прилежно выполнял домашние задания.

– Он при всем. Чуть не самый оголтелый коммунист, сэр Джеймс. Человек, которому он поклоняется в течение всей своей политической карьеры, это Лумумба. Поэтому-то влияние русских там так сильно. У

них огромное посольство для такой маленькой страны. Чтобы заработать валюту, после развала сельского хозяйства в результате плохого руководства плантациями они продают почти все продовольствие русским рыболовным судам, заходящим в порт. Конечно, на самом деле это корабли-шпионы, ведущие электронную разведку, или суда, снабжающие продовольствием подводные лодки, которым они передают свежие продукты где-нибудь подальше от берега. Конечно, деньги от этих сделок не доходят до народа, а оседают на личном счету Кимбы.

– На мой взгляд, это не совсем по-марксистски, – пошутил Мэнсон. Брайант расплылся в улыбке.

– Деньги и взятки начинаются там, где марксизм тормозит, – сказал он. – Как обычно.

– Но русские сильны? Влиятельны? Может быть, выпьем еще виски, Брайант?

Пока Брайант отвечал, глава «Мэн-Кона» налил еще два бокала гленливета.

– Да, сэр Джеймс. Кимба не слишком разбирается в том, что выходит за рамки его опыта, который целиком основан на местной жизни и, может быть, паре визитов в соседние африканские страны. Поэтому при решении международных дел ему приходится советоваться. Тогда он прибегает к услугам одного из трех советников, черных, выходцев из его родного племени. Двое из них обучались в Москве, один – в Пекине. Или вступает в контакт с русскими напрямую. Однажды вечером в баре отеля я разговорился с одним торговцем, французом. Он сказал, что русский посол или один из советников посольства почти каждый день бывает во дворце.

Брайант просидел еще десять минут, но Мэнсон узнал уже почти все из того, что ему требовалось. В двадцать минут шестого он выставил Брайанта из кабинета так же вкрадчиво, как незадолго до этого приглашал войти. Когда младший сотрудник удалился, он попросил заглянуть мисс Кук.

– У нас работает инженер по георазведке по имени Джек Малруни, – сказал он. – Три недели назад он возвратился из трехмесячной экспедиции в Африку, живя все это время в лесу, в тяжелых условиях, поэтому, возможно, что он еще в отпуске. Попытайтесь разыскать его дома. Мне хотелось бы видеть его завтра в десять часов утра. Кроме этого, доктор Гордон Чалмерс, руководитель исследовательского отдела. Вы можете застать его в Уотфорде, пока он не уехал из лаборатории. Если не получится, свяжитесь с ним дома.

Я хочу видеть его здесь завтра в двенадцать. Отмените остальные встречи и оставьте мне достаточно времени, чтобы отвести Чалмерса пообедать. Лучше всего закажите нам столик у Уилтона на Бери Стрит. Это все, спасибо. Через несколько минут я уйду. Прикажите подать машину к подъезду через десять минут.

Когда мисс Кук удалилась, Мэнсон нажал одну из кнопок селектора и тихо проговорил:

– Поднимись ко мне на минутку, Саймон.

Внешность Саймона Эндина тоже была обманчива, как и у Мартина Торпа, но по-своему. За внешним лоском безупречного происхождения скрывалась душа бандита из Ист Энда. Для того, чтобы лавировать между изяществом и жестокостью, требовался определенный ум. Ему нужен был такой хозяин, как Джеймс Мэнсон, как и Джеймсу Мэнсону рано или поздно на пути вверх, в борьбе за свое место среди акул капитализма, могли потребоваться услуги такого Саймона Эндина.

Эндин был человеком того сорта, какой всегда можно встретить в самых шикарных и изысканных игорных клубах Вест Энда, это вышибалы с блестяще подвешенным языком и железными кулаками, которые никогда не пропустят миллионера без поклона, а девочку без щипка. Отличие заключалось в том, что благодаря сметливому уму Эндин дослужился до поста помощника владельца весьма богатого и престижного игорного клуба.

В отличие от Торпа, он никогда не мечтал стать мультимиллионером. Он считал, что и одного миллиона хватит, а для этого достаточно было служить тенью Мэнсона. Это позволяло содержать шестикомнатную хату, машину «корветт», девчонок. Он тоже поднялся по задней лестнице и вошел через скрытую в стене кабинета дверь, напротив той, через которую только что вышла мисс Кук.

– Сэр Джеймс?

– Саймон, завтра я обедаю с человеком по имени Гордон Чалмерс. Один из наших сотрудников. Главный исследователь и начальник лаборатории в Уотфорде. Он будет здесь к двенадцати. До этого мне нужна полная информация о нем. Личное дело само собой, но кроме этого все, что только сможешь найти. Личная жизнь, семейные отношения, тайные пороки, и прежде всего, не испытывает ли он острой нужды в деньгах, существенно превышающих его оклад. Политическая ориентация, если таковая имеется. Большинство из этих ученых-буквоедов леваки. Хотя не все. Можешь переговорить сейчас с

Эррингтоном из отдела кадров, пока он не ушел. Просмотри личное дело сегодня и оставь мне для ознакомления на утро. С самого утра займись его окружением. Позвони мне не позднее 11.45. Понял? Я понимаю, что работа авральная, но может оказаться очень важной.

Эндин выслушал инструкции с неподвижным лицом и подробно записал. Он понимал ситуацию. Сэру Джеймсу Мэнсону часто требовалась информация, ибо он никогда не встречался с человеком, будь он друг или враг, не ознакомившись с его досье, включающим подробности частной жизни. Несколько раз он заставлял оппонентов сдаваться только потому, что был лучше подготовлен к встрече с ними. Эндин кивнул и вышел, направляясь прямо в отдел кадров, помещение, из которого, кстати, только что вышел Мартин Торп. Однако, их пути не пересеклись.

«Роллс-ройс» с шефом откатил от подъезда здания компании «Мэн-Кон», отвозя своего пассажира в квартиру на третьем этаже Арлингтон Хауз за «Ритцем». После долгой горячей ванны и ужина, доставленного из «Каприса», сэр Джеймс Мэнсон откинулся на спинку кресла и закурил свою первую за вечер сигару.

Перед отъездом из конторы шофер вручил ему вечерний выпуск «Ивнинг Стандарт», и когда они проезжали мимо вокзала «Черинг Кросс», на глаза ему попала маленькая колонка в разделе Последние Новости. Она расположилась по соседству с результатами скачек. Он задержал на ней взгляд, потом перечитал несколько раз подряд и выглянул в окно, где за водоворотом машин по запруженным тротуарам сновали пешеходы. Одни устремлялись к вокзалу, другие продирались к автобусам сквозь февральскую изморось, направляясь к себе домой в Эндонбридж или Севеноукс после очередного напряженного дня в Сити.

Вот тогда в голове у него начала вызревать идея. Другой на его месте только бы посмеялся и тут же отбросил подобную мысль, но сэр Джеймс Мэнсон был из другого теста, он был пиратом двадцатого века и тем гордился. Набранная чуть более крупным шрифтом строка заголовка над маленькой колонкой в вечерней газете касалась африканской республики. Не Зангаро, а какой-то другой. О ней он тоже почти ничего раньше не слышал. Там не было заметных запасов природных ресурсов.

Заголовок гласил:

«ОЧЕРЕДНОЙ ПЕРЕВОРОТ В АФРИКАНСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ»

Глава 3

Мартин Торп дожидался перед дверью в кабинет своего шефа, когда сэр Джеймс появился в пять минут десятого, и прошел вслед за ним.

– Что удалось разузнать? – спросил сэр Джеймс Мэнсон, снимая вигоневое пальто и вешая его на плечики во встроенный в стену шкаф.

Торп раскрыл блокнот, вынув его из внутреннего кармана, и зачитал результаты своего расследования за предыдущую ночь.

– Год назад мы посылали бригаду разведчиков в республику, расположенную к северу и востоку от Зангаро. Работа сопровождалась разведкой с воздуха, для которой мы наняли людей во французской фирме. Исследуемая область находилась в непосредственной близости и частично на самой границе с Зангаро. К сожалению, почти не существует топографических карт этой местности и совсем отсутствуют авиационные лоции и карты. Ввиду отсутствия радио- и любых других маяков для определения местоположения пилоту приходилось рассчитывать размеры исследуемой области, исходя из времени и скорости полета. Однажды, когда попутный ветер оказался сильнее, чем предсказывал прогноз, он облетел вверх и вниз всю полосу, подлежащую аэросъемке, и с чувством выполненного долга возвратился на базу. Он не мог знать, что каждый раз при заходе по ветру перелетал через границу и на сорок миль углублялся на территорию Зангаро. Когда пленку проявили, выяснилось, что он прихватил большой кусок лишней территории.

– Кто первым обнаружил это? Французская компания? – спросил Мэнсон.

– Нет, сэр. Они проявили пленку и передали нам без комментариев, как и было обговорено в контракте. Идентифицировать отснятые области должны были специалисты по аэрофотосъемке из нашего научного отдела. Они-то и обнаружили, что в конце каждого захода к югу была отснята полоска территории, не подлежащей обследованию. Поэтому они не стали заниматься этими картинками, короче, просто отложили их в сторону. Они увидели, что на этих снимках видна какая-то горная гряда, хотя в обследуемой области никаких гор не было. Потом один дотошный парень взглянул еще разок на отложенные снимки и обнаружил, что в холмистой области, чуть

восточнее основной гряды, наблюдается отклонение в плотности и типе растительного покрова. Это такая штука, которую почти невозможно заметить с земли, а на снимке с высоты трех миль она выделяется как блюдце на бильярдном столе.

– Я знаю, как это делается, – пробурчал сэр Джеймс, – продолжай.

– Простите, сэр. Для меня это было новостью. Так или иначе, полдюжины фотографий были переданы кому-то из геофотолaborатории, и тот подтвердил, после увеличения, что растительный покров отличается от окружающего на довольно ограниченном участке, включающем небольшой холм около 1800 футов высотой, почти конической формы. Оба сектора составили отчеты и пошли к руководителю отдела топографии. Он заключил, что речь идет о районе Хрустальной горы, и что холм, скорее всего, та самая Хрустальная гора и есть. Отчет был отослан в отдел зарубежных контрактов, и Уиллоуби, начальник отдела, послал Брайанта договариваться о разрешении на разведку.

– Он не сказал мне об этом, – заметил Мэнсон, пересев за письменный стол.

– Он посылал докладную записку, сэр Джеймс. Она у меня здесь. В то время вы были в Канаде и должны были вернуться только через месяц. Он поясняет, что, на его взгляд, разведка в этой области дело весьма рискованное, но раз уж нам бесплатно достались результаты аэрофотосъемки и раз фотогеология подозревает, что должны быть определенные причины для изменения растительного покрова, расходы могут быть обоснованы. Помимо этого Уиллоуби считал, что будет полезно дать возможность этому парню, Брайанту, поработать разок в одиночку, набраться опыта. До этого он всегда сопровождал Уиллоуби.

– Это все?

– Почти. Брайант получил визу и уехал полгода назад. Он получил разрешение и вернулся три недели спустя. Четыре месяца тому назад Наземная разведка согласилась снять недипломированного старателя-разведчика по имени Джек Малруни с буровых работ в Гане и послать на осмотр Хрустальной горы при условии, что затраты будут умеренными. Так и случилось. Три недели назад он вернулся с полутора тоннами образцов, которые с тех пор находятся в уотерфордской лаборатории.

– Достаточно подробно, – произнес сэр Джеймс Мэнсон после паузы. – Теперь скажи мне, на Совете об этом когда-нибудь говорилось?

– Нет, сэр, – голос Торпа был тверд. – Видимо, этот вопрос считался слишком мелким. Я просмотрел протоколы всех заседаний Совета за последний год, включая все записки и докладные, посланные членам Совета за тот же период. Никакого упоминания об этом факте. Финансирование всего предприятия, судя по всему, прошло по графе «Мелкие расходы». Оно не могло быть запланировано, потому что аэроснимки оказались у нас в руках в качестве подарка от французской фирмы и их незадачливого авиатора. Все произошло как-то само собой и так и не вышло на уровень Совета.

Джеймс Мэнсон кивнул с явным удовлетворением.

– Хорошо. Теперь Малруни. Насколько он умен? – Вместо ответа Торп протянул личное дело Джека Малруни из архива отдела кадров.

– Образования нет, но опыт громадный, сэр. Старый трудяга. Африканской закалки.

Мэнсон пролистал досье на Джека Малруни, пробежал глазами биографию и послужной список с тех самых пор, как он был принят на работу в компанию.

– Опыта ему не занимать, это точно, – проворчал Мэнсон. – Никогда не смотри свысока на старых африканских трудяг. Я сам начинал в Рэнде, на руднике. Малруни же так и остался на этом уровне. Не надо смеяться, приятель, такие люди очень полезны. И могут оказаться весьма догадливыми.

Он отправил Мартина Торпа и буркнул вполголоса:

– Теперь посмотрим, насколько догадливым окажется этот Малруни.

Нажал на кнопку селектора и обратился к мисс Кук.

– Малруни уже появился, мисс Кук?

– Да, сэр Джеймс, он ждет.

– Впустите его, пожалуйста.

Мэнсон был на полпути к двери, когда подчиненный вошел в кабинет. Он тепло поприветствовал его и провел к креслам, на которых сидел предыдущим вечером вместе с Брайантом. Пока не ушла мисс Кук, ее попросили приготовить кофе на двоих.

Привычка пить кофе была отмечена в досье Малруни.

Джек Малруни в кабинете на последнем этаже здания лондонской конторы выглядел так же нелепо как, скажем, Торп в зарослях джунглей. Руки неловко болтались из-под рукавов пиджака, и он, казалось, не знал куда их пристроить. Мокрые от дождя седые волосы прилипли к голове, на щеках виднелись свежие порезы после бритья. Впервые в жизни его вызвали к самому «деду», как он называл этого

человека. Сэр Джеймс изо всех сил пытался завоевать его расположение.

Когда мисс Кук вошла с подносом, на котором кроме фарфоровых чашек уместился кофейник, кувшин со сливками, сахарница и стопка бисквитов из кондитерской «Фортнум и Мейсон», до ее ушей донеслись слова шефа, обращенные к ирландцу: «... в этом-то и дело, старина. У нас с вами есть то, чему никогда не научат этих молокососов в их колледжах. Для этого надо двадцать пять лет ломаться под землей, выгрызая проклятую руду бадьями.»

Всегда приятно, когда тебя ценят по достоинству, и Джек Малруни не был исключением. Он весь сиял и согласно покачивал головой. Когда мисс Кук вышла, сэр Джеймс жестом указал на чашки.

– Посмотрите на них. Когда-то я пил из старой доброй кружки, а теперь мне приносят эти наперстки. Помню, как-то в Рэнде, в конце тридцатых, а ведь это было даже раньше, чем вы начинали...

Малруни просидел целый час. Вышел из кабинета с чувством, что «дед» все-таки замечательный мужик, что бы о нем ни плели злые языки. Сэр Джеймс Мэнсон решил, что Малруни прекрасный человек, во всяком случае в том, что касается работы, а она для него заключается в умении откалывать куски породы на горных склонах и не задавать лишних вопросов.

Перед отходом Малруни еще раз поделился своей точкой зрения.

– Там есть олово, сэр Джеймс. Готов жизнью поклясться. Единственный вопрос в том, можно ли его добыть сравнительно дешево.

Сэр Джеймс похлопал его по плечу.

– Об этом не волнуйтесь. Все станет ясно, когда поступит отчет из Уотфорда. И можете не беспокоиться, если окажется, что я смогу добыть хотя бы унцию металла и доставить на побережье ниже рыночной цены, он весь будет наш. Ну, а какие у вас планы? Куда теперь?

– Не знаю, сэр. У меня еще три дня до конца отпуска. Потом должен буду прибыть в контору.

– Хотите снова в путешествие? – расплылся в улыбке сэр Джеймс.

– Да, сэр. Честно говоря, я терпеть не могу этот город, погоду и все такое.

– Назад на солнышко тянет, а? Я слышал, что вы любите глухие места.

– Это верно. Там чувствуешь себя хозяином положения.

– Совершенно правильно, – улыбнулся Мэнсон. – Именно так. Я

почти вам завидую. Нет, черт подери, просто завидую и все тут. Ладно, посмотрим, что можно будет сделать.

Через две минуты Джек Малруни ушел. Мэнсон велел мисс Кук отослать его личное дело обратно в архив, позвонил в бухгалтерию и велел выписать Малруни премию за особые заслуги в размере 1000 фунтов стерлингов, причем сделать так, чтобы он получил эти деньги до следующего понедельника, после чего позвонил в Управление георазведки.

– Какие экспедиции на сегодняшний день у вас планируются или только что отправлены? – спросил он безо всякой преамбулы.

Их было три. Одна – в удаленном районе на самом севере Кении, рядом с границей Сомали, где полуденное солнце печет настолько, что мозги вскипают, словно еда в кастрюле, ночной холод пробирает до того, что мозг в костях твердеет, леденея, как торос в Арктике, а в окрестных лесах промышляют бандиты.

Экспедиция планировалась надолго, почти на год. Двое из кандидатов уже пригрозили скорее уволиться, чем ехать туда на такой срок.

– Пошлите Малруни, – сказал сэр Джеймс и повесил трубку.

Он посмотрел на часы. Одиннадцать ровно. Взял со стола личное дело доктора Гордона Чалмерса, которое оставил для него Эндин предыдущим вечером.

Чалмерс с отличием закончил лондонский Горный колледж, который считается лучшим в своем роде во всем мире, хотя Уитутерстренд и пытается оспаривать это утверждение. Он защитил диплом по геологии, а чуть позже по химии, и в возрасте двадцати пяти лет поступил в докторантуру. После пяти лет работы стипендиатом в колледже он поступил в научный сектор компании «Рио Тинто Цинк», а шесть лет назад «Мэн-Кон» откровенно переманил его оттуда на большую зарплату.

Последние четыре года он руководил научным подразделением компании, располагающимся на окраине Уотфорда в Хертсфордшире. С небольшой, как для паспорта, фотографии в деле хмуро смотрел человек лет около сорока с густой рыжей бородой. На нем был твидовый пиджак и красная рубашка. Узел дорогого галстука сдвинут набок.

В 11.35 зазвонил его личный телефон, и сэр Джеймс услышал в трубке характерный щелчок. Это значит, что звонили из уличного автомата. Монета проскочила в прорезь, и в трубке послышался голос Эндина. Он звонил с вокзала в Уотфорде.

Разговор занял две минуты. Когда Эндин закончил, Мэнсон удовлетворенно крикнул.

– Это полезно знать, – произнес он. – Теперь возвращайся в Лондон. У меня есть для тебя работа. Мне нужна исчерпывающая информация о республике Зангаро. Все, что возможно. Да, 3-а-н-г-а-р-о, – произнес он по буквам. – Начни с тех времен, когда ее открыли, и работай дальше. Мне нужна историческая, географическая справка, состояние экономики, уровень сельского хозяйства, горнодобывающей промышленности, если есть такая, политическая ситуация и общий уровень развития. Особое внимание удели периоду за десять лет до получения независимости и, главное, после. Я хочу знать все, что только возможно о президенте, его кабинете, парламенте, если он есть, административных органах, исполнительной, судебной власти и политических партиях. Три вещи важнее всех остальных. Первый вопрос – о степени вмешательства русских, китайцев и вообще о влиянии коммунистов на президента. Второе – никто, хоть отдаленно связанный с этой страной, не должен знать о том, что наводятся подобные справки, поэтому не вздумай туда отправляться лично; и последнее – ни при каких обстоятельствах не ссылайся на то, что ты из «Мэн-Кона». Смени имя. Понятно? Отчет нужен чем быстрее, тем лучше, но не позднее чем через десять дней. Получишь деньги в бухгалтерии по моему личному распоряжению и не болтай лишнего. Для других ты отправляешься в отпуск. Позже я тебе его компенсирую.

Мэнсон повесил трубку и по селектору передал Торпу очередные указания. Через три минуты Торп был на десятом этаже и положил на стол бумагу, которую пожелал видеть шеф.

Это была ксерокопия письма.

Доктор Гордон Чалмерс вышел из такси на углу Мургейт и расплатился с шофером. Он чувствовал себя неловко в темном костюме и пальто, но Пегги сказала, что для встречи и обеда с председателем Совета это просто необходимо.

Не доходя несколько ярдов до ступеней, ведущих ко входу в «Мэн-Кон Хауз», он уголком глаза заметил объявление на киоске торговца ежедневными выпусками «Ивнинг Ньюс» и «Ивнинг Стэндард». Текст плаката заставил его тяжело вздохнуть:

ПОСТРАДАВШИЕ ОТ ТАЛИДОМИДА РОДИТЕЛИ НЕ
СДАЮТСЯ.

Он купил обе газеты. Короткая заметка была не на первой полосе, а

на развороте.

В заметке тема, вынесенная в заголовок, раскрывалась подробнее. В статье говорилось, что после очередного затяжного раунда переговоров между представителями родителей 400 британских детей, родившихся десять лет назад с дефектами в результате действия талидомида, болеутоляющего средства, которое принимали матери во время беременности, и компанией, производившей лекарство, не достигнуто окончательного соглашения. Поэтому переговоры переносятся «на более поздний срок».

Гордон Чалмерс мысленно вернулся к дому, из которого выехал этим утром, к Пегги, жене, которой едва исполнилось тридцать, хотя по виду можно было дать все сорок, и Маргарет, безногой, однорукой Маргарет, ожидающей своего девятилетия, которой никак не обойтись в жизни без сложных протезов, без специально сконструированного дома, в котором они наконец-то поселились, хоть аренда и стоила ему целого состояния.

«На более поздний срок», – с горечью повторил он вслух и бросил газеты в урну. Последнее время он редко читал вечерние газеты. Предпочитал «Гардиан», «Прайвет Ай» и левую «Трибюн».

Наблюдая в течение почти десяти лет, как группа практически нищих родителей пытается выклянчить у могучего фармацевтического концерна жалкую компенсацию, Гордон Чалмерс начал испытывать в душе отвращение к представителям крупного капитала. Но спустя десять минут уже стоял перед одним из них, и далеко не самым последним.

Сэру Джеймсу Мэнсону не удалось усыпить бдительность Чалмерса, как в случае с Брайантом или Малруни. Ученый, крепко вцепившись в бокал с пивом, настороженно смотрел на него. Мэнсон быстро оценил ситуацию, и после того, как мисс Кук, подав виски, удалась, перешел к делу.

– Полагаю, вы догадались почему я попросил вас прийти ко мне, доктор Чалмерс.

– Да, сэр Джеймс. Речь, видимо, идет о Хрустальной горе.

– Вот именно. Кстати, вы совершенно правильно поступили, прислав отчет мне лично в запечатанном конверте. Абсолютно правильно.

Чалмерс пожал плечами. Он сделал это потому, что, согласно правилам компании, все существенные результаты анализов должны направляться непосредственно председателю Совета директоров. Как только он выяснил, что содержится в образцах, началась обычная

рутина.

– Разрешите мне задать вам два вопроса, на которые я хотел бы услышать обоснованные ответы, – сказал сэр Джеймс. – Вы абсолютно уверены в своем заключении? Нельзя ли иначе интерпретировать результаты анализа образцов?

Чалмерс не удивился и не обиделся. Он знал, что обыватели всегда с недоверием относятся к работе ученых, потому что она слишком далеко от черной магии и не может таким образом претендовать на истину. Он уже давным-давно отказался от неблагодарных попыток защищать приоритет своей науки.

– Абсолютно уверен. С одной стороны, существует много способов, позволяющих определить присутствие платины, и данные образцы прошли все эти тесты с неизменно положительным результатом. С другой стороны, я не только подверг каждый образец всем известным тестам, но и проделал это дважды. Теоретически можно предположить, что частицы металла попали в образцы со стороны, если речь идет о россыпи, но только не в тех случаях, когда металл содержится в самом теле скалы. Результаты отчета с научной точки зрения не могут быть оспорены.

Сэр Джеймс Мэнсон выслушал лекцию, почтительно склонив голову, и восхищенно закивал.

– Второй вопрос, сколько еще людей в вашей лаборатории знакомы с результатами анализа образцов из района Хрустальной горы?

– Ни один человек, – с уверенностью сказал Чалмерс.

– Ни один? – переспросил Мэнсон. – Будет вам. Кто-нибудь из наших ассистентов...

Чалмерс отхлебнул пива и отрицательно покачал головой.

– Сэр Джеймс, когда образцы поступили, их, как обычно, рассортировали и поместили в хранилище. В сопроводительной записке Малруни предполагалось наличие олова неизвестной концентрации. Так как это было обследование второстепенной важности, я поручил его свежему младшему помощнику. Не обладая достаточным опытом, он предположил, что надо искать только олово и ничего больше, и проделал необходимые исследования. Получив отрицательные результаты, он подозревал меня и показал их. Я предложил ему повторить анализы, и вновь результаты были отрицательными. Тут я прочел ему лекцию, что нельзя слепо доверять предположению старателя, и проделал дополнительные анализы. Они тоже не дали результатов. Лаборатория уже закрывалась, но я решил задержаться. Таким образом, в лаборатории никого не было, когда

появились первые положительные результаты. К полуночи мне стало известно, что в гальке, собранной со дна ручья, из которой я использовал менее полфунта, содержится небольшое количество платины. После этого я закрыл лабораторию на ночь. На следующий день я перевел ассистента на другую работу и продолжил исследование самостоятельно. Там было 600 мешочков с гравием и галькой, 1500 фунтов сколов породы, более 300 образцов скалы, взятых в различных районах склона. По фотографиям Малруни я мог представить себе гору. Рассеянное месторождение присутствует повсеместно. Как я и отметил в своем отчете.

С оттенком вызова он осушил свой бокал. Сэр Джеймс Мэнсон продолжал кивать головой, глядя на ученого с мастерски наигранным благоговением.

– Просто уму непостижимо, – произнес он наконец. – Я понимаю насколько вы, ученые, стремитесь оставаться беспристрастными, не поддаваться чувствам, но мне кажется, что вас это должно было взволновать. Ведь речь может идти о новом мировом источнике платины. Вы знаете, как часто подобное случается с редкими металлами? Раз в десятилетие, если не один раз за всю жизнь...

На самом деле Чалмерса действительно вдохновило открытие, и в течение трех недель он работал до поздней ночи, чтобы проверить все до единого образцы породы с Хрустальной горы.

Но он никогда бы не признался в этом. Безразлично пожав плечами, он произнес:

– Несомненно, это принесет большой доход «Мэн-Кону».

– Не обязательно, – тихо ответил Джеймс Мэнсон, и этим он впервые за все время удивил Чалмерса.

– Нет? Но ведь этот громадное богатство!

– Богатство в земле, верно, – ответил сэр Джеймс, встав и подойдя к окну. – Но очень многое зависит от того, кому оно достанется, если вообще достанется кому-то. Видите ли, существует опасность, что его не извлекут еще долгие годы, или извлекут и припрячут. Разрешите мне обрисовать вам ситуацию, мой дорогой доктор...

Он обрисовывал доктору Чалмерсу ситуацию в течение тридцати минут, привлекая финансовые и политические соображения, в которых ученый никогда не был особенно силен.

– В результате, – резюмировал он, – весьма возможно, это богатство будет преподнесено на блюдечке советскому правительству, если мы сейчас же объявим о его существовании.

Доктор Чалмерс, который ничего особенного не имел против

советского правительства, слегка пожал плечами.

– Факты упрямая вещь, мне не под силу изменить их, сэр Джеймс.

Брови Мэнсона в страхе взметнулись вверх.

– Боже праведный, доктор, конечно вы этого не можете. – Он с удивлением посмотрел на часы и воскликнул: – Почти час, вы должно быть проголодались! Я-то уж точно. Пойдемте, устроим небольшой перекус.

Он предполагал воспользоваться «роллс-ройсом», но после утреннего звонка Эндина из Уотфорда и информации от местного почтальона о постоянной подписке Чалмерса на «Трибюн» предпочел обыкновенное такси.

«Небольшой перекус» на проверку оказался паштетом из гусиной печени, омлетом с трюфелями, тушеным зайцем под винным соусом и бисквитами со взбитыми сливками. Как и предполагал Мэнсон, Чалмерс, хоть и осуждал подобное расточительство, но не страдал отсутствием аппетита. И даже ему было не под силу изменить простые законы природы, по которым хорошая еда вызывает чувство сытости, довольства, благодушия и притупляет моральную бдительность. Мэнсон рассчитывал еще и на то, что густое красное вино застанет врасплох любителя пива, и две бутылки «Cote du Rhone» вдохновили Чалмерса на обсуждение близких ему проблем: работы, семьи, устройства мира.

Именно в тот момент, когда он начал рассказывать о семье и их новом доме, сэр Джеймс Мэнсон, напустив на себя соответствующий обстоятельствам скорбный вид, как бы невзначай вспомнил, что в прошлом году видел по телевидению интервью, взятое у Чалмерса на улице.

– Прошу простить меня, – сказал он, – я как-то не взял в толк раньше... то, что случилось с вашей девочкой... какая трагедия.

Чалмерс кивнул и уставился на салфетку. Сначала медленно, а потом все больше проникаясь доверием, он начал рассказывать своему шефу о Маргарет.

– Вы не сможете это понять, – вставил он по ходу рассказа.

– Я могу попытаться, – тихо сказал сэр Джеймс. – У меня ведь тоже есть дочь. Конечно, она старше.

Через десять минут в разговоре наступила пауза. Сэр Джеймс Мэнсон вытащил из внутреннего кармана сложенную вдвойне бумагу.

– Даже не знаю, как бы это сказать, – начал он с некоторым смущением, – но... в общем мне, как и всем остальным, известно, сколько времени и сил вы отдаете компании. Я знаю, что вам

приходится долгие часы проводить на работе, а напряжение, связанное с этой личной драмой, не может не сказываться ни на вас, ни без сомнения, на миссис Чалмерс. Поэтому сегодня утром я передал это распоряжение в свой банк.

Он протянул Чалмерсу ксерокопию письма, и тот погрузился в чтение. Письмо было кратким и конкретным. Управляющему «Каутс Бэнк» предписывалось каждый первый день месяца пересылать по почте пятнадцать банкнот, достоинством 10 фунтов каждая, доктору Гордону Чалмерсу, на его домашний адрес. Переводы должны производиться в течение десяти лет, если не поступит дополнительных распоряжений.

Чалмерс поднял глаза. На лице его хозяина застыло сосредоточенное выражение с легким налетом смущения.

– Спасибо, – мягко произнес Чалмерс.

Сэр Джеймс положил ему руку на локоть и слегка пожал.

– Больше не будем об этом. Выпейте коньяку.

По пути в контору Мэнсон предложил высадить Чалмерса у вокзала, откуда он может добраться до Уотфорда на поезде.

– Я должен вернуться в контору и что-то придумать с этим Зангаро и вашим отчетом, – сказал он.

Чалмерс смотрел из окна такси на поток машин, устремившихся из Лондона в конце пятницы.

– Что вы намерены с ним делать? – спросил он.

– Честно говоря, пока не знаю. Конечно, мне не хотелось бы давать ему ход. Жаль смотреть, как все уплывет в чужую страну, а так и будет, если ваш отчет попадет в Зангаро. Но что-то я рано или поздно должен буду им отослать.

Наступила еще одна долгая пауза, пока такси сворачивало на привокзальную площадь.

– Я могу чем-нибудь помочь? – спросил ученый.

Сэр Джеймс глубоко вздохнул.

– Да, – сказал он негромко. – Выбросьте образцы Малруни так же, как вы поступили бы с обычными камнями и песком. Полностью уничтожьте свои записи. Возьмите копию своего отчета и сделайте точно такую же с одним отличием – пусть там будет отражено, что анализы достоверно подтверждают наличие низкопроцентной оловянной руды, которую экономически невыгодно добывать. Сожгите оригинальную копию своего отчета. А после этого никогда не упоминайте о нем.

Такси остановилось, и поскольку никто из пассажиров не

сдвинулся с места, водитель просунул нос сквозь окошко в защитном экране и обратился к сидящим на заднем сиденье:

– Приехали, командир.

– Клянусь честью, – прошептал сэр Джеймс Мэнсон. – Рано или поздно политическая ситуация может измениться, и, когда это случится, «Мэн-Кон» подаст заявку на концессию для разработки, в соответствии с принятыми в нашем бизнесе нормами.

Доктор Чалмерс выбрался из машины и посмотрел на своего хозяина, сидящего в дальнем углу салона.

– Не уверен, что смогу это сделать, сэр, – сказал он. – Мне нужно все обдумать.

Мэнсон кивнул.

– Конечно. Я понимаю, что просьба не из простых. А почему бы вам не обсудить этот вопрос с женой? Я уверен, что она во всем разберется.

После этого он захлопнул дверь и велел таксисту отвезти его в Сити.

Этим вечером сэр Джеймс ужинал с чиновником из Форин Офис^[7] и пригласил его в свой клуб. Это не был один из самых элитных аристократических клубов Лондона, ибо у Мэнсона не было намерения попытаться наскоком взять один из бастионов старого Истеблишмента и в результате оказаться забаллотированным.

Кроме того, у него просто не было времени, чтобы карабкаться по общественной лестнице, и не хватало терпения для общения с надутыми идиотами, которых встречаешь на самом верху, после того как туда взберешься. Светскую сторону жизни он доверил жене. Рыцарский титул вещь полезная, а от остального увольте.

Он презирал Адриана Гуля, которого считал педантичным болваном. Поэтому и пригласил его на ужин. И еще потому, что он работал в отделе экономической разведки ФО.

Много лет назад, когда деятельность его компании в Гане и Нигерии достигла определенного уровня, он согласился занять место в Комитете Сити по Западной Африке. Этот орган был и до сих пор является чем-то вроде профсоюза всех основных фирм, базирующихся в Лондоне и производящих операции в Западной Африке. Озабоченный вопросами торговли, а значит, и финансами, куда более, чем, например, Комитет по Восточной Африке, КЗА периодически производил обзор событий, как коммерческого, так и политического свойства, происходящих в Западной Африке. Частенько и те и другие были настолько тесно связаны друг с другом, что становились трудно

отделимы друг от друга. Комитет подпитывал министерства иностранных дел и торговли предложениями по поводу того, что, по их мнению, соответствовало бы разумной политике в интересах Британии.

Сэр Джеймс сказал бы проще. Он сказал бы, что они существовали для того, чтобы говорить правительству, как себя вести в этой части мира, чтобы увеличить доходы. И был по-своему прав. Он сидел на заседаниях Комитета во время гражданской войны в Нигерии и слышал, как различные представители банков, шахт, нефтяных и торговых компаний высказывались за скорейший конец войны, что было синонимом быстрой победы правительственных войск.

Легко догадаться, что Комитет предложил правительству оказать поддержку Федералам, если те проявят стремление к победе, причем безотлагательной и при условии, что британские источники информации на местах смогут подтвердить это. После этого они сидели и смотрели, как правительство, по совету Форин Офис, развязывает очередную грандиозную нелепую африканскую авантюру. Вместо того, чтобы закончиться через полгода, она затянулась на два с половиной. А Гарольд Вильсон, как и подобает политику, скорее слетал бы на луну, чем признался, что его любимчики от его же имени наломали дров.

Мэнсон лишился солидных доходов с выведенных из строя шахт и из-за невозможности доставить продукцию на побережье в условиях непредсказуемой работы местных железных дорог в то время. Но Мак-Фадзин из компании «Шелл-БП» потерял куда больше на нефти.

Адриан Гуль в течение долгого времени осуществлял связь ФО с Комитетом. Теперь он сидел напротив Джеймса Мэнсона за столиком в укромном алькове: белоснежные манжеты торчат из-под рукавов на положенные дюйм с четвертью, на лице застыло напряженное выражение.

Мэнсон рассказал ему полуправду обо всем происходящем, полностью исключив упоминание о платине. Он ограничился оловом, правда, увеличив его количество. Имело бы смысл начать разработку, конечно, но он, честно говоря, побаивается слишком явной зависимости президента от русских советников.

Долевое участие в доходах зангарийского правительства сулит приличные поступления и, таким образом, ведет к укреплению существующей власти, но раз диктатор всего лишь марионетка в руках у русских, кому нужно укреплять его могущество?

Гуль все это переварил. На лице его возникло выражение глубокой

сосредоточенности.

– Чертовски сложное решение, – произнес он сочувственно. – Я просто преклоняюсь перед вашим политическим чутьем. В настоящий момент Зангаро на грани банкротства, обстановка крайне неясная. Но если они разбогатеют... да, вы совершенно правы. Настоящая дилемма. Когда вы должны отослать им результаты анализов?

– Рано или поздно, – проворчал Мэнсон. – Вопрос в том, что же мне делать? Если они покажут отчет в русском посольстве, торговый советник тут же поймет, что залежи олова подлежат разработке. После этого возникнет вопрос о концессии на добычу. Она уплывет в чужие руки, диктатор будет благополучно богатеть, и, кто знает, какими проблемами это может грозить Западному миру? Мы остаемся с носом.

Гуль задумался.

– Я просто подумал, что надо бы поставить вас в известность, ребята, – сказал Мэнсон.

– Да, да, большое спасибо. – Гуль был погружен в себя. – Скажите, – наконец очнулся он, – что будет, если вы сократите количество содержания олова на тонну породы вполонину?

– Сократить наполовину?

– Да, поделить надвое. Представить цифру, составляющую ровно пятьдесят процентов от количества олова на тонну в ваших образцах?

– Ну, в таком случае, промышленная разработка олова станет экономически невыгодной.

– А сами образцы могли бы быть взяты в другом месте, скажем, в миле от того участка, где работали ваши люди? – спросил Гуль.

– Да. В принципе это возможно. Но мой разведчик обнаружил самые богатые по содержанию олова образцы.

– Но если бы он этого не сделал, – настаивал Гуль, – если бы он собрал образцы в миле от того места. Содержание металла могло бы сократиться наполовину?

– Да, могло бы. Вероятно, так и было бы, даже больше, чем вполонину, я думаю. Но ведь он работал там, где работал.

– Под наблюдением? – спросил Гуль.

– Нет. В одиночестве.

– Можно обнаружить следы его деятельности?

– Нет. – отвечал Мэнсон. – Отдельные сколы на камнях должны были давно зарости травой. Кроме того, в этих местах никого не бывает. На многие мили кругом ни души.

Он прервался на минуту, чтобы закурить сигару.

– Знаете, Гуль, вы чертовски умный парень. Официант, еще бутылку коньяка, пожалуйста.

Они распрощались на ступеньках клуба в приподнятом настроении. Швейцар остановил такси, которое должно было отвезти Гуля к миссис Гуль в Холлэнд Парк.

– И последнее, – сказал чиновник из ФО, взявшись за ручку на дверце машины. – Никому больше ни слова об этом. Я составлю отчет в отделе, сугубо секретный, но, помимо того, все должно остаться строго между вами и нами, то есть ФО.

– Конечно, – заверил Мэнсон.

– Я очень благодарен за то, что вы сочли возможным рассказать мне все это. Вы даже представить себе не можете, насколько легче работать, с экономической точки зрения, когда мы в курсе происходящего. Я буду потихоньку приглядывать за Зангаро и как только наметятся перемены на политической сцене, вы первый об этом узнаете. Спокойной ночи.

Сэр Джеймс проводил глазами такси и знаком подозвал свой «роллс-ройс», ожидающий неподалеку.

«Вы первый об этом узнаете, – передразнил он. – В этом ты чертовски прав, мой мальчик. Потому, что я сам все это заварю».

Он наклонился к переднему окошку и обратился к сидящему за рулем шоферу:

– Если бы от таких мелких засранцев зависело в былые времена построение нашей империи, Крэдок, мы сейчас готовились бы к тому, чтобы колонизировать остров Уайт.

– Вы совершенно правы, сэр Джеймс, – согласился Крэдок.

Когда хозяин устроился на заднем сиденье, шофер приоткрыл оконце в перегородке.

– Глостершир, сэр Джеймс?

– Глостершир, Крэдок.

И снова заморосил дождь, когда блестящий лимузин, прокатив со свистом по Пикадилли, завернул на Парк Лейн в сторону шоссе А40 и Уэст Кантри, унеся сэра Джеймса Мэнсона в особняк с десятью спальнями, приобретенный для него благодарной компанией три года назад за 250 000 фунтов стерлингов. Там же находились его жена и девятнадцатилетняя дочь, но их он приобрел себе сам.

Час спустя Гордон Чалмерс лежал рядом с женой, измученный и злой. Скандал продолжался уже два часа кряду. Пегги Чалмерс лежала на спине, уставившись в потолок.

– Я не могу это сделать, – в сотый раз повторял Чалмерс. – Я не

могу так просто пойти и фальсифицировать данные анализов только для того, чтобы помочь этому подлому Джеймсу Мэнсону заграбастать еще больше денег.

Наступила томительная тишина. Они уже много раз говорили на эту тему с тех пор, как Пегги прочла письмо Мэнсона своему банкиру и узнала от мужа, на каких условиях им предоставляются гарантии безбедного существования в будущем.

– О чем разговор? – тихо произнесла она в темноте рядом с ним. – Когда уже все обговорено и сделано, о чем еще говорить? Достанется эта концессия ему, или русским, или вообще никому не достанется. Поднимется цена или упадет. О чем разговор? О каких-то камнях и пылинках металла.

Пегги Чалмерс повернулась и легла головой на грудь мужа, вглядываясь в темные очертания его лица. За окном ночной ветер шелестел ветвями старого вяза, рядом с которым они выстроили новый дом со специальными приспособлениями для своей дочери-калеки.

Когда Пегги снова заговорила, в ее голосе звучал страстный порыв:

– Но Маргарет не кусок камня, а я не металлическая пыль. Нам нужны деньги, Гордон, нужны сейчас и еще десять лет будут нужны не меньше. Прошу, дорогой, умоляю, хоть раз в жизни оставь идею написать разоблачительное письмо в «Трибюн» или в «Прайвет Ай» и сделай так, как он просит.

Гордон Чалмерс не сводил глаз с бледной полоски между занавесками, чуть растворенными, чтобы пропустить немного свежего воздуха от окна.

– Хорошо, – наконец сказал он.

– Ты это сделаешь? – спросила она.

– Да, черт подери, сделаю.

– Ты обещаешь, дорогой? Ты даешь мне слово?

Снова наступила долгая пауза.

– Даю слово, – тихо прозвучало в темноте рядом с ней.

Она уткнулась лицом в его волосатую грудь.

– Спасибо, родной. Не волнуйся. Пожалуйста, не переживай. Через месяц все забудется. Вот увидишь.

Через десять минут она спала, вымотанная после тяжелой ежевечерней процедуры купанья и укладывания дочери и непривычной ссоры с мужем. Гордон Чалмерс продолжал не отрываясь вглядываться в темноту.

– Они всегда выигрывают, – тихо произнес он через некоторое время с горечью. – Эти ублюдки всегда побеждают, черт бы их побрал.

На следующий день, в субботу, он заехал в расположенную в пяти милях от дома лабораторию и написал совершенно новый отчет для республики Зангаро. После этого сжег свои записи и копию старого отчета, отнес все образцы породы в специальный бак для отходов, откуда местная строительная фирма забирала их для переработки и посыпания садовых дорожек. Запечатал новый отчет в конверт и отослал заказным письмом на имя сэра Джеймса Мэнсона в управление компании, после чего отправился домой и попытался забыть об этом.

В понедельник отчет поступил в Лондон, и указания по поводу Чалмерса были отправлены банкиру. Отчет был передан в отдел зарубежных контрактов, для прочтения Уиллоуби и Брайанту. После этого Брайанту предлагалось на следующий день выехать в Кларенс и передать отчет министру природных ресурсов. К отчету прилагалось письмо от компании с выражением надлежащего сожаления.

Вечером во вторник Ричард Брайант оказался в первом корпусе лондонского аэропорта «Хитроу», в ожидании рейса компании БЕА до Парижа, где ему предстояло, получить соответствующую визу и пересесть на самолет компании «Эр Африк». В пятистах ярдах от него, в третьем корпусе аэропорта, Джек Малруни, подхватив сумку, направлялся от стойки паспортного контроля к посадке в самолет компании БОАК, вылетающий ночным рейсом в Найроби. Он не был расстроен.

Лондон ему успел надоест. Впереди была Кения, солнце, джунгли и призрак удачи.

К концу недели только два человека знали, что на самом деле скрывается в недрах Хрустальной горы. Один дал слово жене никогда не раскрывать тайну, а второй планировал свой следующий ход.

Глава 4

Саймон Эндин вошел в кабинет сэра Джеймса Мэнсона с пухлой папкой, в которой находился его стостраничный отчет по республике Зангаро вместе с набором фотографий и несколькими картами. Он объяснил своему шефу с чем пожаловал, и Мэнсон одобрительно кивнул.

– Пока ты собирал материал, никто не догадался кто ты и на кого работаешь? – спросил он.

– Нет, сэр Джеймс, я использовал псевдоним, и никто ни разу не заинтересовался моей персоной.

– И никому в Зангаро не стало известно, что о них собирают сведения?

– Нет. Я пользовался существующими архивными материалами, хоть и немногочисленными, работал в библиотеках здесь и в Европе, просматривал обычные статьи и один туристический справочник, напечатанный в самой Зангаро, хотя это остатки от колониальных дней, и он на пять лет устарел. Я повсюду заявлял, что собираю информацию для диссертации по общему положению Африки в колониальный и постколониальный периоды. Никаких подозрений просто не могло возникнуть.

– Хорошо, – сказал Мэнсон, – Я прочту отчет позднее. А сейчас перечисли мне основные факты.

Вместо ответа Эндин достал из папки одну из карт и разложил ее на столе. На ней был изображен участок африканского побережья вместе с Зангаро, которая была помечена кружком.

– Как видите, сэр Джеймс, страна представляет собой нечто вроде присоска к берегу, анклава, с севера и востока граничащего с одной республикой, а с юга, на коротком участке границы, с другой. С западной стороны – берег моря. Она имеет форму спичечного коробка, короткой стороной обращенного к морю, а длинными гранями уходящего в глубь континента. Границы были проведены совершенно произвольно во времена старой колониальной гзызни за Африку и представляют собой просто линии на географической карте. На самой территории по сути не существует никаких границ и, благодаря почти полному отсутствию дорог, есть только один пограничный пункт – здесь, на дороге, ведущей на север в соседнюю страну. Весь наземный

транспорт при въезде и выезде из страны перемещается вдоль этой дороги.

Сэр Джеймс Мэнсон внимательно осмотрел анклав на карте и пробурчал:

– А как же восточная и южная границы?

– Никаких дорог, сэр. Ни въедешь, ни выедешь, если не пробираться сквозь джунгли, но в большинстве случаев там непроходимые заросли. Площадь страны составляет 7000 квадратных миль, около семидесяти – вдоль побережья и сотня – вглубь континента. Столица, Кларенс, названная так по имени капитана, который впервые высадился здесь двести лет назад, чтобы пополнить запасы пресной воды, расположена в самом центре побережья, в тридцати милях от северной и южной границ. За столицей находится узкая полоска прибрежной равнины, единственная область в стране, используемая для земледелия, если не считать небольших прогалин в джунглях, используемых туземцами. За равниной протекает река Зангаро, потом начинаются отроги Хрустальных гор, сами горы и за ними – на многие мили непроходимые джунгли вплоть до самой восточной границы.

– А как обстоит дело с другими средствами коммуникации? – спросил Мэнсон.

– Дорог практически нет, – продолжал Эндин. – Река Зангаро течет от северной границы вдоль берега, недалеко от него, пересекая почти всю страну и впадая в море у самой южной границы. В устье реки расположено несколько молов и пара хижин, которые представляют собой маленький порт для экспорта древесины. О верфи даже речи нет, а сам вывоз леса заглох после получения независимости. Река Зангаро течет с севера на юг вдоль побережья, сворачивая к морю через шестьдесят миль, по сути делит республику на две части, полосу прибрежной равнины справа от реки, которая заканчивается заросшими камышом болотами, из-за чего к берегу невозможно пристать даже на небольшом рыбацком катере, и внутреннюю часть страны по другую сторону реки. К востоку от реки расположены горы, а за ними центральная область. По реке можно было бы пускать баржи, но в этом никто не заинтересован. В республике, расположенной севернее, на берегу – современная столица с глубоководной гаванью, в то время как устье Зангаро занесено илом.

– А экспорт леса? Каким образом он осуществляется?

Эндин достал из папки крупномасштабную карту республики и положил на стол. Карандашом указал место на юге страны, где

находилось устье реки Зангаро.

– Лес валили на севере страны, вдоль берегов реки или на западных отрогах гор. Там и до сих пор сохранился хороший лес, но после получения независимости это никого не интересует. Бревна сплавлялись вниз по реке и в устье накапливались. Грузовые суда вставали на якорь недалеко от берега, и связанные в плоты бревна подтаскивали к ним буксирами. Потом они сами поднимали лес наверх своими кранами. Все это делалось в незначительных масштабах.

Мэнсон внимательно разглядывал крупномасштабную карту, на которой уместился весь участок побережья длиной в семьдесят миль, река, текущая почти параллельно морскому берегу, участок земли вдоль реки, шириной в двадцать миль, узкая полоска непроходимых болот, протянувшаяся вдоль всего берега моря и цепочка гор на другом берегу реки. Он отметил и Хрустальную гору, но не стал упоминать ее.

– А как насчет главных дорог? Должны же быть хоть какие-то дороги.

Эндин с жаром приступил к пояснениям.

– Столица расположена на дальнем конце небольшого, вытянутого в сторону моря кургузого полуострова в центре побережья. Здесь есть небольшой порт, единственный настоящий порт на всю страну. От столицы вдоль полуострова и дальше вглубь страны на шесть миль к востоку идет одна дорога. Затем дорога разветвляется. Одна уходит направо, к югу. На протяжении семи миль она покрыта битумом, потом становится грунтовой на следующие двадцать миль, пока не упирается в устье Зангаро. Другая дорога идет налево от перекрестья, к северу, по долине на западном берегу реки, к северной границе. Здесь расположен пограничный пункт, на котором орудует дюжина сонных продажных солдат. Двое путешественников рассказывали мне, что они не умеют читать, поэтому все равно не способны понять, есть в паспорте виза или нет. Так что достаточно просто всучить им пару монет, и они тебя пропустят.

– А дорога, которая ведет в центральную часть? – спросил сэр Джеймс.

Эндин показал пальцем.

– Она такая неприметная, что даже не помечена на карте. На самом деле, если вы повернете на перекрестке на север и проедете десять миль направо, будет отходить дорога в сторону гор. Она пересекает оставшуюся часть равнины и реку Зангаро, через которую перекинут утлый деревянный мост.

– Значит, этот мост – единственное связующее звено между двумя частями страны по разные стороны реки? – спросил с удивлением Мэнсон.

Эндин пожал плечами.

– Это единственное место, где можно переправиться на другой берег реки на машине. Но в стране очень мало машин. Туземцы переплывают Зангаро на каноэ.

Мэнсон сменил тему, хотя глаза его продолжали сверлить карту.

– А что за племена там живут? – спросил он.

– Два племени, – сказал Эндин. – К востоку от реки и на всей центральной территории, вплоть до границы, находится страна Винду. Кстати, не меньше туземцев племени Винду живет и по другую сторону восточной границы страны. Я уже говорил, что границы были проведены произвольно. Винду находятся практически в каменном веке. Они крайне редко пересекают реку, если вообще покидают свои джунгли. Равнина к западу от реки, вплоть до берега моря, включая полуостров, на котором расположилась столица – территория племени Кайа. Они ненавидят Винду и наоборот.

– Население?

– Во внутренней части страны практически не поддается учету. Официально считается, что во всей стране проживает 220 000 человек. Из них 30 000 Кайа и около 190 000 Винду. Но числа весьма приблизительны, кроме, может быть, того, что касается Кайа, которых сосчитать легче.

– А как же, черт подери, они вообще устраивают выборы? – спросил Мэнсон.

– Это остается неразрешимой загадкой творца, – сказал Эндин. – Сплошная профанация. Половина туземцев вообще не знает, что такое выборы и за кого они голосуют.

– Как обстоят дела с экономикой?

– От нее практически ничего не осталось, – ответил Эндин. – Страна Винду ничего не производит. Люди в основном живут на том, что могут вырастить на маленьких, вырубленных в джунглях делянках батата и маниоки, которые целиком обслуживаются женщинами, выполняющими там всю работу, хотя делать им приходится не так уж много. Если им прилично заплатить, они могут поднести вещи. Мужчины охотятся. Дети страдают от малярии, трахомы, дизентерии и рахита. На прибрежной равнине в колониальные времена были плантации низкокачественного какао, кофе, хлопка и бананов. Ими владели и их поддерживали белые, используя местную рабочую силу.

Продукция была не высшего качества, но ее оказывалось достаточно, с учетом постоянных торговых партнеров в Европе и присмотру колониальных властей, чтобы зарабатывать немного твердой валюты и оплачивать минимальные поставки по импорту. После независимости плантации были национализированы президентом, который выгнал белых, а их участки раздал бездельникам – то есть своим товарищам по партии. Сейчас плантации пришли в запустение, почти полностью заросли сорняками.

– Есть конкретные цифры?

– Да, сэр. За последний год перед провозглашением независимости полный объем производства какао, а это был основной продукт сельского хозяйства, составил 30 000 тонн. В прошлом году была собрана тысяча тонн, но и на нее покупателей не нашлось. Урожай по сей день гниет на земле.

– А остальное: кофе, хлопок, бананы?

– Бананы и кофе выродились сами собой из-за отсутствия ухода. Хлопковые посевы поразил мор, а инсектицидов не нашлось.

– Какова экономическая ситуация на сегодняшний день?

– Полный развал. Банкротство, деньги – ничего не стоящие бумажки, экспорт упал практически до нуля и ни у кого не возникает желания способствовать импорту. Поступала безвозмездная помощь от ООН, от русских и бывших владельцев колоний, но так как правительство неизменно продает подарки на стороне и прикарманивает наличные, даже эти источники помощи прикрылись.

– Настоящая банановая республика, а? – пробормотал сэр Джеймс.

– Во всех смыслах. Коррупция, разбой, жестокость. Акватория вблизи побережья богата рыбой, но они не могут ее ловить. Два рыболовецких судна, которые у них есть, ходили под командованием белых шкиперов. Одного из них избили хулиганствующие солдаты, после чего оба покинули страну. Моторы судов проржавели, и их бросили на произвол судьбы. Теперь местное население страдает от недостатка протеина. Коз и кур у них недостаточно, чтобы восполнить дефицит.

– А что с медициной?

– В Кларенсе есть госпиталь, работающий под эгидой Объединенных Наций. Это – единственная больница в стране.

– Врачи?

– Среди зангарийцев было два дипломированных врача. Одного арестовали, и он умер в тюрьме. Другой сбежал. Миссионеров президент выгнал из страны, как носителей вредного влияния. В

основном среди них были врачи, помимо священников и монахов. Монашки занимались раньше обучением медсестер, но их также изгнали.

– Сколько в стране европейцев?

– В центральной части, вероятно, ни одного. На прибрежной равнине работает пара агрономов и техников, присланных ООН. В столице около сорока дипломатов, двадцать из них – в русском посольстве, а остальные распределены между французским, швейцарским, американским, западногерманским, восточногерманским и китайским посольствами, если считать китайцев белыми. Кроме них, около пяти человек персонала в больнице Объединенных Наций, еще пять технических работников, обслуживающих электростанцию, контрольную башню аэропорта, водопровод и так далее. Помимо этого, должно быть, около пятидесяти торговцев, менеджеров, бизнесменов, которые задержались в надежде на перемены к лучшему. Кстати, полтора месяца назад была потасовка, во время которой один из основных специалистов был избит до полусмерти. Тогда пятеро технических работников пригрозили покинуть страну и укрылись на территории своих посольств. Возможно, что они уже разъехались по домам, в таком случае водопровод, электроснабжение и службы аэропорта скоро выйдут из строя.

– Где расположен аэропорт?

– Здесь, в основании полуострова, за столицей. Он не отвечает международным стандартам, поэтому, если вы хотите добраться сюда по воздуху, вам придется сначала долететь на самолете компании «Эр Африк» сюда, в республику, расположенную севернее, и пересесть на маленький двухмоторный самолет, который летает оттуда в Кларенс три раза в неделю. Летной концессией владеет французская фирма, хотя сегодня она вряд ли оправдывает себя экономически.

– Кто относится к друзьям республики, выражаясь дипломатическим языком?

Эндин покачал головой.

– У них нет друзей. Никто в этом не заинтересован, слишком ненадежно. Даже Организация Африканского Единства стыдливо обходит молчанием эту тему. Там все настолько неясно, что они предпочитают молчать. Журналисты туда не ездят, поэтому и в прессе о них не упоминают. Правительство так откровенно ненавидит белых, что никому неохота посылать туда своих сотрудников с какой бы то ни было целью. Никто не вкладывает капитал, потому, что нет ни

малейшей гарантии, что в один прекрасный момент, какой-нибудь Том, Дик или Гарри с партийным значком в петлице не конфискует все подчистую. У них есть юношеская лига партии, которая занимается тем, что бьет всех, кого ни попадя, поэтому люди живут в постоянном страхе.

– А что русские?

– У них самое многочисленное представительство, и они, вероятно, оказывают на президента определенное влияние в вопросах внешней политики, в которой тот ни бельмеса не смыслит. Его основные советники – получившие образование в Москве зангарийцы, хотя сам он в Москве не учился.

– Обладает эта страна хоть каким-то потенциалом? – спросил сэр Джеймс.

Эндин утвердительно склонил голову.

– Я полагаю, что при надлежащем старании и руководстве потенциала страны хватит, чтобы поддержать благосостояние народа на вполне приличном уровне. Население малочисленно, а потребности так низки, что они могли бы полностью обеспечить себя питанием, одеждой, всем необходимым для создания крепкой экономической основы на месте, включая небольшое количество твердой валюты для вынужденных дополнительных затрат. Это можно было бы сделать, но, в любом случае, потребности настолько ничтожны, что фонды помощи и благотворительные организации могли бы обеспечить страну всем необходимым, если бы на их сотрудников не нападали, оборудование не ломали и не разворовывали, а посылки с гуманитарной помощью не уплывали бы на черный рынок, чтобы пополнить личные счета правителей.

– Ты сказал, что Винду неважные работники, а как Кайа?

– Ничуть не лучше, – сказал Эндин. – Целый день греются на солнышке или прячутся в кустах, если что-то покажется им подозрительным. Их плодородная равнина всегда давала им достаточно, чтобы прокормиться, поэтому они рады тому что есть.

– А кто же тогда работал на плантациях в колониальное время?

– Колониальные власти завезли отовсюду 20 000 черных рабочих. Они обустроились и до сих пор живут там. Вместе с членами семей их около 50 000. Но те же колониальные власти никогда не давали им право голоса, поэтому они не принимали участия в голосовании при независимости. Если могут найти хоть какую-нибудь работу, то работают и сейчас.

– Где они живут? – спросил Мэнсон.

– Около 15 000 все еще живут в своих бараках на территории плантаций, хотя там уже практически нечего делать, так как вся техника вышла из строя. Остальные потянулись поближе к Кларенсу и зарабатывают на жизнь чем придется. Они обитают в убогих поселках, разбросанных вдоль дороги, на задворках столицы, по пути в аэропорт.

Долгие пять минут сэр Джеймс Мэнсон сосредоточенно глядел на карту, усиленно размышляя о горе, о сумасшедшем президенте, о кружке обученных в Москве советников и о русском посольстве. В конце концов он вздохнул.

– До чего же мерзкая дыра.

– Это еще мягко сказано, – отозвался Эндин. – У них до сих пор существует ритуал публичной казни перед толпой, которую сгоняют на главную площадь. Человека разрубает на куски при помощи мачете. Тот еще народец.

– И кто же конкретно устроил этот рай земной?

Вместо ответа Эндин извлек из папки фотографию и положил ее на карту.

На сэра Джеймса смотрел африканец средних лет, в обтянутом шелком цилиндре, черном сюртуке и мешковатых брюках.

Очевидно, это был день приведения к присяге, ибо на заднем фоне было видно несколько представителей колониальных властей, стоящих рядом на ступенях внушительного здания.

Удлиненное и худое лицо под блестящим черным шелком цилиндра с глубокими складками от крыльев носа. Концы губ оттянуты книзу, придавая лицу выражение крайнего недовольства. Но глаза привлекали внимание. Они горели характерным блеском, столь часто встречающимся у фанатиков.

– Вот этот человек, – произнес Эндин. – Безумный, как бешеный пес, и мерзкий, как гремучая змея. Западно-африканский Папа Док. Обладатель магической силы, общающийся с духами, освободитель от белого ига, спаситель своего народа, мошенник, грабитель, глава полиции, лично пытающий подозреваемых, специалист по выбиванию признаний, слушатель голосов от Всевышнего, наблюдатель видений, Повелитель всего и вся, Его Высокопревосходительство Президент Жан Кимба.

Сэр Джеймс Мэнсон задержал взгляд на лице человека, который, сам того не зная, имел в своем распоряжении запасы платины, ценой в десять миллиардов долларов.

«Интересно, – подумал он, – заметит ли мир его исчезновение?»

Вслух он не произнес ни слова, но после беседы с Эндином решил,

что приступит к организации этого события.

Шесть лет тому назад колониальная держава, владеющая анклавом, получившим ныне название Зангаро, учитывая давление мировой общественности, решила предоставить колонии независимость. Среди населения, совершенно неискушенного в самоуправлении, была проведена спешная разъяснительная работа, и на следующий год были назначены всеобщие выборы и торжественное провозглашение независимости.

В полной неразберихе откуда-то возникло пять политических партий. Две из них были чисто племенного толка, одна обещала блюсти интересы Винду, другая – Кайа. Остальные три партии разделились по политическим платформам и претендовали на заботу о всем народе, независимо от племенной принадлежности.

Одна из этих партий была консервативной группировкой, возглавляемой человеком, занимавшим достаточно высокое положение при колонизаторах и пользующимся их откровенной любовью. Он утверждал, что будет продолжать поддерживать тесные связи с бывшей метрополией, которая, помимо всего прочего, гарантировала содержание местных бумажных денег и покупку экспортной продукции. Вторая партия была центристской, малочисленной и слабой, во главе которой стоял интеллектуал, профессор, получивший образование в Европе.

Третья партия – радикальная – возглавлялась человеком, несколько раз сидевшим в тюрьме по политическим мотивам. Это и был Жан Кимба.

Задолго до выборов два его помощника, с которыми во время их обучения в Европе вошли в контакт русские, заметив их присутствие в колонне уличных демонстрантов против колониальной политики, и, которые согласились на стипендии в московском Университете дружбы народов им. П. Лумумбы, где им предлагалось закончить образование, тайком покинули Зангаро и улетели в Европу. Так они встретились с эмиссарами из Москвы и, в результате переговоров, получили деньги и существенные советы весьма практического свойства.

При помощи денег Кимба и его сообщники сформировали политические отряды из головорезов, нанятых в племени Винду, без участия представителей сравнительно малочисленного рода Кайа. В удаленных от надзора полиции районах центральной части страны политические отряды приступили к работе.

Несколько представителей конкурирующих партий мгновенно

исчезли без следа, а отряды наведались ко всем вождям кланов племени Винду.

После нескольких сжиганий живьем и выдавливания глаз вожди кланов наконец поняли, что от них требуется. Когда подоспело время выборов, следуя простой, но эффективной логике, что надо делать так, как велит сильный человек, способный отобрать у тебя то, что ты имеешь, и не обращать внимания или высмеивать слабого и беспомощного, вожди приказали своим людям голосовать за Кимбу. Он победил благодаря численному большинству Винду, и число голосов, отданных за него, с лихвой перекрыло все голоса Кайа и оппозиции вместе взятые.

Этому способствовал еще и тот факт, что количество Винду было завышено почти вдвое в результате давления на вождей, чтобы те заявили о большем числе жителей в их деревнях, чем на самом деле. Прimitивный подсчет избирателей колониальными чиновниками основывался на устных заверениях вождей деревень о количестве проживающих там жителей.

Колониальные власти наломали дров. Достаточно было, вырвав листок из французской книжки, с важным видом зачитать результаты выборов, по которым выходило бы, что их проколониальный протеже выиграл. После этого быстренько подписать договор о ненападении, дающий возможность роте белых десантников навеки обеспечить правление выгодного Западу президента. Вместо этого они позволили победить своему злейшему врагу. Через месяц после выборов Жан Кимба был введен в должность первого президента Зангаро.

Все, что произошло позже, следовало традиционному сюжету.

Остальные четыре партии были запрещены, как «призывающие к расколу», а позже лидеры этих партий были арестованы по сфабрикованным обвинениям. Они умерли в тюрьме под пытками после того, как передали свои партийные фонды освободителю, то есть Кимбе. Колониальная армия и полиция были распущены, как только появилось некое подобие местной армии, составленной исключительно из представителей племени Винду.

Солдаты племени Кайа, которые составляли костяк жандармерии прежде, были тогда же распущены и отправлены по домам в специально вызванных для этого грузовиках. Выехав из столицы, шесть грузовиков направились в укромное место на берегу реки Зангаро, где по ним был открыт автоматный огонь. С получившими воинскую выучку солдатами Кайа было покончено.

В столице прежним сотрудникам полиции и таможни, в основном

Кайа, было разрешено оставаться на своих местах, но при этом предписывалось разрядить оружие и сдать боеприпасы.

Власть перешла к армии Винду, и началось царство террора. Для того, чтобы достигнуть его, потребовалось полтора года.

Началась конфискация поместий, имущества, предприятий колонистов, и экономика уверенно покатила вниз. Среди Винду не было ни одного человека, подготовленного достаточно для того, чтобы руководить теми немногими доставшимися республике предприятиями, хотя бы с самой умеренной эффективностью, а поместья с неизбежностью раздавались сторонникам партии Кимбы. Когда колонисты покинули страну, прибыли присланные ООН несколько технических сотрудников, чтобы обслуживать основные объекты, но, увидев в стране такой сумбур, большинство из них рано или поздно обратились с просьбами к своим правительствам поскорее отозвать их.

После некоторых непродолжительных, но показательных террористических акций вконец запуганные Кайа были окончательно прижаты к ногтю и даже на другом берегу реки, в стране Винду, были для примера убиты несколько вождей, лепетавших что-то о предвыборных обещаниях. После этого Винду просто пожали плечами и ушли обратно в свои джунгли. То, что происходило в столице, их никогда не касалось, поэтому они имели право пожимать плечами. Кимба и группа его приспешников, опираясь на армию Винду и на непредсказуемых и крайне опасных юнцов, которые организовали молодежное крыло партии, продолжали править из Кларенса, ориентируясь исключительно на личную выгоду и доходы.

Одним из способов добывания последних был рэкет. В докладе Саймона Эндина было документальное подтверждение факта, когда расстроенный непоступлением на свой счет доли дохода от какого-то предприятия Кимба арестовал представителя компании – европейца, посадил в тюрьму и отослал с нарочным письмо его жене, где предупреждал, что она будет получать по почте ногти, пальцы и уши своего супруга, если не заплатит выкуп.

Записка от арестованного мужа подтверждала это, и бедной женщине пришлось раздобыть необходимые полмиллиона долларов у деловых партнеров мужа и отдать их. Человека выпустили, но его правительство, запуганное возможной реакцией стран черной Африки в ООН, предложило ему не распространяться по этому поводу. Пресса так ничего и не узнала. В другой раз два выходца из прежней метрополии были арестованы и избиты в бывших колониальных

полицейских бараках, которые были преобразованы в армейские казармы. Их освободили после того, как министру юстиции была выплачена солидная сумма, часть которой, видимо, отошла Кимбе. Их проступок состоял в том, что они осмелились не поклониться, когда мимо проезжала машина Кимбы.

В последующие пять лет после провозглашения независимости вся предполагаемая оппозиция Кимбы была либо уничтожена, либо выслана за пределы страны. И последним еще повезло. В результате в республике не осталось врачей, инженеров или других квалифицированных специалистов. Их и вначале-то было немного, но Кимба в каждом образованном человеке усматривал возможного оппонента.

За годы в нем развился комплекс страха перед покушением, и он никогда не выезжал за пределы страны. Он редко покидал дворец и когда это делал, то только в сопровождении внушительного эскорта. Все имеющееся на руках населения оружие, включая охотничьи ружья, было выявлено и конфисковано, что способствовало дефициту протеина в пищевых продуктах. Импорт патронов и черного пороха был приостановлен, поэтому охотникам Винду, навещающим изредка на побережье из джунглей, чтобы купить пороха для охоты на дичь, приходилось возвращаться домой с пустыми руками и вешать свои бесполезные двустволки на стены хижин. В пределах города запрещалось даже ношение мачете. Нарушение этих правил каралось смертной казнью.

После того, как он наконец переварил длинный отчет, просмотрел фотографии столицы, дворца Кимбы и изучил карты, сэр Джеймс Мэнсон снова послал за Саймоном Эндином.

Последнего весьма заинтриговал неожиданный интерес шефа к далекой республике, и он заинтересовался у Мартина Торпа, сидящего в соседнем кабинете на девятом этаже, что бы это могло значить. Торп только ухмыльнулся и почесал за ухом.

Торп тоже не был уверен, но ему казалось, что он знал причину. Оба сотрудника прекрасно понимали, что не стоит задавать лишних вопросов, когда в голове хозяина возникает идея и требуется дополнительная информация.

Когда Эндин явился к Мэнсону на следующее утро, тот стоял в любимой позе у широкого окна своего начальственного кабинета и смотрел вниз на улицу, где пигмеи спешили по своим делам.

— Есть две вещи, о которых мне хотелось бы знать подробнее, Саймон, — начал без лишних слов сэр Джеймс Мэнсон и прошел к

письменному столу, на котором лежал отчет Эндина. – Ты упоминаешь здесь потасовку в столице, которая имела место полтора-два месяца назад. Я слышал другую версию происшедшего от человека, который был на месте. Он упоминал слухи о попытке покушения на Кимбу. В чем там было дело?

Эндин почувствовал облегчение. У него были сведения из его собственных источников, но он посчитал их слишком незначительными, чтобы включить в отчет.

– Каждый раз, когда президенту приснится дурной сон, начинаются аресты, и распускаются слухи о покушении на его персону, – сказал Эндин. – Обычно это значит, что ему надо найти оправдание для чьего-либо ареста и казни. В данном случае, в конце января, речь шла о командующем армией, полковнике Боби. Мне конфиденциально сообщили, что на самом деле они повздорили из-за того, что Кимбе показалось недостаточной его доля в крупном куше, который сорвал Боби. В столицу пришел корабль с грузом медикаментов и наркотических средств для ооновского госпиталя. Армия конфисковала груз в порту и украла половину. Боби руководил операцией, и украденные лекарства были проданы на черном рынке. Вырученная сумма должна была быть передана Кимбе. В то же время директор госпиталя ООН, заявляя Кимбе официальный протест и, подавая в отставку, назвал истинное количество украденного. Его стоимость существенно превышала ту сумму, которую передал Кимбе Боби. Президент вышел из себя и послал своих личных охранников на поиски Боби. Они прочесали весь город и арестовывали всех, кто попадется на пути или просто привлечет их внимание.

– Что случилось с Боби? – спросил Мэнсон.

– Он сбежал. Уселся в джип и направился к границе. Бросил машину и обошел контрольный пункт кругом, через заросли.

– Из какого он племени?

– Весьма странно, но полукровка. Наполовину Винду и наполовину Кайа, вероятно, продукт налета Винду на деревню Кайа сорок лет назад.

– Он из новой армии Кимбы или служил еще при колонистах? – спросил Мэнсон.

– Он был капралом в колониальной жандармерии, то есть предположительно получил примитивную военную подготовку. Потом, до независимости, его уволили за пьянство и нарушение субординации. Когда Кимба пришел к власти, ему пришлось вернуть его на службу, потому что нужен был хотя бы один человек,

способный отличить ствол от приклада. В колониальные времена Боби выдавал себя за Кайа, а как только Кимба захватил власть, стал клятвенно утверждать, что он чистокровный Винду.

– Почему Кимба взял его? Он был одним из его последователей?

– Как только Боби учуял откуда ветер дует, он явился к Кимбе и присягнул ему в верности. Он оказался хитрее колониального губернатора, который отказывался верить, что Кимба победил на выборах, пока не увидел результаты голосования. Кимба пригласил Боби и даже выдвинул его на пост командующего армией, так как понимал, что гораздо лучше, если полу-Кайа будет проводить карательные операции против своих соплеменников – оппонентов Кимбы.

– Что он собой представляет? – задумчиво спросил Мэнсон.

– Здоровый битюг, – сказал Эндин. – Человек-горилла. Мозгов практически нет, только звериная хитрость. Конфликт между ним и Кимбой – обычная свара бандитов, которые не поделили добычу.

– Но он прозападной ориентации? Не коммунист? – настаивал Мэнсон.

– Нет, сэр. Не коммунист. У него нет политических убеждений.

– Продажен? За деньги готов сотрудничать?

– Конечно. Сейчас ему приходится жить весьма скромно. Он не мог скопить приличную сумму вне пределов Зангаро. Главный куш всегда доставался президенту.

– Где он теперь? – спросил Мэнсон.

– Не знаю, сэр. Живет себе где-нибудь потихоньку.

– Так, – сказал Мэнсон. – Разыщи его, где бы он ни был.

Эндин кивнул.

– Мне можно отправляться на поиски?

– Пока нет, – сказал Мэнсон. – Есть еще одно обстоятельство. Твой отчет очень хорош и подробен, кроме одной детали. Военной ситуации. Мне нужно подробное описание организации службы безопасности внутри и вне президентского дворца и в самой столице. Сколько насчитывается войск, полиции, специальных охранников президента, где они расквартированы, насколько хорошо знают свое дело, уровень подготовки и практического опыта, какое сопротивление способны оказать в случае нападения, чем вооружены, умеют ли пользоваться оружием, есть ли резервы, где расположен арсенал, несется ли круглосуточная караульная служба, имеются ли бронемшины и артиллерия, занимаются ли русские военной подготовкой, существуют ли военные лагеря вне Кларенса, по сути, все, что только можно выяснить.

Эндин в изумлении уставился на шефа. Фраза «в случае нападения» засела у него в мозгу. «Что старик задумал, черт подери», – заинтересовался он, но на его лице ничего не отразилось.

– Для этого потребуется личный визит на место, сэр Джеймс.

– Да, я подразумевал. У тебя есть паспорт на чужое имя?

– Нет, сэр. Но в любом случае, мне не под силу предоставить такую информацию. Она требует хорошего знания военного дела и понимания африканской военной специфики. В свое время я не успел отслужить в армии. Я совершенно не разбираюсь в войсках и вооружении.

Мэнсон вновь стоял у окна, глядя на Сити.

– Я знаю, – тихо сказал он. – Для такого отчета нужен солдат.

– Но, сэр Джеймс, вам вряд ли удастся подрядить военного на выполнение миссии такого сорта. Ни за какие деньги. Кроме того, в его паспорте будет указана военная профессия. Где мне раздобыть военного профессионала, который отправится в Кларенс и добудет подобную информацию?

– Есть такие люди, – сказал Мэнсон. – Их называют наемниками. Они сражаются на стороне того, кто им платит, и платит щедро. Я готов пойти на это. Так что отправляйся и найди мне наемника, инициативного и с мозгами. Лучше в Европе.

Кот Шеннон лежал на постели маленького гостиничного номера на Монмартре и смотрел, как дым сигареты медленно ползет к потолку. Он устал. За те несколько недель, которые прошли после его возвращения из Африки, он растратил почти все отложенные деньги, путешествуя по Европе в поисках нового дела.

В Риме он встретился со знакомыми католическими священниками, которые собирались по собственной инициативе отправиться в Южный Судан, чтобы заняться постройкой взлетно-посадочной полосы в глубине страны, для поставки медикаментов и продовольствия. Ему было известно, что в Южном Судане действуют три различных группировки наемников, помогая неграм в их гражданской войне с арабами с севера. В Бахр-эль-Газаре двое других британских наемников, Рои Грегори и Рип Керби, во главе немногочисленного отряда из племени Динка, занимались минированием дорог, используемых суданской армией, пытаясь подорвать бронемшины британского производства. На юге, в Экваториальной провинции, располагался лагерь Рольфа Штайнера, который должен был обучать местных жителей военному искусству, но о нем уже несколько месяцев ничего не было слышно. В верхнем

течении Нила, на востоке, находился куда более серьезный лагерь, где четверо израильтян обучали туземцев и вооружали их советским оружием, в больших количествах захваченном Израилем у Египта в 1967 году.

Военные действия в трех провинциях Южного Судана держали основную массу сухопутных войск и военно-воздушных сил суданской армии пришибленными к месту, поэтому пять эскадронов египетских истребителей базировались вокруг Хартума и не могли противостоять Израилю в районе Суэцкого канала.

Шеннон нанес визит в посольство Израиля в Париже и сорок минут беседовал с военным атташе. Последний вежливо выслушал его, вежливо поблагодарил и также вежливо выставил за дверь.

Единственное, что мог сказать ему офицер, так это то, что на стороне мятежников в Южном Судане не было израильских советников, поэтому он ничем не может помочь. Шеннон не сомневался, что их беседа записывалась на магнитофонную пленку, которая будет отослана в Тель-Авив, но предполагал, что это так ничем и не кончится. Он считал израильтян первоклассными солдатами и специалистами по разведке, но полагал, что они ничего не смыслят в Черной Африке и проиграют не только в Уганде, но и в других местах.

Помимо Судана, предложений почти не было. Ходили слухи, будто ЦРУ набирает наемников для подготовки антикоммунистических отрядов в Камбодже, и что некоторые из шейхов с берегов Персидского залива сыты по горло зависимостью от британских военных советников и присматривают наемников, которые будут целиком зависеть от них самих.

Поговаривали также, что есть работа для парней, готовых драться на стороне шейхов в пустыне или заниматься охраной дворцов. Шеннон скептически оценивал все эти слухи. Во-первых, он считал, что ЦРУ можно верить не больше, чем капризной бабенке, да и арабы ведут себя ничуть не лучше, когда доходит до дела.

Помимо Персидского Залива, Камбоджи и Судана, набор войн был скудным. Более того, он предвидел в недалеком будущем мерзкую перспективу мирного затишья. В таком случае не остается ничего, кроме работы телохранителем у какого-нибудь европейского торговца оружием. К нему уже подкатывался в Париже один такой тип, которому угрожали, и он хотел обеспечить себя надежным прикрытием.

Прослышав, что Шеннон объявился в городе, и зная его опыт и

мгновенную реакцию, спекулянт оружием послал к нему эмиссара с предложением. Хотя Кот от него не отказывался категорически, желания у него не было. Торговец попал в переплет по собственной глупости: сначала послал груз оружия для Ирландской Революционной Армии, а потом предупредил англичан, где его собираются сгружать на берег. Последовала серия арестов, и революционеры рассердились. А когда возникла утечка информации из донесения Белфаста органам безопасности, они просто вышли из себя.

Охранник нужен был прежде всего для того, чтобы припугнуть оппозиционеров, пока страсти не улягутся, и дело не заглохнет само собой. Новость о Шенноне в качестве телохранителя должна была заставить большинство профессионалов поскорее отправиться по домам, пока живы, но эти северо-ирландцы народ неуправляемый, и надеяться на их благоразумие не приходится. Значит, перестрелки не избежать, и французской полиции придется собирать на одной из темных парижских улиц истекающих кровью Фенианцев. Конечно, учитывая, что сам Шеннон происходил из протестантского района Ольстера, никому и в голову не придет его заподозрить в работе по найму.

Однако предложение было пока открытым.

Наступил месяц март, и прошло еще десять дней, но погода оставалась промозглой и сырой, с морозящим целыми днями дождем. Париж выглядел негостеприимно. Оставаться на улице значило наслаждаться «прекрасной» парижской погодкой, а сидеть в четырех стенах стоило немалых денег. Шеннон сэкономил остатки долларов насколько только возможно. Поэтому он оставил свой номер телефона дюжине людей, которые, по его мнению, могли услышать интересующую его информацию, и прочел несколько романов в мягкой обложке, коротая время в гостиничном номере.

Он лежал, глядя в потолок, и думал о доме. У него фактически уже не было дома, но он до сих пор с этим словом связывал крутые холмы, поросшие низкорослыми деревьями между Тьюроном и Донегалом, откуда был родом.

Он родился и вырос поблизости от небольшой деревушки Каслдерг, расположенной в графстве Тюрон, на самой границе с Донегалом. Дом его родителей стоял в миле от деревни на западном склоне холма, обращенного в сторону Донегала.

Они называли Донегал Богом забытой землей. Редкие деревья склонялись к востоку, пригнувшись под порывами суровых ветров с

Северной Атлантики.

У отца была небольшая прядильня, на которой ткали знаменитое ирландское льняное полотно, и он считался помещиком. Отец был протестантом, а почти все его работники и местные фермеры – католиками. В Ольстере это несовместимые понятия, поэтому у молодого Карло не было друзей-мальчишек.

Он дружил с лошадьми, а лошадей в округе было предостаточно.

Скакал верхом еще до того, как смог дотянуться до педалей велосипеда. У него в пятилетнем возрасте был свой пони, и он до сих пор помнил, как приезжал верхом в деревню, чтобы купить на полпенса щербет в кондитерской мистера Сэма Гэйли.

Восьми лет его отослали в частную школу в Англии, по настоянию матери, которая была англичанкой и происходила из зажиточной семьи. Итак, последующие десять лет он учился быть англичанином и растерял характерные черты Ольстера как в манере говорить, так и в привычках. На каникулы он приезжал домой, к своим лошадям и поросшим вереском выгонам. Знакомых сверстников в Каслдерге у него не было, поэтому каникулы проходили для него в здоровом одиночестве, долгих прогулках верхом, когда он мчался галопом, со свистом рассекая воздух.

В то время, как он служил в Королевской морской пехоте, его родители погибли в автокатастрофе на дороге в Белфаст.

Ему было двадцать два года. Он приехал домой в красивых черных крагах, перепоясанный черным ремнем и с зеленым беретом десантника на макушке. После похорон согласился продать старую, почти обанкротившуюся льняную фабрику, запер дом и вернулся в Портсмут.

Это было одиннадцать лет назад. Он дослужил в морской пехоте до окончания срока пятилетнего контракта и, возвратившись к гражданской жизни, менял работу за работой, пока не поступил на место клерка в лондонский торговый дом с большими интересами в Африке. Отрабатывая в течение первого года испытательный срок в Лондоне, он разобрался в запутанной структуре компании, в торговых и банковских операциях, распределении доходов, образовании холдинговых компаний и системе заведения тайных счетов в швейцарских банках. После года практики в Лондоне был назначен на место помощника управляющего филиалом компании в Уганде, откуда через некоторое время отправился в Конго. Итак, вот уже шесть лет он был наемником, часто живя вне закона: в лучшем случае считался солдатом по найму, в худшем – наемным убийцей. Беда в том, что

после того, как ты стал наемником, назад пути нет. И вопрос не в том, что нельзя устроиться на работу в какую-нибудь фирму. Можно, если приспичит, в конце концов под чужим именем. Да и не забираясь так высоко, всегда можно было бы наняться на работу шофером грузовика, охранником или, если уж совсем припрет, чернорабочим. Главная проблема заключалась в том, чтобы с этой работой смириться. Сидеть в конторе, выполняя приказы какого-то недоноска в темно-сером костюме, смотреть с тоской в окно и вспоминать заросли джунглей, раскидистые пальмы, запах пота и пороха, натужные крики людей, перетаскивающих джип через переправу, металлический привкус страха во рту перед началом атаки и дикую, безудержную радость от того, что остался в живых после.

Помнить все это и вновь засесть за бухгалтерские книги, а по вечерам втискиваться в переполненную загородную электричку просто невозможно. Он знал, что сживет себя со света, если такому суждено будет случиться. Потому что Африка кусает, словно муха це-це, и, однажды попав в кровь, ее яд не выходит до конца жизни.

Итак, он лежал на кровати и курил, гадая, где бы раздобыть очередную работу.

Глава 5

Саймон Эндин понимал, что где-нибудь в Лондоне наверняка можно раздобыть информацию, в том числе имя и адрес первоклассного наемника. Главная проблема чаще всего заключается в том, где начать поиски и к кому обращаться.

После часа размышлений за чашкой кофе в своем кабинете он вышел и, взяв такси, отправился на Флит Стрит. Через приятеля, работающего в редакции одной из центральных лондонских газет, он проник в архив газетных материалов и рассказал сотруднику хранилища, какая именно тема его интересует. Следующие два часа он провел, изучая архивные папки, содержащие все вырезки из британской прессы за последние десять лет, касающиеся наемников. Там были статьи о Катанге, Конго, Йемене, Вьетнаме, Камбодже, Лаосе, Судане, Нигерии и Руанде, краткие сообщения, комментарии, редакционные статьи, обзорные материалы и фотографии. Он прочитал все, уделяя особое внимание фамилиям авторов.

На этом этапе он не пытался узнать имя наемника. В любом случае упоминалось слишком много имен, псевдонимов, кличек, прозвищ, и он прекрасно понимал, что многие из них вымышлены.

Он искал имя специалиста по наемникам, литератора или журналиста, чьи материалы достаточно убедительно свидетельствовали о том, что автор хорошо разбирается в предмете, умело ориентируется в лабиринте противоречивых сведений о сомнительных и истинных подвигах, вынося на суд читателей продуманное, взвешенное суждение. К концу второго часа он уже знал нужное имя, хотя никогда раньше не слышал о существовании этого человека.

Три статьи, вышедшие за последние три года, были написаны в одном стиле, характерном для англичанина или американца.

Автор, судя по всему, знал, о чем пишет, и упоминал наемников самых разных национальностей, обходясь без излишнего восхваления и сенсационных подробностей их карьеры, от которых должны были мурашки по спине ползать. Эндин записал фамилию журналиста и названия трех газет, в которых были напечатаны статьи, факт, скорее всего означающий, что автор нигде не числится постоянно.

Следующий звонок приятелю в редакцию позволил выяснить адрес

репортера. Он жил в маленькой квартирке на северной окраине Лондона.

Уже темнело, когда Эндин вывел свой «корветт» из подземного гаража здания «Мэн-Кона» и направился на север, в гости к журналисту. В квартире было темно, и никто не ответил на звонок в дверь. Эндин надеялся, что владелец квартиры не уехал надолго за границу, и это подтвердила женщина, живущая на первом этаже. Он с радостью отметил, что дом был совсем небольшой и не шикарный, можно было надеяться, что репортер испытывает нужду в деньгах, как это обычно бывает с теми, кто трудится на вольных хлебах. Он решил вернуться утром.

Саймон Эндин нажал на кнопку звонка рядом с табличкой, на которой была написана фамилия журналиста, в восемь часов на следующее утро, и через полминуты из динамика под металлической решеткой в стене рядом с подъездом послышалось шипенье и прозвучал голос: «Да».

– Доброе утро, – сказал Эндин, склонившись к решетке, – моя фамилия Харрис. Уолтер Харрис. Я – бизнесмен. Нельзя ли перекинуться с вами парой слов?

Дверь подъезда открылась, и он поднялся на пятый этаж, где дверь в квартиру была распахнута. В проеме стоял человек, к которому он пришел. Когда они уселись в гостиной, Эндин перешел непосредственно к делу.

– Я бизнесмен, работаю в Сити, – он начал уверенно врать. – Пришел сюда, как представитель консорциума друзей, объединенных по одному принципу. У всех есть деловые интересы в одном государстве Западной Африки.

Журналист напряженно кивнул и отхлебнул кофе.

– Недавно появились настойчивые сообщения о том, что там намечается государственный переворот. Президент придерживается умеренных взглядов, человек вполне разумный, судя по тому, как там идут дела, и очень популярный в народе. Один из моих деловых партнеров узнал от своего подчиненного, что переворот, если он произойдет когда-нибудь, будет делом рук коммунистов. Вы меня понимаете?

– Да, продолжайте.

– Ну, возникает ощущение, что только незначительная часть армии выступит в поддержку переворота, если, конечно, все не произойдет настолько внезапно, что возникнет сумятица и ситуация полностью выйдет из-под контроля. Иными словами, оказавшись перед

свершившимся фактом, основная часть армии может согласиться перейти на сторону новой власти, коль скоро станет ясно, что переворот удался. Но если попытка окажется не настолько успешной, большинство армии, как нам всем кажется, выступит в поддержку президента. Вам, вероятно, известно, что, как показывает практика, все зависит от двадцати часов, следующих за переворотом.

– Какое это имеет ко мне отношение? – спросил журналист.

– Сейчас поясню, – сказал Эндин. – Согласно общему мнению, для успеха переворота, заговорщикам необходимо сначала убить президента. Если он останется в живых, переворот может провалиться, если вообще произойдет, и все будет в порядке. Таким образом, вопрос о дворцовой безопасности приобретает все более важное значение. Мы связывались с друзьями из Форин Офис, но они полагают, что о посылке профессионального британского офицера в качестве советника по безопасности во дворе и его окрестностях не может быть и речи.

– Ну, и?.. – репортер в очередной раз отхлебнул кофе и прикурил сигарету. Он отметил про себя, что его гость весьма гладко излагает, пожалуй, даже слишком гладко.

– Ну, и президент, таким образом, готов воспользоваться услугами профессионального военного, в качестве советника, согласно контракту, по всем вопросам, касающимся личной безопасности. Он ищет человека, который мог бы отправиться на место, произвести полный, подробный осмотр дворца и служб безопасности и заделать все возможные прорехи в организации охраны президента. По-моему, такие люди, хорошие солдаты, совсем не обязательно сражающиеся под флагом своей собственной страны, называются наемниками.

Журналист несколько раз кивнул. Он подозревал, что история, которую поведал ему человек, назвавшийся Харрисом, несколько не соответствует действительности. С одной стороны, если и вправду речь шла о службе безопасности во дворце, британское правительство не стало бы возражать против посылки эксперта-советника по этому вопросу. С другой стороны, по адресу Слоан Стрит, 22 в Лондоне находилась весьма процветающая фирма, именуемая «Уотчгارد Интернейшенл», специализирующаяся как раз по этой части.

Он в нескольких фразах указал на это Харрису. Тот абсолютно не смутился.

– Ах, – сказал он, – очевидно, мне следовало быть с вами чуть более откровенным.

– Это не помешало бы, – отозвался журналист.

– Дело в том, видите ли, что правительство Ее Величества могло бы послать эксперта только на предмет консультации или совета, но, если совет будет заключаться в том, что сотрудники службы безопасности нуждаются в повышении квалификации и должны пройти срочный курс соответствующей подготовки, то, выражаясь политическим языком, посланец британского правительства не наделен подобными полномочиями. Даже если президент решит предложить этому человеку более продолжительный контракт, в качестве своего сотрудника. Что касается «Уотчгард», один из бывших охранников из «Спешл Эр Сервис», работающих там, вполне сгодился бы, но если он будет числиться в составе дворцовой охраны в то время, как вопреки его стараниям все-таки будет предпринята попытка переворота, возникнет проблема его участия в боевых действиях. Вы же понимаете, что может подумать остальная Африка о человеке из «Уотчгард», замешанном в таком деле, которую большинство этих черных считает придатком Форин Офис. Но участие человека со стороны, пусть не пользующегося такой же репутацией, будет, по крайней мере, оправдано без презрительного фырканья в адрес президента, ставшего игрушкой в руках грязных империалистов.

– Так что вы хотите? – спросил журналист.

– Мне нужно имя хорошего наемника, – сказал Эндин. – Человека инициативного и с головой на плечах, который готов выполнить тяжелую работу за деньги.

– Почему вы пришли ко мне?

– Ваше имя вспомнил один из представителей нашей группы. Он читал статью, которую вы напечатали несколько месяцев назад. Она показалась ему весьма убедительной.

– Я пишу, чтобы заработать себе на жизнь, – сказал репортер.

Эндин аккуратно извлек из кармана двадцать десятифунтовых банкнот и положил на стол.

– В таком случае, напишите для меня, – сказал он.

– Что? Статью?

– Нет, меморандум. Имена и послужной список. Можете сделать это устно, если хотите.

– Я напишу, – сказал журналист.

Он прошел в угол комнаты, где рабочий стол, пишущая машинка и стопка чистой бумаги представляли собой импровизированный кабинет в его однокомнатной квартире. Заправив листок бумаги в машинку и изредка заглядывая в сложенные рядом со столом папки, он работал в течение пятидесяти минут. Встав со стула, он подошел к

ожидающему Эндину с тремя листками бумаги в руке и протянул их.

– Это лучшее из существующего на сегодняшний день, старое поколение, прошедшее Конго шесть лет назад, и новички, пришедшие недавно. Я не упоминал тех, кому не под силу командовать взводом. Простые исполнители вам ни к чему.

Эндин взял листки и погрузился в чтение.

«ПОЛКОВНИК ЛАМУЛИН. Бельгиец, вероятно, служил в правительственных войсках. Прибыл в Конго в 1964 году при Моисе Чомбе. Возможно, с благословения бельгийского правительства.

Образовал Шестую роту командос и был во главе ее до 1965 года, когда передал командование Денару и отбыл.

РОБЕР ДЕНАР. Француз. Начинал со службы в полиции, а не в армии. Служил во время раскола в Катанге, в 1961-62 годах, по-видимому, в качестве советника в жандармерии. Уехал оттуда после провала попытки отделения провинции и высылки Чомбе.

Руководил действиями французских наемников в Йемене, под командованием Жака Фоккара. В 1964 году вернулся в Конго, присоединился к Ламулину. Командовал Шестой ротой после Ламулина до 1967 года. Принимал участие, без энтузиазма, во втором Стэнливилльском восстании („мятеж наемников“) в 1967 году. Получил тяжелое ранение в голову, рикошетом от пули, выпущенной своими. Улетел на лечение в Родезию. Пытался вернуться, возглавив в ноябре 1967 года вторжение наемников в Конго, с юга Дилоло. Операция затянулась, как поговаривали, в результате происков ЦРУ, а потом потерпела фиаско. С тех пор Денар проживает в Париже.

ЖАК ШРАММ. Бельгиец. Плантатор, ставший наемником.

Прозвище – Черный Джек. Образовал собственный отряд из местных жителей в Катанге, в начале 1961 года, принимал деятельное участие в попытке отделения провинции. Одним из последних ушел в Анголу после провала операции. Увел за собой своих катангцев. Дождался в Анголе возвращения Чомбе, затем снова вошел в Катангу. Во время войны 1964–1965 годов с мятежниками Симба его Десятая рота действовала относительно независимо. Пересидел первое Стэнливилльское восстание („катангский мятеж“), и его смешанное подразделение из наемников и катангцев не пострадало. Начал Стэнливилльский мятеж 1967 года, к которому позднее примкнул Денар. Встал во главе объединенных отрядов после ранения Денара и пошел на Букаву. Был репатриирован в 1968. С тех пор в качестве наемника не работал.

РОЖЕ ФОЛЬК. Весьма именитый французский профессиональный офицер. Вероятно, заслан в Катангу во время попытки раскола

французским правительством. Позже под его командованием Денар проводил операции французов в Йемене. В действиях наемников в Конго не принимал участия. Руководил небольшими операциями, по распоряжению французов, во время гражданской войны в Нигерии. Прославился отчаянным бесстрашием. В настоящее время почти калека из-за полученных в боях ранений.

МАЙК ХОАР. Британец южно-африканского происхождения.

Выступал в роли советника наемных войск во времена попытки отделения Катанги, стал близким другом Чомбе. Приглашен снова в Конго в 1964 году, когда Чомбе опять пришел к власти.

Организовал англоговорящую Пятую роту. Командовал ею во время войны против Симба, ушел в отставку в декабре 1966 года и передал роту Питерсу. Живет в достатке на положении отставника.

ДЖОН ПИТЕРС. Служил под началом Хоара в 1964 году, во время первой войны наемников. Дослужился до заместителя командира. Бесстрашен и совершенно беспощаден. Несколько офицеров Хоара отказались служить под командованием Питерса и перешли в другие отряды, покинув Пятую роту. В 1966 году Питерс, нажив состояние, ушел в отставку.

Примечание. Вышеперечисленная шестерка считается „старым поколением“, поскольку они впервые выдвинулись во время катангской и конголезской войн. Последующие пятеро моложе по возрасту, за исключением Ру, которому сейчас за сорок. Они могут считаться „молодым поколением“, потому что в Конго не занимали командных должностей, а заявили о себе позднее.

РОЛЬФ ШТАЙНЕР. Немец. Впервые принял участие в операциях наемников в составе группы, организованной Фольком, во время гражданской войны в Нигерии. Оставался там до самого конца войны, командуя остатками группы еще девять месяцев. Отозван.

Подрядился на работу в Южный Судан.

ДЖОРДЖ ШРЕДЕР. Южноафриканец. Служил под началом Хоара и Питерса в составе Пятой роты в Конго. Выделялся среди служивших в подразделении южноафриканцев. Был выдвинут на место Питерса, после его отставки. Питерс согласился и передал ему командование. Пятая рота была распущена и отправлена по домам спустя несколько месяцев после этого. С тех пор о нем ничего не слышно. Живет в Южной Африке.

ШАРЛЬ РУ. Француз. Во время катангской заварушки служил на незначительных постах. Вскоре уволился и через Анголу отправился в Южную Африку. Некоторое время пробыл там, после чего вернулся с группой южноафриканцев под командование Хоара, в 1964 году. Повздорил с Хоаром и перешел к Денару.

Повышен в чине и переведен во вспомогательное подразделение Шестой роты, Четырнадцатый отряд, в качестве заместителя командира. Принимал участие в катангском мятеже 1964 года, где отряд был почти целиком уничтожен. Был тайком вывезен из Конго Питерсом. Прилетел обратно с группой южноафриканцев и присоединился к Шрамму в мае 1967 года. Принял участие в стэнливилльском мятеже 1967 года. После ранения Денара выдвигался на пост командира объединенными Шестой и Десятой ротами. Не прошел. Был ранен во время перестрелки в Букаву, уволился и вернулся домой через Кигали. С тех пор не принимал участие в активных действиях. Живет в Париже.

КАРЛО ШЕННОН. Британец. Служил под началом Хоара в Пятой роте, в 1964 году. Отказался служить у Питерса. Переведен к Денару в 1966 году, поступил в Шестую роту. Во время похода в Букаву был под началом у Шрамма. С боями вырвался из окружения. Репатрирован одним из последних в апреле 1968 года. Пошел добровольцем на нигерийскую гражданскую войну, служил под командованием Штайнера. Возглавил остатки подразделения после отставки Штайнера в 1968 году. Был во главе отряда до самого конца. В настоящее время предположительно находится в Париже.

ЛЮСЬЕН БРЕН. Он же Поль Леруа. Француз, бегло говорит по-английски. Числился офицером французской армии во время войны в Алжире. Отслужил положенное. Находился в 1964 году в Южной Африке, где записался добровольцем в Конго. Прибыл в 1964 году с отрядом южноафриканцев, влился в Пятую роту Хоара.

Дрался хорошо, получил ранение в конце 1964 года. Вернулся в 1965. Отказался служить под началом Питерса, переведен к Денару в Шестую роту в начале 1966 года. Покинул Конго в мае 1966 года, почувствовав назревающий мятеж. Воевал у Фолька в Нигерии, во время гражданской войны. После ранения репатриирован. Вернулся и попытался встать во главе отряда.

Неудачно. Репатриирован в 1968 году. Живет в Париже.

Чрезвычайно умен, хотя излишне политизирован».

Закончив чтение, Эндин поднял глаза.

– Любого из этих людей можно нанять на такую работу? – спросил он.

Журналист отрицательно покачал головой.

– Не знаю, – сказал он. – Я включил в список всех, кто мог бы выполнить подобную работу. А захотят ли они за нее взяться, другой вопрос. Это будет зависеть от масштаба работы, от количества людей, которыми им предстоит командовать. Для более старших существенную роль играет вопрос престижа. Кроме того, дело в том,

насколько они нуждаются в работе. Некоторые из старичков в своем роде на покое и прекрасно себя чувствуют.

– Скажите, кто именно, – предложил Эндин.

Журналист нагнулся и провел пальцем по списку.

– Прежде всего, старое поколение. Ламулина вам ни за что не заполучить. Он всегда, по сути дела, проводил в жизнь политику бельгийского правительства. Суровый ветеран, которого боготворили солдаты. Сейчас на пенсии. Другой бельгиец, Черный Джек Шрамм тоже на покое, разводит кур на ферме в Португалии. Из французов – Роже Фольк, пожалуй, самый знаменитый экс-офицер французской армии. Его тоже обожают все, кому доводилось служить под его началом, в Иностранном Легионе и в других местах, остальные считают его настоящим джентльменом. Но нельзя забывать, что он с трудом передвигается после ранений и последний свой контракт завалил, ибо перепоручил своему подчиненному, который испортил дело. Если бы полковник сам за него взялся, этого могло не случиться. Денар был хорош в Конго, но получил весьма серьезное ранение в голову, в Стэнливиле. Сейчас он уже оправился. Французские наемники до сих пор не теряют с ним связь, в надежде на жирный кусок, но ему ни разу не доверили командование операцией после поражения у Дилоло. И не удивительно. Из англосаксов, Майк Хоар на пенсии и полностью удалился от дел. Возможно, его можно было бы соблазнить, посулив миллион фунтов, но даже это сомнительно. Последний раз он предпринял набег на Нигерию, где предложил сделку и той и другой стороне, запросив полмиллиона фунтов. И те и другие ему отказали. Джон Питерс тоже отошел от дел и завел себе фабрику в Сингапуре. Все шестеро заработали неплохие деньги в былые времена, но никто из них не привык к менее масштабным, но технически более сложным миссиям, на которые может возникнуть спрос в наши дни. То ли потому, что не хотят этого, то ли потому, что не могут.

– А остальные пятеро? – спросил Эндин.

– Штайнер был хорош, но подпортился. Пресса до него добралась, а это всегда плохо для наемника. Они начинают верить, что на самом деле такие страшные, как написано в воскресных газетах. Ру сильно расстроился после того, как ему не удалось заполучить командный пост в Стэнливиле, когда Денара ранило. Он претендует на лидерство среди всех французских наемников, но после Букаву его ни разу не брали на работу. Двое последних получше, и тому и другому за тридцать, умные, образованные и достаточно поднатворевшие в боях,

чтобы командовать другими наемниками. Кстати, наемники соглашаются только на того командира, которого выбирают сами. Поэтому нанимать плохого наемника для подбора себе помощников бессмысленно, потому что никто не захочет служить под началом человека, который однажды опростоволосился. Вот отчего послужной список очень важен. Люсьен Брен, он же Поль Леруа, мог бы выполнить эту работу. Беда в том, что вы никогда не сможете быть уверены, что он не передает информацию французской разведке, СДЕКЕ. Это для вас важно?

– Да и даже очень, – быстро отреагировал Эндин. – Вы упустили из вида Шредера из Южной Африки. Как его кандидатура? Вы сказали, что он командовал Пятой ротой в Конго?

– Да, – ответил журналист. – В конце, в самом конце. Она, кстати, и развалилась под его командованием. Он первоклассный солдат в пределах своих возможностей. Например, смог бы успешно командовать даже батальоном наемников, если бы только батальон входил в состав бригады с крепким руководством. Он очень хорош в бою, но без изюминки. Почти нет воображения, не тот человек, который смог бы продумать самостоятельную операцию до мельчайших деталей. Ему потребуются в помощь штабные офицеры для осуществления стратегического руководства.

– А Шеннон? Он британец?

– Помесь ирландца с англичанином. Из новичков. Впервые встал во главе отряда только год назад, но проявил себя хорошо. Способен мыслить нестандартно и очень решителен. Может организовать все, вплоть до последней детали.

Эндин поднялся, чтобы уйти.

– Скажите мне одну вещь, – произнес он от двери. – Если бы вы сами... искали подобного человека, которому нужно на месте оценить ситуацию, кого бы вы выбрали?

Журналист собрал разбросанные по столу бумаги.

– Кота Шеннона, – не задумываясь сказал он. – Если бы я этим занимался или планировал такую операцию, я бы выбрал Кота.

– Где он? – спросил Эндин.

Журналист назвал гостиницу и бар в Париже.

– Можете попытать счастья там, – сказал он.

– А если этого человека, Шеннона, не удастся разыскать или по каким-то причинам его кандидатура отклоняется, кто будет вторым по списку?

Журналист на минуту задумался.

– Если исключить Люсьена Брена, тогда единственный, кого наверняка можно нанять и у кого достаточно опыта, это Ру, – сказал он.

– У вас есть его адрес? – спросил Эндин.

Журналист пролистал маленькую записную книжку, достав ее из ящика письменного стола.

– У Ру есть квартира в Париже, – сказал он и продиктовал Эндину адрес.

Через несколько секунд до него долетел стук каблуков Эндина, спускающегося по лестнице. Он снял телефонную трубку и набрал номер.

– Кэрри? Привет, это я. Сегодня вечером идем в ресторан. Куда-нибудь в приличное место. Мне только что заплатили за очерк.

Кот Шеннон медленно и задумчиво брел по улице Бланс в сторону площади Клици. Маленькие кафе по обе стороны улицы уже открылись и зазывалы уговаривали зайти, чтобы увидеть самых красивых девушек Парижа. Сами девицы, которых можно было бы назвать как угодно, только не красавицами, пятались сквозь кружевные занавески на потемневшую улицу. Было чуть больше пяти вечера, середина марта, холодно и ветрено. Погода соответствовала настроению Шеннона.

Он перешел площадь и поплелся по другой стороне улицы к своей гостинице, у которой если и были преимущества, то только не красивый вид из окон номеров на верхнем этаже, потому что они выходили на склон Монмартра. Он размышлял о докторе Дюнуа, к которому ходил на обследование недель раньше. Бывший парашютист и военный врач, Дюнуа увлекся альпинизмом, принимал участие в двух французских экспедициях на Гималаи и в Анды в качестве врача команды.

После он подписался добровольно на нелегкие путешествия в Африку, по временному контракту, продлеваемому в случае необходимости, как представитель французского Красного Креста. Там он повстречался с наемниками и залатал нескольких из них после боя. Он приобрел известность как врач наемников даже в Париже и зашил множество дырок от пуль, извлек из их тел бесчисленное количество осколков от снарядов. Когда у них возникала проблема со здоровьем или нужно было провериться, они обычно приезжали в его парижскую клинику. Если дела у них были в порядке, деньжата водились, они щедро расплачивались долларами. Если нет, он забывал прислать им счет, что вовсе не характерно для французских врачей.

Шеннон вошел в вестибюль гостиницы и подошел к портье, чтобы забрать ключ от номера. Старик дежурил за стойкой.

– А, месье, вам тут звонил один человек из Лондона. Целый день. Оставил послание.

Старик просунул в окошечко сложенный листок бумаги. Текст был написан корявым старческим почерком, очевидно диктовали по буквам. В записке было всего два слова «Берегись Харриса».

Она была подписана фамилией одного независимого журналиста, которого он знал со времен войн в Африке и который жил в Лондоне.

– К вам еще гость, месье. Он ждет в салоне.

Старик указал рукой в сторону маленькой комнаты, смежной с вестибюлем, и через открытую дверь Шеннон увидел человека примерно одного с ним возраста, одетого в мышинного цвета униформу лондонского бизнесмена, который пристально смотрел на него, сидя в кресле. Ни та легкость, с которой он вскочил на ноги как только Шеннон вошел в салон, ни внушительная ширина плеч не соответствовали облику лондонского бизнесмена. Шеннону доводилось раньше видеть таких людей. Они всегда представляли пожилых и богатых хозяев.

– Мистер Шеннон?

– Да.

– Мое имя Харрис. Уолтер Харрис.

– Вы хотели меня видеть?

– Я уже два часа жду только ради этого. Мы можем побеседовать здесь или пройдем в ваш номер?

– Можно и здесь. Старик не понимает по-английски.

Мужчины уселись друг напротив друга. Эндин откинулся назад и положил ногу на ногу. Достал пачку сигарет и протянул Шеннону. Шеннон покачал головой, потянулся за собственной пачкой в нагрудный карман, потом передумал.

– Насколько я понимаю, вы наемник, мистер Шеннон?

– Да.

– На самом деле мне вас рекомендовали. Я представляю группу лондонских бизнесменов. Нам нужно выполнить одну работу. Что-то вроде особого задания. Для этого требуется человек, знакомый с военным делом, который может выехать в другую страну, не вызывая подозрений. Кроме того, это должен быть человек, который способен составить грамотный отчет обо всем, что там увидит, проанализирует военную ситуацию и не станет распространяться по этому поводу.

– Я не наемный убийца, – коротко заметил Шеннон.

– Нам это не нужно, – сказал Эндин.

– Хорошо, тогда в чем заключается задание и какова оплата – спросил Шеннон.

Он решил не терять времени попусту. Этого человека вряд ли смутит, если он будет называть вещи своими именами.

Эндин слегка улыбнулся.

– Прежде всего, вам придется приехать в Лондон для инструктажа. Мы оплатим ваш проезд и накладные расходы, даже если в результате вы не примете наше предложение.

– Почему в Лондоне? Почему не здесь? – спросил Шеннон.

Эндин выпустил длинную струю дыма.

– Там карты и некоторые заинтересованные лица, – сказал он. – Я не хотел везти их сюда. Кроме того, мне нужно будет посоветоваться с партнерами, доложить им, согласитесь вы или нет, как уж там дело обернется.

В наступившей тишине Эндин вытащил из кармана пачку французских банкнот.

– Полторы тысячи франков, – сказал он. – Около 120 английских фунтов. Этого хватит на билет на самолет до Лондона, прямой или обратный, как вам будет угодно, и на оплату суточного пребывания в гостинице. Если вы откажетесь от предложения, выслушав его, получите еще 100 фунтов в качестве компенсации за беспокойство. Если примете предложение – обсудим дальнейшее вознаграждение.

Шеннон кивнул.

– Хорошо. Я согласен выслушать вас в Лондоне. Когда?

– Завтра, – ответил Эндин и поднялся. – Прилетайте в любое время дня и останавливайтесь в отеле «Пост Хауз» на Хейверсток Хилл. Я закажу вам номер сегодня вечером, когда вернусь. В девять утра послезавтра я звоню вам в номер и назначаю встречу на более поздний час тем же утром. Понятно?

Шеннон кивнул и подобрал со стола пачку франков.

– Заказывайте номер на имя Брауна. Кейта Брауна, – сказал он.

Человек, назвавшийся Харрисом, вышел из гостиницы и направился вниз по склону холма в поисках такси.

Он не видел причины для того, чтобы рассказывать Шеннону, как этим же днем, раньше, он провел три часа за беседой с другим наемником, человеком по имени Шарль Ру. Он не стал также говорить, как решил для себя, несмотря на очевидную готовность француза, что Ру не подходит для этого дела. Он покинул его квартиру, туманно пообещав связаться с ним снова и сообщить о принятом решении.

Через двадцать четыре часа Шеннон стоял у окна спальни в отеле «Пост Хауз», глядя на дождь и ползущие вверх по Хейверсток Хилл автобусы, направляющиеся от Кэмден Тауна дальше к Хемпстеду и на окраины.

Он прилетел этим утром на первом самолете, по своему паспорту, выданному на имя Кейта Брауна. Уже давно ему пришлось обзавестись фальшивым паспортом, используя обычный метод, популярный в кругах наемников. В конце 1967 года он оказался с Черным Жаком Шраммом в Букаву, в окружении, после многомесячной осады, конголезской армией. В конце концов, так и не сдавшись, но истратив почти все боеприпасы, наемники оставили конголезский город, расположенный на берегу озера, перешли по мосту в соседнюю Руанду и разрешили себя разоружить, при условии соблюдения гарантий, обговоренных Международным Красным Крестом, хотя сам Красный Крест никак не мог обеспечить их соблюдение.

После этого, почти полгода, они сидели без дела в лагере для интернированных лиц в Кигали, пока Красный Крест и правительство Руанды торговались по поводу их репатриации в Европу. Президент Конго Мобуту требовал, чтобы их прислали ему для казни, но наемники пригрозили, что если будет принято такое решение, они голыми руками сметут руандийскую армию, вернут свое оружие и пробьются домой самостоятельно.

Руандийское правительство благоразумно решило, что подобное весьма возможно.

Когда, наконец, было принято решение отправить их обратно в Европу, лагерь посетил британский консул и спокойно сказал шести британским наемникам, что ему придется конфисковать их паспорта. Они так же спокойно объяснили ему, что потеряли все документы при переправе через озеро в Букаву. После прибытия в Лондон Шеннону и остальным было объявлено от лица Форин Офис, что с каждого из них причитается по 350 фунтов стерлингов за оплату авиа-услуг, и что новые паспорта^[8] им уже никогда не выдадут.

Перед отъездом из лагеря их всех сфотографировали, сняли отпечатки пальцев и записали фамилии. Кроме того, им пришлось подписать документ, согласно которому им запрещалось впредь когда-либо ступить на африканский континент. Копии этого документа должны были быть разосланы всем правительствам африканских государств. Реакцию наемников нетрудно было предугадать. Все они заросли густыми бородами и усами, нестриженные волосы спускались до плеч, после долгих месяцев в лагере, где пользоваться ножницами

было категорически запрещено, чтобы они не могли применить их не по назначению.

Таким образом, на фотографии узнать их было невозможно. Потом они поменялись отпечатками пальцев и фамилиями. В результате на каждом документе, удостоверяющем личность, было имя одного, отпечатки другого и фотография третьего. В конце концов они подписали обязательства навсегда покинуть Африку именами вроде: Себастьян Уитабикс и Недди Сигуд.

Реакция Шеннона на требование Форин Офис была не менее очевидной. Так как у него оставался «потерянный» паспорт, он продолжал им пользоваться и ездил куда хотел, пока не истек срок его годности. После этого он предпринял необходимые шаги, чтобы выписать себе новый документ в паспортном отделе, как и положено, только на основании свидетельства о рождении, копию которого он получил обычным порядком в Сомерсет Хауз^[9] за пять шиллингов, выданным на имя ребенка, скончавшегося от менингита в Ярмуте приблизительно в то же время, когда родился Шеннон.^[10]

Прибыв утром в Лондон, он связался с журналистом, которого встречал в Африке, и выяснил, каким образом Уолтер Харрис на него вышел, Поблагодарив журналиста за рекомендацию, спросил, не знает ли тот какое-нибудь агентство, занимающееся частным сыском. Позже он посетил эту контору и оставил задаток в двадцать фунтов, пообещав позвонить на следующее утро и дать новые указания.

Эндин позвонил в гостиницу, как и обещал, ровно в девять, и его соединили с номером мистера Брауна.

– На Слоан Авеню есть жилой дом, под названием Челси Клойстерс, – начал он без вступления. – Я снял квартиру 317 для нашей беседы. Ждите в вестибюле дома, пока я не появлюсь. Ключ у меня. Пожалуйста, будьте там ровно в одиннадцать.

Он положил трубку. Шеннон записал адрес и, достав записную книжку, набрал номер сыскаго агентства.

– Мне нужно, чтобы ваш человек был в вестибюле дома Челси Клойстерс на Слоан Авеню в десять пятнадцать, – сказал он. – Лучше, если он будет на колесах.

– У него есть мотоцикл, – ответил начальник агентства.

Час спустя Шеннон встретился с человеком из агентства в вестибюле дома. К его удивлению, им оказался молодой парень лет двадцати, с длинными волосами. Шеннон подозрительно оглядел его.

– Вы знакомы с работой? – спросил он.

Парень кивнул. Он весь светился энтузиазмом, и Шеннону

оставалось только надеяться, что этот энтузиазм подкреплён хоть толикой умения.

– В таком случае, оставьте защитный шлем на мотоцикле, – велел он. – Люди, приходящие сюда, не носят шлемов. Садитесь и читайте газету.

У парня газеты не оказалось, и Шеннон дал ему свою.

– Я буду сидеть в другом конце вестибюля. Около одиннадцати придет человек, кивнет мне, и мы вместе отправимся к лифту. Постарайтесь запомнить этого человека. Он выйдет приблизительно через час. К этому моменту вы должны находиться на другой стороне улицы, у мотоцикла, в шлеме, делая вид, что исправляете неполадку. Понятно?

– Да, я все понял.

– Человек либо сядет в собственный автомобиль, припаркованный рядом, в этом случае нужно запомнить номер машины, либо возьмет такси. В любом случае, следуйте за ним и выясните, куда он направляется. Сидите у него на хвосте до того момента, пока он не прибудет на конечный пункт своего назначения.

Парень впитал в себя инструкции и занял место в углу вестибюля, прикрывшись газетой.

Портье нахмурился, но оставил его в покое. Ему приходилось присутствовать при кое-каких встречах, происходящих напротив его стойки.

Через сорок минут в подъезд вошел Саймон Эндин. Шеннон обратил внимание, что он отпустил такси и надеялся, что мальчишка тоже это заметил. Он поднялся с места и кивнул вошедшему, но Эндин прошел мимо него и нажал кнопку вызова лифта. Шеннон последовал за ним и краем глаза заметил, как парень уставился на них поверх газеты.

«Боже мой», – подумал про себя Шеннон и промямлил что-то насчет дурной погоды, чтобы человек, называвший себя Харрисом, не посмотрел ненароком в дальний конец вестибюля.

Усевшись в кресло в квартире 317, Эндин открыл свой портфель и извлек оттуда карту. Расправив ее, предложил Шеннону взглянуть. Шеннон затратил на изучение карты три минуты и запомнил все детали. После этого Эндин приступил к инструктажу.

Рассказ представлял собой искусную смесь правды и вымысла.

Эндин продолжал утверждать, что представляет консорциум британских бизнесменов, которые в той или иной степени вели дела с Зангаро, и все без исключения, включая отошедших от дел, пострадали

от президента Кимбы.

Затем он углубился в историю республики от провозглашения независимости и далее, и то, что он говорил, было правдой, в основном взятой из его собственного доклада сэру Джеймсу Мэнсону. Заключительный удар был нанесен в конце.

– Группа местных офицеров вошла в контакт со своими бизнесменами, которые в нынешних условиях в стране вымирают. Они намекнули, что собираются свергнуть Кимбу, организовав переворот. Один из местных бизнесменов связался с представителем нашей группы и рассказал об их проблемах. Основная трудность заключается в том, что, несмотря на офицерский статус, местные военные не обладают соответствующей подготовкой и не представляют, как можно свергнуть этого человека, потому что почти все время он проводит в стенах своего дворца, в окружении охранников.

– Честно говоря, мы бы не очень огорчились, если бы Кимбы не стало, как впрочем и его народ. Новое правительство могло бы многое сделать для оздоровления разрушенной экономики страны. Нам нужен человек, который мог бы отправиться на место и составить подробный и полный отчет об уровне армии и службы безопасности как во дворце, так и вне его, в жизненно важных учреждениях страны. Нам нужен полный отчет о военном потенциале Кимбы.

– Чтобы передать своим офицерам? – спросил Шеннон.

– Это не наши офицеры, а зангарийские. Факт заключается в том, что, если они и решатся нанести удар, им полезно знать, на каком они свете.

Шеннон поверил приблизительно половине того, что услышал, кроме последнего. Если офицеры, находящиеся на месте, не в силах самостоятельно оценить ситуацию, им не под силу будет произвести переворот. Он промолчал.

– Мне придется поехать под видом туриста, – сказал он. – Другая крыша не работает.

– Это верно.

– Там наверняка чертовски мало туристов. А почему бы мне не отправиться в качестве представителя дружественной фирмы к одному из ваших деловых партнеров?

– Это невозможно, – сказал Эндин. – Если дело вдруг сорвется, нам не расхлебать последствий.

«Ты имеешь в виду, если меня поймают», – подумал Шеннон, но ничего не сказал. Ему платят, поэтому он должен рисковать. За это, и за свои знания, он и получал деньги.

– Остается вопрос оплаты, – коротко сказал он.

– Значит, вы согласны?

– Если сумма подойдет, то да.

Эндин одобритительно кивнул.

– Завтра утром в вашей гостинице будет лежать авиабилет из Лондона до столицы соседнего государства и обратно, – сказал он. – Вам придется снова полететь в Париж и получить визу на въезд в эту республику. Зангаро настолько бедна, что у них на всю Европу одно посольство, кстати, в том же Париже. Но на получение зангарской визы там требуется целый месяц. В столице соседней республики есть зангарское консульство. Там можно получить визу за наличные в течение часа, если дать взятку консулу. Вы понимаете, как это делается?

Шеннон кивнул. Он очень хорошо понимал, как это делается.

– Таким образом, получаете визу в соседнюю страну в Париже, потом летите туда рейсом «Эр Африк», проставляете зангарийскую визу и оттуда добираетесь до Кларенса местным самолетом, платя наличными. Вместе с билетами в гостинице завтра будет 300 фунтов стерлингов во французской валюте, на дополнительные расходы.

– Потребуется пятьсот, – сказал Шеннон. – Это займет минимум десять дней, а то и больше, в зависимости от транспорта и процедуры получения виз. Три сотни не оставляют возможности для непредвиденных взяток в случае задержки.

– Хорошо, пятьсот фунтов, французскими франками. Плюс пятьсот вам лично, – сказал Эндин.

– Тысяча, – отозвался Шеннон.

– Долларов? Насколько мне известно, вы, ребята, привыкли к долларовому исчислению.

– Фунтов, – сказал Шеннон. – Или 2500 американских долларов, то есть двухмесячный оклад, если бы меня нанимали по обычному контракту.

– Но вы будете заняты только десять дней, – запротестовал Эндин.

– Десять дней повышенного риска, – не сдавался Шеннон. – Если это местечко хоть наполовину соответствует тому, что вы мне рассказали, каждому, кто попадется на такой работенке, грозит верная смерть, причем весьма болезненная. Вы предпочитаете, чтобы рисковал я, вместо того, чтобы отправиться туда самостоятельно, значит – платите.

– О'кей, тысяча фунтов. Пятьсот сейчас и пятьсот по вашему возвращению.

– Откуда мне знать, что вы свяжитесь со мной после возвращения? – спросил Шеннон.

– А откуда я знаю, что вы вообще там были? – парировал Эндин.

Шеннон задумался. Потом кивнул.

– Хорошо. Половину сейчас, половину после.

Через десять минут Эндин удалился, попросив Шеннона выйти через пять минут после его ухода.

В три часа того же дня начальник сыскного агентства вернулся с обеда. Шеннон позвонил в три пятнадцать.

– Ах, да, мистер Браун, – зазвучал голос в трубке. – Я говорил со своим сотрудником. Он ждал, как вы ему велели, и когда объект вышел из дома, заметил его и сел на хвост. Объект поймал такси за углом, и мой агент проследовал за ним в Сити. Там объект отпустил такси и вошел в здание.

– Какое здание?

– «Мэн-Кон Хауз». Там располагается руководство компании «Мэнсон Консолидейтед Майнинг».

– Вы не выяснили, работает ли он там? – спросил Шеннон.

– Похоже, что да, – произнес шеф агентства. – Мой агент не смог пройти за ним внутрь здания, но заметил, как привратник почтительно отсалютовал объекту и распахнул перед ним дверь. Он не делал этого перед какими-то секретарями и младшими служащими, потоком повалившими на обед.

– Внешность обманчива, – признался себе Шеннон.

Мальчишка хорошо потрудился. Шеннон дал несколько дополнительных указаний и позже перевел по почте 50 фунтов на адрес сыскного агентства. Кроме того, он открыл счет в банке и положил на него 10 фунтов. На следующее утро добавил к ним еще 500 фунтов и тем же вечером улетел в Париж.

Доктор Гордон Чалмерс пил мало. Он редко притрагивался к напиткам крепче пива и когда это случалось, становился болтливым, на что обратил внимание его хозяин, сэр Джеймс Мэнсон, еще во время обеда у Уилтона. В тот вечер, когда Кот Шеннон сидел в «Ле Бурже» на ДС-8 компании «Эр Африк», следующий в Западную Африку, доктор Чалмерс ужинал со своим одноклассником по колледжу, тоже ученым, работающим в области прикладных исследований.

Они собрались без особого повода. Он случайно, как это иногда бывает, наткнулся на своего бывшего соученика на улице несколько дней назад, и они условились поужинать вместе.

Пятнадцать лет прошло с тех пор как они, молодые неженатые аспиранты, корпели до седьмого пота над своими диссертациями.

Они были серьезными и не чуждались общественных проблем, как и подобает большинству молодых ученых. В середине пятидесятых общество волновали атомная бомба и колониализм, и они дружно вышагивали с тысячами других, призывая к ядерному разоружению, с охотой вливались в различные движения за скорейший развал колониальной империи и за свободу народам мира. Оба были возмущены, решительны, непоколебимы, и оба так ничего и не изменили. Однако, в своем негодовании по поводу несправедливого устройства мира, они каким-то боком примкнули к движению молодых коммунистов. Чалмерс перерос увлечения юности, женился, обзавелся хозяйством, внес паевой взнос за собственный дом и медленно сполз в болото обеспеченного среднего класса.

Обрушившиеся на его плечи за последние две недели неприятности побудили его выпить больше обычной рюмки вина за ужином, существенно больше. Его друг, милый человек с мягким взглядом карих глаз, обратил внимание на его состояние и спросил, не может ли он чем-нибудь помочь.

Когда перешли к коньяку, доктор Чалмерс понял, что должен поделиться своими тревогами с кем-то, лучше всего с человеком, который в отличие от его жены тоже был ученым и должен понять проблему. Конечно, это должно остаться строго между ними, и друг просто светился благожелательностью и пониманием.

Когда он услышал о дочери-калеке, и о том, как дорого стоит ее специальное оборудование, глаза приятеля сочувственно повлажнели и он, потянувшись рукой через стол, пожал доктора Чалмерса за запястье.

– Не переживай так, Гордон. Это очень легко понять. Любой на твоём месте поступил бы так же, – успокоил он его.

«Любой на твоём месте поступил бы так же», – он так прямо и сказал. Чалмерсу стало легче, когда они вышли из ресторана и отправились по домам, каждый своей дорогой. У него камень с души упал, когда он поделился своими бедами.

Хотя он и спрашивал у друга, чем он занимался с тех пор, как они учились вместе, тот отвечал как-то уклончиво.

Чалмерс, удрученный собственными проблемами и с притупленным вином сознанием, не настаивал на подробностях. Но даже сделай он это, вряд ли бы его друг сознался, что, так и не примкнув к буржуазии, до сих пор остался убежденным членом

партии.

Глава 6

«Конвэр-440», который осуществлял местные рейсы в Кларенс, заложил широкий вираж над заливом перед заходом на посадку.

Сидя с левой стороны по ходу салона, Шеннон посмотрел в иллюминатор и увидел город, проплывающий под ним. С высоты тысячи футов он видел столицу Зангаро, занимавшую выдающуюся в море оконечность полуострова, с трех сторон окаймленную поросшими пальмами берегами залива, а с четвертой стороны землей, вдоль которой кургузый полуостров, длиной всего в восемь миль, вливался в основную линию побережья.

Отросток земли был в три мили шириной у своего основания, где граничил с прибрежной полосой болот, и в милю шириной у дальнего конца, где располагался город. Берега вдоль каждой из сторон полуострова тоже были заболочены, и только у самого мыса болота уступали место узким пляжам, покрытым галькой.

Город покрыл оконечность полуострова поперек от одного берега до другого и простирался вдоль него еще милю. От края города с этой стороны, меж обработанных участков земли, бежала полоска дороги на все оставшиеся до главного берега семь миль.

Очевидно, все лучшие здания города располагались на прибрежной полосе, обращенной в сторону моря, где их обдувало свежим морским ветром, ибо с воздуха было видно, что эти дома стоят на отдельных участках, размером с акр. Противоположная сторона города была, вероятно, самой бедной, где тысячи крытых жестью хибарок жались друг к другу вдоль узких грязных улиц. Он начал внимательно разглядывать богатый район Кларенса, где когда-то жили колониальные хозяева, так как здесь должны были располагаться все важные здания. На осмотр этой части города под тем углом, где он находился, ему было отпущено не более нескольких секунд.

В самом конце прибрежного района находился маленький порт, устроенный там, где, по непонятным с точки зрения геологии причинам, от берега в море уходили две длинные изогнутые дугой полоски отмелей, словно гигантские рога жука-рогача или клешни ухвертки. Сам порт расположился на основном берегу этого залива. По обе стороны от отмелей поверхность моря была покрыта бурунами, как заметил Шеннон, но внутри стоял полный штиль. Несомненно, что

именно эта естественная бухта, прихотью природы пристроившаяся к оконечности полуострова, привлекла к себе первых мореплавателей.

В центре порта, прямо напротив выхода из бухты, одиноко громоздился бетонный причал, у которого не было пришвартовано ни одного корабля, и вблизи просматривалось что-то вроде пакгауза. Слева от бетонного причала располагались, судя по всему, местные рыбаки – на покрытом галькой пляже виднелись разбросанные в беспорядке продолговатые каноэ и разложенные для просушки сети. Справа от причала находился старый порт: несколько ветхих деревянных мостков, вытянувшихся в сторону моря.

За пакгаузом ярдов на двести простиралась поросшая бурьяном лужайка, которая упиралась в идущую вдоль берега дорогу. По другую сторону дороги начинались дома. Шеннон уловил краем глаза белую церквушку, построенную в колониальном стиле, и здание, служившее, по-видимому, дворцом губернатора в былые времена, окруженное высокой стеной. За стеной располагался просторный двор, окруженный барачными постройками, очевидно, появившимися недавно.

В этот момент «Конвэр» завершил вираж и выровнял курс.

Город исчез из вида, они пошли на посадку.

Шеннон впервые столкнулся с Зангаро днем раньше, когда обратился за получением туристской визы. Консул в соседней столице принял его с некоторым удивлением, не успев привыкнуть к подобным просьбам. Ему пришлось заполнить анкету на пяти страницах, включающую даже сведения о родителях (так как он не имел понятия, как звали родителей Кейта Брауна, пришлось придумать им имена) и всю прочую подобную информацию.

В паспорте, когда он его вручил, между первой и второй страницами покоилась красивая банкнота. Она перекочевала в карман консула. После этого консул осмотрел паспорт со всех сторон, прочитал все страницы, просмотрел их на свет, повернул вверх ногами, подробно ознакомился с примечаниями на внутренней стороне обложки. Спустя пять минут после начала этой процедуры Шеннон заволновался, вдруг что-нибудь не так.

Вдруг британский Форин Офис именно в этом паспорте пропустил ошибку? Тут консул посмотрел на него и сказал:

– Вы американец.

Шеннон с облегчением понял, что этот человек не умеет читать.

Через пять минут он получил долгожданную визу. Но в аэропорту Кларенса веселье кончилось.

Он не сдавал ничего в багаж, у него с собой была только сумка. Внутри главного (и единственного) корпуса для пассажиров жара была невыносимой, и от жужжания мух гудело в ушах. Вокруг расположились около дюжины солдат и десять полицейских. Они, очевидно, принадлежали к разным племенам.

Полицейские держались замкнуто, почти не переговаривались друг с другом, стояли сбоку, облокотясь на стену. Внимание Шеннона привлекли солдаты. Он искоса поглядывал на них, пока заполнял очередную длинную анкету (такую же, как и в предыдущий день в консульстве) и проходил медицинский и паспортный контроль у чиновников, которых он принял за Кайа, как и полицейских.

Неприятности начались, когда он подошел к таможне. Его ждал одетый в штатское человек, который коротким жестом велел ему пройти в боковую комнату. Как только он это сделал, держа в руке сумку, за ним ввалились четверо солдат. Тут он понял, что именно в их облике вызвало его неосознанную тревогу.

Давно, в Конго, ему приходилось видеть и ощущать подобное: чувство неотвратимой угрозы, исходящей от африканца, находящегося почти на первобытной стадии развития, вооруженного, наделенного властью, абсолютно непредсказуемого, с совершенно неожиданной реакцией на происходящее, словно тикающая бомба замедленного действия.

Каждый раз перед самым началом грандиозной резни, которую на его глазах устраивали конголезцы против катанганцев, Симба против миссионеров и конголезская армия против Симба, он отмечал эту бессмысленную угрозу в глазах, беспричинное упоение своей силой, которое может неожиданно, без всяких видимых причин, вылиться в сумасшедшую жестокость. Солдаты президента Кимбы из племени Винду выглядели именно так.

Таможенник в штатском предложил Шеннону положить сумку на шаткий столик и начал в ней рыться. Досмотр проходил так, будто речь идет о припрятанном оружии, пока таможенник не наткнулся на электрическую бритву, вытащил ее из сумки, осмотрел со всех сторон и нажал на кнопку «пуск». Бритва фирмы «Ремингтон Лектроник», с новыми батарейками, исправно зажужжала. С невозмутимым видом таможенник положил ее в карман.

Покончив с сумкой, он жестом предложил Шеннону выложить на стол содержимое карманов. Оттуда были извлечены ключи, носовой платок, мелочь, бумажник и паспорт. Таможенник потянулся к бумажнику, вытащил чековую книжку, посмотрел на нее, крикнул и

отдал обратно. Мелочь сгреб в ладонь и положил в карман. Из бумажных денег там были две банкноты по 5000 африканских франков и несколько сотенных бумажек. Солдаты подошли поближе, также молча сопя, держа карабины словно дубинки и поглядывая на стол с нескрываемым любопытством.

Человек в штатском, стоящий у стола, прикарманил две купюры по 5000 афро-франков, а один из солдат подобрал остальное.

Шеннон посмотрел на таможенника. Их взгляды встретились.

Таможенник приподнял подол рубахи и показал торчащую из-под ремня короткую рукоятку «браунинга» 9-го калибра. Похлопал по ней ладонью.

– Полиция, – произнес он, не отводя глаз.

У Шеннона руки чесались вмазать этому субчику по морде. Он не переставал повторять себе: «Спокойно, малыш, только не заводишься.»

Он медленно, очень медленно, провел рукой в сторону стола и вопросительно поднял брови. Штатский кивнул, и Шеннон принялся собирать вещи и рассовывать их обратно по карманам.

Он почувствовал, что солдаты за его спиной отступили, хотя и продолжали сжимать винтовки обеими руками, угрожая в любой момент ударить с размаху или ткнуть прикладом, если вдруг возникнет желание.

Казалось, что прошел целый век, пока штатский наконец кивнул в сторону двери, и Шеннон вышел. Он ощущал, как пот потоком льется вдоль позвоночника до самых трусов.

В холле аэропорта он обнаружил единственную белую пассажирку того же рейса, американскую девушку, которую пришел встречать католический священник, и у нее, после продолжительной беседы святого отца с солдатами на местном диалекте, особых неприятностей не возникло. Священник поднял голову и поймал на себе взгляд Шеннона. Шеннон слегка поднял бровь. Святой отец перевел глаза на дверь в комнату, из которой только что вышел Шеннон, и незаметно кивнул.

На маленькой площади, перед зданием аэропорта, залитой палящими лучами солнца, никакого транспорта не было и в помине. Шеннон стал ждать. Через пять минут он услышал за собой голос, говорящий с мягким американско-ирландским акцентом.

– Тебя подбросить до города, сын мой?

Они поехали в машине священника, «фольксвагене-жучке», который для верности был припрятан в тени пальмовой рощицы в нескольких ярдах от ворот аэропорта. Американская девушка не

устаивала возмущаться: кто-то открыл ее сумочку и рылся в ней. Шеннон молчал, понимая, как им всем повезло, что их не побили. Священник работал в госпитале ООН, совмещая роли капеллана, миссионера и врача. Он с пониманием посмотрел на Шеннона.

– Они вас потрясли немного?

– Бандиты, – сказал Шеннон.

Потеря 15 фунтов ничего не значила, но оба имели в виду настроение солдатни.

– Здесь надо быть очень осторожным, в самом прямом смысле, очень осторожным, – мягко сказал священник. – Вы заказали гостиницу?

Когда Шеннон сказал, что нет, священник подвез его к «Независимости», единственной гостинице в Кларенсе, где разрешалось селиться европейцам.

– Директор гостиницы Гомез, совсем неплохой человек, – сказал священник.

Обычно, когда в африканском городе появляется новое лицо, следуют приглашения от других европейцев сходить в клуб, потом зайти в бунгало, выпить немного, а вечером – на прием.

Священник, несмотря на всю свою благожелательность, не предложил ничего подобного. В этом была очередная особенность Зангаро, с которой столкнулся Шеннон. Влияние общего напряжения сказывалось и на белых. Ему предстояло еще многое узнать в ближайшие дни и, в основном, от Гомеза. С Жюлем Гомезом он познакомился в тот же вечер. Бывшему владельцу, а ныне директору отеля «Независимость» было пятьдесят лет.

«Pied noir» – француз из Алжира. В последние дни Французского Алжира, почти десять лет тому назад, он продал свой процветающий бизнес по производству сельхозтехники как раз перед началом всеобщего хаоса, когда продать дело было уже невозможно. С вырученными средствами он отправился во Францию, но год спустя понял, что не может больше жить в атмосфере Европы, и стал присматривать себе другое местечко.

Его выбор пал на Зангаро, когда до независимости оставалось еще пять лет и об этом никто даже подумать не мог. На свои сбережения он купил отель и существенно улучшал его год от года.

После независимости ситуация изменилась. За три года до приезда Шеннона Гомеза кратко информировали о том, что отель будет национализирован, и ему будут платить в местной валюте.

Такого никогда не было, да и местные деньги ничего не стоили.

Но он схватился за должность директора, надеясь, вопреки всему, что когда-нибудь все снова изменится к лучшему, и к тому моменту хоть что-то останется от его единственного имущества на этой планете, чтобы обеспечить ему старость. В качестве директора он занимался приемом гостей и обслуживал бар. Шеннон застал его в баре.

Войти в доверие к Гомезу было бы нетрудно. Достаточно упомянуть старых друзей и товарищей Шеннона – членов ОАС, служивших ранее в Легионе, десантных войсках и оказавшихся в конце концов в Конго. Но в таком случае пришлось бы расстаться с «крышей» простого английского туриста, который, не зная, куда девать пять дней, прилетел с севера исключительно из любопытства, чтобы посмотреть на загадочную республику Зангаро. Поэтому он решил придерживаться роли туриста.

Но позже, когда бар закрылся, он предложил Гомезу выпить у него в номере. По непонятным причинам солдаты в аэропорту оставили нетронутой бутылку виски в его сумке. У Гомеза при виде ее глаза широко раскрылись. Виски было в числе тех товаров, на импорт которых у страны не было средств. Шеннон следил за тем, чтобы Гомезу доставалось больше, чем ему самому. Когда он вскользь заметил, что приехал в Зангаро из любопытства, Гомез фыркнул.

– Из любопытства? Здесь любопытно, это верно. Чертовски странно, я бы сказал.

Хотя они говорили по-французски и были одни в номере, Гомез понизил тон и наклонился вперед. В очередной раз Шеннон отметил необычайное чувство страха, характерное для всех, кого он видел, кроме бандитов в армейской форме и полицейского, выступавшего в роли таможенника в аэропорту.

Высосав полбутылки, Гомез слегка разговорился, и Шеннон начал потихоньку выпытывать информацию. Гомез в общих чертах подтвердил то, что рассказал Шеннону человек, представившийся Уолтером Харрисом, и добавил от себя несколько анекдотических деталей, довольно мерзких в большинстве случаев.

Он подтвердил, что президент Кимба находится в городе, что он почти не выезжает последнее время, за исключением редких визитов в родную деревню, на том берегу реки, в стране Винду, и что он живет в своем президентском дворце, большом, обнесенном стенами здании, которое Шеннон видел с воздуха.

К тому времени, когда Гомез пожелал ему спокойного сна я поплелся, шатаясь, в свою комнату в два часа ночи, удалось собрать

дополнительные крупницы ценной информации. Три формирования, известные как гражданская полиция, жандармерия и таможенная служба, хотя и носили оружие, но, как готов был поклясться Гомез, не имели патронов к нему. Как представителям Кайа, им не доверяли боеприпасы, и Кимба, с его параноидальной боязнью переворота, лично следил за этим.

Он понимал, что они никогда не будут воевать на его стороне, и не хотел давать им возможности выступить против. Оружие носилось только для вида.

Гомез также клятвенно утверждал, что власть в городе принадлежит исключительно Винду, подчиненным Кимбе. Агенты зловещей секретной полиции обычно одеты в гражданское и вооружены автоматическими пистолетами, у армейских солдат винтовки, подобные тем, что Шеннон видел в аэропорту, а у личной гвардии президента – автоматы. Гвардейцы живут исключительно за стенами дворца, сверхпреданы Кимбе, который никогда и шагу не ступит без, как минимум, взвода охранников.

На следующее утро Шеннон вышел прогуляться. Тут же к нему стремглав подбежал мальчишка лет десяти-одиннадцати, подсланный Гомезом. Только позже он понял причину. Сначала решил, что Гомез приставил к нему мальчика вместо гида, хотя, так как они не могли и словом перекинуться, в этом было мало толку. Настоящая причина крылась в другом – Гомез оказывал подобную услугу всем своим гостям, хотели они того или нет.

Если туриста почему-либо арестуют и отвезут в участок, мальчишка через кусты рванет к Гомезу и все расскажет. Он, в свою очередь, доведет информацию до швейцарского или немецкого посольства, чтобы кто-нибудь начал переговоры об освобождении туриста, пока того не забили до полусмерти.

Мальчика звали Бонифаций.

Шеннон все утро бродил по городу, миля за милей, а мальчишка трусил по пятам. Их никто не остановил. Машин практически не было и жилые районы города были почти пустыми. У Гомеза Шеннон раздобыл небольшую карту города, оставшуюся с колониальных времен, и с ее помощью осмотрел все основные здания Кларенса. У единственного банка, единственного почтамта, полдюжины министерств и госпиталя ООН слонялось по шесть-семь солдат. В помещении банка, куда он зашел, чтобы получить наличные по чековой книжке, ему в глаза бросились свернутые в углу зала матрасы, а в обеденное время он дважды видел, как солдат нес своим коллегам

котелок с едой. Шеннон заключил, что сменная охрана живет непосредственно в помещении каждого из зданий. Тем же вечером, позже, Гомез подтвердил это.

Он заметил по солдату у входа в каждое из шести посольств, мимо которых прошел. Трое солдат спали в пыли. К обеду он выяснил, что в главной части города сосредоточено всего около сотни солдат, разбитых на двенадцать групп. Он отметил, чем они были вооружены. У каждого старая винтовка «маузер», калибра 7.92, большинство из них ржавые и грязные. На солдатах были зеленовато-бурые брюки и рубахи, парусиновые ботинки, матерчатые тканые ремни и высокие фуражки, напоминающие американские бейсбольные шапочки. Вся без исключения форма – потрепанная, мятая, грязная и неприглядная. Он оценил их уровень строевой и боевой подготовки, командирские навыки, знание материальной части как нулевые. Это был сброд недисциплинированных хулиганов, которые могли нагнать страху на забитых Кайа своим оружием и свирепостью, но, вероятно, ни разу не пробовали выстрелить из винтовок и, наверняка, никогда не оказывались под огнем людей, знающих свое дело. Они стояли на постах скорее для того, чтобы предотвратить гражданские волнения, но, как ему показалось, в настоящей перестрелке бросят оружие и побегут.

Интереснее всего было видеть их подсумки для патронов. Они были пусты. Конечно, к каждой винтовке полагался магазин, но у «маузера» в обойме всего пять патронов.

Днем Шеннон обходил порт. Со стороны берега он выглядел иначе. Песчаные отмели, уходящие в море и образующие естественную гавань, возвышались над уровнем воды на двадцать футов вблизи берега и футов на шесть на дальних концах. Он прошел по каждой косе до самого мыса. Вся поверхность отмелей была покрыта низкорослой, от колена до пояса, чахлой растительностью, высохшей в конце долгого сухого сезона и потому невидимой с воздуха. Каждая отмель была шириной около сорока футов в конце и сорока ярдов в основании, там, где выходила на берег. С мыса открывался поразительный вид на порт.

Бетонный причал располагался прямо по центру, за ним здание пакгауза. К северу от него тянулись ряды старых деревянных мостков. От некоторых оставались только одиноко торчащие из воды столбы-подпорки, словно сломанные зубы на поверхности моря. К югу от пакгауза простирался каменистый пляж, на котором лежали рыбацкие каноэ. С мыса одной отмели президентский дворец был невидим,

скрыт за пакгаузом, но с другой косы верхний этаж дворца хорошо просматривался. Шеннон вернулся к порту и обследовал рыбацкий пляж. «Неплохое место для высадки, – подумал он про себя, – дно уходит вниз плавно под небольшим уклоном».

За пакгаузом бетон заканчивался, и начинался пологий, заросший по пояс кустарником склон, испещренный многочисленными пешими тропами, вдоль которого в сторону дворца уходила покрытая гудроном дорога. Шеннон пошел по дороге. Когда он закончил подъем, его взору открылся бывший дворец колониального губернатора во всей его красе, со стороны фасада, в двухстах ярдах от того места, где он стоял.

Шеннон прошел вперед еще сотню ярдов и вышел на дорогу, идущую вдоль берега моря. На перекрестке стояли четверо солдат, одетых опрятнее и добротнее, чем армейцы, с автоматами «Калашникова» АК-47 у пояса. Они молча проводили его взглядом, когда он повернул направо и двинулся вдоль дороги к своему отелю. Он кивнул им, но они продолжали смотреть на него, никак не реагируя в ответ. Дворцовая гвардия.

Идя вдоль дороги он поглядывал налево, запоминая детали дворца. Тридцати ярдов в ширину, с окнами первого, этажа, заложенными кирпичами и выкрашенными в белый цвет, в тон стенам. На фасаде здания выделялась высокая, широкая, на стальных засовах, деревянная дверь, почти наверняка появившаяся недавно. Перед заложенными кирпичами окнами располагалась терраса, теперь бесполезная, ибо к ней не было прохода из здания. На втором этаже от одного угла до другого тянулся ряд из семи окон, три слева, три справа и одно посередине, над входной дверью. На верхнем этаже расположились десять окон, но существенно меньшего размера.

Над ними проходил водосточный желоб, от которого к коньку взбегала вверх черепичная крыша. Он отметил группу гвардейцев, прогуливающихся около входа, и обратил внимание, что окна второго этажа были снабжены жалюзи, сделанными, видимо, из стали (он находился слишком далеко, чтобы сказать это с уверенностью). Жалюзи были закрыты. Очевидно, что подойти к дворцу ближе перекрестка не разрешалось без официального повода.

Он закончил дневной осмотр до того, как солнце начало садиться, обойдя дворец кругом. С каждой стороны дворца от главного здания вглубь, в сторону города, уходила недавно выстроенная стена, высотой восемь футов и длиной в восемьдесят ярдов. Сзади эти две стены соединялись третьей.

Интересным было то, что стены были сплошными, второго входа на территорию дворца не было. Стена повсюду была высотой в восемь футов, как он оценил, сравнив ее с ростом шагавшего рядом охранника, на верхней кромке торчали битые бутылки. Он понимал, что не сможет заглянуть внутрь, но вспомнил то, что видел с воздуха, и чуть не рассмеялся.

Улыбнулся Бонифацию.

– Знаешь, парень, этот подлый кретин считает, что защитил себя, окружив дворец высокой стеной с битым стеклом и единственным входом. На самом деле он просто посадил себя в каменную ловушку, большой, изолированный загон для расстрела.

Мальчик улыбнулся во весь рот, не поняв ни слова, и жестами дал понять, что пора домой, подкрепиться немного.

Шеннон кивнул, и они отправились обратно в отель. Ноги горели и ныли от усталости.

Шеннон не делал никаких заметок и не составлял карт, запоминая все, что видел. Он вернул Гомезу карту и после ужина подсел к французам в баре.

В глубине, за одним из столиков, сидели два китайца из посольства и потихоньку пили пиво, поэтому разговор между европейцами был кратким. Кроме этого, окна были открыты.

Позже, однако, Гомез, тоскующий без компании, прихватил дюжину пива и пригласил Шеннона к себе, в номер на последнем этаже, где они сидели на балконе и смотрели на ночной спящий город, почти полностью погруженный во тьму из-за перебоев с электричеством.

Шеннон подумывал, не довериться ли Гомезу, но решил этого не делать. Он рассказал, как нашел банк и с каким трудом обменял чек на пятьдесят фунтов; Гомез фыркнул.

– Обычное дело, – сказал он. – Они уже давно не видели ни чеков, ни валюты.

– Но хотя бы в банке это не должно вызывать удивления.

– Им не приходится долго смотреть на валюту. Все достояние республики Кимба хранит под замком во дворце.

Шеннон сразу заинтересовался. Потребовалось два часа, чтобы полунамеками выяснить, что Кимба кроме всего прочего хранил весь национальный арсенал и боеприпасы в винном погребе губернаторского дворца под замком, ключ от которого держал при себе, и перевел туда же национальную передающую радиостанцию, таким образом, он мог, не выходя из дворца, вещать, обращаясь к

нации и всему миру, и никто извне не мог в это вмешаться. Радиостанции всегда играют существенную роль при государственных переворотах. Кроме того, Шеннону удалось выяснить, что у него нет ни бронемашин, ни артиллерии, и что кроме сотни солдат, разбросанной по городу, еще столько же находятся вне города, частично в рабочих поселках вдоль дороги к аэропорту, частично в деревнях Кайа, на материке, вплоть до моста через реку Зангаро. Эти две сотни составляли половину армии. Остальная половина находилась в армейских казармах, которые на самом деле не были казармами, а служили в колониальные времена в качестве полицейских барачков. Они располагались в четырехстах ярдах от дворца – ряды низких, крытых жестью убогих строений, окруженных изгородью из тростника. Четыреста человек составляли всю армию, а количество дворцовых охранников колебалось в пределах от сорока до шестидесяти человек. Они обитали под пристроенными к внутренней стороне стены дворца навесами.

На третий день своего пребывания в Зангаро Шеннон осмотрел полицейские бараки, где располагались свободные от дежурства двести солдат. Бараки, как и говорил Гомез, были обнесены тростниковым забором, но визит в соседнюю церковь позволил Шеннону незаметно проскользнуть на колокольню, взбежать по каменной винтовой лестнице и взглянуть на казармы сверху.

Они представляли собой два ряда сараев, украшенных то тут, то там развешенной на просушку одеждой. В конце ряда барачков, над выложенными из камня очагами, бурлили котлы с похлебкой.

Несколько человек устало слонялись вокруг. Все были без оружия. Возможно, их винтовки в казармах, но Шеннон предположил, что скорее всего они на оружейном складе маленькой каменной хибарке, стоящей в стороне от барачков. Все остальные удобства в лагере были бесхитростны до крайности.

Этим самым вечером, выйдя из гостиницы без Бонифация, он встретил «своего» солдата. Около часа он кружил по темным улицам, которые, к счастью для него, никогда не знали, что такое фонари, пытаясь пробраться поближе к дворцу.

Ему удалось внимательно осмотреть боковые и заднюю части стены и он убедился, что с этой стороны патрулирование не ведется. Перед фасадом дворца его остановили два охранника и недвусмысленно приказали отправляться домой. Он установил, что на перекрестке, расположенном на полпути от верхней части припортовой дороги и входом во дворец, сидят трое охранников.

Особенно важным было выяснить, что с того места, где они находились, гавань не видна. От перекрестка дорог линия зрения охранников, касаясь верхней части склона, упиралась в море за мысами отмелей, ограничивающих гавань, а в безлунную ночь им даже море не увидеть на расстоянии пятисот ярдов, если только не будет дополнительных огней.

В темноте, от перекрестка, он не мог различить ворота во дворец в ста ярдах от себя, но предположил, что там, как обычно, дежурят двое охранников. Он всучил остановившим его солдатам по пачке сигарет и удалился.

По дороге к отелю он прошел мимо нескольких баров, освещенных внутри парафиновыми лампами, и направился дальше по темной улице. Через сто ярдов его остановил солдат. Он был явно пьян и мочился в придорожную канаву. Шатаясь, двинулся к Шеннону, взяв винтовку поперек двумя руками за ствол и приклад. В свете взошедшей луны Шеннон мог отчетливо видеть, как он приближается. Солдат что-то пробурчал. Шеннон не понял, но догадался, что он требует деньги.

Он услышал, как солдат несколько раз повторил слово «пиво» и добавил что-то неразборчивое. Потом, прежде чем Шеннон успел потянуться в карман за деньгами или отступить в сторону, солдат зарычал и выбросил вперед ствол винтовки, стремясь угодить Шеннону в живот. Дальше все произошло быстро и без шума. Одной рукой он перехватил дуло винтовки и резко отбросил его в сторону от живота, выведя солдата из равновесия. Тот был явно ошарашен подобной реакцией, к такому он не привык. Придя в себя, взвыл от ярости, перехватил винтовку за ствол двумя руками и замахнулся как дубинкой.

Шеннон сделал шаг вперед, приблизившись к нему вплотную, заблокировал удар сверху, ухватив солдата за бицепсы, и двинул коленом вверх.

После этого отступать уже было поздно. Когда винтовка вывалилась на землю, он, согнув правую руку в локте под девяносто градусов, подвел ее под подбородок солдата и резко рванул в сторону. Острая боль пронизала его руку до самого плеча в тот самый момент, когда он услышал хруст ломающейся шеи. Потом оказалось, что он порвал от усилия плечевую мышцу.

Зангариец шлепнулся на землю как мешок.

Шеннон посмотрел вдоль улицы в обе стороны, но никого не увидел. Он сбросил тело в канаву и осмотрел винтовку. Один за одним

он извлек патроны из магазина. Их оказалось только три.

Патронник был пуст. Он вытащил затвор и, направив винтовку в сторону луны, заглянул в ствол. Слой грязи месячной давности, песок, пыль, сажа, ржавчина и частички земли предстали перед его глазами. Он вернул затвор на место, вложил три патрона туда, где они были, швырнул винтовку в канаву и пошел домой.

– Все хорошо, что хорошо кончается, – пробормотал он потихоньку, проникнув в темный отель, и улегся в кровать.

Он подозревал, что до квалифицированного полицейского разбирательства дело не дойдет. Сломанную шею спишут на падение в канаву, а об отпечатках пальцев здесь наверняка и не слышали.

Тем не менее, на следующий день он, пожаловавшись на головную боль, остался в отеле и болтал с Гомезом. На другое утро уехал в аэропорт и сел на «Конвэр-440», направляющийся на север. В тот момент, когда под левым крылом самолета уплывала вдаль республика Зангаро, в его мозгу вдруг всплыла случайно оброненная по ходу беседы фраза Гомеза.

В Зангаро не ведутся и испокон веку не велись горнорудные разработки.

Через сорок часов он вернулся в Лондон.

Посол Леонид Добровольский всегда чувствовал себя не в своей тарелке во время еженедельных бесед с президентом Кимбой. Как и все, кому доводилось общаться с диктатором, он не питал иллюзий по поводу его психического расстройства.

Однако, в отличие от большинства других людей, ему, по указанию московского руководства, приходилось прикладывать максимум усилий для установления тесных деловых контактов с непредсказуемым африканцем. Он стоял напротив массивного письменного стола красного дерева в рабочем кабинете президента на втором этаже дворца и ждал, пока Кимба очнется от оцепенения.

При ближайшем рассмотрении Кимба оказывался совсем не таким высоким и красивым, как на официальных портретах. Рядом с огромным письменным столом он казался почти карликом, особенно сейчас, когда скрючился в кресле, впад в состояние полной неподвижности. Добровольский терпеливо ждал, пока это кончится. Он знал, что возможны два варианта. Либо правитель Зангаро начнет говорить взвешенно и разумно, как совершенно нормальный человек, либо этот столбняк сменится истерическими воплями, и он примется бессвязно лепетать, как одержимый, к каковым он себя, впрочем, сам причислял.

Кимба медленно кивнул.

– Продолжайте, пожалуйста, – произнес он.

У Добровольского вырвался вздох облегчения. Значит, президент приготовился слушать. Однако он знал, что новости будут плохими, и с этим ничего не поделаешь. Как отреагирует президент, известно одному Богу.

– Я получил информацию от своего правительства, господин президент. По их сведениям, отчет о результатах георазведки, присланный недавно в Зангаро британской компанией, не вполне объективен. Я говорю о разведке, проведенной несколько недель назад фирмой «Мэнсон Консолидейтед» из Лондона.

В слегка выпученных глазах президента, уставившихся неподвижно на русского посла, не отразилось ничего. Кимба не произнес ни слова, так и не дав понять, помнит ли он о событии, которое привело Добровольского во дворец.

Посол продолжал рассказ о проведенной «Мэн Коном» разведке и об отчете, переданном неким мистером Брайантом в руки министра природных ресурсов.

– Суть заключается в том, Ваше превосходительство, что я уполномочен проинформировать вас: мое правительство считает, что в представленном отчете не содержится сведений о том, что в действительности было обнаружено в районе, подвергнутом обследованию, а именно, в окрестности Хрустальной горы.

Он начал ждать, понимая, что большего сказать не может.

Когда, наконец, Кимба заговорил спокойно и убедительно, Добровольский в очередной раз облегченно вздохнул.

– В каком смысле этот отчет содержит необъективную информацию? – прошептал Кимба.

– Мы не уверены в деталях, Ваше Превосходительство, но логично предположить, что поскольку британская компания не сделала попытки приобрести у вас горно-добывающую концессию, в представленном ими отчете должно быть сказано, что в данном районе не обнаружено существенных запасов полезных ископаемых. Необъективность отчета заключается, по-видимому, именно в этом. Другими словами, в исследованных образцах может содержаться большее количество полезных компонентов, по сравнению с оценкой, представленной вам англичанами.

Опять наступила томительная тишина, во время которой посол ждал взрыва ярости. Но его не последовало.

– Они меня обманули, – прошептал Кимба.

– Конечно, Ваше Превосходительство, – быстро вставил Добровольский, – единственный способ развеять сомнения – это послать другую группу геологов для обследования того же района и снова собрать образцы камней и почвы. В этом случае я, от имени своего правительства, покорнейше прошу Ваше Превосходительство дать разрешение на проведение разведки группе ученых из Свердловского горного института, которые придут в Зангаро и осмотрят тот же район, на котором работал английский геолог.

Кимба долго переваривал предложение. Наконец кивнул.

– Согласен, – сказал он.

Добровольский поклонился. Стоящий рядом с ним Волков, формально – второй секретарь посольства, но фактически – представитель службы КГБ, стрельнул глазами в его сторону.

– Второй вопрос касается вашей персональной безопасности, – сказал Добровольский.

Наконец-то он удостоился реакции диктатора. К этой теме Кимба относился весьма серьезно. Он рывком задрал голову и подозрительно обшарил глазами комнату. Три помощника-зангарийца, стоящие за двумя русскими, затряслись мелкой дрожью.

– Моей безопасности? – произнес Кимба своим обычным шепотом.

– С чувством глубокого уважения, нам бы хотелось в очередной раз подчеркнуть, что наше правительство чрезвычайно заинтересовано в том, чтобы вы, Ваше Превосходительство, и впредь продолжали вести Зангаро по пути мира и прогресса, что стало возможно, благодаря столь блистательным усилиям Вашего Превосходительства, – сказал русский.

Поток льстивых слов не вызвал недовольства, Кимба воспринимал лесть как должное, так традиционно обрамлялось любое обращение в его адрес.

– Для обеспечения надежной безопасности дражайшей персоны Вашего Превосходительства, учитывая недавнюю весьма опасную измену одного из ваших армейских офицеров, мы с неизменным уважением предлагаем, чтобы один из сотрудников нашего посольства был размещен во дворце для оказания помощи личной службе безопасности Вашего Превосходительства.

Упоминание об «измене» полковника Боби вывело Кимбу из транса. Он весь затрясся, то ли от страха, то ли от ярости, русские не могли разобрать. Потом начал говорить, сначала медленно, обычным шепотом, затем все быстрее, сверля глазами зангарийцев, стоящих в глубине кабинета. Через несколько фраз он перешел на диалект Винду,

понятный только местным жителям, но русские уже знали, о чем идет речь: о постоянной опасности предательства и измены, в которой Кимба находился, о предупреждениях, полученных им от духов, о готовящихся повсюду заговорах, о том, что ему хорошо известны все, кто задумал против него зло, о его намерении вывести их на чистую воду, и о том, что он с ними сделает после этого. Он продолжал в том же духе еще полчаса, пока, наконец, не успокоился, и не перешел на европейский язык, понятный русским.

Когда они вышли на улицу и забрались в посольскую машину, с обоих лил пот: отчасти от жары, так как кондиционер во дворце в очередной раз сломался, а отчасти от впечатления, которое обычно производил на них Кимба.

– Хорошо, что все закончилось, – поделился Волков со своими коллегами по дороге в посольство. – Так или иначе, а разрешение мы получили. Завтра же присылаю своего человека.

– А я позабочусь, чтобы геологическая экспедиция поскорее приехала, – сказал Добровольский. – Будем надеяться, что в этом английском отчете действительно концы с концами не сходятся. Иначе просто не представляю, как потом объясняться с президентом.

Волков пробурчал:

– У вас это получится лучше, чем у меня.

Шеннон остановился в отеле «Лаундс», неподалеку от Найтсбриджа, как они договорились с «Уолтером Харрисом» перед его отъездом из Лондона. Договор предполагал, что он будет отсутствовать примерно десять дней, и каждое утро, в девять часов, Харрис должен звонить в отель и просить позвать мистера Кейта Брауна. Шеннон прибыл в полдень и узнал, что три часа назад ему звонили. Это означало, что до следующего утра он волен распоряжаться собой.

Неспешно приняв ванну, переодевшись и пообедав, он позвонил в сыское агентство. Глава конторы, ненадолго задумавшись, вспомнил имя Кейта Брауна, и Шеннон услышал в трубке, как он перебирает бумаги на своем столе. Наконец он нашел то, что искал.

– Да, мистер Браун, сведения у меня в руках. Вы хотите, чтобы я прислал их вам?

– Не стоит, – сказал Шеннон. – Материал большой?

– Нет, около страницы. Зачитать?

– Да, пожалуйста.

Сыщик прокашлялся и начал.

– На следующее утро после запроса клиента мой сотрудник занял

позицию рядом со въездом в подземный гараж, под зданием штаб-квартиры компании «Мэн-Кон». Ему повезло, потому что объект, который вернулся сюда днем раньше на такси после беседы с нашим клиентом на Слоан Авеню, на этот раз приехал на собственной машине. Агенту удалось хорошо рассмотреть его, когда он въезжал в тоннель, ведущий в гараж. Это был объект, вне всякого сомнения. Он сидел за рулем Шевроле марки «корветт». Агент успел разглядеть номер, когда машина въезжала в тоннель. Были наведены справки в регистрационном отделе муниципалитета. Машина зарегистрирована на имя некоего Саймона Эндина, проживающего в Южном Кенсингтоне. – Возникла пауза. – Адрес вам нужен, мистер Браун?

– Не обязательно, – сказал Шеннон. – Вам известно, чем этот Эндин занимается в «Мэн-Кон Хаузе»?

– Да, – ответил частный детектив. – Я поинтересовался у приятеля, журналиста, который пишет о Сити. Он личный помощник и правая рука сэра Джеймса Мэнсона, председателя и исполнительного директора «Мэнсон Консолидейтед».

– Благодарю вас, – сказал Шеннон и положил трубку.

– Все интересней и интересней, – прошептал он, проходя через вестибюль гостиницы.

Он направился на Джермин Стрит, чтобы обменять чек на наличные и купить рубашки. Было первое апреля, день розыгрышей, светило солнышко, и бледно-желтые нарциссы веселым ковром покрывали зеленую лужайку вокруг уголка ораторов в Гайд Парке.

Пока Шеннон отсутствовал, Саймон Эндин тоже зря времени не терял. О результате своих трудов он и докладывал в тот же день сэру Джеймсу Мэнсону в его кабинете на последнем этаже возвышающегося над Мургейтом здания.

– Полковник Боби, – сказал он шефу с порога.

Горно-рудный владыка нахмурил брови.

– Кто?

– Полковник Боби, бывший главнокомандующий армии Зангаро. В настоящее время он в изгнании. Изгнан по приказу президента Кимбы, который до этого издал указ, заочно приговорив его к смертной казни за государственную измену. Вы хотели знать, где он находится.

Мэнсон к этому моменту уже уселся за письменный стол и после короткого раздумья, вспомнив, утвердительно кивнул. Он все еще не забыл о Хрустальной горе.

– Хорошо, так где же он? – спросил Мэнсон.

– Скрывается в Дагомее, – сказал Эндин. – Пришлось немало

потрудиться, чтобы сесть ему на хвост в конце концов, хотя твердой уверенности не было. Тем не менее, он поселился в столице Дагомеи. Городе под названием Котону. У него должны быть кое-какие деньги, но, по-видимому, немного, иначе бы он скрылся за высокими стенами виллы под Женовой, как другие состоятельные изгнанники. Он снял небольшую виллу, живет очень скромно, вероятно потому, что это самый надежный способ избежать требования покинуть страну со стороны правительства Дагомеи. Говорят, что Кимба потребовал его выдачи, но никто на это не прореагировал. Помимо прочего, он находится достаточно далеко от Кимбы, чтобы тот мог всерьез его опасаться.

– А что Шеннон, наемник? – спросил Мэнсон.

– Должен вернуться сегодня или завтра, – сказал Эндин. – Я зарезервировал ему номер в «Лаундсе», начиная со вчерашнего дня, для верности. Сегодня в девять утра его не было. Буду звонить завтра в то же время.

– Попробуй сейчас, – сказал Мэнсон.

В гостинице Эндину сообщили, что мистер Браун действительно прибыл, но в данный момент отсутствует. Сэр Джеймс Мэнсон слушал по параллельному телефону.

– Оставь записку, – буркнул он Эндину. – Позвонишь ему сегодня в семь вечера.

Эндин попросил предупредить мистера Брауна, и оба положили трубки.

– Мне нужен его отчет как можно скорее, – сказал Мэнсон. – Он должен написать его завтра к полудню. Сначала ты встретишься с ним и прочитаешь его отчет сам. Удостоверься, что в нем отражены все пункты, на которые я просил дать ответ. После этого принесешь отчет мне. Придержи Шеннона на коротком поводке пару дней, чтобы дать мне время переварить информацию.

Шеннон получил записку от Эндина в пять и к семи часам был в номере в ожидании звонка. Оставшийся вечер между ужином и сном он провел, делая заметки и разбирая привезенные из Зангаро сувениры – несколько набросков от руки в блокноте для рисования, который он купил в парижском аэропорту, чтобы скоротать время в полете, схематические планы расположения объектов в Кларенсе, расстояния до которых от фиксированных точек ему пришлось высчитывать шагами, местный путеводитель, датированный 1959 годом, с описанием «достопримечательностей», из которых действительный интерес представляла лишь, как было написано, «Резиденция Его

Превосходительства Губернатора колоний», и, наконец, официальный и весьма приукрашенный портрет Кимбы – один из весьма ограниченного перечня товаров, в которых республика не испытывала недостатка.

На следующий день он прошелся по Найтсбридж сразу же после открытия магазинов, купил себе пишущую машинку, пачку бумаги и остаток утра провел за составлением отчета. Он включил три раздела: подробный отчет о визите, детальное описание столицы, дом за домом, сопровождающееся схемами, и не менее детальное описание военной ситуации.

Он упомянул тот факт, что ему не удалось заметить какие-либо признаки наличия военно-воздушных сил или флота, что соответствовало также утверждению Гомеза. Он не стал писать о своем визите на окраину города и дальше вглубь полуострова в районы бедных поселений, где за жалкими хижинами беднейших представителей племени Кайа ютились еще более утлые лачуги, где жили тысячи рабочих-иммигрантов с семьями, объясняясь друг с другом на своем языке, оставшимся единственным напоминанием о далекой родине.

Он закончил отчет следующим заключением:

«Решение проблемы свержения Кимбы существенно упрощено им самим. Во всех отношениях, основная часть территории страны, земля Винду, за рекой, не имеет никакого политического или экономического значения. Если Кимба вдруг потеряет контроль над прибрежными равнинами, производящими основную часть скромного национального продукта, то упустит всю страну.

Более того, ему и его людям не удержать в руках эту равнину, с учетом враждебного отношения и ненависти к ним со стороны всего населения Кайа, которая хоть и приглушена страхом, но спрятана в глубине и прорвется наружу, если только он потеряет власть над полуостровом. В свою очередь, полуостров выйдет из-под контроля сил Винду, если падет столица Кларенс. И, наконец, у него не хватит сил, чтобы удержать город Кларенс, если ему и его людям придется сдать дворец.

Короче, его политика полной централизации сократила количество целей, подлежащих атаке при перевороте, до одной: дворцового комплекса, включающего его самого, охрану, арсенал, казну и радиостанцию.

Что касается способов, которыми можно осуществить план захвата, то их число сводится к одному, благодаря стене, окружающей весь дворец. Его надо брать штурмом.

Центральные ворота, вероятно, могут быть снесены очень тяжелым грузовиком или бульдозером, за рулем которого должен сидеть человек, готовый принести себя в жертву. Мне не удалось заметить признаки наличия подобного фанатизма ни среди гражданского населения, ни среди солдат, как, впрочем, не увидел я и подходящего грузовика. В другом случае, можно было бы надеяться подавить сопротивление защитников дворца, если бы сотни бесстрашных людей со штурмовыми лестницами атаковали стены. По моим наблюдениям, найти добровольцев тоже будет трудно. Самым реальным мне представляется способ, при котором дворец может быть взят с минимальными потерями в живой силе после того, как вход внутрь будет пробит прямым артиллерийским огнем. При применении такого оружия глухая стена из надежной защиты превращается в смертельную ловушку для всех оказавшихся внутри. Дверь можно снести ракетным снарядом, выпущенным из базуки. Я не увидел и намека на такое оружие или на кого-нибудь, способного им воспользоваться.

Единственное заключение, которое можно сделать на основе всего перечисленного выше, состоит в следующем:

Любая группировка или фракция внутри республики, стремящаяся сбросить Кимбу и прийти к власти, должна уничтожить его самого и его личную гвардию непосредственно в пределах дворца. Чтобы осуществить это, им придется обеспечить себя квалифицированной помощью на том техническом уровне, который ими пока не достигнут, и эта помощь должна будет прибыть, со всем необходимым оборудованием, из другой страны. При выполнении этих условий Кимба может быть свергнут и уничтожен в боевой операции, которая займет не больше часа».

— Шеннону известно, что в Зангаро не существует группы, заявившей претензии на свержение Кимбы? — задал вопрос сэр Джеймс Мэнсон на следующее утро, после того, как прочитал отчет.

— Я не говорил ему об этом, — сказал Эндин. — Я проинструктировал его так, как вы мне велели. Просто намекнул, что есть несколько недовольных офицеров, для поддержки успеха которых группа бизнесменов, чьи интересы я представляю, не пожалеет средств. Но он не глуп. Он должен был сам заметить, что там нет никого, кто мог бы осуществить такую операцию.

— Нравится мне этот Шеннон, — сказал Мэнсон, закрывая военный отчет. — Он, наверняка, дерзок и решителен, об этом легко судить по тому, как он обошелся с этим солдатом. Хорошо излагает мысли: коротко и ясно. Вопрос в следующем: сможет ли он выполнить всю эту работу самостоятельно?

— Он сделал одно важное замечание, — отозвался Эндин. — Он сказал, когда я расспрашивал его, что боеспособность зангарийской армии настолько низка, что вспомогательным силам или техническим советникам придется так или иначе проделать практически всю работу целиком, после чего уступить место представителям новой власти.

— Он так и сказал? Правда? — удивился Мэнсон. — В таком случае, он уже догадался, что его туда послали совсем не по той причине, о которой было заявлено вначале.

Он продолжал удивляться, когда Эндин спросил:

— Можно вопрос, сэр Джеймс?

— Какой именно? — спросил Мэнсон.

— Совсем простой: зачем его туда посылали? Зачем вам потребовался военный отчет о возможности смещения и убийства Кимбы?

Сэр Джеймс Мэнсон некоторое время смотрел в окно. Наконец произнес:

— Позови сюда Мартина Торпа.

Пока звали Торпа, Мэнсон подошел к окну и стал смотреть вниз, как он обычно поступал, когда нужно было сосредоточиться.

Он отдавал себе отчет, что сам взял на службу Эндина и Торпа молодыми людьми и дал им зарплату и должности, не соответствующие возрасту. И не потому, что они выделялись умом, хотя ума у них хватало. Это произошло оттого, что он почувствовал в каждом из них ту же бесцеремонность, которая отличала его самого, готовность игнорировать так называемые моральные принципы ради единственной цели — успеха. Как и Шеннон, как и он сам, они тоже были наемниками. Только степень успеха и общественное положение разделяли всех четверых. Он сделал их членами своей команды, своими верными слугами, оплачиваемыми за счет компании, но подчиненными лично ему во всех мелочах. Проблема заключалась теперь в том, можно ли им доверить новое большое дело, а не мелочь? Когда Торп вошел в кабинет, Мэнсон уже решил, что должен сделать это. Ему показалось, что он знает, как гарантировать их преданность.

Он кивком предложил им сесть и, повернувшись спиной к окну, начал:

— Я хочу, чтобы вы оба как следует обдумали то, что я вам сейчас скажу, и только после этого принимали решение. Насколько далеко вы согласны пойти со мной, если каждому из вас будут гарантированы пять миллионов фунтов в швейцарском банке?

Уличный гул долетал до одиннадцатого этажа и раздавался в тиши кабинета словно жужжание пчелы, только подчеркивая наступившее молчание. Эндин поднял глаза на своего шефа и медленно кивнул.

– Очень и очень далеко, – тихо произнес он.

Торп ничего не ответил. Он знал, что именно ради этого он и появился в Сити, поступил к Мэнсону, впитывал как губка энциклопедические знания о тонкостях работы компании. Ради такого, раз в жизни подвертывающегося случая сорвать крупный, по-настоящему солидный куш. Он согласно кивнул.

– Как? – выдохнул Эндин.

Вместо ответа Мэнсон подошел к стенному сейфу и достал два отчета. Третий, отчет Шеннона, лежал на письменном столе, за который он теперь уселся.

Мэнсон мерно говорил в течение часа. Он начал с самого начала и вскоре зачитал последние шесть пунктов отчета доктора Чалмерса по анализу образцов с Хрустальной горы. Торп слегка присвистнул и прошептал: «Боже!».

Эндину потребовалось прочесть десятиминутную лекцию о платине, чтобы он понял, о чем идет речь, после чего он тоже глубоко вздохнул.

Мэнсон продолжал рассказ о высылке Малруни в Северную Кению, подкупе Чалмерса, повторном визите Брайанта в Кларенс и вручении липового отчета министру правительства Кимбы. Он подчеркнул влияние русских на Кимбу, недавнее бегство из страны полковника Боби, который при удачном стечении обстоятельств мог бы вернуться, чтобы занять президентское кресло.

Имея в виду Торпа, Мэнсон зачитал основные моменты из общего отчета Эндина о положении в Зангаро и закончил заключением из отчета Шеннона.

– Если это вообще пройдет, должен встать вопрос о проведении двух параллельных, строго секретных операций, – сказал наконец Мэнсон. – Одна из них состоит в том, что Шеннон, под общим руководством и наблюдением Саймона, приводит в исполнение проект захвата и уничтожения дворца со всем его содержимым, после чего Боби, в сопровождении Саймона, на следующее утро принимает бразды правления и становится новым президентом. По плану второй операции Мартину предстоит перекупить буферную компанию, не раскрывая, кто именно и почему завладел контрольным пакетом акций.

Эндин нахмурил брови.

– Первая операция мне понятна, но зачем нужна вторая? – спросил он.

– Объясни ему, Мартин, – сказал Мэнсон.

Торп хитро улыбался, он своим цепким умом уловил куда клонит Мэнсон.

– Буферная компания, Саймон, обычно очень старая компания с авуарами, не заслуживающими серьезного разговора, практически прекратившая торговые операции, чьи акции продаются очень дешево, скажем, по шиллингу за штуку.

– Так зачем покупать такую? – спросил Эндин, так и не понимая.

– Скажем, сэр Джеймс становится владельцем контрольного пакета акций такой компании через подставных лиц, под прикрытием швейцарского банка, все по закону и вполне легально, а у компании всего миллион акций по шиллингу за штуку. Тайком от остальных держателей акций или Совета директоров, или от биржевых маклеров, сэр Джеймс через швейцарский банк покупает 600 000 из этого миллиона акций. Затем полковник, или простите, президент Боби продает этой компании исключительную лицензию сроком на десять лет на разработку полезных ископаемых в районе центральной части Зангаро. Новая группа геологов-разведчиков из уважаемой компании, специализирующейся в горном деле, отправляется в экспедицию и обнаруживает Хрустальную гору. Что происходит с акциями компании «Икс», когда эта новость становится достоянием биржи?

До Эндина дошло.

– Они растут в цене, – сказал он с улыбкой.

– Еще как растут, – сказал Торп. – С небольшой помощью они подсказывают от шиллинга до 100 фунтов и выше за штуку. Теперь подчитай. Шестьсот тысяч акций по шиллингу каждая при покупке будут стоить 30 000 фунтов. Продай 600 000 акций по 100 фунтов за акцию, а это минимум, и что же тебе остается? Шестьдесят миллионов фунтов в швейцарском банке. Верно, сэр Джеймс?

– Совершенно правильно, – угрюмо кивнул Мэнсон. – Конечно, если ты продашь половину акций маленькими порциями разным людям, контроль над компанией, владеющей концессией, останется в прежних руках. Но возможен случай, когда весь пакет из 600 000 акций перекупит более крупная компания одним махом.

Торп задумчиво кивнул.

– Да, приобрести контроль над такой компанией за 60 миллионов фунтов будет удачной рыночной сделкой. Но кому вы согласитесь уступить весь пакет акций?

– Самому себе, – сказал Мэнсон.

У Торпа отвисла челюсть.

– Единственным возможным покупателем будет «Мэн-Кон». Таким образом, концессия останется в британских руках, а «Мэн-Кон» выгодно вложит деньги.

– Но, – удивился Эндин, – выходит, что вы должны будете сами себе заплатить эти шестьдесят миллионов?

– Нет, – спокойно сказал Торп. – Сэру Джеймсу выплатят шестьдесят миллионов держатели акций «Мэн-Кона», даже не догадываясь об этом.

– А как это называется, на финансовом языке, конечно? – спросил Эндин.

– На бирже это называют одним хлестким словом, – признал Торп.

Сэр Джеймс разлил всем по стакану виски и взял свой.

– Согласны, джентльмены? – тихо спросил он.

Оба молодых человека взглянули друг на друга и кивнули.

– Тогда выпьем за Хрустальную гору.

Они выпили.

– Жду вас завтра утром здесь, ровно в девять, – сказал Мэнсон, и они поднялись.

У двери на боковую лестницу Торп обернулся.

– Значит, сэр Джеймс, это может стать чертовски опасно. Если только хоть одно слово проскользнет...

Сэр Джеймс Мэнсон снова стоял спиной к окну, тусклые блики заходящего солнца падали на ковер рядом с ним. Ноги его были расставлены; кулаки прижаты к бедрам.

– Ограбить банк или бронированный фургон, – сказал он, – просто грубо. А вот ограбление целой республики, на мой взгляд, требует определенного изящества.

Глава 7

– Значит, вы хотите сказать, что, по вашим сведениям, в армии нет группы недовольных, которой пришло бы в голову свергнуть президента Кимбу?

Кот Шеннон и Саймон Эндин сидели в номере Шеннона за чашкой полуденного кофе. Эндин позвонил Шеннону, как было договорено, в девять утра и попросил подождать до второго звонка. Он получил инструкции от сэра Джеймса Мэнсона и перезвонил Шеннону, назначив встречу на одиннадцать. Эндин кивнул.

– Верно. Информация изменилась в одном-единственном пункте. Не вижу, что это меняет. Вы сами сказали, что уровень армии безобразно низок, и техническим помощникам так или иначе придется проделывать всю работу самостоятельно.

– Это меняет чертовски многое, – сказал Шеннон. Атаковать дворец и захватить его – одно. Удерживать – совсем другое. Уничтожение дворца и Кимбы создаст вакуум на высшем уровне власти. Кто-то должен прийти и занять его место, взяв власть в свои руки. Наемников к наступлению утра никто уже не должен видеть. Итак, кто придет на смену?

Эндин снова кивнул. Он не предполагал у наемника политического чутья.

– У нас есть человек на примете, – осторожно сказал он.

– Он в данный момент в республике или в изгнании?

– В изгнании.

– Ну, его надо будет доставить во дворец, чтобы он объявил по радио о совершенном им перевороте и приходу к власти в стране до полудня следующего дня после ночной атаки на дворец.

– Это можно будет устроить.

– Есть еще кое-что.

– Что именно? – спросил Эндин.

– Должны быть войска, преданные новому режиму, которые предположительно и совершили переворот предыдущей ночью. С самого утра они должны появиться и нести охрану вокруг дворца после его захвата. Если их не будет, мы окажемся в западне: группа белых наемников, засевшая внутри дворца, которая не может показаться по политическим причинам, а пути к отступлению, в случае

контратаки, отрезаны. Этот ваш человек, изгнанник, обладает ли он отрядом поддержки, который придет вместе с ним, когда произойдет переворот? Или он их сможет быстро собрать в самой столице?

– Мне кажется, вы должны разрешить нам позаботиться об этом, – упрямо продолжал Эндин. – От вас требуется продумать все детали плана захвата дворца и осуществить его на практике.

– Это я могу сделать, – без колебаний сказал Шеннон. – Но как быть с подготовкой, организационной работой, вербовкой людей, оружием, боеприпасами?

– Это тоже должно войти в сферу вашей деятельности. Начинайте с нуля и двигайтесь вперед вплоть до захвата дворца и убийства Кимбы.

– Кимбу надо будет прикончить?

– Конечно, – сказал Эндин. – К счастью, он уже давно уничтожил всех, обладавших достаточными решимостью и мозгами, чтобы стать его соперниками. Таким образом, он единственный, кто мог бы перегруппировать силы и организовать контрнаступление. После смерти возможность привлечь людей на свою сторону с помощью гипноза у него, очевидно, больше не будет.

– Да. Жужу умирает с человеком.

– Что?

– Ничего. Вы не поймете.

– А вы все-таки попробуйте, – холодно сказал Эндин.

– У этого человека есть жужу, – сказал Шеннон, – по крайней мере, люди в это верят. Это значит, что его оберегают духи, жужу защищает его от врагов, гарантирует его неуязвимость, хранит от нападения, бережет от смерти. В Конго, Симба считали, что у их вождя, Пьера Мулеле, было такое же жужу. Он говорил, что может распространить его на тех, кто его поддерживает, и сделать их бессмертными. Они ему верили. Им казалось, что пули будут обтекать их, как капли дождя. Поэтому они накатывались на нас волнами, накачавшись до одури анашой и виски, гибли, как мухи, но продолжали лезть вперед. Та же история с Кимбой. Пока они в это верят, он бессмертен. Поэтому никто никогда и пальца на него не поднимет. Как только они увидят его труп, тот, кто его убил, станет новым вождем. У него жужу сильнее.

Эндин смотрел на него с удивлением.

– Неужели они такие дикие?

– Это не дикость. Мы поступаем точно так же с талисманами, священными реликвиями, заручаемся покровительством Всевышнего в своих конкретных делах. Но у себя мы это называем религией, а у них

– дикими предрассудками.

– Неважно, – вступил Эндин. – Если так, то тем более Кимба должен умереть.

– Это означает, что во время нашего наступления он должен быть во дворце. Если он окажется в отъезде – дело плохо. Никто не станет поддерживать вашего человека при живом Кимбе.

– Как правило, он не выходит из дворца, как мне сказали.

– Да, – сказал Шеннон, – но нам нужно это гарантировать. Есть один день, который он никогда не пропускает. День Независимости. То, что накануне Дня Независимости он будет спать во дворце, ясно как дважды два.

– Когда это будет?

– Через три с половиной месяца.

– Можно за это время осуществить проект? – спросил Эндин.

– Да, если повезет. Мне нужно было бы на пару недель больше.

– Проект еще не принят, – заметил Эндин.

– Нет. Но если вы собираетесь посадить во дворец нового человека, единственный способ достичь этого – атака снаружи. Вы хотите, чтобы я представил проект целиком от начала до конца, с оценкой затрат и разбивкой по времени?

– Да. Затраты чрезвычайно важны. Мои... э-э... коллеги хотят знать, на что им придется рассчитывать.

– Хорошо, – сказал Шеннон. – Вам это обойдется в 500 фунтов.

– Вам уже заплатили, – холодно произнес Эндин.

– Мне заплатили за командировку в Зангаро и отчет о военной обстановке в стране, – ответил Шеннон. – Теперь вы просите составить новый отчет, выходящий за рамки первоначальных требований.

– Пять сотен – крутовато за несколько исписанных листков бумаги.

– Глупости. Вам прекрасно известно, что когда ваша фирма обращается за консультацией к адвокату, архитектору, экономисту или любому другому специалисту, ему положен гонорар. Я эксперт по военным вопросам. Вы платите за знания и опыт – где набрать лучших людей, лучшее оружие, как их переправить на место и т. д. Это и стоит 500 фунтов, а вам бы обошлось вдвойне, попробуй вы выяснить это самостоятельно, на что ушло бы не менее года и ни к чему бы не привело, потому что у вас нет соответствующих связей.

Эндин поднялся.

– Хорошо. Сегодня после обеда здесь будет посыльный с деньгами. Завтра пятница. Мои партнеры хотели бы почитать ваш отчет в выходные. Подготовьте его, пожалуйста, завтра к трем. Я сам приеду

сюда.

Он вышел и после того, как дверь за ним закрылась, Шеннон поднял чашку кофе, изображая тост.

– До встречи, мистер Уолтер Харрис, смутное подобие Саймона Эндина.

В который раз он поблагодарил небо за встречу с добродушным и разговорчивым директором гостиницы Гомезом. Во время одной из их долгих ночных бесед Гомез упомянул дело полковника Боби, находящегося в бегах. Он, кроме всего прочего, сказал, что Боби без Кимбы был ничем. Кайа ненавидели его за жестокое обращение с ними армейских отрядов по приказу Кимбы, а командовать войсками Винду он тоже не мог. Это ставило перед Шенноном проблему обеспечения отрядом поддержки с черными лицами, которым предстоит передать власть на следующее утро.

Коричневый пакет от Эндина с пятьюдесятью банкнотами по 10 фунтов прибыл в начале четвертого на такси и был передан в регистратуру гостиницы «Лаундс». Шеннон пересчитал деньги, засунул во внутренний карман пиджака и начал работу. На это ушел весь день, вечер и полночи.

Он работал, сидя за письменным столом в номере, изредка поглядывая на свои собственные схемы и карты города Кларенса, его гавани, района порта и жилых кварталов, с указанием расположения президентского дворца и армейских казарм.

Следуя классической военной тактике, нужно было высадиться на берегу полуострова рядом с его основанием недалеко от основной береговой линии, отойти на небольшое расстояние вглубь материка и перекрыть дорогу, соединяющую материковую часть страны с Кларенсом, взяв под вооруженный контроль Т-образные разветвления дорог. Это отрезало бы полуостров и возможность подхода подкрепления в столицу. Таким образом, исчезал заодно и элемент неожиданности.

Талант Шеннона заключался в том, что он понимал Африку и африканского солдата и поэтому мыслил нестандартно, в том же ключе, что и Хоар, который получил за это кличку Бешеный Майк, хотя тактика конголезского наемника полностью была приспособлена под африканские условия и психологию противника, практически полностью противоположные европейским.

Если бы планы Шеннона оценивал европейский военный специалист, то, руководствуясь общепринятыми нормами, посчитал бы их безрассудными и обреченными на провал. Ставка была на то,

что сэр Джеймс Мэнсон никогда не служил в британской армии – в справочнике «Кто есть кто?» не было никакого упоминания об этом – и поэтому может одобрить план.

Сам Шеннон знал, что план вполне реальный, пожалуй, единственно возможный из всех.

Он обосновал свой план, исходя из трех особенностей войны в Африке, которые ему пришлось постичь на собственном тяжелом опыте. Первая заключалась в том, что европейский солдат действует смело и решительно в темноте, если его только предварительно ознакомили с рекогносцировкой, в то время как африканский солдат, даже на своей собственной территории, иногда становится почти беспомощным из-за боязни врага, прячущегося в темноте. Вторая особенность состояла в том, что быстрота реакций африканского солдата, оказавшегося в непредвиденной ситуации, его способность опомниться, перегруппироваться и приступить к контратаке значительно ниже, чем у солдата-европейца, что усиливало эффект внезапности. Третье – массированная огневая атака и, следовательно, большой шум были факторами, способными запугать африканских солдат, вызвать панику и привести к повальному бегству, вне зависимости от реальной незначительности численного состава сил противника.

Поэтому план Шеннона основывался на внезапной ночной атаке, при оглушительном шуме и концентрированном огневом ударе.

Он трудился методично, не торопясь, и, непривыкший к машинке, печатал двумя пальцами. В два часа ночи обитатель соседнего номера не вытерпел и начал колотить в стену, умоляя дать ему возможность немного поспать. Спустя пять минут после этого Шеннон прервал работу и начал укладываться на ночь.

Помимо стука машинки соседа по номеру беспокоил еще один звук. Работая и потом, уже улегшись в постель, Шеннон не переставая насвистывал один и тот же навязчивый мотивчик.

Если бы страдающий бессонницей сосед по номеру лучше разбирался в музыке, то смог бы узнать мелодию «Испанский Гарлем».

Мартин Торп тоже лежал не смыкая глаз этой ночью. Он знал, что перед ним долгий уикенд. Два с половиной дня монотонного и утомительного копания в карточках, содержащих основные сведения о 4500 компаниях, зарегистрированных в картотеке «Компаниз Хауза» в лондонском Сити.

В Лондоне существуют два агентства, которые снабжают своих клиентов подобной информацией о британских компаниях. Это

«Мудис» и «Эксчейндж Телеграф», известное как «Экстель». В своем кабинете, в «Мэн-Кон Хаузе», у Торпа была картотека, предоставленная «Экстелем», агентством, услугами которого «Мэн-Кон» по необходимости пользовался в процессе своей коммерческой деятельности. Но для того, чтобы найти претендентов на роль буферной компании, Торп решил оплатить услуги агентства «Мудис» и велел прислать ему материалы на дом. Частично это было обусловлено тем, что он считал сведения по мелким компаниям у «Мудис» более подробными, а частично – по соображениям безопасности.

В тот четверг, выслушав распоряжения сэра Джеймса Мэнсона, он сразу же направился в адвокатскую контору. Действуя по его указаниям и не раскрывая его имени, адвокаты заказали полный набор сведений из агентства «Мудис». Он выложил конторе 250 фунтов за картотеку, плюс еще 50 фунтов за три серых коробочки, в которые должны поступать карточки, плюс оплата адвокату. Он также договорился, что небольшая транспортная фирма пришлет фургон к зданию «Мудис» после того, как станет известно, что карточки готовы к отправке, днем в пятницу.

Лежа в постели, в своем элегантном особняке в пригороде Хэмпстед Гарден, он тоже планировал свою кампанию, не столь детально как Шеннон, ибо не обладал достаточной информацией, но в общих чертах, оперируя подставными держателями акций и контрольными пакетами так же, как Шеннон – автоматами и пушками.

Шеннон вручил текст своего проекта Эндину в три часа дня, в пятницу. Он состоял из четырнадцати страниц, из них четыре страницы диаграмм и на двух листах списки необходимого оборудования. Шеннон закончил составление проекта после завтрака, понимая, что любитель поспать из своего номера должен уже уйти, и вложил текст в коричневую папку. Он чуть было не написал «сэру Джеймсу Мэнсону лично» на обложке, но удержался. Легкомыслие в этом деле могло все испортить, а он носом чуял на горизонте хороший контракт в том случае, если горно-рудный барон предложит ему работу.

Поэтому он продолжал называть Эндина Харрисом и говорить «ваши партнеры», вместо «ваш босс». Забрав папку, Эндин попросил его остаться в городе на выходные и быть в пределах досягаемости с воскресного вечера и далее.

Оставшуюся часть дня Шеннон ходил по магазинам, но не переставал вспоминать одну деталь из заметки в «Кто есть кто»,

посвященной человеку, который, как ему теперь известно, нанял его, сэру Джеймсу Мэнсону, самостоятельно ставшему миллионером и магнатом.

Его подмывало, частью от любопытства, частью от предчувствия, что когда-нибудь потребуется подобная информация, узнать побольше о сэре Джеймсе Мэнсоне, о том, что он за человек и о том, почему ему потребовалось вербовать наемника, чтобы развязать войну в Зангаро от его имени.

У него в голове засела деталь из заметки «Кто есть кто», упоминавшая о том, что у Мэнсона есть дочь, которой теперь должно быть лет девятнадцать-двадцать. В середине дня он зашел в телефонную будку на Джермин Стрит и позвонил в частное сыскное бюро, то самое, что следовало за Эндином с их первой встречи в Челси и выяснило, что тот является помощником Мэнсона.

Глава агентства обрадовался, услышав голос своего прежнего клиента по телефону. Он уже знал из предыдущего опыта, что мистер Браун платит незамедлительно и наличными. Таких клиентов надо ценить. Если он не хочет вступать в личные контакты, а предпочитает пользоваться телефоном – это его личное дело.

– У вас есть выход на достаточно серьезный газетный архив? – спросил Шеннон.

– Это можно устроить, – отозвался шеф агентства.

– Мне нужно краткое описание юной дамы, о которой, очевидно, в свое время появлялись материалы в разделах светской хроники лондонских газет. Мне нужно совсем немного. Просто чем она занимается и где живет. Но срочно.

На том конце провода возникла пауза.

– Если такие ссылки появлялись, я вероятно смог бы обойтись телефонным разговором, – сказал сыскной агент. – Как ее имя?

– Мисс Джулия Мэнсон, дочь сэра Джеймса Мэнсона.

Сыщик обдумал предложение. Он вспомнил, что предыдущая просьба этого клиента касалась человека, который оказался помощником сэра Джеймса Мэнсона. Кроме того, он знал, что сможет добыть необходимую для мистера Брауна информацию в течение часа.

Они оговорили оплату, довольно скромную, и Шеннон обещал отослать деньги по почте, заказным письмом, в течение часа.

Сыщик решил поверить обещанию и попросил клиента перезвонить около пяти.

Шеннон закончил покупки и перезвонил ровно в пять. Через несколько секунд он получил то, что хотел. Глубоко задумавшись,

вернулся в отель и позвонил журналисту, который в свое время свел его с «мистером Харрисом».

– Привет, – хрипло сказал он в трубку. – Это я. Кот Шеннон.

– А, привет, Кот, – прозвучал удивленный ответ. – Где ты пропадал?

– В разных местах, – сказал Шеннон. – Я просто хотел поблагодарить за то, что ты познакомил меня с этим парнем, Харрисом.

– Не за что. Он предложил тебе работу?

Шеннон был осторожен.

– Да, на несколько дней. Все уже кончилось. Но деньжата у меня появились. Как насчет того, чтобы поужинать вместе?

– Почему бы и нет? – откликнулся журналист.

– Скажи мне, – сказал Шеннон. – Ты все еще встречаешься с той девчонкой, с которой был, когда мы в последний раз виделись?

– Да. Все с той же. А почему ты спросил?

– Она манекенщица, верно?

– Да.

– Слушай, – сказал Шеннон, – можешь считать меня тронутым, но я очень хочу встретиться с одной девушкой, которая тоже работает манекенщицей, но не могу найти никого, кто бы нас познакомил. Ее зовут Джулия Мэнсон. Ты не можешь спросить у своей девчонки, вдруг они встречались когда-нибудь?

Журналист задумался.

– Конечно. Я позвоню Кэрри и спрошу у нее. Где ты находишься?

– В телефонной будке. Перезвоню тебе через полчаса.

Шеннону повезло. Приятель сказал, что девушки знакомы, вместе учились на курсах манекенщиц. Кроме того, служили в одном агентстве. Прошел еще час, прежде чем Шеннон, теперь уже непосредственно говоря с подружкой журналиста, узнал, что Джули Мэнсон согласилась на встречу за ужином, но только вместе с Кэрри и ее молодым человеком. Они договорились встретиться на квартире Кэрри около восьми, Джули Мэнсон будет у нее.

Шеннон и журналист появились на квартире Кэрри, рядом с Мэйда Вэйл, почти одновременно, и все четверо отправились ужинать. Журналист заказал столик в небольшом погребке-ресторане под названием «Бейкер энд Оуен» в Мэрилибоун, и еда была такой, как любил Шеннон, огромные порции английского жареного мяса с овощами, сдобренные двумя бутылками «Пиа де Божоле». Ему понравилась и еда и Джули.

Она была невысокой, чуть больше пяти футов, и чтобы казаться повыше, носила туфли на высоких каблуках и держалась очень прямо. Сказала, что ей девятнадцать лет. Ее дерзкое круглое личико могло казаться ангельски невинным, когда она того хотела, или становилось откровенно сексуальным в тот момент, когда ей казалось, что на нее никто не смотрит.

Она была, очевидно, испорченной девицей и привыкла к тому, чтобы все было так, как она того хочет. Вероятно, решил Шеннон, ее разбаловали в детстве. Но она была забавной и симпатичной, а от девушки Шеннон никогда не требовал большего. Темно-каштановые волосы ее были распущены, опускаясь до талии, а под платьем угадывалась весьма соблазнительная фигура. Ее, похоже, тоже заинтересовало неожиданное знакомство.

Хотя Шеннон и просил своего друга не упоминать, чем он зарабатывает себе на жизнь, Кэрри все-таки проговорилась, что он наемник. Но за ужином удалось избежать обсуждения этой темы. Как обычно, Шеннон говорил меньше всех, что было совсем нетрудно, потому что Джули и высокая рыжеволосая Кэрри вполне справлялись за четверых.

Когда они вышли из ресторана и вновь погрузились в холод ночных улиц, журналист сказал, что они вместе с подружкой собираются поехать к нему домой. Он остановил такси для Шеннона, попросив его подвезти Джули по дороге в гостиницу.

Когда наемник усаживался в машину, журналист слегка подмигнул ему.

– Мне кажется, дело на мази, – прошептал он.

Шеннон крикнул.

Перед дверью своей квартиры на Мэйфер Джули предложила ему заглянуть, выпить чашку кофе. Он расплатился с шофером и прошел за ней в дорогие апартаменты. И только когда они присели на диванчик, попивая безобразный кофе, приготовленный Джули, она наконец решилась заговорить о его профессии.

Он сидел, откинувшись на спинку в углу дивана, а она примостилась на краешке, повернувшись к нему лицом.

– Вам приходилось убивать людей? – спросила она.

– Да.

– В бою?

– Иногда. В основном.

– Сколько их было?

– Не знаю. Никогда не считал.

Она переваривала информацию и сделала несколько глотков.

– Я никогда не была знакома с человеком, который убивал людей.

– Не зарекайтесь, – возразил Шеннон. – Каждый, кто был на войне, вероятно, убивал людей.

– А у вас есть шрамы от ран? – Прозвучал очередной стандартный вопрос. На самом деле, на груди и на спине Шеннона хватало отметин, оставленных пулями, осколками снарядов и гранат.

Он кивнул.

– Есть немного.

– Покажите, – сказала она.

– Нет.

– Ну перестаньте же, показывайте. Вы должны это доказать.

Она поднялась. Он улыбнулся ей.

– Ты покажи – я покажу, – ехидно протянул он, вспомнив старую детскую присказку.

– У меня их нет, – оскорбленно возразила Джули.

– Докажи, – решительно отрезал Шеннон и повернулся, чтобы поставить пустую чашку на столик рядом с диваном.

Послышалось шуршание одежды. Когда он обернулся, последний глоток кофе застрял у него в горле. У нее ушло не больше секунды на то, чтобы расстегнуть молнию на спине и дать платью упасть к ногам мягкими волнами. Под платьем была пара чулок на резинках и тонкий золотистый пояс.

– Смотри, – тихо произнесла она. – Нигде ни царапины.

Она была права. Ее миниатюрная точеная фигура женщины-подростка отливала молочной белизной от самого пола до края темной копны волос, разбросанных по плечам и доходивших почти до пояса. Шеннон с усилием сделал глоток.

– А я-то думал, что ты примерная папенькина дочка, – сказал он.

Джули хихикнула.

– Они все так думают, особенно папа. Теперь твоя очередь.

В то же самое время сэр Джеймс Мэнсон сидел в библиотеке своей загородной усадьбы неподалеку от местечка Нотгроув на холмах Глостершира, с папкой Шеннона на коленях и бокалом бренди с содовой в руке. Было около полуночи, и леди Мэнсон уже давно поднялась в спальню. Он приберег отчет Шеннона на поздний вечер, чтобы прочесть его в одиночестве, в библиотеке, избежав искушения раскрыть папку в машине по дороге домой или приступить к делу сразу после ужина. Когда требовалось как следует сосредоточиться, он предпочитал поздние часы, а этот документ требовал особого

внимания.

Он раскрыл папку и отложил в сторону карты и схемы. Потом принялся за сам текст:

«ПРЕДИСЛОВИЕ. Следующий план составлен на основании отчета по республике Зангаро, написанного мистером Уолтером Харрисом, моего собственного визита в Зангаро и отчета о нем, а также на основании разъяснений мистера Харриса по поводу ожидаемого результата. Здесь не могут быть учтены элементы, известные мистеру Харрису, но не доложенные мне. В частности, к подобным относится последствие атаки и установление новой власти. Тем не менее, эта процедура потребует приготовлений, согласованных с планом атаки, каковых я, естественно, не имел возможности сделать.

ЦЕЛЬ АКЦИИ. Подготовить, организовать и провести атаку на президентский дворец в Кларенсе, столице Зангаро, взять штурмом дворец, ликвидировать президента и его личную охрану, расположенную внутри дворца. Кроме того, захватить основную часть боевой техники и арсенала республики, национальную казну и передающую радиостанцию, также находящуюся во дворце.

Наконец, обеспечить такие условия, чтобы оставшиеся в живых вооруженные охранники или военные части были выдворены за пределы города и рассредоточены таким образом, чтобы избежать возможности контратаки.

ПЛАН АТАКИ. На основании изучения военной ситуации в Кларенсе можно однозначно утверждать, что атака должна быть начата со стороны моря и направлена от берега непосредственно к самому дворцу. Я рассматривал возможность высадки с воздуха в аэропорту. Это неосуществимо. Во-первых, администрация аэропорта не разрешит погрузку необходимого количества оружия и людей на борт зафрахтованного самолета, не догадавшись о цели предстоящего полета. Представители этой администрации, даже если удастся получить разрешение на вылет, будут представлять серьезную опасность в смысле возможного ареста или просто утечки информации.

Во-вторых, попытка добраться к цели наземным транспортом не только не принесет преимуществ, но еще более нежелательна.

Для того, чтобы вооруженному отряду пересечь северную границу, необходимо сначала доставить его тайком в соседнюю республику, где полиция и служба безопасности находятся на должной высоте. Риск преждевременного обнаружения и ареста участников акции чрезвычайно велик, что недопустимо.

Причалить к берегам Зангаро и двинуться маршем на Кларенс также нереально. Во-первых, почти вся береговая линия представляет собой поросшее мангров болото, сквозь которое на лодке не пробраться, а

маленькие бухточки в темноте невозможно обнаружить. С другой стороны, не имея транспортных средств, штурмовому отряду предстоит долгий марш до столицы, и охрана может быть предупреждена. В-третьих, днем, при свете, будет видно, что наступающие силы малочисленны, что может вдохновить обороняющихся на отчаянное сопротивление.

Наконец, рассматривалась возможность заблаговременной тайной доставки в республику людей и оружия и укрытия их до момента начала наступления. Это тоже нереально, частично потому, что количество требуемого вооружения слишком велико, в смысле веса, частично оттого, что такой объем груза и такое количество незнакомых приезжих с неизбежностью будут обнаружены и выданы властям, и, наконец, потому, что подобный план предполагает наличие местной организации, обеспечивающей поддержку внутри Зангаро, а таковой не существует в природе.

Таким образом, единственный реальный план представляется следующим: подход к берегу на легких шлюпках с большого корабля, стоящего в море, непосредственно в гавани Кларенса, и штурм дворца немедленно после высадки на берег.

ТРЕБОВАНИЯ К АТАКЕ. В отряде должно быть не менее дюжины людей, вооруженных минометами, базаками и гранатами, помимо автоматов для ближнего боя. Высадка должна быть произведена между двумя и тремя часами ночи, когда население Кларенса уже уснет, но задолго до рассвета, чтобы к утру белых наемников и духу не было.»

Далее на шести страницах шло описание того, как именно Шеннон предполагал осуществить проект, набрать необходимый состав, какое потребуется оружие и сколько боеприпасов, вспомогательное оборудование: переносные радиостанции, десантные шлюпки, подвесные моторы, осветительные ракеты, форма, снаряжение, провиант.

Сколько что будет стоить, и, наконец, подробное описание захвата дворца и рассредоточивания остатков армейских частей.

По вопросу о корабле, на котором должны быть доставлены участники штурма, он писал:

«Помимо оружия, проблема поисков необходимого судна будет одной из самых сложных. На мой взгляд, не стоит использовать зафрахтованный корабль, потому что там есть команда, которая может оказаться ненадежной, и капитан, способный в любой момент передумать. Кроме того, существует опасение, что суда, готовые на подобную работу, находятся на примете служб безопасности всех средиземноморских стран. Я сторонник того, чтобы потратиться и

купить небольшое грузовое судно, набрать за деньги команду, преданную своим хозяевам и пользующуюся хорошей репутацией в кругах моряков. Такой корабль можно будет впоследствии снова продать, что должно оказаться на порядок дешевле любого другого варианта.»

Шеннон также подчеркнул необходимость соблюдения строгой секретности на всех этапах. Он писал:

«Поскольку мне неизвестны мои наниматели, за исключением мистера Харриса, желательно, чтобы, в случае согласия с предложенным проектом, мистер Харрис остался единственным лицом, осуществляющим связь между нанимателями и мной. Все необходимые денежные выплаты мне должен производить мистер Харрис, ему же я буду передавать отчеты о произведенных затратах. Аналогично, хотя мне придется обзавестись четырьмя оперативными помощниками, никому из них не будет известна суть проекта и, естественно, место действия, пока мы не выйдем в море. Даже прибрежные лоции будут выданы капитану только после отплытия.

Представленный выше план учитывает аспект безопасности, поэтому предполагается все покупки совершать легально, в открытую, за исключением оружия, которое придется доставать из-под полы. На каждом этапе предусмотрен обрыв связей, так, чтобы возможное расследование наткнулось на стену. Кроме того, на каждом этапе оборудование закупается отдельными партиями в разных странах и разными людьми. План целиком будет известен только мне, мистеру Харрису и нанимателям. В самом худшем случае я не смогу опознать нанимателей и, вероятно, мистера Харриса.»

Сэр Джеймс Мэнсон несколько раз одобрительно кивнул и крикнул во время чтения. В час ночи он налил себе еще один бокал бренди и приступил к изучению списков предполагаемого оборудования, затрат и разбивки по дням, которые были на отдельных листках.

Разведывательная поездка

Выполнено в Зангаро. Два отчета. 2500 фунтов ст.

Зарплата командующему операцией 10 000 фунтов ст.

Зарплата остальных участников 10 000 фунтов ст.

Полные административные затраты, транспортные расходы, гостиницы и т. д., для командира и помощников 10 000 фунтов ст.

Закупка оружия 25 000 фунтов ст.

Закупка корабля 30 000 фунтов ст.

Закупка вспомогательного оборудования 5000 фунтов ст.

Резерв 7500 фунтов ст.

Итого – 100 000 фунтов ст.

На следующем листке приводилось примерное расписание.

Подготовка:

Вербовка и сбор личного состава.

Открытие банковского счета.

Покупка компании за границей. 20 дней

Закупка:

Период, требуемый для покупки всего необходимого. 40 дней

Сборы:

Доставка оборудования и личного состава на судно ко дню отплытия. 20 дней

Транспортировка:

Морской переход от пункта отплытия до Кларенса. 20 дней

Сэр Джеймс Мэнсон дважды перечитал отчет и целый час неподвижно просидел в кресле, потягивая любимую кубинскую сигару и неподвижно глядя на ряды книг в сафьяновых переплетах, выстроившихся вдоль стен библиотеки. Наконец он запер папку с проектом в свой стеной шкаф и поднялся в спальню.

Кот Шеннон лежал на спине в темной спальне, поглаживая рукой тело девушки, лежащей у него поперек живота. Тело было миниатюрным, но весьма сексуальным, в чем он успел убедиться за предыдущий час. Видимо, то, чему усиленно обучалась Джули в течение двух лет после школы, не имело никакого отношения к стенографии и машинописи. Ее аппетит и вкус к сексуальным излишествах могли сравниться разве что с бьющей через край энергией и непрерывной болтовней во время ужина.

Не успел он к ней прикоснуться, как она встрепенулась и начала его ласкать.

– Смешно, – сказал он задумчиво, – наверное, это знамение времени. Мы с тобой трахаемся уже полночи, а я о тебе совсем ничего не знаю.

Она замерла на секунду, спросила:

– Что, например? – и снова принялась за дело.

– Где ты живешь, – сказал он. – Помимо этой хаты.

– В Глостершире, – не отрываясь от предмета, прогнусавила она.

– А чем твой старик занимается? – вкрадчиво спросил он.

Ответа не последовало. Он ухватил ее за волосы и подтянул лицо к себе.

– Ты что, больно же. Он служит в Сити. Зачем тебе?

– Брокер?

– Нет. У него какая-то компания. Что-то, связанное с горным делом. У него своя специальность, а у меня своя. Сейчас увидишь какая.

Через полчаса она с него скатилась и спросила:

– Тебе понравилось, милый?

Шеннон улыбнулся, и она увидела, как в темноте блеснули его зубы.

– О, да, – тихо сказал он. – Я получил колоссальное удовольствие. Теперь расскажи мне о своем предке.

– Папа? Он просто скучный старый бизнесмен. Целыми днями торчит в своем душном кабинете в Сити.

– Некоторые бизнесмены меня интересуют. Так что расскажи, что он за человек...

Сэр Джеймс Мэнсон наслаждался утренним кофе в солярии на южной стороне своего загородного дома в то субботнее утро, когда позвонил Адриан Гуль. Чиновник из Форин Офис звонил из собственного дома, в Кенте.

– Надеюсь, что вы не обижаетесь на меня за звонок в выходной день, – сказал он.

– Нисколько, мой дорогой друг, – сказал Мэнсон, покрывив душой. – Звоните в любое время.

– Я бы позвонил вчера вечером к вам в контору, но меня задержали на собрании. Кстати, о нашем недавнем разговоре по поводу результатов проведенной вами геологической разведки в этом самом африканском государстве. Вы помните?

Мэнсон решил, что Гулю придется из соображений безопасности пороть всю эту чушь по телефону.

– Да, конечно, – сказал он. – Я последовал совету, который вы дали за ужином. Соответствующие цифры слегка изменились, таким образом обнаруженное количество оказалось абсолютно незначительным с точки зрения бизнеса. Отчет был отослан, получен на месте, и с тех пор я о нем ничего не слышал.

Следующие слова Гуля вывели сэра Джеймса Мэнсона из состояния праздного расслабления.

– А вот мы слышали... – сказал голос в трубке. – Ничего особо тревожного, но в то же время довольно странная новость. Наш посол в этом регионе, хотя и аккредитован в этой стране и в трех других небольших республиках, там не проживает, как вам известно. Тем не менее, он присылает регулярные отчеты на основании данных,

полученных из разных источников, включая обычные дружеские связи с другими дипломатами. Копия той части его последнего отчета, где говорится об экономическом положении в республике, была положена мне на стол вчера днем. Ходят слухи, что советское правительство заручилось разрешением прислать собственную геолого-разведывательную партию. Конечно, возможно, что речь идет о другой области...

Сэр Джеймс Мэнсон уставился на телефонный аппарат в то время, как в трубке продолжал щебетать голос Гуля. В районе левого виска, словно молот, застучал пульс.

– Я просто подумал, сэр Джеймс, что если русские парни попадут на тот же участок, который обследовал ваш человек, они могут наткнуться на что-нибудь другое. К счастью, речь идет всего лишь о незначительных количествах олова. Тем не менее, я решил, что вас надо поставить в известность. Алло? Вы слушаете?

Мэнсон очнулся от оцепенения. С большим усилием постарался придать своему голосу невозмутимость.

– Да, конечно. Простите, я просто задумался. Очень хорошо, что вы мне позвонили, Гуль. Не думаю, что они окажутся в том же месте, где был мой человек. Тем не менее, это чертовски полезная информация.

Он завершил ритуал обычных любезностей, прежде чем повесить трубку, и медленно вернулся на залитую солнцем террасу. Мысли лихорадочно крутились в голове. Совпадение?

Возможно, но только возможно. Если советская экспедиция собирается работать за много миль от Хрустальной горы, это будет простым совпадением. С другой стороны, если они отправятся сразу к Хрустальной горе, не проводя предварительно разведку с воздуха, чтобы убедиться в различии растительного покрова в этой области, о совпадении не может быть и речи. Это будет самой настоящей диверсией. И нет никакой возможности выяснить это, удостовериться окончательно, не выдав собственной корыстной заинтересованности. А это значит поставить крест на всем.

Он подумал о Чалмерсе, человеке, которого, как ему показалось, он заставил замолчать деньгами. Заскрипел зубами.

Потрепался? Сознательно? Случайно? Он уже было решил, что надо поручить Эндину или кому-нибудь из его друзей позаботиться о докторе Чалмерсе. Но это уже ничего не изменит. Да и прямых доказательств измены не было.

Конечно, можно было бы положить все свои планы на полку и больше о них не вспоминать. Он взвесил такую возможность, потом

снова подумал о кладе, который покоился на другой чаше весов. Мэнсон не был хлюпиком: он стал тем, кем был, совсем не потому, что привык пасовать перед лицом возросшей опасности, особенно, когда это нужно было еще доказать.

Он уселся в шезлонг рядом с уже остывшим кофейником и глубоко задумался. Надо действовать как было задумано, но приходилось предполагать, что русская экспедиция осмотрит район, посещенный Малруни, и обратит внимание на изменение растительного покрова. Таким образом, в игру вступал новый элемент: временные рамки. Он проделал расчеты в уме и вывел окончательную цифру: три месяца. Если русским удастся обнаружить, что содержится в недрах Хрустальной горы, бригада по оказанию «братской помощи» не заставит себя ждать, как пить дать. При этом весьма многочисленная. Больше половины которой, как он понимал, составят крепкие парни из КГБ.

Кратчайший срок, предложенный Шенноном, предусматривал сто дней, но он уже предупреждал Эндина, что дополнительная пара недель может потребоваться при реализации проекта на практике. Теперь этой пары недель у них не было. На самом деле, если русские пошевелятся быстрее, чем обычно, у них не будет даже ста дней.

Он вернулся к телефону и позвонил Саймону Эндину. Его выходные уже испорчены, так почему бы и Эндину не начать понемногу работать?

Эндин позвонил Шеннону в отель утром в понедельник и назначил свидание на два часа дня в небольшом жилом доме, в районе Сэнт Джонс Вуд. Он снял квартиру тем же утром по распоряжению сэра Джеймса Мэнсона после продолжительной беседы в его загородном поместье днем в воскресенье. Квартиру снял на имя Харриса, заплатив наличными и сославшись на какие-то фиктивные рекомендации, которые никто проверять не стал. Причина была проста: в квартире был телефон, который выходил на связь напрямую, без коммутатора.

Шеннон явился вовремя и обнаружил, что человек, которого он продолжал называть Харрисом, уже обустроился. Телефон оборудован встроенными в крышку стола микрофоном и динамиком, что давало возможность одновременного участия в переговорах нескольких человек, сидящих в комнате, с тем, кто находился на другом конце провода.

– Глава консорциума прочитал ваш доклад, – сказал он Шеннону, – и хочет перекинуться с вами парой слов.

В два тридцать зазвонил телефон. Эндин перевел тумблер на щитке

в положение «разговор», и послышался голос сэра Джеймса Мэнсона. Шеннон уже знал, о ком идет речь, но не подал вида.

– Вы на месте, мистер Шеннон? – спросил голос.

– Да, сэр.

– Я уже прочитал ваш отчет и ценю ваши предложения и заключение. Если мы предложим вам заключить контракт, смогли бы вы взяться за его осуществление?

– Да, сэр, смог бы, – сказал Шеннон.

– Есть пара вопросов, которые мне хотелось бы обсудить. Как я заметил в финансовой справке, вы назначаете себе вознаграждение в сумме десяти тысяч фунтов стерлингов.

– Да, сэр. Честно говоря, не думаю, что кто-нибудь возьмется за меньшую плату, большинство запросит больше. Даже если бы финансовую справку готовил другой человек и указал в графе оплаты меньшую сумму, я, полагаю, что он все равно предполагал бы себе минимум десять процентов от общей суммы, просто завысив сумму затрат на покупки, которую все равно невозможно проверить.

Возникла пауза, потом голос произнес.

– Хорошо. Я принимаю ваши условия. Что вы готовы предоставить мне за это вознаграждение?

– Вы покупаете мой опыт, контакты, связи в мире торговцев оружием, контрабандистов, и наемников. Кроме того, вы платите мне за молчание в случае, если что-нибудь сорвется. Вы платите мне за три месяца чертовски трудной работы и постоянный риск ареста и тюремного заключения. Наконец, вы платите за то, что я рискую жизнью во время штурма.

Послышалось покашливание.

– Вполне разумно. Теперь о финансировании. Сумма в 100 000 фунтов стерлингов будет переведена на счет в швейцарском банке, который на этой неделе откроет мистер Харрис. Он будет выдавать вам необходимые суммы по частям, по мере того, как они понадобятся в ближайшие два месяца. С этой целью вам придется установить с нами свою собственную систему связи. При проведении трат он должен либо присутствовать лично, либо получать чек.

– Это нельзя будет осуществить, сэр. При торговле оружием чеки не выдают, особенно на черном рынке, а большинство из тех людей, с которыми мне придется иметь дело, не согласятся на присутствие мистера Харриса. Он для них чужой. Я предложил бы широко использовать аккредитивы и банковские переводы. В то же время, если для подписания каждого аккредитива потребуется присутствие

мистера Харриса, ему либо придется следовать за мной повсюду, на что я не соглашусь из соображений собственной безопасности, либо мы ни за что не уложимся в предполагаемые сто дней.

Снова возникла длинная пауза.

– Что вы имеете в виду, говоря о собственной безопасности? – спросил голос.

– Я имею в виду то, что не знаю мистера Харриса. И могу допустить, что он знает достаточно для того, чтобы меня могли арестовать в любом европейском городе. Вы предприняли свои меры предосторожности, я предпринимаю свои. Они предполагают то, что я путешествую и работаю в одиночестве без постороннего присмотра.

– Вы осторожный человек, мистер Шеннон.

– Приходится. Я все еще жив.

Раздался мрачный смешок.

– Как я могу убедиться, что вам можно доверять распоряжаться самостоятельно большими суммами денег?

– Никак, сэр. До определенного момента мистер Харрис может выдавать мне деньги малыми порциями на каждом этапе. Но плата за оружие должна производиться наличными и исключительно с глаза на глаз. Единственная альтернатива, которую я могу вам предложить – попросите мистера Харриса самого провести операцию или наймите другого профессионала. Хотя не уверен, сможете ли вы и ему доверять.

– Достаточно разумно, мистер Шеннон. Мистер Харрис...

– Сэр? – тут же отозвался Эндин.

– Подъезжайте ко мне сразу же после того, как выйдете из дома. Мистер Шеннон, я беру вас на работу. У вас сто дней, чтобы обезглавить республику. Ровно сто дней.

Часть вторая

Сто дней

Глава 8

Несколько минут после того, как сэр Джеймс Мэнсон повесил трубку, Саймон Эндин и Кот Шеннон молча сидели и смотрели друг на друга. Первым очнулся Шеннон.

– Раз уж нам придется работать вместе, – обратился он к Эндину, – давайте расставим точки над *i*. Если кто-нибудь, безразлично кто, прослышит хоть слово об этом проекте, информация неминуемо дойдет до секретных служб одной из ведущих держав. Вероятно, до ЦРУ или, по крайней мере, до британской СИС, а может, и до французской СДЕКЕ. Им придется покрутиться, но не без пользы для себя. Ни вы, ни я будем не в силах помешать им угробить это дело. Поэтому давайте соблюдать абсолютную секретность.

– Побеспокойтесь лучше о себе, – вспыхнул Эндин. – У меня с этим делом связано куда больше, чем у вас.

– О'кей. Прежде всего деньги. Завтра я вылечу в Брюссель и открою банковский счет где-нибудь в Бельгии. Вернусь завтра же к вечеру. Свяжитесь со мной, и я скажу вам где, в каком банке и на чье имя. После этого мне потребуется перевод на сумму не меньше чем в 10 000 фунтов. К завтрашнему вечеру я подготовлю подробный отчет о том, на что собираюсь истратить эти деньги. В основном это будет оплата моим ассистентам, чеки, вклады и т. д.

– Где я свяжусь с вами? – спросил Эндин.

– Это второй пункт, – сказал Шеннон. – Мне потребуется постоянная база, безопасная с точки зрения телефонных звонков и писем. Как насчет этой квартиры? Вы на ней не засветитесь?

Эндин об этом не думал. Он обмозговал проблему.

– Квартира снята на мое имя. Заплачено наличными за месяц вперед, – сказал он.

– Играет ли роль то, что на соглашении о сдаче внаем значится фамилия Харрис? – спросил Шеннон.

– Нет.

– Тогда я заберу квартиру у вас. Месяц проживания мне уже обеспечен – глупо было бы его терять, – а после окончания этого срока я начну платить сам. Ключ у вас есть?

– Да, конечно. Как же я сюда вошел?

– Сколько всего ключей существует?

Вместо ответа Эндин запустил руку в карман и достал кольцо с четырьмя ключами на нем. Два ключа, очевидно, были от подъезда и два от двери в квартиру. Шеннон взял их себе.

– Теперь о связи, – сказал он. – Вы можете связаться со мной, позвонив сюда в любое время. Я могу быть дома, могу и не быть. Могу быть за границей. Поскольку, как я понимаю, вы не хотите дать мне свой номер телефона, договоримся о почтовом адресе «до востребования» где-нибудь в Лондоне, неподалеку от вашего дома или конторы, чтобы вы могли дважды в день справляться о телеграммах. Если вы срочно потребуетесь мне, я дам телеграмму с номером телефона или своим адресом и сообщу, в какое время надо позвонить. Понятно?

– Да. Я побеспокоюсь об этом до завтрашнего вечера. Что-нибудь еще?

– Только то, что во время операции я буду пользоваться именем Кейта Брауна. Все, что поступит к вам с подписью «Кейт», будет от меня. Звоня в гостиницу, зовите меня как Кейта Брауна. Если я вдруг отвечу словами «Мистер Браун слушает», быстрее кладите трубку. Это сигнал тревоги. Скажите, что неправильно набрали номер или это не тот Браун, который был вам нужен. На данный момент все. А сейчас лучше возвращайтесь в контору. Позвоните мне сюда в восемь вечера, и я сообщу, как идут дела.

Спустя несколько минут Эндин стоял на тротуаре в районе Сэинт Джонс Вуд и ловил такси.

К счастью, Шеннон не положил в банк 500 фунтов, которые получил от Эндина перед выходными за план штурма, и 450 фунтов у него еще оставались. Нужно было заплатить по счету в отеле у Найтсбриджа, но это может подождать.

Он позвонил в компанию БЕА и заказал билет до Брюсселя и обратно, экономическим классом. Обратный рейс прилетал в Лондон в 16.00, таким образом, к шести вечера он должен быть снова в своей квартире. Вслед за этим он послал по телефону четыре международных телеграммы. Одну в Паарль, провинция Кейп, Южная Африка, еще одну – в Остенде, следующую в Марсель и последнюю в Мюнхен. В каждой говорилось только одно:

«СРОЧНО ПОЗВОНИ МНЕ ЛОНДОН 507-0041 ПОЛНОЧЬ ЛЮБОЙ ИЗ БЛИЖАЙШИХ ТРЕХ ДНЕЙ ТЧК ШЕННОН».

Наконец он взял такси и попросил отвезти его в отель «Лаундс». Выписался, оплатил счет и исчез так же, как и появился, анонимно.

В восемь, как и договорились, позвонил Эндин, и Шеннон сообщил помощнику Мэнсона, что успел сделать за это время.

Они договорились, что Эндин перезвонит в десять вечера на следующий день. Два часа Шеннон потратил на то, чтобы осмотреть дом, в котором он теперь жил, и окрестные кварталы.

Засек несколько маленьких ресторанчиков, два из которых были неподалеку, на Сэинт Джонс Вуд Хай Стрит, не спеша поужинал в одном из них. Домой вернулся к одиннадцати.

Он пересчитал свои деньги. Оставалось больше 400 фунтов.

Отложил в сторону 300 фунтов на оплату авиабилетов и расходы на завтрашний день, после чего проверил все, что у него было в наличии. Одежда неброская, сравнительно новая, в основном купленная за последние десять дней в Лондоне. Пистолета нет, да он пока и не требовался, а чтобы не волноваться, он уничтожил ленту для пишущей машинки, на которой печатал свой отчет, и поставил новую.

Хотя в Лондоне этим вечером рано стемнело, в провинции Кейп было светло и тепло по-летнему, когда Жанни Дюпре, проскочив мимо Сипойнта, направил машину в сторону Кейптауна.

У него тоже был «шевроле», хотя постарее, чем у Эндина, но больше и наряднее. Он купил его подержанным на те остатки долларов, с которыми вернулся из Парижа четыре недели назад.

Проведя целый день за плаванием и рыбалкой на катере своего друга в Симонстауне, он теперь возвращался к себе домой, в Паарль. Ему всегда нравилось возвращаться домой в Паарль после завершения контракта, но каждый раз быстро все надоедало, совсем как десять лет назад, когда он впервые покинул дом.

Мальчишкой он рос в Паарль Вэлли и дошкольные годы провел, носясь как угорелый по чахлым и бедным виноградникам, принадлежащим таким же людям, как и его родители. Он выучился ловить птиц и стрелять в долине со своим «клонки», цветным приятелем, с которым белым мальчикам разрешается играть, пока они не подрастут достаточно и не поймут, что значит различие в цвете кожи.

Питер с его огромными карими глазами, копной черных кудрявых волос и кожей цвета красного дерева, был старше на два года и должен был следить за ним. На самом деле они были одного роста, так как Жанни был физически развит не по годам и, спустя совсем немного времени, он стал верховодить в их компании. В такие летние дни, двадцать лет назад, двое босоногих мальчишек садились на автобус и ехали вдоль побережья до мыса Агульас, где окончательно смыкаются

Атлантический и Индийский океаны, и ловили там рыбу с камней.

За время учебы в мужской школе Паарля Жанни проявил себя как трудный мальчик. Слишком крупный, агрессивный, беспокойный, вечно ввязывающийся в драки и, благодаря своим дюжим кулачищам, два раза попадавший в участок.

Он мог бы вступить во владение родительской фермой, ухаживать вместе с отцом за чахлыми побегами винограда, из которого получалось такое грубое вино. Его страшила перспектива состариться и согнуться под бременем тяжелой борьбы за существование в маленьком хозяйстве, с какими-то жалкими четырьмя цветными работниками под рукой. В восемнадцать лет он завербовался в армию, прошел начальную подготовку в Потчефстреме и вскоре был переведен в десантные войска, в Бломфонтейн. Здесь он нашел то, чем больше всего на свете хотел заниматься в жизни. Здесь и еще во время учебных занятий по приемам борьбы с террористами и мятежниками, которые проводились в суровых условиях степных зарослей, в окрестностях Питерсбурга. Армейское начальство признало его пригодность во всем, за исключением склонности ввязываться в бой без надобности и приказа свыше. В одном из учебных боев капрал Дюпре избил сержанта до полусмерти, и командир разжаловал его в рядовые.

Расстроившись, он ушел в самоволку, и был взят в баре Ист Лондона, измолотил двух представителей военной полиции, прежде чем им удалось его связать, и отрубил полгода в каторжной тюрьме. Выйдя на волю, он обратил внимание на объявление в вечерней газете, зашел в неприметную контору в Дурбане, и уже через два дня был переправлен из Южной Африки на базу Камина в Катанге. Он стал наемником в двадцать два года, и это случилось шесть лет назад.

Проезжая по извилистой дороге мимо Франсхока по направлению к долине, он думал, а вдруг придет письмо от Шеннона или кого-нибудь из ребят с новостью о новом контракте? Но когда он добрался до места, на почте ничего не было. Со стороны моря наплывали облака, вдалеке угадывались раскаты грома.

Вечером будет дождь, приятный холодный душ. Он посмотрел на скалу Паарль, удивительное произведение природы, которое давно, когда его предки только появились в этой долине, дало имя самой долине и городу. Мальчишкой он часто зачарованно смотрел на скалу, хмуро-серую в сухую погоду, но сверкающую, как огромная жемчужина, под лунным светом после дождя. Тогда она становилась огромной, блистающей, возвышающейся над маленьким городком у

своего подножья. Хотя город его детства и не мог предложить ему ту жизнь, о которой он мечтал, это был его родной дом. И когда он видел сверкающую под лучами солнца скалу – Паарль, то всегда чувствовал себя дома. В тот вечер ему хотелось быть в другом месте, на пути к очередной войне.

Ему было невдомек, что уже следующим утром телеграмма Шеннона, призывающая его в бой, окажется на почте Паарля.

Крошка Марк Вламинк оперся на стойку бара и опрокинул очередную огромную кружку пенящегося фламандского эля. За окнами заведения, которым заправляла его подружка, пустели улицы остендского района красных фонарей. Промозглый ветер дул с моря, а для летних туристов время еще не пришло. Он уже начал тосковать.

Первый месяц после возвращения из тропиков было хорошо.

Приятно принять ванну, поболтать с друзьями, заглянувшими на огонек. Местные щелкоперы попытались к нему сунуться, но он их послал подальше. Меньше всего ему хотелось нарываться на неприятности с властями, а он знал, что с ним не станут связываться, если только он не ляпнет что-нибудь такое, от чего могут всполошиться африканские посольства в Брюсселе.

Но через несколько недель безделье заело. Пару дней назад стало чуть веселее, когда он от души врезал морячку, пытавшемуся погладить Анну по заднице, части, которую он считал исключительно своей вотчиной. В голове у него закрутились воспоминания. Он услышал приглушенное топанье сверху, из маленькой квартирки над баром, которую они делили с Анной. Она занималась хозяйством. Он сполз с табуретки, допил кружку и крикнул:

– Если кто-нибудь завалится, обслуживай сама!

И начал подниматься по задней лестнице. В этот момент дверь бара отворилась, и вошел мальчик-посыльный с телеграммой.

Был ясный весенний вечер, в воздухе ощущалась прохлада, и море в районе старого марсельского порта отливало зеркальной гладью. На поверхности, где несколько минут назад отражались окрестные кафе и бары, одинокий, возвращающийся домой траулер, оставил клином расходящиеся складки, которые бесшумно разбегались по гавани, с легким всплеском разбиваясь о корпуса стоящих на якоре рыбацких катеров. Застывшие ряды автомобилей вытянулись вдоль тротуаров Канбьер, запахи жареной рыбы вырывались из тысяч окон, старики потягивали свою анисовку, а торговцы героинем разбрелись по переулкам, выйдя на прибыльный промысел. Это был обычный вечер.

В многонациональном, разномыслии бурлящем человеческом

котле, именуящем себя Ле Панье,^[11] где вне закона считается только полицейский, Жан-Батист Лангаротти, сидя за столиком в углу небольшого бара, не спеша потягивал охлажденный Рикар.

Он не был в тоске, как Жанни Дюпре или Марк Вламинк. Годы, проведенные в тюрьме, научили его искать радости в самых незначительных мелочах, и он лучше других мог переживать длительные периоды бездействия.

Более того, ему удалось найти себе дело и зарабатывать на жизнь, так что его сбережения оставались в неприкосновенности. Он постоянно экономил, поэтому его счет в швейцарском банке, о котором никто не знал, неукоснительно возрастал. Когда-нибудь, наконец, он сможет купить себе собственный бар в Кальви.^[12]

За месяц до этого его старый приятель по Алжиру был взят по незначительному поводу: за небольшой чемоданчик с дюжиной бывших армейских «кольтов» сорок пятого калибра, и из тюрьмы Ле Бометт прислал Жану-Батисту послание с просьбой «присмотреть» за девушкой, с заработков которой он жил до того сам.

Он знал, что корсиканцу можно доверять, он не обманет.

Девушка оказалась славной широкобедрой оторвой по имени Мари-Клэр, по кличке «Лола», отрабатывающей свою ночную смену в баре района Тюбано.

Она по-своему привязалась к Лангаротти, вероятно, из-за его скромных размеров, и единственная претензия у нее была в том, что он не колотил ее от души, чем любил побаловаться ее прежний приятель. Его рост никак не мешал роли сутенера, потому что тем, кто мог бы иметь виды на Лолу, не надо было объяснять, кто такой Лангаротти.

Итак, Лола была счастлива, что у нее самый лучший покровитель в городе, а Жан-Батист спокойно ждал, когда подвернется возможность заключить очередной боевой контракт.

Он поддерживал связь с несколькими людьми, имеющими дело с наемниками, но, будучи новым человеком в этом бизнесе, больше полагался на новости от Шеннона. Он внушал доверие, к нему скорее пойдут клиенты.

Вскоре после возвращения во Францию с Лангаротти связался Шарль Ру из Парижа и предложил корсиканцу впредь работать исключительно на него в обмен на гарантию контракта, как только такой появится. Ру долго распространялся о полудюжине проектов, которые он вынашивает, но корсиканец не клюнул на его удочку. Позже он навел справки и выяснил, что Ру попросту болтун, потому что сам не участвовал ни в одном собственном проекте с тех самых

пор, как с простреленной рукой вернулся из Букаву осенью шестьдесят седьмого.

Вздохнув, Лангаротти взглянул на часы, допил бокал и поднялся. Пора было пойти домой за Лолой и проводить ее в бар на работу, а после этого заглянуть на почту, нет ли там телеграммы от Шеннона с предложением отправиться на новую войну.

В Мюнхене было еще холоднее, чем в Остенде у Марка Вламинка, и Курт Земмлер, привыкший к теплу за долгие годы службы в Индокитае, Алжире и Африке, дрожал, кутаясь в длинное кожаное пальто, по дороге к работающему круглые сутки почтовому отделению. Он регулярно наведывался сюда каждое утро и каждый вечер, всякий раз надеясь обнаружить письмо или телеграмму с какими-нибудь новостями или приглашением на беседу для возможного отбора на работу по военному контракту.

Время после его возвращения из Африки прошло в безделье и скуке. Как большинство ветеранов, он не любил штатскую жизнь, с отвращением носил гражданскую одежду, презирал политику и скучал по военной дисциплине и боевым действиям. Возвращение в родной город не принесло радости. Повсюду на глаза попадались длинноволосые юнцы, неряшливые и разболтанные, размахивающие плакатами и выкрикивающие какие-то лозунги.

Казалось, что не осталось следа от той целеустремленности, преданности идеалам величия Родины и ее вождю, которыми так были пропитаны годы его детства и юности. Не было и порядка, характерного для армейской жизни.

Даже контрабанда на Средиземноморье, хотя это была беззаботная и легкая жизнь, могла дать ощущение активности, привкус опасности, чувство удовлетворения хорошо спланированной, проведенной и завершенной миссии.

Устремившись в прорыв к итальянскому берегу с двумя тоннами американских сигарет на борту, он хотя бы мог представить себя снова на реке Меконг, во время атаки легионеров на речных пиратов Хоа Биня.

Мюнхен же ничего не мог ему предложить. Он слишком много пил, слишком много курил, немного потаскался по шлюхам и впал в состояние крайнего раздрания.

На почте в этот вечер для него ничего не было. Но на следующее утро все будет по-другому, потому что телеграмма Шеннона уже была в пути.

В полночь Марк Вламинк позвонил из Остенде. Служба доставки

телеграмм в Бельгии работает превосходно, до десяти часов вечера каждый день. Шеннон просто попросил Вламинка встретить его у здания Брюссельского национального аэропорта следующим утром на машине и сообщил номер своего рейса.

В Бельгии, с точки зрения тех, кто хочет завести тайный, но вполне легальный счет в банке, существует много преимуществ, даже по сравнению с хваленой швейцарской банковской системой. Не такая богатая и могущественная, как Германия, и не нейтральная как Швейцария, Бельгия, тем не менее, создает возможности, позволяющие класть и снимать со счетов неограниченные суммы денег без контроля или вмешательства со стороны правительства. Банки хранят тайну не менее тщательно, чем в Швейцарии, что дает возможность им, так же как банкам Люксембурга и Лихтенштейна, постоянно увеличивать свой оборот за счет швейцарцев.

На следующее утро Шеннон попросил Марка Вламинка отвезти его к Кредитбанку в Брюгге, что в семидесяти минутах езды от брюссельского аэропорта.

Громадного бельгийца, конечно, разрывало любопытство, но он сдерживался. Когда они свернули на дорогу в Брюгге, Шеннон коротко заметил, что ему предложили контракт, где есть места для четверых помощников. Вламинка это интересует?

Крошка Марк дал понять, что очень интересуется. Шеннон объяснил, что не может рассказать, в чем состоит операция, ясно только, что надо будет не только воевать, но проработать все от начала до конца. Он готов предложить обычные ставки по 1250 долларов в месяц плюс накладные расходы на ближайшие три месяца. Работа, хотя и предполагает отъезд из дома до середины третьего месяца, будет связана с несколькими часами риска в пределах Европы. Подобное, конечно, не относится к обычным обязанностям наемника, но без этого не обойтись. Марк крякнул.

– Я банки не граблю, – сказал он. – За такие деньги, по крайней мере.

– Об этом и речи нет. Нужно будет доставить кой-какое оружие на борт корабля. Мы должны сделать это сами. Потом отплываем, направляемся в Африку и устраиваем небольшую заварушку со стрельбой.

Марк осклабился.

– Затяжная кампания или работенка вроде «сунул-вынул и бежать?»

– Штурм, – сказал Шеннон. – Кстати, если сработает, на горизонте

маячит длительный контракт. Обещать не могу, но похоже на то. И солидная премия в случае успеха.

– О'кей, можешь на меня рассчитывать, – сказал Марк, и они выехали на центральную площадь Брюгге.

Главная контора Кредитбанка расположена в доме № 25 по Вламингстраат, узкой оживленной улице, обрамленной сомкнутыми рядами домов в характерном стиле фламандской архитектуры восемнадцатого века, прекрасно сохранившихся. Большинство первых этажей были переоборудованы под магазины, но если поднять глаза выше, представала картина, словно сошедшая с полотен старых мастеров.

В помещении банка Шеннон представился начальнику отдела иностранных вкладов мистеру Гуссенсу и для подтверждения протянул паспорт на имя Кейта Брауна. За сорок минут он открыл счет на свое имя, выложив 100 фунтов стерлингов наличными, предупредил мистера Гуссенса, что вскоре ожидает поступления суммы в 10 000 фунтов из Швейцарии банковским переводом и дал распоряжение, чтобы 5000 фунтов из этой суммы были незамедлительно переведены на его лондонский счет.

Он оставил несколько образцов подписи Кейта Брауна и договорился, что пароль, позволяющий установить его личность по телефону, будет состоять в произнесении двенадцати цифр номера счета в обратном порядке, после даты предыдущего дня.

Таким образом могут передаваться устно указания по переводам и снятию сумм со счета без его присутствия в Брюгге. Он подписал документ, гарантирующий банк от риска при использовании подобного вида связи и согласился приписывать красными чернилами номер своего счета после подписи на любой письменной инструкции банку, опять же в целях удостоверения личности.

В половине первого он освободился и вышел к Вламинку, который ждал на улице. Они солидно подкрепились неизменными чипсами в «Кафе дез Ар» на главной площади напротив муниципалитета, после чего Вламинк отвез его обратно в Брюссельский аэропорт. Перед расставанием Шеннон вручил Вламинку 50 фунтов наличными и велел на следующий день сесть на паром Остенде-Дувр, чтобы прибыть в Лондон к шести часам вечера. Прождав час до отлета самолета, он вернулся в Лондон ко времени пятичасового чая.

У Саймона Эндина тоже был трудный день. Он первым же рейсом улетел в Цюрих и приземлился в аэропорту «Клотен» около десяти часов утра. Спустя час он уже стоял у стойки конторы цюрихского

Хендельсбанка, в доме 58 по Тальштрассе, и открыл счет на свое имя. Он тоже оставил несколько образцов подписи и согласился с банковским служащим, который беседовал с ним по поводу метода подписей письменных обращений в банк.

Ему нужно было просто подписать в конце письма свой номер счета, а под ним – название дня недели, в которой было написано письмо. День недели должен быть написан зелеными чернилами, а номер счета черными. Он сделал вклад в 500 фунтов, которые предоставил наличными, и предупредил банк, что в течение недели на счет будет переведена сумма в 100 000 фунтов.

Наконец, он сказал администрации, что как только сумма поступит, им придется перевести из нее 10 000 фунтов на счет в Бельгии, данные которого он сообщит позднее письмом. Он подписал длинный контракт, по которому банк освобождался от ответственности за непредвиденные обстоятельства, включая ненамеренные нарушения закона, и отказывался выступать в его защиту в случае судебного разбирательства. Швейцарский банк никогда не предстанет перед швейцарским судом, что ему было прекрасно известно.

Взяв такси на Тальштрассе, он по дороге оставил запечатанный сургучом конверт в Цвингли Банке и направился обратно в аэропорт.

Письмо, которое спустя тридцать минут держал в руках доктор Мартин Штайнхофер, было от сэра Джеймса Мэнсона. Оно было подписано в соответствии с договоренностью о том, как должна подписываться вся его корреспонденция с цюрихским банком. В письме содержалась просьба к доктору Штайнхоферу незамедлительно перевести 100 000 фунтов на счет мистера Саймона Эндина в Хендельсбанке и сообщалось, что сэр Джеймс посетит его в конторе на следующий день, в среду.

Эндин был в лондонском аэропорту около шести вечера.

Мартин Торп пришел в контору днем во вторник абсолютно без сил. Он провел два дня выходных и понедельник, методически перебирая 4500 карточек из картотеки компаний, зарегистрированных на лондонской бирже, представленной агентством «Мудис».

Он сосредоточился на поиске подходящей буферной компании и отсортировал маленькие компании, преимущественно образованные много лет назад, почти заглохшие, с малым количеством вложений, компании, которые в течение последних трех лет терпели убытки или с трудом сводили концы с концами, или имели прибыль не более 10 000 фунтов. Ему, кроме того, хотелось собрать компании с рыночным капиталом, не превышающим 200 000 фунтов.

Мартин Торп отобрал две дюжины компаний, которые удовлетворяли этим условиям, и теперь их надо было показать сэру Джеймсу Мэнсону. Он предварительно расположил их в списке по порядку от первого номера до двадцать четвертого, в соответствии с уровнем пригодности.

У него были еще дела, и к середине дня он оказался в «Компаниз Хаузе», на Сити Роуд.

Он передал сотрудникам архива список первых восьми компаний и уплатил взнос по каждому из пунктов списка, который давал ему, как и любому другому представителю общественности, право ознакомиться с подробной документацией компаний. В ожидании прибытия восьми толстенных папок с бумагами в читальном зале, он пробежал глазами последнюю официальную сводку Фондовой Биржи и с удовлетворением отметил, что ни одна из восьми компаний не котируется выше, чем три шиллинга за акцию.

Когда принесли папки, он начал с первой по списку и погрузился в изучение документов. Его интересовали три момента, не отмеченные в сведениях агентства «Мудис», которые представляли собой просто краткие справки. Он хотел узнать, как распределены акции по владельцам, убедиться, что интересующие его компании не контролируются объединенным Советом директоров, и, наконец, удостовериться, что в последнее время некое частное лицо или группа лиц не начали скупать акции в больших количествах, это могло означать, что какой-то другой хищник из Сити уже позарился на наживу.

К тому времени, когда читальный зал «Компаниз Хауза» должен был закрываться на ночь, он успел посмотреть семь из восьми папок. Оставшиеся семнадцать ему придется изучать на следующий день. Но его уже заинтересовала компания, стоящая в списке под номером три. Он даже почувствовал легкое возбуждение. На бумаге это выглядело потрясающе. Настолько соблазнительный кусок, что становилось непонятным, как же его давным-давно никто не сцапал. Значит, было какое-то препятствие, но, с учетом выдающихся способностей Мартина Торпа, можно было надеяться на его преодоление. А если так, то... лучшего просто невозможно придумать.

Саймон Эндин позвонил Коту Шеннону на квартиру в десять часов вечера. Шеннон доложил о своих действиях, а Эндин сообщил о том, что успел сделать он сам за этот день. Он сказал, что необходимые 100 000 фунтов будут переведены на его новый счет в швейцарском банке до конца рабочего дня сегодня же, и Шеннон просил его

переслать первые 10 000 фунтов на счет Кейта Брауна в Кредитбанке города Брюгге, Бельгия.

Через несколько минут после разговора Эндин написал письмо с инструкцией в Хендельсбанк, подчеркнув, что данная сумма должна быть переведена незамедлительно, но что ни при каких условиях имя владельца швейцарского счета не должно быть известно в бельгийском банке. На переводе, который следует передать по телексу, можно обозначить только номер счета. Он отправил письмо экспресс-почтой из дежурного почтового отделения на Трафальгарской площади незадолго до полуночи.

Без пятнадцати двенадцать в квартире Шеннона вновь зазвонил телефон. Это был Земмлер из Мюнхена. Шеннон сказал ему, что у него есть работа для всех них, если они захотят, но что он не сможет приехать в Мюнхен. Земмлеру придется взять билет на самолет до Лондона в одну сторону и прибыть туда к шести на следующий день. Он назвал свой адрес и пообещал немцу в любом случае компенсировать расходы и купить обратный билет до Мюнхена, если вдруг он откажется от работы.

Земмлер согласился прилететь, и Шеннон повесил трубку.

Следующим на связь вышел Лангаротти из Марселя. Он обнаружил в своем почтовом ящике телеграмму от Шеннона. К шести он будет в Лондоне и явится на квартиру.

Звонок от Жанни Дюпре запоздал, он позвонил в половине первого ночи. Жанни тоже согласился собрать вещи и отправиться за 8000 миль в Лондон, но он не сможет прибыть туда раньше чем через полтора дня. У Шеннона на квартире его будут ждать в пятницу, к вечеру.

После последнего звонка Шеннон почитал часок и погасил свет. Так закончился День Первый.

Сэр Джеймс Мэнсон не пользовался экономическим классом, он предпочитал летать первым, и в среду утром плотно позавтракал в цюрихском бизнес-клубе «Трезубец». Около полудня его с почтением препроводили в обитый деревянными панелями офис доктора Мартина Штайнхофера.

Они были знакомы десять лет, и за это время Цвинглибанк несколько раз участвовал за Мэнсона в деловых операциях, когда ему требовались подставные лица при покупке акций, которые, будь упомянуто имя Мэнсона, тут же утроились бы в цене. Доктор Штайнхофер ценил своего клиента и поднялся, чтобы пожать руку и проводить английского аристократа к удобному креслу.

Швейцарец предложил сигару, принесли кофе и две рюмочки Киршвассера. Только когда секретарь вышел из кабинета, сэр Джеймс огласил суть своего дела.

– В ближайшие дни я намереваюсь приобрести контрольный пакет акций небольшой британской компании, общественной компании. В настоящий момент я не могу вам назвать, какой именно, потому что подходящий объект для моей операции пока не выяснен окончательно. Надеюсь, что вскоре все прояснится.

Доктор Штайнхофер молча кивнул и отхлебнул кофе.

– Вначале это будет незначительная операция, на которую потребуется сравнительно небольшая сумма денег. Позже, у меня есть основания полагать, что Фондовой Бирже станут известны определенные факты, которые интересным образом повлияют на цену акций этой компании, – продолжал он.

Объяснять швейцарскому банкиру правила, царящие на лондонской Фондовой Бирже, было совершенно ни к чему, потому что он знал их не хуже самого Мэнсона, как впрочем и всё, что касалось бирж и рынка во всем мире.

По британским законам, любое физическое лицо, приобретшее более десяти процентов акций компании, зарегистрированной как общественная, должно в течение двух недель предстать перед Советом директоров. Этот закон преследует цель: дать знать общественности, кто и в какой степени владеет акциями общественной компании.

По этой причине любая уважающая себя лондонская брокерская фирма, покупающая акции за своего клиента, тоже должна придерживаться закона и сообщить Совету директоров имя своего клиента, если объем покупки превышает десять процентов от полного объема акций компании, в противном случае покупатель может остаться анонимным.

Одним из способов обойти это правило для магната, стремящегося прибрать к рукам компанию, состоит в подборе подставных лиц. Но опять же, опытные эксперты на бирже вскоре обнаружат, что солидный пакет акций уплывает через подставных лиц в руки одного человека, и будут действовать по закону.

Но швейцарский банк, не связанный британскими законами, подчиняется собственным традициям сохранения тайн и попросту отказывается давать информацию о том, кто в действительности стоит за людьми, которых они представляют в качестве своих клиентов, как, впрочем, и любую другую информацию, даже если сами они подозревают, что подставные лица на самом деле вымышлены.

Оба человека в кабинете доктора Штайнхофера прекрасно разбирались во всех тонкостях подобной процедуры.

– Для приобретения необходимого количества акций, – продолжал сэр Джеймс, – я вошел в контакт с шестью своими партнерами. Они будут скупать акции на мою долю. Им хотелось бы открыть небольшие счета в Цвинглибанке и попросить вас быть настолько любезным, чтобы взять на себя заботы о покупке от их имени.

Доктор Штайнхофер поставил чашку с кофе и кивнул. Как и подобает порядочному швейцарцу, он не видел смысла в нарушении правил, когда их можно было законно обойти, с очевидным условием, что речь идет не о швейцарских правилах, конечно. Кроме того, он считал, что даже мелкую операцию лучше проводить так, чтобы избежать ажиотажа на бирже. Чтобы стать богатым, надо набраться терпения и начинать откладывать по пфеннингу.

– В этом нет никакой проблемы, – осторожно произнес он. – Эти джентльмены придут сюда, чтобы открыть свои счета?

Сэр Джеймс выпустил облако ароматного дыма.

– Может случиться, что они не найдут времени приехать сюда лично. Я сам, например, попросил своего помощника действовать от моего имени. Для экономии времени и во избежание лишних неприятностей, вы понимаете. Возможно, что шесть моих партнеров тоже решат избавить себя от лишних хлопот. У вас нет возражений против этого?

– Конечно нет, – тихо сказал Штайнхофер. – Кто ваш финансовый поверенный, простите?

– Мистер Мартин Торп, – сэр Джеймс Мэнсон вытащил из кармана тонкий конверт и протянул его банкиру.

– Здесь моя доверенность, должным образом оформленная, заверенная и с моей подписью. У вас есть образцы моей подписи для сравнения, разумеется. Там указаны полное имя мистера Торпа и номер паспорта, по которому вы сможете удостоверить его личность. Он посетит Цюрих через неделю или дней через десять, что бы завершить все подготовительные формальности. С этого момента он будет действовать от моего имени, и его подпись будет ничуть не хуже моей собственной. Это приемлемо?

Доктор Штайнхофер пробежал глазами листок из конверта и утвердительно кивнул.

– Конечно, сэр Джеймс. Я не вижу проблем.

Мэнсон поднялся и вмял сигару в пепельницу.

– В таком случае я с вами прощаюсь, доктор Штайнхофер, и все

последующие дела перепоручаю в руки мистера Торпа, который будет, несомненно, советоваться со мной на всех этапах перед принятием решений.

Они пожали друг другу руки, и сэра Джеймса Мэнсона проводили на улицу. Когда массивная дубовая дверь с легким щелчком захлопнулась за ним, он поднял воротник, прячась от всепроникающего холодного воздуха, открыл дверь взятого напрокат лимузина и приказал шоферу отвезти его в «Баур о Лак» на ланч. Кормят здесь от души, заметил он про себя, но во всем остальном Цюрих – жуткая дыра. Даже приличного борделя и того нет.

Помощник заместителя министра Сергей Голон с утра был не в духе. В официальном письме, которое легло ему на стол за завтраком, сообщалось, что его сын не прошел по конкурсу в Академию народного хозяйства, и в доме начался всеобщий переполох. Вдобавок ко всему, хроническая язва желудка напомнила о себе мучительной изжогой, обещая веселый денек, да и секретарша некстати заболела.

За окнами его небольшого кабинета в отделе Западной Африки МИДа холодный ветер гулял по узким ущельям московских улиц, до сих пор покрытых пятнами талого снега, угрюмо серым в утренних сумерках, терпеливо ждущих весеннего тепла.

– Не поймешь что творится, – пожаловался ему сторож, когда он припарковывал свой «москвич» на подземной стоянке под зданием министерства.

Голон согласно вздохнул и вошел в лифт, чтобы подняться к себе на девятый этаж и приступить к работе. В отсутствие секретаря ему пришлось самому разбирать груды документов, поступивших для ознакомления из разных кабинетов здания. Он начал их просматривать, перекатывая во рту таблетку от желудочной боли.

Третья по счету папка была прислана ему от замминистра с пометкой на обложке: «Изучить и предпринять необходимые меры». Голон мрачно углубился в чтение. Он отметил, что первой в деле была докладная записка из ведомства, занимающегося иностранной разведкой, на основании которой его министерство снабдило посла Добровольского определенными инструкциями. Поручение, согласно последней телеграмме от Добровольского, он выполнил. Запрос был удовлетворен, докладывал посол, и он просил действовать незамедлительно.

Голон презрительно фыркнул. После того, как его самого обошли на повороте к дипломатическому поприщу, он придерживался убеждения, что люди, работающие в посольствах за границей, склонны

излишне преувеличивать важность своей деятельности.

– Как будто нам больше делать нечего, – проворчал он.

Следующая папка была ему знакома. Там должны быть материалы по республике Гвинея. Как следовало из тревожных телеграмм советского посла, в Конакри усиливалось влияние Китая. Вот над чем следовало поразмыслить. По сравнению с этим, ему казалось совершенно неважным, есть или нет олово в коммерческих объемах где-то в джунглях Зангаро. Кроме того, в Советском Союзе своего олова хватает.

Тем не менее, начальство велело действовать, и, как послушный подчиненный, он это сделал. Вызвав машинистку из соседнего отдела, продиктовал письмо директору Свердловского горного института, предлагая отобрать небольшой отряд геологов и горных инженеров для разведки предполагаемого месторождения полезных ископаемых в Западной Африке, и поставить его в известность, когда экспедиция вместе с оборудованием будет готова к отправке.

Про себя он подумал, что надо бы было обговорить вопрос об их доставке в Западную Африку с соответствующим управлением, но отогнал от себя эту мысль. Изжога отпустила, и он отметил, что у машинистки весьма аппетитные коленки.

* * *

Кот Шеннон провел спокойный день. Он встал поздно и пошел в свой банк в Вест Энде, где снял со счета почти всю тысячу фунтов, которая там числилась. Он понимал, что деньги возвратятся с лихвой, когда поступит перевод из Бельгии.

После ланча позвонил своему приятелю журналисту, который, похоже, не ожидал его услышать.

– Я думал, что ты уже отвалил из города, – сказал писака.

– С чего ты взял? – спросил Шеннон.

– Ну, малышка Джули тебя разыскивала. Видимо, тебе удалось произвести на нее впечатление. Кэрри говорит, что она о тебе ей все уши прожужжала. Но она позвонила в «Лаундс», а там сказали, что ты выехал в неизвестном направлении.

Шеннон обещал позвонить. Дал номер своего телефона, но адрес предпочел не раскрывать. Под конец непродолжительной беседы попросил добыть интересующую его информацию.

– Думаю, что смогу, – неуверенно протянул друг, – Но, честно говоря, мне придется сначала позвонить ему и разведать обстановку.

– Хорошо, давай, – сказал Шеннон. – Скажи, что речь идет обо мне,

что я хочу его видеть и готов туда отправиться на несколько часов. Передай, что я бы не стал его беспокоить, если бы мне не показалось это важным.

Журналист согласился переговорить и сообщить Шеннону телефон и адрес человека, с которым он хотел побеседовать, если этот человек согласится на разговор с Шенноном.

Днем он написал письмо мистеру Гуссенсу в Кредит-банк, предупредив, что даст двоим-троим своим партнерам адрес Кредитбанка, в качестве своего, и будет поддерживать связь с банком по телефону, чтобы знать, не поступила ли корреспонденция на его имя. Кроме того, он собирается отправить несколько писем своим деловым партнерам через Кредитбанк. В этом случае сначала перешлет письмо на имя мистера Гуссенса, где бы тот ни находился. Он попросил мистера Гуссенса переслать вложенные в письмо конверты по указанным на них адресам из Брюгге. Наконец, разрешил мистеру Гуссенсу отнести все почтовые и накладные расходы на его счет.

В пять пополудни Шеннону на квартиру позвонил Эндин, и Шеннон отчитался ему в том, как идут дела, не упомянув о звонке к приятелю журналисту, он вообще никогда не говорил о нем Эндину. Трое из выбранных им помощников ожидают прибытия для получения инструкций в Лондон этим вечером, а четвертый будет не позднее вечера пятницы.

Мартин Торп провел пятый день в тяжелых трудах, но, по крайней мере, его поиски закончились. Он изучил документы остальных семнадцати компаний на Сити Роуд и набросал второй короткий список, на этот раз из пяти компаний. Первой стояла та самая компания, которая привлекла его внимание накануне.

Он закончил работу к середине дня, и так как Джеймс Мэнсон еще не вернулся из Цюриха, Торп решил использовать оставшиеся полдня для отдыха. Он сможет отчитаться перед шефом утром, а потом начать самостоятельно наводить справки относительно намеченной им компании. Надо выяснить, почему такой лакомый кусочек до сих пор не прибрали к рукам. К концу дня он уже подрезал траву на лужайке у своего дома в Хемпстед Гарден.

Глава 9

Первым из наемников в лондонский аэропорт «Хитроу» на рейсе компании «Люфтганза» из Мюнхена прибыл Курт Земмлер. Он попытался дозвониться до Шеннона сразу же после прохождения таможни, но ему никто не ответил. Для условленного времени было еще рано, поэтому он решил подождать в аэропорту и уселся за столик в ресторане с видом на летное поле напротив второго корпуса аэропорта. Нервно курил сигареты одну за одной, попивал кофе и провожал глазами улетающие в Европу самолеты.

Марк Вламинк сделал контрольный звонок Шеннону около пяти.

Кот посмотрел на список из трех близлежащих отелей и продиктовал название одного из них. Бельгиец тщательно переписал его по буквам и вышел из телефонной будки на вокзале Виктория. Через несколько минут он поймал такси у вокзала и показал шоферу листок с названием гостиницы.

Через десять минут после Вламинка позвонил Земмлер. Он тоже получил название отеля, записал его и сел на маршрутное такси от здания аэровокзала.

Лангаротти позвонил последним около шести вечера, из аэропорта на Кромвель Роуд. Он тоже взял такси и поехал в гостиницу.

В семь Шеннон позвонил всем по очереди и просил подойти к нему на квартиру через тридцать минут.

Только собравшись вместе, каждый из них узнал, что остальных тоже пригласили. Широкие улыбки, появившиеся при этом на их лицах, означали, во-первых, что им приятно встретиться с друзьями, а, во-вторых, что стало ясно: раз Шеннон потратился на то, чтобы пригласить всех в Лондон с оплатой проезда, значит, у него были деньги. Даже если им и хотелось узнать, кто заказывает музыку, они не стали об этом спрашивать.

Первое впечатление подтвердилось, когда Шеннон сказал, что пригласил Дюпре прилететь из Южной Африки на тех же условиях.

Пять сотен фунтов за авиабилет в одну сторону означали, что Шеннон не в бирюльки играет. Они уселись поудобней и приготовились слушать.

– Порученная мне работа, – начал Шеннон, – представляет собой проект, который надо организовать с нуля. Он не был заранее

подготовлен, и поэтому единственный способ осуществить его – сделать все самостоятельно. Цель в том, чтобы предпринять атаку, молниеносную, стремительную атаку в стиле коммандос, на прибрежный городок в Африке. Мы должны огненным ударом раздолбать в пух и прах одно здание, штурмовать его, захватить, прикончить всех, кто окажется внутри, и незаметно смыться.

Реакция была такой, на которую он втайне надеялся.

Наемники обменялись одобрительными взглядами. Вламинк широко улыбнулся и выразительно поскреб волосатую грудь, Земмлер пробурчал «Klasse»^[13] и прикурил новую сигарету от дымящегося окурка старой. Предложил закурить Шеннону, на что тот осуждающе покачал головой. Лангаротти затих, напряженно глядя на Шеннона и не переставая туда-сюда водить лезвием ножа по намотанному на левый кулак кожаному ремню.

Шеннон расстелил на полу карту, и все взгляды тут же устремились на нее. Это была схема, набросанная от руки, на которой был изображен участок берега и несколько примыкающих к нему зданий. Карта была неточной, потому что на ней отсутствовали две изогнутые песчаные косы, по которым можно было бы узнать гавань Кларенса. Но информации хватало, чтобы пояснить суть предполагаемой операции.

Главарь наемников говорил двадцать минут, объяснив подробности атаки, которую он предложил ранее своему нанимателю в качестве единственно возможного способа захватить объект, и трое остальных согласно закивали. Никто из них не спросил, где именно это должно произойти. Они понимали, что он им этого не скажет, да и ни к чему им это знать. Вопрос не в недоверии, а просто в мерах предосторожности. Если вдруг возникнет утечка информации, они не хотели оказаться среди возможных подозреваемых.

Шеннон говорил по-французски, вернее, на своей версии этого языка, с сильным акцентом. Он овладел им во время службы в Шестой роте коммандос, в Конго. Он знал, что Вламинк сравнительно сносно говорит по-английски, как и положено бармену из Остенде, и что словарь Земмлера состоит из пары сотен слов. Но Лангаротти в английском был совсем слаб, поэтому общим языком был французский, пока не появится Дюпре, после чего требовался дополнительный перевод.

– Значит так, – закончил Шеннон. – Всем вам полагается по 1250 долларов в месяц с завтрашнего дня, плюс квартирные и транспортные расходы на тот период, пока будете находиться в Европе.

Финансирование соответствует объему работы. Только два этапа в процессе подготовки будут незаконными, потому что я спланировал действия так, чтобы, по возможности, избегать нелегальных операций в Европе. Одна нелегальная акция состоит в переходе границы между Бельгией и Францией, а вторая – в погрузке груза на корабль где-нибудь на Средиземном море. И в том и в другом случае мы будем задействованы все. У вас гарантированный заработок на три месяца вперед, плюс премия по 500 долларов каждому в случае успеха. Ну, что скажете?

Трое наемников переглянулись. Вламинк кивнул.

– Можешь на меня рассчитывать, – сказал он. – Выглядит неплохо.

Лангаротти остановил нож.

– Это не противоречит интересам Франции? Я не хочу жить в изгнании.

– Даю слово, что против французов в Африке это не направлено.

– D'accord,^[14] – просто ответил корсиканец.

– Курт? – спросил Шеннон.

– А как насчет страховки? – спросил немец. – Я не про себя, у меня нет родственников, но как же Марк?

Бельгиец кивнул.

– Верно, я не хочу, чтобы Анна осталась на бобах, – сказал он.

Наемники на контракте обычно страхуются нанимателем на 20 000 долларов в случае смерти и на 6000 при серьезном увечье.

– Вы должны будете застраховаться самостоятельно, но сумма не ограничена. Если с кем-нибудь что-то случится, остальные должны клясться и божиться, что он случайно выпал за борт в море. Если кто-то будет покалечен, но выживет, мы все клятвенно утверждаем, что он поранился при перетаскивании груза в пути. Все должны застраховаться на путешествие в Южную Африку из Европы на борту небольшого грузового корабля в качестве пассажиров. О'кей?

Трое мужчин кивнули в ответ.

– Я согласен, – сказал Земмлер.

Они пожали друг другу руки и на этом покончили. Затем Шеннон начал объяснять каждому, что тот должен был сделать.

– Курт, ты получишь первую зарплату и 1000 фунтов на расходы в пятницу. Я хочу, чтобы ты отправился на Средиземноморье и начал присматривать корабль. Мне нужна небольшая грузовая посудина с незапятнанным послужным списком. Запомни, все должно быть чисто. Все бумаги в порядке, корабль официально продается. Водоизмещение от ста до двухсот тонн, каботажное судно или бывший траулер, можно

переоборудованный военный корабль, но только не что-нибудь похожее на торпедный катер. Мне не нужна быстроходность, главное надежность. Судно, на которое можно погрузиться в Средиземном море, не вызывая подозрений. Даже если груз будет военный. Зарегистрированное как обычное грузовое судно, принадлежащее небольшой компании, или собственность самого капитана. По цене не больше 25 000 фунтов, включая все необходимые ремонтные работы. Крайний срок для отплытия, когда все должно быть полностью готово к переходу в Кейптаун, не позднее, чем через 60 дней. Понятно?

Земмлер кивнул и, сразу погрузившись в размышления, начал прикидывать, с кем из друзей в корабельном мире можно будет связаться.

– Жан-Батист, какой город на Средиземном море тебе лучше всего знаком?

– Марсель, – не задумываясь ответил Лангаротти.

– О'кей. Получишь зарплату и 500 фунтов в пятницу. Поезжай в Марсель, поселишься в небольшом отеле и начнешь поиски. Ты должен найти мне три больших надувных лодки на твердом каркасе, типа «Зодиак». Спортивные модели, в основном скопированные с военных десантных шлюпок. Купи их в разных местах, потом помести в таможенном пакгаузе какой-нибудь уважаемой компании, якобы для экспорта в Марокко. Цель покупки – катание на водных лыжах и занятие подводным спортом на курорте. Цвет – черный. Не забудь три мощных подвесных мотора, с аккумуляторами. Каждая лодка должна быть рассчитана на полезную нагрузку до тонны. Двигатель должен обеспечить скорость движения при полной загрузке не менее десяти узлов, с большим запасом. Потребуется мощность в 60 лошадиных сил. Очень важная деталь – убедись, что моторы снабжены системой подводного выхлопа для понижения шума. Если они не комплектуются такими устройствами, попроси механика сделать три подводных насадки на выхлопные трубы с соответствующим выпускным клапаном. Помести двигатели на хранение в том же пакгаузе, что и лодки у агента по экспорту. Для занятия водными видами спорта в Марокко. Пятисот фунтов тебе не хватит. Открой банковский счет и пришли мне данные на этот адрес. Я переведу тебе деньги. Покупай все по отдельности и отошли мне счета сюда, почтой, О'кей?

Лангаротти кивнул и снова принялся водить ножом.

– Марк. Помнишь, ты однажды рассказывал, что знаешь парня в Бельгии, который в 1945 году грабанул немецкий оружейный склад на

тысячу новеньких «шмайссеров» и до сих пор хранит у себя половину? Я хочу, чтобы ты вернулся в пятницу в Остенде, прихватив зарплату и 500 фунтов дополнительно. Найди этого человека. Узнай, не согласится ли он продать оружие. Мне потребуется сотня автоматов, в первом классе рабочего состояния. Заплачу по 100 долларов за штуку, что больше рыночной цены. Свяжись со мной письмом по этому адресу, когда найдешь этого человека и договоришься о моей встрече с ним. Понял?

К половине десятого они закончили, инструкции были записаны и усвоены.

– Хорошо. А как насчет ужина? – спросил Шеннон своих коллег.

Предложение было встречено с энтузиазмом, ибо никто не ел ничего серьезного после завтрака в самолете. Голод давал себя знать. Шеннон отвел всех в ресторанчик за углом. Они продолжали говорить по-французски, но никто на них даже не взглянул, кроме тех редких случаев, когда из угла, где за столиком сидели четверо мужчин, раздавался громкий хохот.

Очевидно, они были возбуждены чем-то, но никто из посетителей ресторана и представить себе не мог, что компания в углу веселится от предвкушения возможности в очередной раз отправиться воевать под командованием Кота Шеннона.

По ту сторону Ла Манша Карло Альфреда Томаса Шеннона в этот момент поминал еще один человек, причем совсем не лестными словами. Он шагнул из угла в угол гостиной в своей квартире неподалеку от площади Бастилии и пытался увязать информацию, добытую за предыдущую неделю, с поступившей несколько часов назад дополнительной новостью из Марселя.

Если бы журналист, порекомендовавший Саймону Эндину Шарля Ру в качестве второго кандидата среди наемников для выполнения его проекта, знал француза поближе, то вряд ли дал бы ему такую хвалебную характеристику. Но ему были известны лишь основные факты биографии этого человека, и он ничего не знал о его характере. Не знал он ничего и о том, какую звериную ненависть питал Ру к другому рекомендованному им наемнику – Коту Шеннону и, естественно, не мог предупредить об этом Эндина.

После того, как Эндин вышел от Ру, француз две недели терпеливо ждал следующей встречи. Когда ее не последовало, он был вынужден заключить, что либо проект, задуманный человеком, назвавшимся Уолтером Харрисом, был заброшен, либо работу перехватил кто-нибудь другой.

Пытаясь расследовать возможность второй версии, он перебирал всех возможных претендентов, к которым бы мог обратиться английский бизнесмен. Именно во время наведения этих справок он вдруг узнал, что Кот Шеннон был в Париже, остановившись под своим именем в небольшом отеле на Монмартре. Это его потрясло, потому что он потерял след Шеннона после их расставания в аэропорту «Ле Бурже» и для себя решил, что он уехал из Парижа.

В тот момент, около недели тому назад, он попросил одного преданного себе человека навести подробные справки о Шенноне.

Этого человека звали Анри Алэн, и он был бывшим наемником.

Через двадцать четыре часа Алэн доложил, что Шеннон выехал из гостиницы на Монмартре и больше не появлялся. Он смог рассказать Ру еще две вещи – исчезновение Шеннона произошло в то же утро, когда у Ру был в гостях бизнесмен из Лондона, и второе – у Шеннона днем тоже был гость. Дежурный портье после небольшой денежной инъекции смог описать внешности гостя Шеннона, и Ру не сомневался, что на Монмартре побывал тот же человек, который приходил к нему.

Таким образом, мистер Харрис из Лондона встретился в Париже с двумя наемниками, хотя ему достаточно было и одного. В результате Шеннон исчез, а он, Ру, остался в дураках. То, что именно Шеннону, а не кому угодно другому мог достаться контракт, особенно выводило его из себя, потому что не было человека на свете, которого обитатель квартиры в 11 округе Парижа ненавидел бы больше.

Он заставил Анри Алэна дежурить у гостиницы четыре дня кряду, но Шеннон так и не вернулся. Тогда он попробовал другой путь. И припомнил, что в газетных отчетах о военных действиях в анклав имя Шеннона фигурировало вместе с корсиканцем Лангаротти. Можно предположить, что если Шеннон снова в обойме, то там же и Лангаротти. Поэтому он послал Анри Алэна в Марсель, чтобы найти корсиканца и выяснить, где может быть Шеннон. Алэн только что вернулся и доложил новость: Лангаротти покинул Марсель сегодня днем и отправился в Лондон.

Ру повернулся к своему информатору.

– Хорошо, Анри. Это все. Я свяжусь с тобой, когда ты потребуешься. Кстати, портье с Монмартра даст тебе знать, если Шеннон вернется?

– Конечно, – сказал Алэн, направляясь к двери.

– В таком случае, тут же перезвони мне.

Когда Алэн ушел, Ру начал обдумывать ситуацию. Для него отъезд Лангаротти в Лондон означал, что корсиканец поехал на встречу с

Шенноном.

В свою очередь, раз Шеннон набирает людей, значит у него есть контракт. Ру не сомневался, что речь идет о контракте Уолтера Харриса, том самом, на который он имел виды. Это была наглость, тем более неслыханная, что Шеннон при этом вербовал француза, да еще и на французской территории, которую Ру считал своей вотчиной.

Была еще одна причина, по которой он хотел получить контракт Харриса. Он не был в деле после событий в Букаву, и его влияние в кругах наемников во Франции может растаять как дым, если он не снабдит их какой-нибудь работой. Если бы Шеннон оказался не способным продолжать свою деятельность, например, если бы он исчез навсегда, мистеру Харрису, по-видимому, пришлось бы вернуться к Ру и нанять его, как он и предполагал с самого начала.

Не откладывая в долгий ящик, он набрал номер парижского телефона.

Ужин в Лондоне подходил к концу. Мужчины выпили изрядное количество графинов вина. Как большинство наемников, они считали, что чем грубее вино, тем лучше. Крошка Марк поднял бокал и предложил некогда популярный в Конго тост.

«Vive la Mort, Vive la guerre, Vive le sacre mercenaire.»^[15]

Откинувшись на спинку стула, единственный трезвый среди захмелевшей компании, Кот Шеннон не спеша прикидывал, какой разрушительный смерч обрушится на дворец Кимбы, когда он спустит с цепи эту свору. Он молча поднял свой бокал и выпил за псов войны.

Шарлю Ру было сорок восемь лет, и он был слегка помешанным, хотя оба эти факта никак не связаны друг с другом. Ему никогда не ставили диагноз «помешательство», хотя большинство психиатров отнесли бы его, по крайней мере, к психически неуравновешенным личностям. Основанием для подобного диагноза могли бы послужить ярко выраженные признаки мании величия, но они встречаются довольно часто не только у пациентов психиатрических клиник и именуются при этом более мягко, во всяком случае, если речь идет о богатых знаменитостях, как излишнее самомнение.

Тот же психиатр, вероятно, обнаружил бы симптомы паранойи, а более дотошный врач мог бы докопаться до того, чтобы предположить психопатические отклонения у французского наемника. Но так как Ру не проходил обследования у опытного психиатра, а его неуравновешенность обычно глубоко пряталась под внешней оболочкой ума и хитрости, подобные вопросы никогда не возникали.

Единственные внешние проявления его болезни состояли в

стремлении придать собственной персоне ничем не обоснованную важность и напыщенность и в постоянно испытываемой жалости к самому себе, уверенности в том, что он всегда прав, а все, кто с ним не согласен – не правы, во вспышках бешеной ненависти ко всем, кто посмеет усомниться в его исключительности.

Часто жертвами ненависти Ру становились всего лишь за то, что допускали в его сторону какой-нибудь малозначительный выпад, но в случае с Шенноном были куда более серьезные причины для неприязни.

Ру служил в звании старшего сержанта во французской армии почти до сорока лет, когда его уволили после скандала с обнаруженными недостатками.

В 1961 году, будучи на мели, он на свои деньги добрался до Катанги и предложил себя в качестве квалифицированного советника тогдашнему лидеру движения сепаратистов Катанги Моису Чомбе. В тот год достигла своего пика борьба за отделение богатой ресурсами провинции Катанга от союза с разваливающимся, анархическим Конго, недавно получившим независимость. Несколько человек, впоследствии ставших главарями наемников, начинали свою карьеру во время заварухи в Катанге. Хоар, Денар и Шрамм были среди них. Несмотря на высокие претензии, Ру доверили весьма скромную роль в катангских событиях, и когда могучей ООН наконец удалось сломить сопротивление небольших групп вольных стрелков, что пришлось делать политическим путем, ибо другим способом не получалось, Ру оказался среди тех, кому пришлось убраться восвояси.

Это было в 1962 году. Двамя годами позже, когда Конго разлеталось на части, словно кегли, под ударами поддерживаемых коммунистами Симба, Чомбе был вызван из изгнания, чтобы встать уже не во главе Катанги, а всего Конго. Он, в свою очередь, послал за Хоаром, и Ру был среди тех, кто вернулся, чтобы служить под его началом. Как француз, он должен был попасть во франко-говорящий Шестой полк командос, но так как он прилетел из Южной Африки, то в тот момент очутился в Пятом полку. Здесь его поставили командовать ротой, и через полгода после этого одним из командиров взводов у него оказался молодой англо-ирландец по фамилии Шеннон.

Разрыв Ру с Хоаром произошел через три месяца после этого.

Полностью уверовав к тому времени в свои выдающиеся военные способности, Ру самостоятельно спланировал операцию по расчистке дороги от засады Симба. Операция с треском провалилась. Погибло четверо белых наемников и порядочное количество катангских

рекрутов. Это случилось частично оттого, что план никуда не годился, а частично потому, что Ру был вдребезги пьян. За пьянством скрывалось то, что Ру, несмотря на свою бравату, не любил ходить в атаку.

Полковник Хоар попросил у Ру письменного отчета и получил его. В некоторых частях отчет противоречил известным фактам.

Хоар послал за единственным оставшимся в живых командиром взвода Карло Шенноном и подробно расспросил его о происшедшем. Уяснив ситуацию, он вызвал к себе Ру и уволил тут же на месте.

Ру отправился на север и примкнул к Шестому полку командос под командованием Денара, объяснив свой уход из Пятого полка расовой неприязнью ничтожного британца к своему командир-французу, во что Денар поверил без особого труда.

Он поставил Ру заместителем командира небольшого отряда, формально подчиненного Шестому полку, но фактически самостоятельного. Это был Четырнадцатый полк командос в Ватсе, под командованием майора Тавернье.

К 1966 году Хоар ушел в отставку и отправился домой, а Тавернье последовал его примеру. Во главе Четырнадцатого полка встал Вотье, бельгиец, как и Тавернье. Ру был все еще заместителем командира и возненавидел Вотье. Дело было не в том, что бельгиец чем-то его обидел. Причина была в том, что Ру надеялся принять командование после отъезда Тавернье. Но этого не случилось. Поэтому он и возненавидел Вотье.

Четырнадцатый полк, в большинстве укомплектованный катангскими добровольцами, оказался в центре мятежа 1966 года против конголезского правительства. Сам мятеж был хорошо продуман и спланирован Вотье. Возможно, он мог завершиться успехом. Черный Джек Шрамм держал наготове свой Десятый полк командос, в основном состоящий из катангцев, следя за развитием событий. Встань Вотье во главе мятежа, он бы мог удался. Черный Джек подросел бы на помощь в случае удачного начала, и конголезское правительство ничто бы не спасло. К началу мятежа Вотье привел свой полк в Стэнливилль, где на левом берегу реки Конго располагался большой склад оружия, с достаточным количеством боеприпасов для того, чтобы держать под контролем центральное и восточное Конго еще долгие годы.

За два часа до начала атаки командующего Вотье застрелили.

Обстоятельства его смерти так никогда и не были выяснены, но на самом деле убил его Ру выстрелом в затылок. Разумный человек

отказался бы от атаки. Но Ру взял бразды правления в свои руки, и мятеж провалился. Его частям так и не удалось перебраться на левый берег реки, конголезская армия воспрянула, узнав, что арсенал не достался противнику, и отряд Ру был уничтожен поголовно. Шрамм благодарил небо, что удержал своих людей от верной гибели. В страхе бежав, Ру попросил пристанища у Джона Питерса, нового командира англоговорящего Пятого полка, который также не принимал участия в мятеже. Питерс переправил перепуганного Ру из страны под видом раненого англичанина, забинтованного с ног до головы.

Единственный самолет летел в Южную Африку. Туда Ру и направился. Десять месяцев спустя Ру снова прилетел в Конго, на этот раз в компании пяти южноафриканцев. Он прослышал о надвигающемся июльском восстании 1967 года и прибыл к Шрамму в расположение командования Десятым полком командос около Кинду. Он снова оказался в Стэнливиле, когда разразился мятеж, на этот раз с участием Шрамма и Денара. Не прошло и нескольких часов, как Денар был выведен из строя. Пуля, по ошибке выпущенная кем-то из своих, рикошетом угодила ему в голову. В критический момент глава объединенных сил Шестого и Десятого полков выбыл из борьбы. Ру, полагая, что как француз имеет предпочтение перед бельгийцем Шраммом, и будучи уверенным, что лучше командира не бывает и кроме него никто не сможет повести за собой наемников, выдвинул свою кандидатуру на пост командующего.

Выбор пал на Шрамма, не столько потому, что он лучше других командовал белыми наемниками, сколько потому, что только он мог управляться с катангцами, а без этих рекрутов небольшой отряд европейцев был слишком малочисленным.

Кандидатура Ру провалилась по двум причинам. Катангцы презирали и не доверяли ему, помня, как по его милости был уничтожен целый отряд их соотечественников в прошлом году. А на совете наемников, проведенном в ту ночь, когда Денара на носилках доставили в самолет, улетающий в Родезию, одним из тех, кто выступал против назначения Ру, был ротный командир из полка Денара по фамилии Шеннон, который полтора года тому назад перешел в Шестой полк, отказавшись служить под командованием Питерса.

Наемникам снова не удалось захватить арсенал, и Шрамм решил на долгий марш-бросок от Стэнливиля в Букаву, курортный городок на берегу озера Букаву, на границе с соседней Руандой, что давало возможность отхода, если дела пойдут плохо.

К этому моменту Ру охотился за Шенноном, и, чтобы развести их подальше, Шрамм поручил роте Шеннона опасную миссию передового отряда, прокладывающего путь для идущей следом колонны наемников, катангцев и тысяч сопровождающих, пробиваясь сквозь заслоны конголезцев в сторону озера. Ру досталось место в арьергарде конвоя, поэтому у них не было возможности встретиться.

Они, наконец, повстречались в городке Букаву, когда наемники укрепились, а конголезцы окружили их с трех сторон, оставив свободной только четвертую – начинающееся за городом озеро. Стоял сентябрь 1967 года, и Ру был пьян. Проиграв по недосмотру очередную партию в карты, он обвинил Шеннона в шулерстве. Шеннон ответил, что для игры в покер, как и для атаки на засаду Симба, у Ру не хватает главного – смелости. За столом воцарилась гробовая тишина, остальные наемники отошли к стенам комнаты. Но Ру сдержался. Не сводя глаз с Шеннона, он дал ему подняться и направиться к двери. Только когда ирландец повернулся к нему спиной, Ру достал свой «кольт 45», который был у каждого, и прицелился.

Шеннон отреагировал первым. Повернулся, выхватил пистолет и выстрелил не медля. Получилось очень удачно для выстрела с бедра и вполоборота. Пуля угодила Ру в правую руку выше локтя, пробила насквозь бицепс, и рука безжизненно упала вдоль туловища. Кровь с кончиков пальцев капала на бесполезный «кольт», упавший на пол.

– Я еще кое-что не забыл, – прозвучал голос Шеннона. – Я помню, что случилось с Вотье.

После этого с Ру было покончено. Он перебрался по мосту в Руанду, добрался до столицы Кигали и улетел обратно во Францию. Таким образом он избежал сдачи Букаву, когда в ноябре у наемников закончились боеприпасы, и пяти месяцев в лагере для интернированных в Кигали после этого. Кроме того, он упустил возможность свести счеты с Шенноном.

Вернувшись в Париж из Букаву первым, Ру дал несколько интервью, в которых рассказывал о собственных подвигах, боевом ранении и желании вновь вернуться, чтобы возглавить отряды своих людей. Поражение в Дилоло, когда подлечившийся Денар предпринял неудачно спланированное вторжение в Конго с юга, из Анголы, в качестве отвлекающего маневра, чтобы оттянуть силы от защитников Букаву, и последовавшая отставка бывшего командира Шестого полка создали у Ру впечатление, что теперь у него есть все основания, чтобы претендовать на роль лидера французских наемников. В Конго он не

брезговал махинациями и смог отложить порядочную сумму.

С деньгами ему не составило труда создать себе репутацию среди завсегдаев баров и уличных бродяг, которые не прочь выдать себя за наемников, и он даже мог рассчитывать на определенную преданность с их стороны, правда, купленную за деньги.

Анри Алэн был одним из них, так же как и следующий гость Ру, который явился по звонку. Он тоже был наемником, по несколько другого рода. Раймон Томар был убийцей по призванию и по профессии. Он однажды побывал в Конго, скрываясь от полиции, и Ру уже использовал его для мокрых дел. За умеренную плату, ошибочно полагая, что имеет дело с крупным боссом, Томар был предан Ру, насколько можно быть преданным за деньги.

– У меня есть для тебя работенка, – сказал ему Ру. – Контракт тянет на пять тысяч долларов. Интересное предложение?

Томар осклабился.

– Еще бы, патрон. Кто этот фраер, которого надо замочить?

– Кот Шеннон.

Лицо Томара вытянулось. Ру продолжил, не дав ему возможности ответить.

– Я знаю, что он хорош. Но ты лучше. Кроме того, он ни о чем не догадывается. Тебе сообщат его адрес, когда он в следующий раз объявится в Париже. Дождешься, пока выйдет на улицу, а там действуй по своему усмотрению. Он знает тебя в лицо?

Томар отрицательно покачал головой.

– Мы никогда не встречались.

Ру похлопал его по спине.

– Тогда тебе не о чем беспокоиться. Будь на связи. Я сообщу, когда и где ты сможешь его найти.

Глава 10

Письмо, посланное Саймоном Эндином во вторник вечером, прибыло в цюрихский Хендельсбанк утром в четверг. В соответствии с содержащимся там распоряжением банк перевел по телексу 10 000 фунтов на счет мистера Кейта Брауна в Кредитбанке города Брюгге. К полудню мистер Гуссенс получил телекс и отослал 6000 фунтов на счет мистера Брауна в лондонском Вест Энде. Около четырех часов дня Шеннон позвонил в свой банк и узнал, что деньги прибыли. Он попросил управляющего подготовить ему к выдаче сумму в 3500 фунтов наличными на следующее утро. Ему сказали, что он сможет прийти за деньгами к половине двенадцатого.

Тем же утром, в десятом часу, Мартин Торп появился в кабинете сэра Джеймса Мэнсона с отчетом о результатах своей работы за период с прошлой субботы.

Они вдвоем прошлись по пунктам короткого списка, изучая фотокопии документов, полученных в «Компаниз Хауз» во вторник и в среду. Когда они закончили, Мэнсон откинулся на спинку кресла и уставился в потолок.

– Несомненно ты прав, по поводу «Бормака», Мартин, – сказал он. – Но почему же, черт возьми, никто до сих пор не обработал главного акционера на предмет продажи акций?

Этот самый вопрос задавал себе Мартин Торп весь предыдущий день и ночь.

«Бормак Трейдинг Компани Лимитед» была образована в 1904 году для использования продукции нескольких обширных каучуковых плантаций, созданных в последние годы предыдущего века на основе эксплуатации рабского труда китайских наемных рабочих.

Владельцем плантаций был предприимчивый и жестокий шотландец по имени Иэн Макаллистер, позже, в 1921 году, ставший сэром Иэном Макаллистером, а плантации находились на Борнео, откуда и возникло название компании.

Будучи по природе больше строителем, чем бизнесменом, Макаллистер согласился в 1903 году объединиться с группой лондонских бизнесменов, и на следующий год была создана компания «Бормак», с полумиллионным количеством ординарных акций. Макаллистер, который за год до этого женился на семнадцатилетней

девушке, получил 150 000 акций, место в Совете директоров и пожизненное право управления каучуковыми плантациями.

Через десять лет после основания компании лондонские бизнесмены заключили ряд выгодных контрактов с компаниями, снабжающими британскую армию каучуком, и цена на акции подскочила от начальной отметки в четыре шиллинга до двух фунтов. Бум на военных поставках продолжался вплоть до 1918 года. В деятельности компании наступил спад после первой мировой войны, пока автомобильная лихорадка двадцатых годов не привела к спросу на резину для колес, и опять цены акций поползли вверх. На этот раз было выпущено дополнительно такое же количество новых акций, что увеличило общее число акций компании на рынке до миллиона, а долю сэра Иэна до 300 000 штук. После этого дополнительных выпусков акций больше не было.

Упадок во времена Депрессии снова привел к снижению цен на акции. Компания оправилась от удара только к 1937 году. Но в том году один из рабочих-китайцев в порыве ярости непочтительно обошелся со спящим сэром Иэном, пустив в ход большой малайский нож-паранг. По иронии судьбы он скончался от заражения крови. Во главе плантаций стал заместитель управляющего, но ему не хватало сноровки покойного хозяина, и количество продукции уменьшилось, а цены на нее подскочили.

Вторая мировая война могла оказаться благом для компании, но японское вторжение на Борнео в 1941 году привело к прекращению поставок.

Похоронный звон по компании прозвучал, благодаря националистическому движению в Индонезии, которому удалось оттеснить голландцев и захватить контроль над голландской Ист Индией и Борнео в 1948 году. Когда, наконец, была проведена граница между британским Северным Борнео и индонезийским Борнео, плантации оказались на индонезийской части и были срочно национализированы без выплаты компенсации.

Более двадцати лет компания вела бесполезную и дорогостоящую юридическую склоку с режимом президента Сукарно, в попытке добиться справедливости. Деньги текли ручьем, цены на акции падали. К тому времени, как Мартин Торп ознакомился с документами компании, акции котировались по шиллингу за штуку, а самая высокая цена за предыдущий год была шиллинг и три пенса.

Совет директоров состоял из пяти членов, и по уставу компании и для принятия решения достаточно было набрать кворум из двух

человек. Адрес офиса компании оказался адресом старой адвокатской конторы в Сити, один из партнеров которой выполнял роль секретаря компании и был членом Совета директоров. Собственная контора компании давно пошла с молотка, в связи с ростом арендной платы. Собрания Совета происходили редко. Обычно на них присутствовал председатель, пожилой человек из Сассекса, младший брат бывшего заместителя сэра Иэна на Борнео. Он погиб от рук японцев во время войны, и его доля акций перешла к младшему брату. С председателем обычно работал секретарь, адвокат из Сити, и время от времени к ним присоединялся кто-нибудь из оставшихся троих директоров, живущих далеко от Лондона. Бизнес приходилось обсуждать редко, и доход компании состоял в случайных запоздалых компенсационных выплатах, поступающих теперь изредка от индонезийского правительства после прихода к власти генерала Сухарто.

Все пять директоров контролировали вместе не более восемнадцати процентов от общего миллиона акций, а пятьдесят два процента были распределены между шестью с половиной тысячей акционеров, разбросанных по стране. Среди них, в основном, превалировали замужние женщины и вдовы. Без сомнения, стопки давно забытых акций лежали под горами бумаг в банках и адвокатских конторах страны уже много лет.

Но не это интересовало Торпа и Мэнсона. Если бы они захотели приобрести контрольный пакет акций, скупая их просто на рынке, то, во-первых, на это ушли бы долгие годы, а, во-вторых, искушенным наблюдателям из Сити сразу стало бы ясно, что «Бормак» берут в оборот. Их интерес приковывал один-единственный пакет акций в 300 000 штук, которым владела вдовствующая леди Макаллистер.

Загадка была в том, почему до сих пор никто не перекупил у нее весь пакет целиком и не прибрал к рукам некогда процветающую каучуковую компанию. Она была во всех отношениях идеальна для их целей, потому что устав был сформулирован расплывчато, позволяя компании заниматься любыми видами разработки природных ресурсов любой страны вне пределов Соединенного королевства.

– Ей должно быть сейчас лет восемьдесят пять, не меньше, – сказал Торп. – Живет в громадной мрачной квартире в старом доме в Кенсингтоне, под присмотром приживалки или прислуги, как там они называются.

– К ней наверняка подкатывались, – размышлял вслух сэр Джеймс. – Интересно, почему она в них так вцепилась?

– Может быть, просто не хочет продавать, – сказал Торп, – или ей

не понравились те люди, которые приходили с предложениями. У стариков свои причуды.

Да и не только старики ведут себя непредсказуемо при покупке или продаже акции. Множество брокеров неоднократно сталкивались со случаями, когда клиент отказывался от разумного и выгодного предложения только потому, что ему не понравился сам брокер.

Сэр Джеймс Мэнсон резко подался вперед и оперся локтями о крышку стола.

– Мартин, разузнай все об этой старухе. Узнай, что она за человек, о чем думает, что любит, что ненавидит, какие у нее вкусы, и, прежде всего, в чем ее слабое место. Должно быть что-нибудь такое, что станет для нее слишком большим искушением, ради чего она готова будет продать свои бумаги. Возможно, это не деньги, скорее всего нет, потому что деньги ей предлагали и до этого. Но что-то обязательно должно быть. Узнай.

Торп поднялся, чтобы уйти. Мэнсон махнул рукой, чтобы он сел на место. Из ящика стола он достал шесть бланков, все одинаковые, отпечатанные в типографии требования об открытии счета в Цвинглибанке города Цюриха.

Он быстро и сжато пояснил, что предстоит сделать. Торп согласно кивнул.

– Возьми билет на утренний рейс и сможешь уже к вечеру вернуться, – сказал Мэнсон своему помощнику перед уходом.

Саймон Эндин позвонил на квартиру Шеннону около двух часов и получил отчет о последних предпринятых наемником шагах.

Помощнику Мэнсона нравилась точность деталей в отчете Шеннона, и он делал пометки в блокноте, чтобы потом подготовить собственный отчет для сэра Джеймса.

Закончив доклад, Шеннон выставил свои очередные требования.

– Мне нужно, чтобы 5000 фунтов были переведены непосредственно с вашего счета в швейцарском банке на счет Кейта Брауна в Банке Люксембурга не позднее следующего понедельника, – сказал он Эндину, – и еще 5000 фунтов переведите на то же имя в гамбургский Ландес-банк к утру среды.

Он коротко пояснил, на что пошла большая часть 5000 фунтов, присланных ему в Лондон, и сказал, что оставшиеся 5000 фунтов нужны ему в качестве резерва в Брюгге. Две аналогичные суммы в Люксембурге и Гамбурге требовались в основном для того, чтобы он мог предъявить своим будущим партнерам чек, подтверждающий его кредитоспособность, прежде чем приступить к обсуждению вопросов

о приобретении необходимых товаров. Позже оставшиеся деньги будут переведены в Брюгге, и представлен отчет по всем произведенным затратам.

— В любом случае, я мог бы уже сейчас предоставить вам письменный отчет об истраченных деньгах и планируемых тратах, — сказал он Эндину, — но у меня нет вашего почтового адреса.

Эндин продиктовал ему адрес почтового отделения, где он этим утром купил ячейку для корреспонденции, поступающей на имя Уолтера Харриса, и обещал в течение часа передать указания в Цюрих, чтобы обе суммы по 5000 фунтов ждали Кейта Брауна в банках Люксембурга и Гамбурга.

Большой Жанни Дюпре позвонил из лондонского аэропорта в пять часов. Ему пришлось путешествовать дольше всех: сначала от Кейптауна до Йоханнесбурга, в предыдущий день, затем, после ночи в гостинице «Холидей Инн», длительный перелет через Луанду в португальской Анголе и Ила до Соль, на самолете южно-африканской компании САА, предпочитающем огибать территорию черной Африки. Шеннон велел ему брать такси и ехать прямо к нему.

Пока он был в дороге, Шеннон позвонил в гостиницу троим остальным наемникам и вызвал к себе.

В шесть состоялась вторая общая сходка, когда они, поприветствовав приехавшего южноафриканца, молча выслушали, как Шеннон сказал Дюпре то же самое, что говорил им вчера.

Когда дело дошло до условий контракта, лицо Жанни расплылось в улыбке.

— Значит снова ввязываемся в драку, Кот? Считай меня в доле.

— Молодец. Теперь послушай, что мне от тебя надо. Останешься в Лондоне, найдешь маленькую квартирку. Я помогу тебе в этом завтра. Пройдемся по колонке объявлений в «Ивнинг Стандарт», и к концу дня все будет улажено. Я хочу, чтобы ты закупил всю одежду. Нам потребуется полсотни маек с короткими рукавами, полсотни трусов и столько же пар тонких нейлоновых носков. Кроме того, на каждого нужно иметь запасной набор. Итого получается сто комплектов. Позже я дам тебе список. Потом пятьдесят пар форменных десантных брюк предпочтительно пятнистой окраски, для маскировки в джунглях, и пятьдесят таких же курток, с молниями спереди и той же расцветки. Ты можешь купить все это совершенно открыто в туристических, спортивных или военных магазинах. Сейчас хиппи даже по городу расхаживают в десантной форме, а уж об охотниках и говорить не приходится. Все рубашки, трусы и носки можешь закупить в одном

магазине, но куртки и брюки – в разных. Затем пятьдесят зеленых беретов и пятьдесят пар ботинок. Брюки покупай большого размера, в крайнем случае потом ушьем. Куртки – половину больших размеров, половину средних. Ботинки возьми в магазине туристического снаряжения. Я не хочу брать тяжелые армейские башмаки, мне нужны зеленые высокие брезентовые сапоги со шнуровкой спереди и с водонепроницаемой пропиткой. Теперь о дополнительном снаряжении. Нужны полсотни плетеных ремней, под сумки для боеприпасов, вещмешки и большие туристические рюкзаки, на трубчатой раме для поддержки. Они после небольшой переделки могут быть приспособлены под переноску базук. И, наконец, пятьдесят нейлоновых спальных мешков. О'кей? Полный список я дам тебе позднее.

Дюпре кивнул.

– О'кей. И сколько все это потянет?

– Около тысячи фунтов. Теперь, как тебе надо действовать. Возьми телефонный справочник, и в разделе «сопутствующие товары» увидишь телефоны дюжины таких магазинов. Покупай куртки, рубашки, ремни, береты, сумки, вещмешки, рюкзаки и обувь в разных магазинах, появляйся по одному разу в каждом. Плати наличными и сразу забирай с собой покупку. Не называй своего подлинного имени – его, скорее всего, никто и не спросит – и не оставляй свой настоящий адрес. Когда купишь все необходимое, сложи на обычном товарном складе, предупреди, что собираешься отправить груз на экспорт, пусть запакут, и свяжись с четырьмя разными агентами, занимающимися экспортными перевозками. Заплати им, чтобы груз четырьмя отдельными порциями был переправлен в Марсель, агенту по экспорту, на грузовой склад, в дополнение к грузу мистера Жана-Батиста Лангаротти.

– Как зовут агента в Марселе? – спросил Дюпре.

– Пока не знаем, – ответил Шеннон и повернулся к корсиканцу.

– Жан, когда выяснишь имя агента, которого соберешься использовать для отправки лодок с моторами, перешли его полное имя и адрес по почте в Лондон, одну копию мне на квартиру, вторую – Жанни Дюпре, «до востребования», почтовое отделение на Трафальгарской площади, Лондон. Понял?

Лангаротти переписал адрес в блокнот, пока Шеннон переводил указания Дюпре.

– Жанни, сходи туда в ближайшие несколько дней и оплати за получение писем до востребования. После этого навещайся не реже

раза в неделю, пока не придет письмо от Жана. Затем попроси агентов по доставке переправить ящики с товарами марсельскому агенту на таможенный склад, с целью дальнейшего экспорта из Марселя по морю. В качестве владельца грузов укажи Лангаротти. Теперь то, что касается денег. Мне только что сообщили из Брюсселя, что на мой счет поступил перевод.

Трое европейцев достали из карманов сложенные бумажные листки, пока Шеннон взял протянутый Дюпре авиабилет. Из ящика стола Шеннон достал четыре письма, адресованные от его имени мистеру Гуссенсу в Кредитбанк. Все письма примерно одного содержания. Кредитбанк просят перевести некую сумму денег в американских долларах со счета мистера Кейта Брауна на счет мистера Икс.

В пустые графы Шеннон вписал стоимость прямых и обратных авиабилетов в Лондон, сначала из Остенде, затем из Марселя, Мюнхена и Кейптауна. В письмах банку также вменялось в обязанность перевести каждому из указанных лиц по 1250 долларов на счета в перечисленных банках сразу же после получения письма, затем, ту же сумму, пятого мая и, наконец, пятого июня. Наемники продиктовали Шеннону названия своих банков, как правило швейцарских, и Шеннон впечатал их в текст.

Когда он закончил, каждый прочитал свое письмо, а Шеннон подписал их, запечатал в конверт и роздал всем на руки для отправки.

Наконец он дал каждому по 50 фунтов наличными, чтобы покрыть расходы за двое суток пребывания в Лондоне и назначил следующую встречу перед входом в его лондонский банк завтра утром в одиннадцать.

Когда они ушли, он сел за стол и написал длинное письмо в Африку. Затем позвонил журналисту, который, справившись предварительно по телефону, счел возможным дать ему адрес интересующего его человека в Африке. Тем же вечером Шеннон отправил письмо экспресс-почтой и поужинал в одиночестве.

Мартин Торп встретился с доктором Штайнхофером в Цвинглибанке перед самым ланчем. Как человека, рекомендованного сэром Джеймсом Мэнсоном, его тоже приняли по высшему разряду.

Он представил банкиру шесть писем с просьбой открыть личные счета. Каждое должным образом заполненное и подписанное. На отдельных карточках были вписаны требуемые образцы подписей в двух экземплярах на каждого заявителя. Ими были господа Адамс, Болл, Картер, Дэвис, Эдварс и Фрост.

К каждой анкете прилагалось по два письма. Одно из них – доверенность, в которой господа Адамс, Болл, Картер, Дэвис, Эдварс и Фрост по отдельности доверяли мистеру Мартину Торпу оперировать счетами от их имени. В следующем письме, подписанном сэром Джеймсом Мэнсоном, доктора Штайнхофера просили перевести по 50 000 фунтов со счета сэра Джеймса на счет каждого из его деловых партнеров.

Доктор Штайнхофер не был настолько наивен, да и не первый год занимался своим бизнесом, чтобы предположить, будто по удивительной случайности фамилии шести «деловых партнеров» начинались с шести первых букв алфавита. Но он был достаточно опытен, чтобы понять: существуют ли эти клиенты на свете или нет – его не касается. Богатый британский бизнесмен задумал обойти введённые статьи собственного Закона о Компаниях, значит, это его личное дело. Кроме того, доктору Штайнхоферу были известны о многих бизнесменах из Сити такие подробности, которые запросто до конца века загрузили бы Министерство труда в Лондоне работой по расследованию злоупотреблений.

Была еще одна весома причина, по которой ему следовало протянуть руку и забрать у Торпа бумаги. Если акции той компании, которую собрался тайком перекупить сэр Джеймс, подскочат в цене от теперешнего уровня до астрономических высот – а доктор Штайнхофер не видел смысла в операции, если это не так, – ничто не мешает швейцарскому банкиру самому прикупить эти акции.

– Компания, которая привлекла наше внимание, называется «Бормак Трейдинг Компани Лимитед», – спокойно сказал Торп.

Он обрисовал положение компании и подчеркнул, что престарелая леди Макаллистер владеет 300 000 акций, что составляет тридцать процентов от общего их числа.

– Мы склонны подозревать, что уже предпринимались попытки убедить пожилую даму расстаться со своими бумагами, – продолжал он. – Судя по всему, они ничем не увенчались. Мы собираемся попробовать еще разок. Даже если это не удастся, мы не откажемся от основной идеи и подберем другую буферную компанию.

Доктор Штайнхофер курил сигару и внимательно слушал.

– Как вам известно, доктор Штайнхофер, одному покупателю нельзя скупить все эти акции, оставшись инкогнито. Поэтому четырьмя покупателями будут мистер Адамс, мистер Болл, мистер Картер и мистер Дэвис, каждый из которых приобретет по семь с половиной процентов от общего количества акций компании. Мы бы

хотели, чтобы вы действовали от лица всех четверых.

Доктор Штайнхофер кивнул. Все как обычно.

– Конечно, мистер Торп.

– Я попытаюсь уговорить пожилую леди выписать сертификаты на передачу ценных бумаг без указания конкретного имени покупателей. Исключительно оттого, что некоторые жители Англии, особенно пожилые дамы, считают швейцарские банки, как бы это сказать... довольно скрытыми организациями.

– Уверен, что вы хотели сказать «темными», – мягко произнес доктор Штайнхофер. – Я прекрасно вас понимаю. Пока оставим все как есть. Когда вы побеседуете с этой леди, посмотрим, как можно это получше устроить. Только передайте сэру Джеймсу, чтобы ничего не боялся. Покупку совершат четверо различных покупателей, и Закон о Компаниях не будет нарушен.

Как предсказал сэр Джеймс Мэнсон, Торп вернулся в Лондон уже к вечеру в пятницу, перед выходными.

Четверо наемников ждали на улице, когда, около двенадцати, из дверей банка вышел Шеннон. В руках у него было четыре коричневых конверта.

– Марк, это тебе. Здесь 500 фунтов. Раз ты будешь жить дома, то и дополнительные расходы у тебя должны быть меньше, чем у других. Поэтому постарайся, не выходя за пределы этих пятисот фунтов, купить небольшой автофургон и арендовать отдельный гараж. Придется подкупить еще кое-что. Список найдешь в конверте. Найди человека, у которого есть «шмайсеры» на продажу, и договорись о нашей с ним встрече. Я свяжусь с тобой по телефону дней через десять, позвоню в бар.

Гигант-бельгиец кивнул и направился к кромке тротуара, чтобы поймать такси и добраться до вокзала Виктория, а там сесть на поезд, а потом и на паром в Остенде.

– Курт, это твой конверт. В нем 1000 фунтов, потому что тебе придется значительно больше разъезжать. Найди корабль и при этом уложись в сорок дней. Держи связь по телефону и телеграфом, но старайся и в том, и в другом случае быть осторожным и кратким. В письмах на мой адрес можешь быть совершенно откровенным. Если за моей перепиской установят слежку, то нам все равно конец.

– Жан-Батист, здесь твои 500 фунтов. Ты должен протянуть на них сорок дней. Веди себя тихо, не светись, постарайся не появляться по старым своим адресам. Найдешь лодки и моторы – дай знать письмом. Открой банковский счет и сообщи мне, в каком банке. Когда меня

удовлетворяют качество товара и цена, я перешлю тебе деньги. И не забудь агента по морским перевозкам. Все должно быть абсолютно чисто, чтобы комар носа не подточил.

Француз и немец забрали деньги и начали ловить второе такси, чтобы уехать в лондонский аэропорт, откуда Земмлер направлялся в Неаполь, а Лангаротти в Марсель.

Шеннон взял Дюпре под локоть, и они вместе пошли по Пикадилли. Он передал Дюпре его конверт.

– Я вложил тебе сюда 1500 фунтов, Жанни. Тысячи хватит, чтобы покрыть расходы на все покупки, хранение, а также упаковку и пересылку грузов в Марсель. Кое-что должно остаться. На 500 фунтов ты сможешь безбедно существовать ближайшие месяц-полтора. Я хочу, чтобы ты приступил к закупкам уже в понедельник утром. За выходные составь приблизительный список магазинов и складов по справочнику и пометь их на карте города. Ты должен закончить закупку за тридцать дней, потому, что мне нужно, чтобы груз был в Марселе не позднее, чем через полтора месяца.

Он остановился, купил вечернюю газету, открыл ее на странице под рубрикой «Сдается в наем» и показал Дюпре колонки с предложениями отдельных квартир или комнат, с мебелью и без оной.

– Найди сегодня вечером себе небольшую квартирку и завтра сообщи адрес. – Они расстались почти на самом углу Гайд Парка.

Весь вечер Шеннон провел за составлением скрупулезного финансового отчета для Эндина. Он указал, что израсходована большая часть переведенных из Брюгге пяти тысяч фунтов, а остаток он полагает оставить на лондонском счету в качестве резерва.

В конце он подчеркнул, что не получил пока ничего из положенных ему самому 10 000 фунтов за работу, и предложил Эндину либо непосредственно перевести эти деньги со своего швейцарского счета на швейцарский счет Шеннона или поместить их в бельгийский банк, для выдачи Кейту Брауну.

Этим же вечером в пятницу он отправил письмо.

Впереди были выходные, поэтому он позвонил Джули Мэнсон и предложил поужинать вместе. Она собиралась провести уикэнд в загородном доме родителей, но перезвонила им и сказала, что не приедет. Так как к тому моменту, когда она была готова, было уже поздно, ей пришлось самой заехать за Шенноном. За рулем своего красного, как почтовый ящик, спортивного автомобиля она выглядела развязно и вызывающе.

– Ты уже заказал столик? – спросила она.

– Да, а что?

– Давай поужинаем в каком-нибудь из моих любимых мест, – предложила она. – Тогда я смогу познакомить тебя со своими друзьями.

Шеннон отрицательно покачал головой.

– Даже не думай, – сказал он. – Знаю я, как это бывает, проходил раньше. Я не собираюсь весь вечер чувствовать себя зверем в зоопарке и выслушивать идиотские вопросы о том, как убивают людей. Дудки.

Она надула губы.

– Фу, Кот, дорогой, ну, пожалуйста.

– Ни за что.

– Послушай, я не скажу, кто ты такой и чем занимаешься. Будем держать это в секрете. Никто же тебя в лицо не знает.

Шеннон смягчился.

– При одном условии, – сказал он. – Меня зовут Кейт Браун. Поняла? Кейт Браун. И все. Больше ты обо мне не говоришь ни слова. Ни кто я, ни откуда. Ни о том, чем я занимаюсь. Усвоила?

Она хихикнула.

– Потрясно. Великая идея. Настоящий Таинственный Незнакомец. Тогда поехали, мистер Кейт Браун.

Она отвезла его в «Трэмпс», где ее, судя по всему, хорошо знали. Джонни Гоулд поднялся из-за своего столика у двери, когда они вошли в зал, и картинно приветствовал ее, расцеловав в обе щеки. С Шенноном они обменялись рукопожатием. Она представила их друг другу.

– Рад познакомиться, Кейт. Веселитесь на здоровье.

Они уселись за один из столиков, стоящих в ряд параллельно стойке бара, и начали с заказа фирменного блюда, – омара, приготовленного в ананасе, из которого вырезали сердцевину.

Сидя лицом к залу, Шеннон осмотрел посетителей ресторана.

Большинство из них, судя по длинным волосам и небрежной одежде, занимались шоу-бизнесом или крутились где-то рядом.

Остальные, очевидно, принадлежали к поколению молодых бизнесменов, пытающихся не отстать от моды, а то и просто подклеить какую-нибудь манекенщицу или начинающую актрису.

Среди последних он увидел знакомое лицо, в компании, сидящей в углу зала, за спиной Джули.

После омара Шеннон попросил принести телятину и, извинившись, поднялся из-за стола. Он медленно прошел через зал и вышел в центральный вестибюль, как бы направляясь к мужскому туалету.

Через несколько секунд ему на плечо легла чья-то рука, и он обернулся, чтобы очутиться лицом к лицу с Саймоном Эндином.

– Вы что, спятили? – сквозь зубы прошипел крутой парень из Сити.

Шеннон посмотрел на него с наигранным удивлением, невинно раскрыв глаза.

– Нет. Я так не считаю, а что? – спросил он.

Эндин чуть было не сказал ему что, но вовремя взял себя в руки. Он весь побелел от гнева. Он достаточно хорошо знал своего босса, чтобы понимать, как тот трясется над своей якобы невинной дочуркой, и мог приблизительно угадать его реакцию, если бы он вдруг узнал, что Шеннон водит ее в ресторан, или, упаси бог, спит с ней. Но у него были связаны руки. Он полагал, что Шеннон до сих пор не знает его собственного имени, и естественно, не догадывается о существовании Мэнсона.

Отчитать его за то, что он привел поужинать девицу по имени Джули Мэнсон, значило выдать свою заинтересованность и имя Мэнсона, а заодно раскрыть Шеннону, кто является его истинным нанимателем. Он не мог даже сказать Шеннону, чтобы он от нее отвызался, из боязни, что Шеннон может посоветоваться с девушкой, а она расскажет ему, кто такой Эндин на самом деле.

Он загнал негодование в себя как можно глубже.

– Что вы здесь делаете? – спросил он неловко.

– Ужинаю, – ответил Шеннон с удивленным видом. – Послушайте, Харрис, если мне взбрело в голову пойти поужинать, то это никого больше не касается. До начала недели все равно нечего делать. Я только в понедельник собираюсь лететь в Люксембург.

Эндин взбесился еще больше. Не мог же он объяснить Шеннону, что его волновало совсем не то, что он отлынивает от работы.

– Откуда девушка? – спросил он.

Шеннон пожал плечами.

– Зовут Джули. Пару дней назад встретил ее в кафе.

– Подцепил? – в ужасе спросил Эндин.

– Ну можно и так сказать. А что?

– Ничего особенного. Но будьте осторожны с девушками. С любыми девушками. Будет лучше, если вы на время оставите их в покое.

– Харрис, не надо волноваться по моему поводу. Я не проболтаюсь ни в постели, ни после нее. Кроме того, я сказал ей, что меня зовут Кейт Браун, я приехал в Лондон на время отпуска, а вообще занимаюсь нефтяным бизнесом.

Вместо ответа Эндин развернулся, бросил Паоло, чтобы тот объяснил компании друзей, что его срочно вызвали, и направился к лестнице, ведущей к выходу на улицу, прежде чем Джули Мэнсон смогла его узнать. Шеннон проводил его взглядом.

– Самый толстый бур сэра Хрена Джеймса Мэнсона тебе в задницу, – тихо сказал он.

Оказавшись на улице, Эндин выругался про себя. Кроме этого ему оставалось только молиться, что все, сказанное Шенноном относительно Кейта Брауна, было правдой, и что Джули Мэнсон не расскажет папочке о своем новом ухажере.

Шеннон с девушкой протанцевали почти до трех часов ночи и по пути в квартиру Шеннона впервые поскандалили. Он сказал ей, что будет лучше, если она не станет говорить отцу, что познакомилась с наемником и вообще не упомянет его имени.

– Из того, что ты мне о нем рассказала, он, похоже, в тебе души не чает. Или отошлет тебя куда-нибудь подальше, или запрет под замок.

Она начала капризничать, делать сердитое лицо и говорить, что сможет укротить своего папашу, как ей это всегда удавалось. А если он ее вздумает держать взаперти, то это будет здорово, об этом напишут в газетах. Кроме того, заметила она, Шеннон всегда может примчаться за ней, выкрасть с боем и увезти на край света.

Шеннон еще толком не знал, что она из себя представляет, и подумал, что зашел слишком далеко, спровоцировав сегодня Эндина, хотя он и не планировал с ним встретиться. Они зашли в гостиную его квартиры, не переставая пререкаться.

– В любом случае, никто не может мне приказывать, что я должна или не должна делать, – с жаром сказала девушка, бросив пальто на спинку кресла.

– А я скажу, – сердито возразил Шеннон. – Обо мне своему отцу ты не произнесешь и звука. Только так.

Она повернулась к нему и высунула язык.

– Я сделаю так, как мне захочется, – она для убедительности топнула ножкой.

Шеннон разозлился. Подхватил ее на руки, подошел вместе с ней к креслу, уселся и положил ее животом вниз себе поперек колена. В течение пяти минут после этого в гостиной слышались протестующие вопли девушки и тяжелые шлепки ладони Шеннона. Когда он выпустил ее, она, громко всхлипывая, бросилась в спальню и хлопнула дверью.

Шеннон пожал плечами. Так или иначе, но выбор был сделан, и он

ничего не мог с этим поделаться. Он прошел в кухню, приготовил кофе и медленно выпил чашку, глядя через окно на ряды домов с лужайками, за темными окнами которых мирно спали уважаемые обитатели Сент Джонс Вуда.

Когда он вошел, в спальне было темно. В дальнем углу широкой двуспальной кровати угадывался небольшой холмик, но никаких звуков от него не доносилось, как будто она затаила дыхание. На полпути к кровати на полу он наткнулся на сброшенное платье, а сделав еще два шага, чуть не наступил на туфельку. Он присел на край постели, и, когда глаза привыкли к темноте, разглядел на подушке ее лицо. Она пристально смотрела на него.

– Ты гадкий, – прошептала она.

Он наклонился вперед и, протянув руку, начал поглаживать ее шею под подбородком.

– Никто никогда не бил меня раньше.

– Поэтому ты и стала такой, – тихо сказал он.

– Какой же?

– Вредной, капризной девчонкой.

– Нет, – возникла пауза. – То есть да.

Он продолжал ласкать ее.

– Кот.

– Да.

– Ты, правда, думал, что папа не разрешил бы мне с тобой встречаться, если бы я ему все рассказала?

– Да. Я и сейчас так думаю.

– И ты считаешь, что я действительно могу это сделать?

– Полагал, что можешь.

– Поэтому и рассердился?

– Да.

– Значит, ты отшлепал меня потому, что любишь.

– Выходит, так.

Она повернула голову, и он почувствовал, как она начала лизать его ладонь.

– Ложись в постель, Кот, дорогой. Я на таком взводе, что больше просто не могу ждать.

Он еще не успел раздеться, как она отбросила простыню в сторону и, встав на колени на кровати, начала руками водить по его груди, шепча «Скорее, скорее» между поцелуями.

«Нехорошо обманывать, Шеннон», – подумал он, откинувшись на спину, а ненасытная девица с жаром принялась за дело.

На востоке, со стороны Кэмден Тауна, небо слегка посерело, когда спустя два часа они неподвижно лежали рядом, и он мечтал о сигарете. Джули свернулась калачиком и прижалась к нему, временно удовлетворив свои разнообразные аппетиты.

– Скажи мне, – сказала она.

– Что?

– Почему ты так живешь? Зачем надо быть наемником и ездить по всему миру, чтобы развязывать войну с людьми?

– Я войн не развязываю. Во всем виноват мир, в котором мы живем. Во главе его стоят люди, которые претендуют на особую порядочность и высокую нравственность, хотя большинство из них просто самовлюбленные негодяи. Они затевают войны, ради богатства или власти. А я просто воюю, потому что мне нравится так жить.

– Но при чем тут деньги? Ведь наемники воюют за деньги, правда?

– Не только за деньги. Только деньги интересуют всякую шпану. Но когда доходит до настоящего дела, эта шпана, которая притворяется наемниками, обычно в бой не лезет. Прячется в кусты. Лучшие бойцы воюют по той же причине, что и я. Им нравится такая жизнь, суровые условия. Они любят бой.

– Но зачем нужны войны? Почему бы всем не жить в мире?

Он передвинулся и сердито уставился в потолок.

– Потому что в этом мире люди делятся на два вида: хищники и стадо. И наверх всегда пробиваются хищники, потому что они готовы за это драться и сметут со своего пути всех и вся, что может им помешать. У остальных не хватает решимости, или мужества, или ненасытности, или беспощадности. Поэтому миром правят хищники, которые становятся властителями. А властители никогда не удовлетворены достигнутым. Они должны рваться все дальше вперед в погоне за предметом своего поклонения. В коммунистическом мире – только не верь в сказки о том, что коммунистические лидеры так миролюбивы, – этот предмет – власть. Власть, власть, как можно больше власти. И не важно, сколько людей должно погибнуть на пути к ней. В капиталистическом мире главное – деньги. Как можно больше денег. Нефть, золото, недвижимость, акции – вот к чему они стремятся, даже если для этого приходится лгать, красть, подкупать и мошенничать. Они делают деньги, а за деньги можно купить власть. Таким образом, в конце концов все упирается в жажду власти. Если им кажется, что можно заполучить достаточно жирный кусок, но для этого придется развязать войну, то вот тебе и война. Все остальное, так называемый идеализм, просто дерьмо собачье.

– Некоторые люди сражаются за идеалы. Например, вьетконговцы. Я об этом в газетах читала.

– Да, некоторые люди воюют за идеалы, но девяносто девять процентов из них просто водят за нос. Или взять тех, которые, сидя дома, выступают в поддержку войны. Мы всегда правы, а они всегда неправы. В Вашингтоне и Пекине, в Лондоне и Москве. И знаешь что? Их всех обманывают. Эти американские солдаты во Вьетнаме, думаешь, умирали за жизнь, свободу и счастливое будущее? Они умирали за индекс Доу Джонса на Уолл Стрит, и так было всегда. А британские солдаты, которые гибли в Кении, на Кипре, в Адене? Неужели ты всерьез считаешь, что они бросались в бой с криками «За Бога, Короля и Отечество»? Они оказались в тех краях потому, что полковник приказал, а полковнику приказали в военном министерстве, а туда поступил приказ из Кабинета, чтобы удерживать британский контроль над ресурсами местной экономики. Ну и что с того? Деньги достались тем, кому и принадлежали с самого начала, и какая разница, сколько тел британских солдат осталось лежать неизвестно где? Это все обман, Джули Мэнсон, большой обман. Со мной все обстоит иначе в том смысле, что мне никто не приказывает идти в бой, не говорит, где воевать или на чьей стороне. Вот почему политики, истеблишмент, так ненавидят наемников. Дело не в том, что мы опаснее их самих, скорее все совсем наоборот. Просто они не могут нас контролировать, мы не подчиняемся их приказам. Не стреляем в тех, на кого они укажут, не начинаем, когда они командуют «начать», не останавливаемся, когда они говорят «прекратить». Вот почему мы считаемся вне закона. Мы воюем по контракту, и сами выбираем себе контракты.

Джули села и начала гладить руками его покрытые шрамами мускулистую грудь и плечи. Она получила традиционное воспитание и не понимала, как и многие ее сверстники, даже доли того, что творится в окружающем мире.

– А как же те войны, когда люди знают, что сражаются за правое дело? – спросила она. – Ну, например, война с Гитлером? Она была справедливой, верно?

Шеннон вздохнул и кивнул.

– Да, она была справедливой. Он был порядочный ублюдок. Если не учитывать того, что западные воротилы продавали ему сталь вплоть до самого начала войны, а потом нажили еще состояние, производя больше стали, чтобы сокрушить сталь Гитлера. И коммунисты были не лучше. Сталин подписал с ним пакт и ждал, пока нацизм и капитализм

уничтожат друг друга, чтобы после этого прибрать все к рукам. Только после того, как Гитлер напал на Россию, идеалисты-коммунисты всего мира решили, что нацизм – это плохо. Да и за смерть Гитлера пришлось заплатить тридцатью миллионами жизней. Наемник смог бы обойтись для этого одной пулей, ценою меньше шиллинга.

– Но ведь мы победили, правда? Наше дело было правым, мы победили.

– Мы победили, моя маленькая, потому что у русских, британцев и американцев было больше пушек, танков, самолетов и кораблей, чем у Адольфа. Вот почему и только по этой причине. Будь у него их больше, то он бы и победил. И знаешь, что бы было? История посчитала бы, что он был прав, а мы не правы. Победители всегда правы. Я однажды слышал одну славную поговорку: «Бог всегда на стороне больших батальонов». Это проповедь богатых и могущественных, циничных и самоуверенных. Политики в нее верят, так называемые уважаемые газеты не перестают ее проповедовать. Истина в том, что истеблишмент принимает сторону сильного потому, что, прежде всего, сам создает и вооружает эти батальоны. И миллионам читателей этого мусора даже в голову не приходит, что, может быть, Бог, если он существует, скорее связан с истиной, справедливостью и состраданием, чем с грубой силой, и что истина и справедливость могут оказаться на стороне маленького взвода. Хотя это ничего не значит. Большие батальоны всегда побеждают, «серьезная» пресса всегда одобряет победу, а стадо всегда всему верит.

– Ты бунтарь, Кот, – прошептала она.

– Конечно. Всегда им был. Нет, не всегда. После того, как похоронил шестерых своих товарищей на Кипре. Тогда я впервые поставил под сомнение мудрость и честность наших лидеров.

– Но ведь, убивая других, ты и сам можешь умереть. Тебя могут убить на какой-нибудь из этих чертовых войн.

– Да, я мог бы жить как червяк, в одном из этих дурацких городов, заполнять бесчисленные дурацкие счета, платить дурацкие налоги, чтобы дать возможность дурацким политикам и государственным слугам растратить все на полезных в предвыборной компании белых слонов. Я бы мог получать дурацкое жалование в дурацкой конторе и каждый день утром и вечером добираться на работу и с работы на дурацком поезде, вплоть до самой дурацкой пенсии. Я предпочитаю делать по-своему, жить по-своему и умереть по-своему.

– Ты когда-нибудь думаешь о смерти? – спросила она его.

– Конечно. Часто. А ты?

– Да. Но я не хочу умирать. И я не хочу, чтобы ты умер.

– Смерть не так плоха. Ты привыкаешь к ней, когда она много раз подходит совсем близко и проходит мимо. Знаешь что, недавно я разбирал здесь ящики стола. На дне одного из них лежала газета, годичной давности. Увидел колонку новостей и начал читать. Речь шла о позапрошлой зиме. Там была заметка об одном старике. Он жил в подвале. Однажды его обнаружили мертвым. Со дня смерти прошло уже около недели. Следовательно сказали, что никто к нему никогда не приходил, да и сам он редко выходил на улицу. Патологоанатом сказал, что он недоедал по крайней мере целый год. Знаешь, что нашли у него в глотке? Кусок картона. Он отковыривал кусочки картона от ящиков из-под продуктов и жевал их. Это не для меня, крошка. Когда придет мой черед, я уйду по-своему. Я предпочту умереть с пулей в груди, кровью во рту и пистолетом в руке. С горящим сердцем и с криком «Пошли все в задницу!» Лучше уж так, чем угаснуть в сыром подвале, набив полный рот картона. А теперь давай спать, крошка, уже рассвет.

Глава 11

Шеннон прибыл в Люксембург около часа дня в понедельник и от аэропорта взял такси до Кредитного Банка. Представился Кейтом Брауном, показав паспорт, и попросил выдать поступившие на его имя 5000 фунтов стерлингов.

После небольшой задержки, пока искали телекс, перевод был обнаружен. Он только что поступил из Цюриха. Вместо того, чтобы забрать всю сумму наличными, Шеннон тысячу фунтов взял местными франками, а оставшиеся четыре тысячи перевел на счет в банке, получив в обмен чек на всю сумму.

У него было время для быстрого ланча перед тем как отправиться на встречу с представителями бухгалтерской фирмы «Ланг и Штайн».

Люксембург, как Бельгия и Лихтенштейн, придерживается системы, позволяющей вкладчику осуществлять незаметные и даже тайные банковские операции и основывать компании, в деятельность которых иностранной полиции чрезвычайно трудно будет проникнуть. Сплошь и рядом, если только компания, зарегистрированная в Люксембурге, не нарушает законов эрц-герцогства или не оказывается очевидно замешанной в незаконных международных операциях весьма неприглядного свойства, попытки представителей иностранной полиции выяснить, кто владеет или контролирует такую компанию, будут встречены стойким нежеланием к сотрудничеству. Именно это и нужно было Шеннону.

Его беседа, о которой было договорено три дня назад по телефону, происходила с мистером Эмилем Штайном, одним из совладельцев весьма уважаемой фирмы. Шеннон по этому случаю надел новый темно-серый костюм, белую рубашку и фирменный галстук выпускника частного колледжа. В руке у него был дипломат, под мышкой свежий номер «Таймс». Почему-то человек с этой газетой всегда производит на европейцев впечатление respectable англичанина.

– В ближайшие несколько месяцев, – сказал он седовласому люксембуржцу, – группа британских бизнесменов, членом которой я являюсь, хочет заняться коммерческой деятельностью на Средиземноморье, вероятно в Испании, Франции и Италии. Для этих целей мы хотели бы создать холдинговую компанию в Люксембурге.

Как вы понимаете, быть британскими гражданами, жителями Англии, и при этом заниматься бизнесом в нескольких европейских странах да еще с различными финансовыми законами, на поверку может оказаться совсем не простым делом. С точки зрения одних налогов создание холдинговой компании в Люксембурге кажется вполне разумным.

Мистер Штайн кивнул, потому что подобная просьба его не удивила. Множество таких холдинговых компаний уже были зарегистрированы в его крошечной стране, и их фирма получала аналогичные предложения каждый день.

– Это не составит проблемы, мистер Браун, – сказал он своему посетителю. – Вы, конечно, в курсе, что следует соблюсти все принятые в эрц-герцогстве Люксембург процедуры. Как только это будет сделано, холдинговая компания сможет стать держателем любого числа акций множества других компаний, зарегистрированных где угодно, и тогда дела компании будут полностью скрыты от глаз налоговых инспекций других стран.

– Вы очень любезны. Может быть, изложите основные положения, касающиеся основания подобной компании в Люксембурге? – сказал Шеннон.

Бухгалтер описал требуемые реквизиты за несколько секунд.

– В отличие от Британии, все компании с ограниченной ответственностью в Люксембурге должны включать в себя минимум семь держателей акций и не менее трех директоров. Однако, довольно часто бухгалтер, которого попросили помочь в организации компании, становится председателем Совета директоров, его младшие компаньоны занимают оставшиеся два места, а сотрудники фирмы превращаются в акционеров с чисто символическим количеством акций у каждого. В таком случае лицо, пожелавшее создать компанию, становится просто седьмым держателем акций, хотя благодаря их количеству он, по сути дела, контролирует работу компании. Обычно акции и фамилии их владельцев подлежат регистрации, но существует возможность выпуска акций на предъявителя. В этом случае при регистрации имени владельца контрольного пакета не требуется. Сложность здесь в том, что акции на предъявителя есть именно то, что они значат, и предъявитель контрольного пакета владеет компанией. Если вдруг этот человек теряет акции или их крадут, новый владелец автоматически становится во главе компании и не должен рассказывать кому-либо как и где он эти акции раздобыл. Вы понимаете меня, мистер Браун?

Шеннон кивнул. Именно так он и хотел все организовать, чтобы дать возможность Земмлеру купить корабль под крышей неконтролируемой властями компании.

– Холдинговая компания, – продолжал мистер Штайн, – как следует из ее названия, не может заниматься непосредственно коммерцией в какой-либо форме. Она может только держать акции других компаний. Члены вашей группы обладают акциями других компаний, которые они хотели бы перевести сюда, в Люксембург?

– Нет, пока нет, – сказал Шеннон. – Мы собираемся перекупить уже действующие компании, занимающиеся необходимыми нам операциями, или основать новые компании с ограниченной ответственностью, после чего перевести контрольные пакеты акций в Люксембург на хранение.

Не прошло и часа, как было заключено соглашение. Шеннон предъявил мистеру Штайну банковский чек на 4000 фунтов, чтобы подтвердить свою кредитоспособность, и оставил задаток – 500 фунтов наличными.

Мистер Штайн согласился тут же приступить к процедуре основания и регистрации холдинговой компании, которая будет называться «Тайроун Холдингс СА», как он предложил, проконсультировавшись предварительно с длинным списком уже зарегистрированных компаний, чтобы избежать совпадения. Всего акций будет выпущено на 40 000 фунтов, из которых только на тысячу фунтов будет напечатано немедленно, в виде акций на предъявителя в количестве 1000 штук по фунту за акцию. Мистер Штайн станет владельцем одной акции и председателем Совета директоров. По одной акции отойдет его партнеру мистеру Лангу и их младшему компаньону. Эти трое составят Совет директоров.

Еще трое сотрудников фирмы, впоследствии оказавшиеся секретарями, в свою очередь получают по одной акции, а оставшиеся 994 акции отойдут к мистеру Брауну, который таким образом будет контролировать компанию, и его пожелания директора вынуждены будут выполнять.

Общее собрание, посвященное открытию компании, было намечено через двенадцать дней или в любое время после этого срока, если мистер Браун известит их письмом, когда он сможет прибыть в Люксембург, чтобы присутствовать на собрании. После этого Шеннон ушел.

Он успел в банк до закрытия, сдал чек и перевел 4000 фунтов на счет в Брюгге. Поселился в отеле «Эксельсиор» и провел ночь в

Люксембурге. У него уже был заказан билет на следующее утро до Гамбурга, и он позвонил из гостиницы, чтобы подтвердить заказ. Утром он полетел в Гамбург. На этот раз нужно было доставать оружие.

Торговля боевым оружием по прибыли стоит на втором месте в мире после наркотиков, и не удивительно, что правительства стран всего мира активно занимаются ею. С 1945 года иметь собственную военную индустрию стало чуть ли не предметом национальной гордости, поэтому производство оружия цвело и разрасталось до такой степени, что уже к началу семидесятых годов на каждого мужчину, женщину и ребенка этой планеты приходилось не менее, чем по стволу. Производство оружия просто не может идти в ногу с потребностью в нем, за исключением периода войны, и логичный выход из этой ситуации заключается либо в экспорте излишков, либо в разжигании войны, либо в том и другом одновременно. Поскольку далеко не все правительства хотят сами участвовать в военных действиях, но и не желают при этом сокращать военное производство, акцент на протяжении многих лет сместился в сторону экспорта оружия. В связи с этим все основные страны мира пользуются услугами высокооплачиваемых групп торговых агентов, которые путешествуют по всему земному шару, убеждая каждого из власть имущих, с которыми удастся добиться встречи, что оружия у него недостаточно или что то вооружение, которым он располагает, устарело и должно быть заменено на новое.

Торговцев не касается, что девяносто пять процентов оружия на территории, скажем, Африки используется не для того, чтобы предохранить страну от внешней агрессии, а для того, чтобы держать собственное население под пятой диктатора. Торговля оружием, естественно, начавшаяся как борьба за сверхприбыли между государствами Запада, после вступления в число производителей и экспортеров оружия России и Китая, столь же естественно переросла в продолжение борьбы за сферы влияния.

Стремление получить максимальную прибыль и одновременно добиться политической выгоды потребовало умения плести паутину тонких расчетов, чем и занимаются постоянно в столицах главных мировых держав. Одни готовы продать оружие республике А, но только не Б. Тогда конкуренты поспешат снабдить поскорее Б, а не А. Это называется установлением паритета власти и служит делу поддержания мира. Стремление к материальной выгоде от продажи оружия перманентно, это дело всегда приносит доход. Единственные

ограничения вводятся по политическим мотивам, определяющим, можно ли той или иной стране вообще иметь то или иное оружие. Этот зыбкий баланс целесообразности и дохода привел к тесному сотрудничеству внешнеполитических и военных ведомств во всем мире.

Организовать производство оружия в стране с развитой тяжелой промышленностью совсем не трудно. Относительно просто наладить производство винтовок, автоматов, соответствующих боеприпасов, пистолетов и гранат. Для этого не требуется очень высокий технологический уровень развития промышленности и особое сырье, однако небольшие страны предпочитают покупать готовое оружие у больших государств, потому что их невысокие внутренние потребности не оправдывают требуемую индустриализацию, а уровень технического развития не позволяет стать конкурентоспособными на мировом рынке.

Тем не менее, весьма солидное и все растущее число небольших государств за последние две декады продвинулось вперед и основало собственные оружейные заводы, если не военную индустрию. Трудности растут, и, соответственно, число конкурирующих стран уменьшается с увеличением сложности производимого оружия. Легко производить легкое оружие, сложнее артиллерию, бронетранспортеры и танки, очень сложно развить судостроение, способное создать современные боевые корабли, но труднее всего выпускать реактивные истребители и бомбардировщики. Уровень развития местной военной промышленности определяется тем, на чем она исчерпывает свой технический лимит. Все, находящееся за этим пределом, подлежит импорту.

К крупнейшим производителям и экспортерам оружия относятся: Соединенные Штаты, Канада, Британия, Франция, Италия, Западная Германия (с некоторыми ограничениями на производство отдельных вооружений по парижскому договору 1954 года), Швеция, Швейцария, Испания, Бельгия, Израиль и Южная Африка. Это среди стран Западного мира. Швеция и Швейцария, хотя и являются нейтральными, экспортируют прекрасное оружие, в то время как Израиль и Южная Африка развивают военную индустрию в связи со спецификацией своего положения, ибо не хотят ни от кого зависеть в случае кризиса. Обе страны экспортируют совсем немного. Все остальные государства входят в НАТО и связаны общей оборонной политикой. Они также сотрудничают в определенной степени с учетом внешнеполитических интересов в вопросах продажи оружия, и заявка

на продажу оружия какой-нибудь из этих стран тщательно обсуждается, прежде чем получает одобрение, и дело доходит до акта продажи. В том же духе небольшая страна-покупатель во всех случаях должна подписать обязательство не передавать проданное ей оружие в руки третьей стороны без письменного разрешения на это поставщика. Другими словами, приходится отвечать на множество вопросов, прежде чем согласие на сделку даст Министерство иностранных дел, не говоря о военном ведомстве, и подобные сделки почти неминуемо обсуждаются на уровне правительственных переговоров.

Оружие коммунистического производства весьма разнообразно и поступает в основном из России и Чехословакии. Новичок в этом деле, Китай, теперь вышел на уровень производителя оружия достаточно высокого класса, вполне соответствующего теории партизанской войны «Великого Мао». У коммунистов принципы торговли оружием другие. Основным фактором служит политическое влияние, а не деньги, и множество советских поставок оружия производится бесплатно, в виде взяток, а не коммерческих сделок. Руководствуясь пословицей, что «власть растет из оружейного ствола», и обуреваемые стремлением к власти, коммунистические страны готовы продать оружие не только правительствам суверенных государств, но и «освободительным» движениям, близким по политическим убеждениям. В большинстве случаев речь идет не о продаже, а о подарках. Таким образом, коммунистическое, марксистское, левозкстремистское или революционное движение почти в любой части света может не беспокоиться относительно недостатка в необходимом вооружении для ведения партизанской войны.

В то же время, нейтральные швейцарцы и шведы руководствуются собственными установками, о том, кому можно продавать оружие, и могут, исходя из моральных соображений, произвольно урезать объем экспорта. Остальные так не поступают.

Пока русские продают или раздают оружие, полученное из правительственных источников неправительственным формированием, а Запад стесняется так поступать, на арену выходят частные торговцы оружием. В России таких нет, поэтому частник заполняет свободную нишу на Западе. Обычно это бизнесмен, у которого покупатель может найти оружие, но, чтобы остаться в бизнесе, ему надо поддерживать тесные контакты с военным министерством родной страны, или министерство побеспокоится, чтобы он прекратил свои занятия.

Учитывать пожелания своей страны в его собственных интересах.

Эта страна может служить ему источником товара, который запросто может иссякнуть, если он вызовет чье-то недовольство, не говоря о страхе, что тебя отстранят от бизнеса куда менее приятным способом.

Таким образом, официальный торговец оружием, обычно проживающий и работающий на территории своей страны, продает покупателям оружие после консультации с правительством: приемлема ли для них эта сделка. Подобные бизнесмены обычно образуют большие компании и имеют собственные склады оружия.

Так происходит на высшем уровне частной торговли оружием.

Ниже плавают куда более подозрительная рыбка. Следующим, на ступеньку ниже, стоит официальный торговец, у которого нет своего оружейного склада, но он пользуется лицензией какой-нибудь большой, часто государственной или контролируемой правительством компании по производству оружия. Он договаривается о сделке со своим клиентом, потом получает свою долю. Разрешение на деятельность зависит от его умения ладить с правительством, которое выдало лицензию. Это не мешает некоторым официально зарегистрированным торговцам оружием изредка жульничать, хотя два известных торговца и были отстранены от дел правительствами своих стран, когда это выяснилось.

Глубоко на болотистом дне прячутся в тине дельцы оружейного черного рынка. Здесь у каждого свой стиль, потому что лицензии они не получают. Таким образом, они вообще не имеют права легально хранить запасы оружия. Они держатся в бизнесе лишь потому, что представляют ценность для тайных покупателей, человека или организации, которые, не будучи правительством и не представляя таковое, не могут вступить в межправительственные переговоры, не могут, с молчаливого согласия западного правительства, получить одобрение на закупку оружия, не могут убедить коммунистическое правительство в необходимости поддержать их по политическим мотивам, но потребность в оружии испытывают.

Основным документом, подтверждающим сделку о продаже оружия, является сертификат получателя. В нем подтверждается, что закупка оружия производится получателем (или от его имени), которым, практически всегда без исключения, на Западе должно быть суверенное правительство какого-нибудь государства. Только в случае тайного дара секретной службы нелегальной армии или сделки на черном рынке вопрос о сертификате получателя не поднимается. Примеры первого рода: бесплатное вооружение ЦРУ антикастровских

формирований при высадке в Заливе Свиней и экипировка конголезских наемников, тоже силами ЦРУ. Пример второго рода: поставка в Ирландию из различных европейских и американских частных источников оружия для Временной Ирландской Революционной Армии.

Сертификат получателя, будучи международным документом, не имеет специальной формы, вида или размера, как и специально установленного текста. Это письменное подтверждение от официального представителя правительства страны в том, что предъявитель сертификата или некий мистер Икс уполномочен обратиться в правительство страны-продавца для получения разрешения на покупку и экспорт определенного количества оружия.

Существенным является то, что некоторые страны проводят весьма тщательные проверки достоверности этого документа, в то время как другие проходят под названием «поставщики без вопросов». Не стоит говорить о том, что сертификаты получателя, как и любой документ, можно подделать. В этот мир готовился окунуться Шеннон, направляясь в Гамбург.

Он понимал, что не сможет рассчитывать на успех, обратившись напрямую к какому-нибудь из европейских правительств за разрешением на покупку оружия. Да и коммунистические правительства не расщедятся на военную помощь. Кому-кому, а им меньше всего хотелось бы свержения Кимбы. Кроме того, любое обращение за помощью обязательно засветит операцию и, таким образом, провалит ее с самого начала.

По тем же причинам он не мог подступиться к государственным компаниям по производству оружия, таким как «Фабрик Насьональ» в Бельгии, ибо любые попытки вступить в контакт с подобными компаниями станут тут же известны правительству. Не мог он обратиться и к частным производителям оружия, таким как «Когсвелл и Гаррисон» в Лондоне или «Паркер Хэйл» в Бирмингеме. В той же категории были «Бофорс» из Швеции, «Орликон» из Швейцарии, «KETME» из Испании, «Вернер» и др. в Германии, «Омпипол» в Чехословакии и итальянский «Фиат».

Ему приходилось учитывать также особые условия сделки. Он собирался потратить слишком мало денег, чтобы заинтересовать официальных воротил оружейной торговли, которые привыкли иметь дело с миллионами. Не мог он заинтересовать и бывшего короля оружейных торговцев-частников Сэма Каммингса из «Интерармко», который двадцать лет после войны правил империей частной торговли

оружием из своего дома в Монако, а сейчас отошел от дел, чтобы насладиться богатством, ни доктора Стракати из Вены, пользующегося лицензией «Омнипола», расположенного по ту сторону границы на Вашингтонской улице, 11, в Праге, ни доктора Лангенштайна из Мюнхена, ни доктора Перетти из Рима, ни месье Каммермундта из Брюсселя.

Ему нужно было спуститься пониже к тем людям, которые оперировали меньшими суммами и меньшими объемами товара. Он знал имена Гюнтера Лайнхаузера, немца, бывшего партнера Каммингса, а в Париже – Пьера Лоре, Мориса Эрску и Поля Фавье. Но, поразмыслив хорошенько, он решил отправиться на встречу с двумя людьми из Гамбурга.

Беда в том, что набор оружия, который был ему нужен, полностью соответствовал своему предназначению: разовый набор на разовую работу, и не надо обладать изощренным военным умом, чтобы сообразить, в чем эта работа должна заключаться: захват одного здания за минимальное время. Предлагаемый список однозначно давал опытному солдату понять, что никакое, даже самое маленькое, министерство обороны за этим не стоит.

Шеннон поэтому решил разбить список на еще более мелкие части, логично увязанные вместе, так, чтобы не вызвать подозрения у продавцов. Подать полный список значило выдать себя с головой.

От одного из поставщиков, с которым он собирался встретиться, ему требовалось 400 000 единиц патронов стандартного калибра 9 мм. Такие подходят как для пистолетов, так и для автоматов. Такая партия товара была слишком объемна и тяжела, чтобы покупать ее на черном рынке и переправлять из страны без больших сложностей с таможей. Но подобный груз вполне мог потребоваться полиции какой-нибудь маленькой страны, не вызывая подозрения тем, что к боеприпасам не прикладывается оружие, как просто пополнение оружейных запасов.

Для этого ему нужен был официальный торговец оружием, который мог бы вклинить этот маленький заказ между большими партиями. Хотя торговец должен иметь лицензию, ему нужно быть готовым к возможным подделкам сертификата получателя. Вот где становилась полезной подробная информация о странах «поставщиках без вопросов».

Десять лет назад по всей Европе в частных руках скопилось много излишков оружия, «темного», т. е. нелегально хранимого, оружия, остатков от колониальных войн, как, например, французов в Алжире или бельгийцев в Конго.

Но серия небольших военных операций и войн в шестидесятые годы, в частности в Йемене и Нигерии, быстро истощили запасы.

Поэтому Шеннону нужно было найти человека, готового взять сомнительный сертификат получателя и представить его правительству страны, которое вовсе не задает вопросов или задает их немного. Всего четыре года назад самым известным из таких правительств было правительство Чехословакии, которое, даже будучи коммунистическим, поддерживало старую чешскую традицию – продавать оружие каждому встречному. Тогда можно было приехать в Прагу с чемоданом долларов, зайти в контору «Омнипола», отобрать нужное оружие и через несколько часов вылететь на специально зафрахтованном самолете из аэропорта с грузом на борту. Все было просто. Но после советского вторжения в 1968 году, когда КГБ взяло под контроль подобные операции, число задаваемых вопросов неизмеримо возросло.

Еще две страны завоевали репутацию не интересующихся настоящим источником сертификата получателя. Одной из них была Испания, традиционно заинтересованная в иностранной валюте, где заводы «KETME» производили широкий ассортимент оружия, которое затем распродалось испанским Министерством армии почти всем, кто ни попросит. Второй страной недавно стала Югославия.

Югославия стала производить собственное оружие только несколько лет назад и неминуемо достигла момента, когда ее собственные вооруженные силы стали полностью оснащены собственным оружием. Следующий этап – перепроизводство (потому что заводы нельзя остановить через несколько лет после того, как их с такими затратами открыли), и, естественно, желание экспортировать продукцию. Будучи новичками на оружейном рынке с неизвестной по качеству продукцией, но стремясь заработать побольше валюты, югославы заняли позицию «задавай поменьше вопросов, если не хочешь, чтобы тебе соврали» по отношению к претендентам на свое оружие. Они производили легкие ротные минометы и базуки, последние в основном на базе чешских РПГ-7.

Так как эти товары были новыми, Шеннон решил, что торговцу удастся уговорить Белград продать мизерную партию, состоящую из двух минометных стволов калибра 60 мм и сотни мин к ним, плюс две базуки с сорока ракетами. Можно сослаться на то, что речь идет о новом клиенте, который хочет испробовать новые образцы оружия, чтобы в дальнейшем сделать более солидный заказ.

По первому пункту в списке своих заказов Шеннон предполагал

обратиться к дельцу, имеющему лицензию на торговлю с «KETME» в Мадриде, но известному как человек, который не гнушается изредка подsunуть липовый сертификат получателя. По поводу второго пункта Шеннон слышал имя еще одного жителя Гамбурга, который искусно возвращал молодую поросль югославских оружейников на стадии младенчества и установил с ними прекрасные отношения, несмотря на то, что сам лицензии не имел.

Обычно никакого смысла обращаться к человеку, не имеющему лицензии, нет. Если, конечно, он не может выполнить заказ из собственных нелегальных запасов, но в таком случае не будет разрешения на экспорт. Единственная польза от него может заключаться в том, что он раздобудет фальшивый сертификат получателя для тех клиентов, которые сами не могут это сделать, и потом уговорит торговца с лицензией принять этот кусок бумаги. Официальный торговец может после этого выполнить заказ, с одобрения правительства, из собственных запасов, выдав разрешение на экспорт, либо представить правительству липовый сертификат под своим именем и гарантировать его надежность. Но у нелегального деляги есть еще одно качество, которое делает контакты с ним привлекательными – доскональное знание конъюнктуры рынка, куда в данный момент с данной просьбой можно обратиться с наибольшими шансами на успех. Именно по этой причине Шеннон решил навестить второго человека, в Гамбурге.

Очутившись в Ганза Сити, Шеннон зашел в Ландес-банк, дабы убедиться, что его 5000 фунтов уже на месте. Он забрал чек на всю сумму и отправился в отель «Атлантик», где у него был заказан номер. Решив оставить Репербан в покое, валясь с ног от усталости, он рано поужинал и улегся спать.

Йохан Шлинкер, с которым Шеннон встретился на следующее утро в его скромной квартире, оказался маленьким веселым толстяком. Глаза его светились благодушием и доброжелательностью настолько, что Шеннону понадобилось десять секунд, прежде чем понять, что с этим человеком нужно держать ухо востро. Они объяснялись по-английски, на языке долларов – единственно принятом языке оружейного рынка.

Шеннон поблагодарил за то, что торговец согласился с ним встретиться, и предъявил для верности паспорт на имя Кейта Брауна. Немец небрежно полистал его и вернул обратно.

– По каким делам к нам? – спросил он.

– Мне рекомендовали вас, герр Шлинкер, как бизнесмена с

высокой репутацией человека, надежного в делах, связанных с военной и полицейской экипировкой.

Шлинкер улыбнулся и кивнул, но льстивое замечание не произвело на него впечатления.

– Кто рекомендовал, позвольте спросить?

Шеннон назвал фамилию человека из Парижа, тесно связанного с Африкой по линии одной французской государственной, но сильно засекреченной службы. Они встречались во время прежних военных кампаний Шеннона в Африке, и месяц тому назад Шеннон навестил его в Париже, как старого друга. На прошлой неделе Шеннон снова позвонил этому человеку, и тот действительно рекомендовал ему Шлинкера для необходимых покупок. Шеннон предупредил приятеля, что будет выступать под именем Браун.

Шлинкер поднял брови.

– Вы разрешите покинуть вас на минутку? – спросил он и вышел из комнаты.

Через стенку послышалось стрекотание телекса. Он вернулся только через полчаса, улыбаясь.

– Мне нужно было позвонить приятелю в Париж по делу, – весело объявил он. – Продолжайте, пожалуйста.

Шеннон прекрасно понимал, что он связался по телексу с другим оружейным торговцем в Париже, попросив его позвонить французскому агенту и убедиться, что с Кейтом Брауном все чисто. Видимо, подтверждение только что поступило.

– Мне нужно купить некоторое количество патронов калибра 9 мм, – сказал он без обиняков. – Я понимаю, что заказ незначительный, но ко мне обратилась группа людей из Африки, которым потребовались боеприпасы для своих дел, и если эти дела пойдут хорошо, я уверен, что появятся следующие, куда более значительные заказы в будущем.

– Каков размер заказа? – спросил немец.

– Четыреста тысяч штук.

Шлинкер хмыкнул.

– Это немного, – просто сказал он.

– Конечно. На сегодняшний день бюджет невелик. Но есть надежда, что нынешние небольшие вложения приведут к более крупным впоследствии.

Немец кивнул. Такое бывало раньше. Первый заказ всегда оказывался незначительным.

– Почему они обратились к вам? Вы не специалист по торговле

оружием и боеприпасами.

– Получилось так, что они пользовались моими услугами в качестве советника по разнообразным военным вопросам. Когда возникла необходимость в поиске нового поставщика для определенных целей, меня попросили отправиться в Европу от их имени, – сказал Шеннон.

– И у вас нет сертификата получателя? – спросил немец.

– Боюсь, что нет. Я надеялся, что это можно как-то устроить.

– О да, можно, – сказал Шлинкер. – Здесь нет проблем. Требуется больше времени и стоит будет дороже. Но сделать можно. Например, взять такую партию со склада, который расположен в моем венском филиале. В таком случае сертификат получателя не потребовался бы. Или раздобыть такой документ и сделать запрос по официальным каналам.

– Я предпочел бы второй путь, – сказал Шеннон. – Доставка будет осуществляться морем, а провезти такое количество товара через Австрию в Италию, и потом погрузить на корабль будет рискованно. Это затрагивает сферы, с которыми я не знаком. Более того, вмешательство полиции грозит долгим тюремным заключением владельцам груза. Не говоря о том, что можно будет установить его происхождение.

Шлинкер улыбнулся. Он понимал, что никакой опасности реально не существует, но Шеннон был прав по поводу таможенного контроля. Недавно возникшая внезапная угроза со стороны террористов из Черного Сентября привела Австрию, Германию и Италию в состояние крайнего нервного возбуждения и беспокойства по поводу всех подозрительных грузов, пересекающих границы.

Шеннон со своей стороны не исключал возможности того, что Шлинкер сегодня продаст им боеприпасы, а завтра выдаст.

В случае с фальшивым сертификатом получателя немцу придется выполнять условия сделки до конца: именно он представит липовый документ властям.

– Ну что ж, вы, вероятно, правы, – наконец произнес Шлинкер. – Очень хорошо. Я могу предложить вам стандартные патроны калибра 9 мм по шестьдесят пять долларов за тысячу. За сертификат придется добавить дополнительно десять процентов от суммы и еще десять процентов доплаты при отплытии.

Шеннон быстро подсчитывал. «При отплытии» означало, что груз получил разрешение на экспорт, прошел таможенную границу, погружен на корабль, и корабль вышел из гавани. В общем получалось 26 000

долларов за груз плюс 5200 долларов доплаты.

– Как должна производиться оплата? – спросил он.

– Мне потребуется для начала 5200 долларов, – сказал Шлинкер. – Это пойдет на оплату сертификата, а за него придется платить, плюс личные расходы на транспорт и организацию. Полная оплата покупки должна быть произведена здесь, в этом кабинете, когда я смогу предъявить вам сертификат, но до того, как вы получите сам товар. Как официальный торговый агент буду оформлять покупку от имени моего клиента – правительства, указанного на сертификате. После того, как товар будет продан, правительство страны-продавца с большим нежеланием согласится на возврат денег и получение товара обратно. Поэтому мне потребуется предварительная полная оплата. Кроме того, мне нужно будет знать название судна, на котором предполагается вывозить груз, для оформления разрешения на экспорт. Это может быть пассажирский или грузовой корабль, совершающий регулярные рейсы, либо грузовой корабль, принадлежащий официально зарегистрированной судовой компании.

Шеннон кивнул. Условия крутые, но нищим выбирать не приходится. Если бы он действительно представлял суверенное правительство, его бы здесь и в помине не было.

– Сколько ждать до отправки груза с того момента, как я отдам вам деньги? – спросил он.

– Мадрид не очень торопится в таких делах. Я думаю, около сорока дней, – сказал немец.

Шеннон поднялся. Предъявил Шлинкеру банковский чек, чтобы подтвердить свою кредитоспособность, и обещал через час принести наличными 5200 долларов или эквивалентную сумму в немецких марках. Шлинкер попросил марки, и когда Шеннон вернулся, выдал ему стандартную расписку в получении денег.

Пока Шлинкер писал расписку, Шеннон просмотрел брошюры на журнальном столике. В них рекламировались предлагаемые на продажу товары другой компании, которая, очевидно, специализировалась на производстве невоенной пиротехники, не подходившей под определение «оружие». Там же предлагался широкий выбор товаров, используемых службами безопасности: резиновые дубинки, переносные радиостанции «уоки-токи», баллоны со слезоточивым газом, газовые пистолеты, осветительные и сигнальные ракеты и тому подобное.

Когда Шлинкер вручил ему расписку, Шеннон спросил:

– Вы имеете отношение к этой компании, герр Шлинкер?

Шлинкер расплылся в улыбке.

– Я ее владелец, – сказал он. – Именно в этом качестве я известен широкой публике.

«Совсем неплохое прикрытие для содержания склада товаров в ящиках с надписью „Осторожно, взрывоопасно!“» – подумал Шеннон. Но заинтересовался. Быстро написал список товаров и показал Шлинкеру.

– Вы можете выполнить этот заказ на экспорт из ваших запасов? – спросил он.

Шлинкер посмотрел на список. В него вошли две установки для пуска сигнальных ракет типа тех, которыми пользуется береговая охрана для подачи сигналов бедствия, десять осветительных ракет с магниевым зарядом максимальной интенсивности и продолжительности действия, снабженных парашютами, две мощных противотуманных сирены с баллонами сжатого воздуха, четыре пары ночных биноклей, три портативных мини-радиостанции с радиусом действия не менее пяти миль и пять наручных компасов.

– Конечно, – сказал он. – Все это есть у меня на складе.

– Я бы хотел сделать заказ по этому списку. Раз эти товары не классифицируются как оружие, с их экспортом не должно быть проблем?

– Совершенно никаких. Я могу их отослать куда угодно, хоть прямо на борт корабля.

– Хорошо, – сказал Шеннон. – Сколько все это будет стоить вместе с доставкой на таможенный склад к агенту по экспорту в Марселе?

Шлинкер пролистал свой каталог и оценил стоимость списка, с учетом десяти процентов за доставку.

– Четыре тысячи восемьсот долларов, – сказал он.

– Я свяжусь с вами через двенадцать дней, – сказал Шеннон. – Пожалуйста, подготовьте все и упакуйте к отправке. Я сообщу вам имя агента по экспорту в Марселе и пришлю чек на сумму 4800 долларов на ваше имя. В течение тридцати дней я предполагаю отдать вам оставшиеся 26 000 долларов за боеприпасы и сообщить данные корабля.

Со вторым человеком он встретился за ужином в «Атлантике».

Алан Бейкер был экспатриантом, канадцем, осевшим в Германии после войны и женатым на немке. Бывший офицер Королевских инженерных войск, он ввязался после войны в серию контрабандных операций по доставке через границу Советской Зоны и обратно нейлоновых чулок, часов и беженцев. После этого переключился на

нелегальную поставку оружия различным крошечным националистическим или антикоммунистическим отрядам партизан – «маки», остатки которых и после войны продолжали движение Сопротивления в Центральной и Восточной Европе, с одной лишь разницей, что во время войны сопротивлялись немцам, а после войны – коммунистам.

Большинство из них были на содержании американцев, но Бейкеру было достаточно того, что знание немецкого языка и партизанской тактики позволяло ему поставлять им оружие и получать за это от американцев солидный чек. Когда партизанские группы вконец истощились, в начале пятидесятых годов, он оказался в Танжере, используя приобретенные во время и после войны таланты контрабандиста, чтобы поставлять партии духов и сигарет в Италию и Испанию из тогда еще свободного международного порта на северном побережье Марокко. Отойдя в конце концов от дел после того, как его корабль подорвали и затопили во время гангстерской междоусобицы, он возвратился в Германию и стал активно навязываться в посредники между покупателем и продавцом, о каком бы товаре ни шла речь. Одним из его последних подвигов был договор о поставках югославского оружия баскам в Северную Испанию.

С Шенноном они повстречались, когда Бейкер тайком поставлял оружие в Эфиопию, а Шеннон слонялся без дела после приезда из Букаву в апреле 1968 года. Бейкер знал Шеннона под настоящим именем.

Он спокойно выслушал просьбу. Небольшого роста жилистый человек быстро переводил глаза со своей тарелки на собеседника и обратно.

– Да, это можно сделать, – сказал он, когда Шеннон закончил. – Югославы клонут на то, что новому клиенту требуется в качестве пробного образца набор из двух минометов и двух базук, чтобы решиться на более солидный заказ в случае благоприятного исхода испытаний. Это выглядит правдоподобно. С моей стороны никаких проблем с тем, чтобы получить у них товар, не возникает. У меня прекрасные отношения с ребятами из Белграда. И работают они быстро. Сейчас, однако, меня волнует другая проблема.

– Какая именно?

– Сертификат получателя, – сказал Бейкер. – Был у меня в Бонне человек, дипломат из одной восточно-африканской страны, который готов был подписать что угодно за деньги и несколько подложенных под него толстых немецких телок, которых очень любил. Но две

недели назад его отозвали. В данный момент я еще не подыскал замену.

– Югославы придираются к сертификатам?

Бейкер покачал головой.

– Нет. Если документы в порядке, они глубже не копают. Но сертификат должен быть, а на нем – соответствующая правительственная печать. В конце концов, совсем расслабляться они не могут себе позволить.

Шеннон на минуту задумался. Он знал в Париже одного парня, который однажды хвалился, будто у него в каком-то посольстве такие связи, что сделать сертификат не проблема.

– А если я достану сертификат, хороший, из африканской страны? Сойдет? – спросил он.

Бейкер затянулся сигарой.

– Никаких проблем, – ответил он. – Цена такая. Два минометных ствола калибра 60 мм – по 1100 долларов штука. Или 2200 за пару. Бомбы по двадцать четыре доллара каждая. Единственная проблема с твоим заказом в том, что суммы действительно слишком малы. Не мог бы ты увеличить число мин с сотни до трех? Так было бы куда проще. Никто не берет партию из ста снарядов, даже для испытаний.

– Хорошо, – сказал Шеннон, – я возьму три сотни, но не больше. – Иначе вылезу из бюджета, а это урежет мою долю.

Его доля от этого никак не страдала, потому что он предусмотрел запас на случай дополнительных затрат, и его зарплата была застрахована. Но он понимал, что Бейкер воспримет такой аргумент, как окончательный.

– Хорошо, – сказал Бейкер. – Выходит, мины потянут 7200 долларов. Базука стоит 1000 долларов, значит, 2000 за пару. Ракетные снаряды по сорок два доллара пятьдесят центов. За сорок штук, которые ты просишь, получается... Сейчас подсчитаем...

– Тысяча семьсот долларов, – сказал Шеннон. – Полный набор тянет на 13 100 долларов.

– Плюс десять процентов за доставку на борт корабля, Кот. Без учета сертификата получателя. Если бы я мог тебе его обеспечить, получилось бы двадцать процентов доплаты. Давай прикинем. Заказ крошечный, но мои дорожные и накладные расходы от этого не меняются. Придется взять с тебя еще пятнадцать процентов от общей суммы. Таким образом получится 14 400 долларов. На круг четырнадцать с половиной кусков, ладно?

– Никаких кругов. 14 400 и точка, – твердо сказал Шеннон. – Я

раздобуду сертификат и перешлю тебе вместе с пятидесятипроцентным задатком. Еще двадцать пять процентов получишь, когда я увижу груз в Югославии запакованным и готовым к отправке, и оставшиеся двадцать пять процентов, когда корабль отойдет от причала. Долларовые аккредитивы. О'кей?

Бейкер предпочел бы получить всю сумму заранее, но, будучи нелегальным торговцем, не имел ни конторы, ни складов, ни адреса для деловой корреспонденции, как Шлинкер. Ему предстояло действовать в роли посредника, уговорив другого выполнить покупку от своего имени. Но как человек с черного рынка он должен был принять условия, согласиться на меньший куш и урезанный аванс.

Один из самых старых трюков заключался в том, чтобы пообещать выполнить заказ, внушить клиенту доверие, убедить в своей исключительной порядочности, взять максимальный аванс и исчезнуть. Многим, стремящимся тайком поживиться оружием в Европе, пришлось испытать такое на себе. Но Шеннон никогда на этот фокус не клюнет, да и пятьдесят процентов от 14 400 долларов были не той суммой, из-за которой стоило исчезать.

– О'кей. Как только получаю сертификат, тут же приступаю к делу.

Они встали из-за стола.

– Сколько времени пройдет с начала работы до отхода корабля? – спросил Шеннон.

– От тридцати до тридцати пяти дней, – сказал Бейкер. – Кстати, а корабль у тебя есть?

– Пока нет. Тебе потребуется название, как я понимаю. Передам его вместе с сертификатом.

– Если у тебя ничего нет на примете, могу предложить прекрасный вариант для фрахтовки. Две тысячи немецких марок в день и ни о чем не беспокоись. Ни о команде, ни о провизии, ни о топливе. Доставят тебя вместе с грузом куда угодно, и никто об этом не узнает.

Шеннон обдумал предложение. Двадцать дней в Средиземном море, потом двадцать дней пути до цели и двадцать обратно. Сто двадцать тысяч марок или 15 000 фунтов. Дешевле, чем купить собственный корабль. Соблазнительно. Но он был против того, чтобы один и тот же человек, не принимающий участия в операции, контролировал частичную закупку оружия, корабль и знал о маршруте путешествия. В таком случае придется привлечь Бейкера или того, с кем он будет договариваться о фрахте, в качестве компаньона.

– А что это за корабль? – осторожно спросил он.

– «Сан-Андреа», – сказал Бейкер.

Шеннон замер. Он вспомнил, что Земмлер упоминал это название.

– Ходит под флагом Кипра? – спросил Шеннон.

– Верно.

– Выбрось из головы, – коротко сказал он.

Когда они выходили из ресторана, Шеннон заметил сидящего за столиком в алькове Иоханна Шлинкера. На мгновение ему показалось, что немецкий торговец следит за ним, но он ужинал в компании солидного господина, видимо, богатого клиента. Шеннон отвернулся и прошел мимо.

На выходе из гостиницы они с Бейкером обменялись рукопожатием.

– Я дам о себе знать, – сказал Шеннон. – Только не подведи.

– Не волнуйся, Кот. Мне можно доверять, – отозвался Бейкер.

Он повернулся и заспешил вдоль по улице.

– Рассказывай сказки кому-нибудь другому, – пробурчал Шеннон и отправился спать.

По дороге в номер он вдруг вспомнил лицо человека, сидящего за столиком с немецким спекулянтом оружием. Где-то он его видел, но где? И вдруг, уже засыпая, вспомнил.

Начальник штаба Ирландской Революционной Армии.

Следующим утром, в среду, он улетел назад в Лондон.

Начинался День Девятый.

Глава 12

Мартин Торп вошел в кабинет сэра Джеймса Мэнсона в тот момент, когда Кот Шеннон поднимался по трапу самолета в гамбургском аэропорту.

– Леди Макаллистер, – сказал он вместо вступления, и сэр Джеймс жестом пригласил его садиться.

– Я прошелся по ней густым гребнем, – продолжал Торп. – Как я и подозревал, к ней дважды подкатывались люди, заинтересованные в покупке ее тридцати процентов акций компании «Бормак Трейдинг». Похоже, оба использовали неверный подход и потерпели неудачу. Ей восемьдесят шесть лет, дышит на ладан и весьма строптива. По крайней мере, такая у нее репутация. Кроме всего прочего, она коренная шотландка, и все дела поручила адвокату из Данди. Вот мой полный отчет о ней.

Он вручил сэру Джеймсу кожаную папку, и глава «Мэнсон Консолидейтед» на несколько минут погрузился в чтение.

Несколько раз он крикнул, а однажды пробурчал «чертова перечница». Когда закончил, поднял голову.

– Я все равно хочу получить эти 300 000 акций «Бормака», – сказал он. – Ты говоришь, что остальные вели себя с ней неправильно. Почему?

– Похоже, что она одержима одной идеей в жизни, но деньги к этому не имеют отношения. Она и так достаточно богата. Дочь шотландского помещика, она выходила замуж в то время, когда у отца было больше земли, чем наличных денег. Очевидно, свадьба была результатом договора жениха с родителями. После смерти отца она получила в наследство обширные луга, поросшие вереском. Но за последние двадцать лет продажа права на охоту и рыболовство наезжающим из города любителям принесла приличное состояние, а участки земли, купленные промышленниками, дали еще более солидный доход. Сделками занимается ее брокер или как там на севере их называют. На жизнь ей вполне хватает. Я подозреваю, что другие просители предлагали много денег, но больше ничего. Ее это не могло заинтересовать.

– А что же тогда ее интересует, черт побери? – спросил сэр Джеймс.

– Взгляните на пункт два, страница вторая, сэр Джеймс. Понимаете, о чем я? Объявления в «Таймс» на каждую годовщину, попытка поставить памятник, отклоненная лондонским муниципалитетом. Мемориал, который она воздвигала в его родном городе. Мне кажется, что эта дама помешана на увековечении памяти старого надсмотрщика, за которого ей довелось выйти замуж.

– Да, да. Возможно, ты прав. И что же?

Торп набросал идею, а Мэнсон внимательно выслушал.

– Может сработать, – сказал он в конце концов. – Случались и более странные вещи. Беда в том, что если ты попробуешь, а она все-таки откажет, то вернуться с предложением под другим соусом тебе уже вряд ли удастся. Но, в то же время, я полагаю, что, просто предложив деньги, мы нарвемся на тот же результат, что и два предыдущих неудачника. Хорошо, делай по-своему. Только заставь продать ее эти акции.

С этим Торп удалился.

Шеннон вошел в свою лондонскую квартиру чуть позже двенадцати. На коврике перед дверью лежала телеграмма от Лангаротти из Марселя. Она была подписана просто «Жан» и адресована Кейту Брауну.

В качестве текста присутствовал адрес, гостиница неподалеку от центра города, где корсиканец поселился под фамилией Леваллон. Шеннон оценил предосторожность. При поселении во французских гостиницах заполняются анкеты, которые потом собирает полиция. Там могли бы удивиться почему это их старый приятель Лангаротти решил изменить своим привычкам и насиженным местам.

Шеннон в течение десяти минут добывал телефон гостиницы в международной справочной службе и, наконец, набрал номер.

Когда он попросил дежурного в гостинице позвать месье Лаваллона, ему сказали, что месье вышел. Он попросил передать месье Лаваллону, чтобы тот позвонил мистеру Брауну в Лондон, как только вернется. Он дал всем четверым номер своего телефона и попросил запомнить наизусть.

По телефону же он отослал телеграмму Эндину, скрывающемуся под именем Уолтера Харриса, на его адрес «до востребования», сообщив руководителю проекта, что вернулся в Лондон и хотел бы кое-что обсудить. Следующая депеша отправилась на квартиру к Жанни Дюпре с просьбой связаться с Шенноном немедленно после получения телеграммы.

Он позвонил в свой швейцарский банк и выяснил, что половина из

причитавшегося ему заработка в 10 000 фунтов стерлингов переведена на его счет с анонимного счета в Хендельсбанке. Он знал, что за этим счетом скрывается Энди.

Ну что ж, нет ничего необычного в том, что на такой ранней стадии операции выплачена только половина зарплаты. Он был уверен, учитывая размах «Мэн-Кона» и его явное стремление добиться свержения Кимбы, что оставшиеся 5000 фунтов он получит по мере развития событий.

После этого он напечатал подробный отчет о поездке в Люксембург и Гамбург, не называя имен владельцев бухгалтерской фирмы в Люксембурге и двух торговцев оружием. К отчету приложил полный список произведенных затрат.

Закончил он в пятом часу, а кроме легкого завтрака, предложенного «Люфтганзой» во время рейса из Гамбурга, у него с утра в животе ничего не было. В холодильнике он нашел полдюжины яиц, попытался приготовить омлет, но вместо этого получилась пригоревшая лепешка, которую пришлось выкинуть, и задремал.

Появление у двери Жанни Дюпре в седьмом часу его разбудило, а через пять минут позвонил телефон. Это был Эндин, который зашел на почту и получил телеграмму.

Эндин вскоре заметил, что Шеннон не может говорить открыто.

– С вами кто-нибудь есть? – спросил Эндин, понизив голос.

– Да.

– Это связано с делом?

– Да.

– Хотите, чтобы мы встретились?

– Мне кажется, это необходимо, – сказал Шеннон. – Как насчет завтрашнего утра?

– О'кей. Около одиннадцати вам подходит?

– Конечно, – сказал Шеннон.

– У вас на квартире?

– Меня вполне устраивает.

– Я буду в одиннадцать, – сказал Эндин и повесил трубку.

Шеннон повернулся к южноафриканцу.

– Как поживаешь, Жанни?

За три дня работы Дюпре немного продвинулся. Сотня пар носков, маек и трусов заказаны и будут готовы к пятнице. Ему удалось найти поставщика для пятидесяти десантных курток и сделать заказ. Та же фирма могла бы поставить и брюки, но, в соответствии с приказом, для этого Дюпре искал других поставщиков, чтобы никому из них не стало

понятно, что заказываются полные комплекты десантной формы. Дюпре сказал, что и без этого никто не задает лишних вопросов, но Шеннон велел придерживаться первоначального плана.

Жанни сказал, что наведывался в несколько обувных магазинов, но пока не нашел брезентовые башмаки, о которых шла речь. Он продолжит поиски до конца недели, а береты, рюкзаки, вещмешки, различное снаряжение и спальники начнет подыскивать на следующей неделе. Шеннон посоветовал ему связаться с одним из своих агентов по экспорту и отправить первый груз с бельем и куртками в Марсель как можно скорее.

Он обещал Дюпре узнать у Лангаротти имя и адрес таможенного агента в Марселе в ближайшие сорок восемь часов.

Прежде, чем южноафриканец ушел, Шеннон напечатал письмо Лангаротти на его настоящую фамилию, на адрес главного почтамта Марселя. В письме он напомнил корсиканцу о разговоре, который они вели под пальмами шесть месяцев назад, когда вдруг перешли на тему покупки оружия. Корсиканец тогда сказал, что знает человека в Париже, который может достать сертификат получателя через какого-то дипломата в одном из африканских посольств. Шеннон хотел знать имя этого человека и где его можно найти.

Закончив писать, он передал письмо Дюпре и велел отослать экспресс-почтой тем же вечером с Трафальгарской площади. Он сказал, что мог бы и сам это сделать, но должен сидеть дома и ждать звонка от Лангаротти из Марселя.

Он здорово проголодался к восьми часам, когда, наконец, Лангаротти позвонил. Его голос звучал в трубке с шипом и хрипами. По-видимому, эта линия была создана еще самим изобретателем французской телефонной сети – известного шедевра античности.

Шеннон сдержанно поинтересовался как идут дела. Еще до того, как наемники разъехались, он предупредил всех, что ни при каких обстоятельствах нельзя открыто говорить по телефону.

– Я поселился в гостинице и послал тебе телеграмму с адресом, – сказал Лангаротти.

– Знаю. Получил, – прокричал в трубку Шеннон.

– Я взял напрокат мотороллер и объехал все магазины, которые специализируются на продаже нужных нам товаров, – слышался голос. – По каждой категории существуют три фирмы-производителя. Я раздобыл адреса всех, кто выпускает лодки, и написал им, попросив выслать каталоги. Получу их через недельку. Тогда смогу заказать то, что подходит лучше всего, у местных торговцев, сославшись на фирму

и марку товара, – сказал Лангаротти.

– Хорошая идея, – сказал Шеннон. – А как насчет остального?

– Это зависит от того, что я подберу в каталоге, Одно определяется другим. Но не беспокойся. Этого добра полно во всех магазинах вдоль побережья. Всевозможные варианты. К весне прилавки просто ломятся от самых последних моделей.

– О'кей. Прекрасно, – прокричал Шеннон. – Теперь слушай. Мне нужен адрес хорошего агента по отправке грузов на экспорт. Потребуется раньше, чем предполагал. Отсюда в ближайшее время надо переслать несколько ящиков, да и из Гамбурга тоже.

– Это будет несложно, – послышался голос Лангаротти. – Но мне кажется, что лучше попробовать в Тулоне. Ты понимаешь почему.

Шеннон все понимал. В гостинице Лангаротти мог остановиться под чужим именем, но, договариваясь об экспорте груза на транспортном судне, ему придется предъявить удостоверение личности. Более того, вот уже около года как марсельская полиция усилила наблюдение за портом и привлекла к этому нового начальника таможни, про которого шла дурная слава настоящего зверя. Это было сделано с целью прижать контрабанду героина, который через Марсель шел по французской цепочке в Нью-Йорк. Но досмотр корабля на предмет наркотиков запросто мог привести к неприятностям с оружием. Обиднее всего попасться по такой нелепой случайности.

– Совершенно правильно, ты лучше знаешь местную обстановку, – сказал Шеннон. – Телеграфируй мне имя и адрес агента, как только выяснишь. Еще одно. Я сегодня вечером отослал письмо скоростной почтой. На твое имя, по адресу главпочтамта Марселя. Когда прочтешь, поймешь, что мне надо. Как только получишь письмо, а это должно быть в пятницу утром, телеграфируй мне имя этого человека.

– О'кей, – сказал Лангаротти. – Все?

– Пока да. Перешли мне каталоги товаров, как только получишь, со своими замечаниями и ценами. Нам нельзя выходить из бюджета.

– Хорошо. Пока, – отозвался Лангаротти, и Шеннон повесил трубку.

Он в одиночестве поужинал в «Буа де Сен Жан» и рано улегся спать.

Эндин пришел в одиннадцать на следующее утро и целый час изучал отчет и счета, постоянно теребя Шеннона.

– Все нормально, – произнес он наконец. – Ну, как идут наши дела?

– Неплохо, – сказал Шеннон. – Пока еще только начало, конечно. Я

работаю всего десять дней, но многое уже сделано. Хочу к двадцатому дню сделать все заказы, чтобы на их выполнение осталось сорок дней. После этого двадцать дней кладем на то, чтобы собрать все компоненты по частям и тайком доставить их в целости и сохранности на борт корабля. Отплытие произойдет на восьмидесятый день, если не выбьемся из графика. Кстати, скоро мне потребуются еще деньги.

– У вас три с половиной тысячи в Лондоне и семь тысяч в Бельгии, – возразил Эндин.

– Да, я знаю. Но скоро предстоят большие выплаты.

Он пояснил, что ему надо заплатить «Йоханну», гамбургскому спекулянту оружием, целых 26 000 долларов в ближайшие двенадцать дней, чтобы у него было сорок дней на оформление необходимых бумаг в Мадриде и подготовку груза к отправке, кроме того, этому же «Йоханну» надо уплатить 4800 долларов за вспомогательное оборудование, которое потребуется при атаке. Когда в Париже будет готов сертификат получателя, он отошлет его «Алану» вместе с чеком на 7200 долларов, что составит пятьдесят процентов от стоимости югославского оружия.

– Цифры растут, – сказал он. – Самые большие деньги пойдут за оружие и корабль. Это составит более половины полного бюджета.

– Хорошо, – сказал Эндин. – Я проконсультируюсь и подготовлю перевод на ваш бельгийский счет очередных 20 000 фунтов. После этого сам перевод можно будет осуществить по моему телефонному звонку в Швейцарию. На это потребуется каких-нибудь несколько часов, когда у вас возникнет необходимость.

Он поднялся.

– Что-нибудь еще?

– Нет, – сказал Шеннон. – На уикэнд мне придется уехать в очередное путешествие. Меня не будет почти всю следующую неделю. Нужно проверить, как идут дела с поиском корабля, выяснить, как обстоит дело с покупкой шлюпок и моторов к ним в Марселе, ну, и, наконец, автоматов в Бельгии.

– Телеграфируйте мне по старому адресу, когда уедете и когда вернетесь, – сказал Эндин.

Гостиная громадной квартиры над Коттесмор Гарденс, неподалеку от Кенсингтон Хай Стрит, была невероятно мрачной.

Тяжелые шторы на окнах не пропускали лучи весеннего солнца.

Сквозь небольшую щель в несколько дюймов между ними дневной свет с трудом просачивался через плотные тюлевые занавески, освещая четыре торжественно расставленных массивных стула

поздней викторианской эпохи и множество разбросанных тут и там маленьких столиков, на которых покоился разнообразный старый хлам. Тут были медные пуговицы со старой военной формы, медали, завоеванные в несправедливых боях с давно уничтоженными языческими племенами. Стекланные пресс-папье соседствовали с дрезденскими фарфоровыми статуэтками, камнями, некогда украшавшими гордых шотландских красавиц, и веерами, которыми обмахивались на балах после танцев, которые теперь уже давно никто не танцует.

На стенах, обитых выцветшей парчой, висели портреты предков: Монтроузов и Монтиглов, Фаркхаров и Фрейзеров, Мюрреев и Минтоузов. Неужели все они могли быть предками одной и той же старой женщины? Хотя, у шотландцев все возможно.

На самой большой картине в золоченой раме над камином, который наверняка никогда не зажигали, был изображен мужчина в полный рост в шотландской юбке. Этот портрет был явно моложе своих потемневших древних соседей, но, тем не менее, и он уже несколько выцвел от времени. Лицо, обрамленное рыжими мохнатыми бакенбардами, свирепо уставилось в комнату, как будто его владелец только что обнаружил отлынивающего от работы раба на дальнем конце плантации. «Сэр Иэн Макаллистер, рыцарь Британской империи» гласила надпись на табличке под портретом.

Мартин Торп снова перевел глаза на леди Макаллистер, скрючившуюся в кресле и беспрестанно теребящую висащий на груди слуховой аппарат. Он пытался разобрать сквозь невнятное бормотанье, прищепывание, внезапные отступления и невероятный шотландский акцент, что она говорит.

– Люди и раньше уже приходили, мистер Мартин, – говорила она, упорно продолжая называть его «мистером Мартином», хотя он дважды представился. – Но я не пойму, зачем мне продавать? Это ведь была компания моего мужа, понимаете. На его земле они зарабатывали деньги. Он свой труд положил на это. А теперь приходят люди и говорят, что хотят забрать компанию и все переиначить... строить дома и чем-то другим заниматься. Я этого не понимаю, совсем не понимаю, и продавать не собираюсь...

– Но, леди Макаллистер...

Она продолжала так, как будто не слышала его. Так и было на самом деле, ибо ее слуховой аппарат, как всегда, забарахлил, не приспособленный к тому, чтобы его постоянно дергали из стороны в сторону. Торп начинал понимать, почему остальные просители предпочли подыскать буферные компании в другом месте.

– Видите ли, мой дорогой муж, да хранит Господь его душу, не смог оставить мне большое состояние, мистер Мартин. Когда эти ужасные китайцы его убили, я гостила в Шотландии и так и не вернулась оттуда на Борнео. Мне посоветовали не делать этого. Но, как мне сказали, поместье принадлежало компании, а муж оставил мне большую часть акций. Это и было его наследство. Не могу же я продавать то, что получила в наследство от него...

Торп чуть не сказал, что компания ни черта не стоит, но вовремя сообразил, что этого делать не следует.

– Леди Макаллистер... – снова начал он.

– Говорите прямо в слуховой аппарат. Она глухая, как тетерка, – сказала приживалка леди Макаллистер.

Торп с благодарностью кивнул и впервые за это время рассмотрел ее поближе. Лет под семьдесят, с измученным видом человека, когда-то независимого, но вынужденного, в результате несчастного стечения обстоятельств, поступиться гордыней и пойти в кабалу к другим людям, часто сварливым, нудным и утомительным, чьи деньги позволяют им иметь слуг.

Торп поднялся и подошел к дряхлой старухе, полулежавшей в кресле. Сказал, склонившись к слуховому аппарату.

– Леди Макаллистер, люди, которых я представляю, не хотят менять работу компании. Наоборот, они собираются вложить большие средства, чтобы сделать ее знаменитой и богатой. Мы хотим снова возродить дело Макаллистера, сделать так, как было при вашем муже...

Впервые с начала беседы, которая продолжалась уже час, в глазах старухи сверкнуло что-то похожее на блеск.

– Как было при моем муже? – повторила она.

– Да, леди Макаллистер, – проорал Торп. Он протянул руку в сторону плящущего со стены самодура. – Мы хотим воссоздать дело его жизни так, как бы он сам этого желал, и сделать владения Макаллистера настоящим памятником ему и его работе.

Но старуху снова понесло не туда.

– Они так и не поставили ему памятник, – дрожащим голосом залепетала она. – Чего я только не делала, знаете. Властям писала. Сказала, что готова сама заплатить за статую, а они говорят, будто у них места нет. Сами ставят столько памятников, а для моего Изна места не нашли.

– Они поставят ему памятник, как только его владения и компания снова встанут на ноги, – прокричал Торп в слуховой аппарат. – Им

придется это сделать. Богатая компания может настоять на этом. Можно будет основать стипендию или фонд имени сэра Иэна Макаллистера, так что люди будут его помнить...

Он уже пробовал закинуть эту удочку однажды, но она его наверняка не расслышала или просто не поняла, о чем он говорит. На этот раз она услышала.

— На это пойдет много денег, — жалобно затынула старуха. — А я женщина небогатая...

На самом деле она была невероятно богата, но, видимо, не догадывалась об этом.

— Вам не придется платить, леди Макаллистер, — сказал он. — Все оплатит компания. Но для этого компании надо встать на ноги. Значит, будут нужны деньги. Деньги вложат в компанию мои друзья...

— Ничего не знаю, ничего не знаю, — проныла старуха и начала шмыгать носом. Полезла за батистовым носовым платком в рукав платья. — Я в этих делах ничего не понимаю. Вот если бы мой дорогой Иэн был здесь. Или мистер Далглиш. Я всегда спрашиваю у него совета как лучше поступить. Он все бумаги для меня подписывает. Миссис Бартон, я хочу в свою комнату.

— Хорошенького понемножку, — отрезала прислуга-надомница. — Пойдемте, пора отдохнуть. И принять лекарство. — Она помогла старухе подняться и вывела из комнаты в коридор.

Сквозь открытую дверь Торп слышал, как она деловым тоном велела хозяйке ложиться в кровать, и как старуха жалобно возражала против горького лекарства.

Вскоре миссис Бартон вернулась в гостиную.

— Она в постели, пусть немного отдохнет.

Торп изобразил на лице самую печальную улыбку.

— Похоже, что я потерпел неудачу, — грустно произнес он. — А ведь все те акции, которыми она владеет, ровно ничего не стоят, если компанию не обновить, сменив руководство и вложив хорошие деньги, весьма приличную сумму, которую мои партнеры готовы были предоставить.

Он встал и направился к двери.

— Простите, что доставил вам неудобства, — сказал он.

— Мне к неудобствам не привыкать, — отозвалась миссис Бартон, но лицо ее смягчилось. Давненько перед ней никто не извинялся за причиненное беспокойство. — Не хотите выпить чашку чая? Я обычно пью чай в это время.

Шестое чувство подсказало Торпу, что надо соглашаться.

Когда они усадились за чаем в кухне, которая была вотчиной экономки, Мартин Торп почувствовал себя почти как дома. На кухне у его матери, в Баттерси, было все очень похоже. Миссис Бартон рассказала ему о леди Макаллистер, об ее хныканье, капризах, упрямстве и постоянном напряжении, связанном с такой удобной для старухи глухотой.

— Она не способна понять ваши доводы, мистер Торп, даже когда вы предложили соорудить памятник этому старому злодею, чей портрет висит в гостиной...

Торп удивился. Очевидно, у едкой миссис Бартон ушки на макушке, и голова неплохо варит.

— Она вас слушается, — сказал он.

— Хотите еще чашку? — спросила она.

Подливая чай, тихо сказала:

— О, да, она меня слушается. Потому что зависит от меня и знает это. Если я уйду, ей больше никого не найти. Сейчас не те времена. Людей теперь раздражает старость.

— Нелегко вам приходится, миссис Бартон?

— Нелегко, — коротко ответила она. — Но у меня есть крыша над головой, еда и кое-какая одежда. Скриплю понемногу. Приходится платить свою цену за все.

— Вы вдова? — мягко спросил Торп.

— Да.

Рядом с часами, на полке, стояла фотография молодого человека в форме пилота Королевских воздушных сил. На нем была кожаная куртка и шарф в горошек. Он широко улыбался.

Если смотреть со стороны, он чем-то напоминал Мартина Торпа.

— Ваш сын? — спросил он, кивнув.

Миссис Бартон кивнула и посмотрела на фотографию.

— Да. Его сбили над Францией в сорок третьем.

— Простите.

— Это было давно. Ко всему привыкаешь.

— Выходит, он не сможет за вами присмотреть, когда она умрет?

— Нет.

— А кто сможет?

— Как-нибудь обойдусь. Она наверняка мне что-нибудь отпишет в завещании. Я за ней уже шестнадцать лет хожу.

— Да, конечно, она вас не забудет. Позаботится наверняка.

Он провел еще час на кухне и вышел оттуда счастливым человеком.

Магазины и конторы уже закрывались, но он из ближайшего телефона-автомата позвонил в правление «Мэн-Кона», и через десять минут Эндин исполнил просьбу своего коллеги.

Брокер, занимающийся страховкой в Вест Энде, согласился задержаться на работе в этот вечер и пригласил мистера Торпа прийти к десяти утра на следующий день.

Тем же вечером, в четверг, Йоханн Шлинкер прилетел в Лондон из Гамбурга. Он договорился о вечерней встрече со своим знакомым в то же утро, накануне позвонив ему из Гамбурга домой, до работы.

В девять вечера они встретились с иракским дипломатом за ужином. Ужин был дорогим, особенно если принять во внимание конверт с суммой, эквивалентной 1000 фунтов в немецких марках, который вручил дипломату оружейный делец. В ответ он принял из рук араба конверт, содержимое которого проверил незамедлительно. Это было письмо на гербовом бланке посольства.

В письме сообщалось, что нижеподписавшийся, будучи сотрудником посольства Республики Ирак в Лондоне, поручает, по просьбе и от лица Министерства внутренних дел и полиции своей страны, герру Йоханну Шлинкеру договориться о покупке 400 000 штук патронов калибра 9 мм и доставке их морем в Ирак для пополнения арсенала полиции страны. Письмо было подписано дипломатом, и подпись скреплена печатью Республики Ирак, которая обычно хранится у посла.

Далее в письме оговаривалось, что покупка целиком и полностью предназначена для Республики Ирак и ни при каких обстоятельствах не может быть передана, полностью или частично, какой-либо другой стороне. Это был сертификат получателя.

Когда они расстались, немцу было уже поздно возвращаться домой, поэтому он переночевал в Лондоне и улетел на следующее утро.

В одиннадцать утра в пятницу Кот Шеннон позвонил Марку Вламинку на его квартиру над баром в Остенде.

– Ты нашел человека, которого я просил разыскать? – спросил он, представившись.

Он уже предупреждал бельгийца, что надо осторожно говорить по телефону.

– Да, нашел, – отозвался Крошка Марк.

Он присел на постели, пока Анна тихо посапывала рядом. Бар обычно закрывался около четырех утра, и поэтому они не вставали до полудня.

– Он готов к переговорам о покупке? – спросил Шеннон.

– Думаю, да, – сказал Вламинк. – Я пока не поднимал вопрос об этом впрямую, но один из местных друзей говорит, что он пойдет на деловые переговоры после положенного представления через общих знакомых.

– У него еще есть товар, о котором я говорил тебе в последний раз?

– Да, – ответил бельгиец. – Товар у него.

– Прекрасно, – сказал Шеннон. – Сначала встретиться с ним сам и расскажи, что к тебе подкатывался клиент, который хочет с ним переговорить о деле. Попроси, чтобы в конце следующей недели он был готов к встрече. Скажи, что клиент надежный. Англичанин по фамилии Браун. Ты знаешь, что сказать. Постарайся заинтересовать его в сделке. Скажи, что клиент хочет осмотреть экземпляр товара во время встречи, и, если он соответствует требованиям, обсудит условия и доставку. Я позвоню тебе ближе к следующим выходным и сообщу, где я, и когда смогу приехать, чтобы повидаться с тобой и с ним. Понял?

– Конечно, – сказал Марк. – Я все улажу в ближайшие пару дней и договорюсь о встрече. Дата уточнится позднее, но наверняка в конце той недели.

Они обменялись обычными пожеланиями и положили трубки.

В половине третьего принесли телеграмму из Марселя. Там был адрес и фамилия француза. Лангаротти обещал позвонить ему заранее и лично рекомендовать Шеннона. Телеграмма заканчивалась тем, что поиски агента по экспорту ведутся, и в течение пяти дней он сообщит его имя и адрес.

Шеннон снял трубку и набрал номер компании «Юта Эйрлайнс» на Пикадилли, чтобы заказать себе место на вечерний рейс в воскресенье из парижского аэропорта «Ле Бурже» в Африку. В компании БЕА он заказал билет до Парижа на первый рейс в субботу, на следующий день. После обеда он уже расплатился за оба заказа наличными.

Он вложил 2000 фунтов из тех денег, что привез из Германии, в конверт и засунул под подкладку своего дорожного сакvoja, ибо дежурящие в аэропорту представители Казначейства весьма неодобрительно относятся к британским гражданам, стремящимся выехать из страны, имея на руках более положенных 25 фунтов наличными и 300 фунтов в аккредитивах.

Сразу после ланча сэр Джеймс Мэнсон вызвал Саймона Эндина к себе в кабинет. Он закончил чтение отчета Шеннона и был приятно удивлен, как стремительно воплощался в жизнь план, предложенный

наемником двенадцать дней назад. Проверил счета и одобрил произведенные расходы. Еще больше ему пришлось по душе долгий телефонный разговор с Мартином Торпом, который провел полночи и все утро в компании брокера, занимающегося страховкой.

– Ты говоришь, что Шеннон пробудет за границей большую часть следующей недели? – обратился он к Эндину, когда помощник вошел в его кабинет.

– Да, сэр Джеймс.

– Хорошо. Есть одно дело, которое надо рано или поздно проверить, так пусть это будет сейчас. Возьми один из наших стандартных бланков контракта о найме на работу. Типа того, что мы используем при привлечении африканских представителей. Заклей название «Мэн-Кон» узкой полоской бумаги и впиши вместо этого «Бормак». Заполни контракт на год работы в качестве представителя по Западной Африке Антуана Боби с оплатой по 500 фунтов в месяц. Когда будет готово, покажи мне.

– Боби? – спросил Эндин. – Вы имеете в виду полковника Боби?

– Именно его. Я не хочу, чтобы будущий президент Зангаро куда-нибудь сбежал. На следующей неделе, прямо в понедельник, ты отправишься в Котону, чтобы встретиться с полковником и убедить его, что «Бормак Трейдинг Компани», представителем которой ты являешься, была настолько поражена его умственными и деловыми способностями, что мечтает пригласить на работу в качестве своего консультанта по Западной Африке. Не волнуйся, он никогда не удосужится выяснить, что такое «Бормак» и являешься ли ты ее представителем на самом деле. Если я правильно понимаю этих ребят, кроме хорошей зарплаты их ничего не интересует. Если у бедолаги в кармане пусто, то для него это просто манна небесная. Скажи ему, что его обязанности будут разъяснены позднее, а на данный момент единственным условием контракта является то, чтобы он никуда не отлучался из своего дома в Дагомее в течение ближайших трех месяцев, пока ты снова к нему не наведаешься. Заверь его, что он получит премиальные дополнительно к зарплате, если никуда не сдвинется с места. Скажи, что деньги будут ему переводиться в дагомейских франках. Никакой твердой валюты, ни в коем случае. Он может дать деру. И последнее. Когда контракт будет готов,ними с него фотокопии, чтобы скрыть следы подделки названия компании, и возьми с собой только эти экземпляры. В том, что касается даты, побеспокойся, чтобы последняя цифра года была смазана. Можешь сам это сделать.

Эндин усвоил инструкции и отправился оформлять фальшивый контракт о найме на работу полковника Антуана Боби.

В конце того же дня, в пятницу, приблизительно в начале пятого, Торп вышел из мрачной квартиры в районе Кенсингтона с четырьмя купчими, должным образом подписанными леди Макаллистер и засвидетельствованные миссис Бартон. У него была также доверенность, подписанная старухой, по которой мистеру Далглишу, ее поверенному в Данди, вменялось в обязанность передать мистеру Торпу пакет акций при условии представления доверенности, документа, удостоверяющего личность, и соответствующего чека.

Имена покупателей акций отсутствовали на купчих, но леди Макаллистер этого даже не заметила. Она была слишком расстроена тем, что миссис Бартон собирает чемоданы и уходит из дома. Скоро пустые места на бумагах будут заполнены названием компании Цвинглибанка, действующей от лица господ Адамса, Болла, Картера и Дэвиса. После визита в Цюрих, в следующий понедельник, документы будут скреплены банковской печатью и подписью доктора Штайнхофера. По завершении этого, четыре заверенных чека, удостоверяющие покупку четырьмя указанными лицами по семь с половиной процентов акций компании «Бормак», вернутся из Швейцарии в Лондон.

Сэру Джеймсу Мэнсону 300 000 акций, официально котирующиеся на Фондовой Бирже по шиллингу и одному пенсу каждая, обошлись по два шиллинга за штуку или за 30 000 фунтов. Еще 30 000 фунтов ему пришлось выложить, сняв предварительно с трех разных банковских счетов деньги наличными, на оформление пожизненной ренты, обеспечивающей безбедное существование до конца дней пожилой экономке-надомнице.

«Что бы ни было, обошлось совсем недорого, – размышлял Торп. – И самое главное, абсолютно чисто». Имя Торпа не упоминалось ни на одном документе, рента выплачивалась через адвоката, а адвокаты получают деньги за то, чтобы держать язык за зубами. Торп был уверен, что и миссис Бартон достаточно благоразумна, чтобы последовать их примеру. А в довершение всего, все операции были совершены и оформлены, как это ни странно, абсолютно легально, честь по чести.

Глава 13

Бенуа Ламбер, известный друзьям и полиции как Бенни, был мелкой сошкой среди преступного мира и гордо выдавал себя за наемника. На самом деле, единственный раз он появился в рядах наемников, когда, спасаясь от преследования полиции парижского округа, сел в самолет, улетающий в Конго, и завербовался в Шестой полк командос под командованием Денара.

По непонятным причинам командир наемников проникся добрым чувством к робкому коротышке и предложил ему место в штабе, что надежно хранило его от участия в боевых действиях. На работе он пришелся к месту, потому что мог беспрепятственно проявлять единственный талант, которым наградила его природа – достать абсолютно все. Для него не составляло труда раздобыть яйца там, где курами и не пахло, или виски там, где перегонных заводов не было в помине. В штабе любой военной части такой человек всегда нужен, и в большинстве штабов эти люди есть. Он провел в Шестом полку почти год, до мая 1967, когда учуял грозящие неприятности в связи с готовящимся выступлением Десятого полка под командованием Шрамма против конголезского правительства. Он предчувствовал, и, как показали дальнейшие события, правильно, что Денар со своим полком будет втянут в заваруху и всем, включая штабных, предоставится возможность понюхать пороху. Для Бенни Ламбера это был сигнал к резкому отходу в противоположном направлении. Как ни странно, его не стали задерживать.

Вернувшись во Францию, он начал повсюду представляться наемником, а позже решил вдобавок назваться торговцем оружием. Первое не соответствовало истине, а в том, что касается второго, его многочисленные связи давали возможность время от времени доставать кое-что, обычно пистолеты для мафии, а порой даже вещицы посолидней. Ему удалось познакомиться с одним африканским дипломатом, который за вознаграждение был готов предоставить годный к употреблению сертификат получателя в виде письма на посольском бланке, скрепленном соответствующей печатью. Полтора года тому назад он упомянул об этом в разговоре с корсиканцем по фамилии Лангаротти.

Тем не менее, он удивился, когда вечером в пятницу откуда-то

издалека вдруг позвонил корсиканец, сказав, что на следующий день или в воскресенье его навестит Кот Шеннон. Он слышал о Шенноне, но прежде всего знал то, как яростно ненавидит ирландского наемника Шарль Ру. В кругах наемников в Париже давно ходили слухи, что Ру готов выложить хорошие деньги каждому, кто наведет его на Шеннона, когда тот объявится. Поразмыслив, Ламбер согласился остаться дома и ждать визита Шеннона.

– Да, я думаю, что смогу достать этот сертификат, – сказал он, когда Шеннон закончил объяснять, что ему нужно. – Мой человек еще в Париже. Мне с ним, понимаешь, частенько приходится иметь дело.

Это была ложь, потому что дела у него были весьма редки, но он был уверен, что сможет повернуть эту аферу.

– Сколько? – коротко спросил Шеннон.

– Пятнадцать тысяч франков, – сказал Бенни Ламбер.

В ответ Шеннон отпустил короткую хлесткую фразу по-французски, одну из тех, которым научился в Конго, хотя даже в самом большом французском словаре «Ларусс» ее не сыщешь.

– Я заплачу тебе тысячу фунтов, и этого больше чем достаточно.

Ламбер начал считать. Выходило больше одиннадцати тысяч франков по текущему курсу.

– О'кей, – согласился он.

– Одно слово сболтнешь, и я тебе глотку перережу как цыпленку, – сказал Шеннон. – Или лучше, попрошу этим заняться корсиканца, а он из тебя все кишки выпустит.

– Могила, чтоб мне не жить, – запротестовал Бенни. – Гони тысячу фунтов и через четыре дня получишь свою ксиву, и все втихаря.

Шеннон выложил пятьсот фунтов.

– Возьмешь стерлингами, – сказал он. – Половину сейчас, половину – когда получишь письмо.

Ламбер собрался запротестовать, но понял, что ничего не получится. Ирландец ему не доверял.

– Я зайду к тебе в среду, – сказал Шеннон. – Принеси письмо и получишь оставшиеся пять сотен.

После его ухода Бенни Ламбер задумался. Что же теперь делать? В конце концов, он решил сначала достать письмо, получить деньги и только после этого связаться с Ру.

Следующим вечером Шеннон улетел в Африку и приземлился на рассвете.

Дорога вглубь страны была долгой. В грохочущем как телега такси было нестерпимо жарко. Сухой сезон был еще в разгаре, и небеса над

плантациями масличных пальм сверкали слепящей голубизной, без единого облачка. Шеннон не возражал. Приятно снова побывать в Африке, хотя бы всего полтора денька, даже после утомительного шестичасового бессонного перелета.

Здесь ему все было знакомо больше, чем в городах Западной Европы. Знакомые звуки и запахи, крестьяне, вереницей бредущие вдоль дороги на базар, группы женщин, облаченных в одежды вроде индийских сари с кувшинами и тюками на головах, удивительно неподвижными – будто приклеенными.

В каждой деревне, которую они проезжали, шумел обычный утренний базар. Под навесами из пальмовых листьев, у хлипких лотков, крестьяне переговаривались, торговались, продавали и покупали. Женщины сустились вокруг прилавков, а мужчины чинно сидели в тени и говорили о важных проблемах, понятных только им самим. Голые темнокожие ребятишки копошились в тени, снуя под ногами своих родителей и ползая под прилавками.

Шеннон раскрыл окна с двух сторон. Откинувшись на сиденье, он вдыхал влажные запахи пальм, дыма костров и болотной гнили от зацветших бурых речек. Он еще из аэропорта позвонил по телефону, который дал ему журналист, и знал, что его ждут.

Около полудня подъехал к вилле, спрятавшейся в тени небольшого частного парка в стороне от дороги.

Охранники встретили его у ворот и обыскали от колен до подмышек, прежде чем разрешили расплатиться с такси и войти внутрь. Во дворе он узнал в лицо одного из личных помощников человека, к которому приехал. Слуга широко улыбнулся ему и склонил голову. Он подвел Шеннона к одному из трех домов, стоящих в тени парка, и впустил в пустую гостиную. Ему пришлось ждать в одиночестве полчаса.

Шеннон смотрел в окно, чувствуя, как прохладный ветерок из кондиционера сушит его взмокшую одежду. В этот момент скрипнула дверь, и за его спиной послышалось шарканье сандалий по кафельному полу. Он обернулся.

Генерал был таким же, как тогда ночью, на лесном аэродроме. Та же роскошная борода, тот же густой низкий голос.

– Ну, майор Шеннон, недолго же вы отсутствовали. Не терпится вернуться?

По своему обычаю он слегка подтрунивал. Шеннон улыбнулся, и они пожали друг другу руки.

– Я приехал сюда, потому что кое в чем нуждаюсь, сэр. Мне

кажется, есть вещи, которые нам с вами неплохо было бы обсудить. У меня возникла смутная идея.

– Бедный изгнанник не может вам многого предложить, – сказал генерал, – но я всегда готов выслушать ваши идеи. Если мне не изменяет память, в свое время они были у вас весьма удачными.

Шеннон сказал:

– У вас есть одна вещь, даже сейчас, в изгнании, которой я мог бы воспользоваться. Это преданность ваших людей. А мне нужны люди.

Они говорили до ланча и после него. За окном уже стемнело, а они продолжали обсуждать что-то, склонившись над столом, где были разложены нарисованные Шенноном схемы. Он ничего не взял с собой, кроме чистых листков бумаги и набора цветных фломастеров. На случай пристрастного досмотра на таможне.

Они пришли к соглашению по основным пунктам к заходу солнца и в течение ночи вырабатывали план. Только в три часа утра была вызвана машина, чтобы отвезти Шеннона на побережье, в аэропорт, к отлету утреннего рейса в Париж.

Прощаясь на террасе, у которой уже стояла машина с сонным шофером, они вновь пожали друг другу руки.

– Я буду на связи, сэр, – сказал Шеннон.

– А мне нужно будет немедленно выслать своих эмиссаров, – отозвался генерал. – Через два месяца люди там будут.

Шеннон смертельно устал. Начинало сказываться напряжение долгой дороги, бессонные ночи, бесконечная вереница аэропортов и гостиниц, переговоров и встреч. Это выжало из него все соки. В машине, направляющейся к югу, он впервые заснул за последние два дня. И подремал в самолете до самого Парижа. Полет слишком часто прерывался, чтобы можно было по-человечески выспаться. Сначала час просидели в Уагадугу, потом где-то на Богом забытом аэродроме в Мавритании и, наконец, в Марселе. В «Ле Бурже» он прилетел только около шести часов вечера. Шел к концу День Пятнадцатый.

В тот момент, когда его самолет приземлился в Париже, Мартин Торп садился в ночной поезд, следующий по маршруту: Лондон-Глазго-Стирлинг и Перт. Оттуда ему предстояло пересест на местный поезд до Данди, где находилась контора старой адвокатской фирмы «Далглиш и Далглиш». В портфеле у него лежал документ, подписанный в конце недели леди Макаллистер и засвидетельствованный миссис Бартон, а также чеки, выписанные цюрихским Цвинглибанком, в количестве четырех штук, каждый на сумму 7500 фунтов стерлингов, достаточную для того, чтобы купить

75 000 штук из числа акций компании «Бормак», принадлежащих леди Макаллистер.

«Двадцать четыре часа», – подумал он, задерживая занавески купе первого класса в спальном вагоне, за окном которого все быстрее пробегала платформа вокзала «Кингс Кросс». Через двадцать четыре часа дело будет сделано, и он вернется домой, а еще через три недели в Совете директоров компании «Бормак» появится новый человек, послушно исполняющий приказы, исходящие от него или от сэра Джеймса Мэнсона. Улегшись на полку, он подложил под подушку портфель и с удовольствием ощущал затылком его твердость, глядя в потолок купе.

Позже, тем же вечером, во вторник, Шеннон поселился в отеле неподалеку от Мадлен, в центре Восьмого Аррондисмана Парижа. Ему пришлось оставить свое обычное прибежище на Монмартре, где его знали как Карло Шеннона, ибо теперь он выступал под именем Кейт Браун. Но отель «Плаза-Сюрен» был вполне достойной заменой. Он принял ванну, побрился и собирался отправиться ужинать. Заказал по телефону столик в своем любимом в этом районе ресторане «Мазагран», и мадам Мишель обещала приготовить филе «Миньон» как он любит – с листочками зеленого салата на гарнир и бутылкой «По де Ширубль».

Два междугородных переговора, которые он заказал, последовали один за другим. Сначала на линии возник некий мсье Лаваллон из Марселя, известный ему как Жан-Батист Лангаротти.

– Ты узнал адрес агента по экспорту? – спросил Шеннон, когда они обменялись приветствиями.

– Да, – сказал корсиканец. – Это в Тулоне. Очень хорошая фирма, уважаемая и надежная. У них собственный таможенный склад в порту.

– Передавай по буквам, – сказал Шеннон. Бумага и карандаш были уже наготове.

– Морское агентство Дюфо, – медленно произнес Лангаротти и продиктовал адрес. – Пересылайте грузы в агентство с обязательной отметкой «Собственность мсье Лангаротти».

Не успел Шеннон повесить трубку, как телефон зазвонил снова. Дежурный отеля сообщал, что на связи некий мистер Дюпре из Лондона.

– Я только что получил твою телеграмму, – прокричал в трубку Жанни Дюпре.

Шеннон также по буквам продиктовал ему название и адрес фирмы из Тулона, и Дюпре записал.

— Прекрасно, — сказал он после этого. — Первый из четырех ящиков уже готов к отправке. Я велю лондонским агентам побыстрее отослать его по адресу. Да, кстати, я нашел башмаки.

— Хорошо, — сказал Шеннон. — Молодец.

Он заказал еще один разговор. На этот раз в баре города Остенде. Через пятнадцать минут в трубке послышался голос Марка.

— Я в Париже, — сказал Шеннон. — Тот человек, который должен был принести образец интересующего меня товара...

— Да, — сказал Марк. — Я с ним связывался. Он готов с тобой встретиться и обсудить цену и условия сделки.

— Хорошо. Я буду в Бельгии вечером в четверг или утром в пятницу. Передай ему, что мы можем встретиться в пятницу, после завтрака, в моем номере, в гостинице «Холлидей Инн», что рядом с аэропортом.

— Я ее знаю, — сказал Марк. — Хорошо. Переговорю с ним и позвоню тебе.

— Позвони мне завтра между десятью и одиннадцатью утра, — сказал Шеннон и повесил трубку.

Только после этого он наконец надел пиджак и отправился навстречу долгожданному ужину и полновесному ночному сну.

Пока Шеннон спал, Саймон Эндин, в свою очередь, летел в Африку ночным рейсом. Он прибыл в Париж первым самолетом в понедельник утром, не мешкая взял такси и отправился в посольство Дагомеи на авеню Виктор Гюго. Здесь он заполнил длинную анкету с просьбой предоставить ему шестидневную туристическую визу. Виза была готова только к закрытию консульства на следующий день, во вторник, и он сел на ночной самолет, летящий в Котону через Ниамею. Шеннона не очень бы удивило то, что Эндин отправился в Африку, так как он понимал, что опальный полковник Боби должен выполнить определенную роль в игре сэра Джеймса Мэнсона. Очевидно было и то, что бывший командующий зангарийской армией отсиживается где-нибудь на африканском побережье. Но если бы Эндин узнал, что Шеннон только что вернулся после секретной встречи с генералом в том же районе Африки, ему было бы в самолете не до сна, несмотря на принятую заблаговременно таблетку снотворного.

Марк Вламинк позвонил Шеннону в гостиницу в четверть одиннадцатого на следующий день.

— Он согласился на встречу и принесет образец, — сказал бельгиец. — Мне тоже прийти с ним?

– Конечно, – сказал Шеннон. – Когда приедете в отель, спросите у дежурного, в каком номере живет мистер Браун. Да, вот еще что. Ты купил фургон, который я просил тебя раздобыть?

– Да, а что?

– Тот джентльмен его видел?

Возникла пауза, пока Вламинк напрягал память.

– Нет.

– Не надо приезжать на нем в Брюссель. Найми машину и сам садись за руль. Прихватишь его по дороге. Понял?

– Да, – сказал Вламинк все еще в недоумении. – Сделаю все, как скажешь.

Шеннон, который еще не встал с постели, но чувствовал себя существенно лучше, заказал по телефону завтрак и провел обычные пять минут под душем. Четыре минуты под обжигающей горячей струей и минуту – под холодной, как лед. Когда он вышел из душа, кофе и рогалики были на столе. Он сделал еще два звонка Бенни Ламберу в Париж и мистеру Штайну в фирму «Ланг и Штайн» в Люксембурге.

– Ты достал письмо? – спросил он Ламбера.

В голосе жулика чувствовалось напряжение.

– Да. Вчера получил. Повезло, что мой кореш дежурил в понедельник вечером. Он уже вчера притащил бумагу. Когда хочешь забрать?

– Сегодня днем, – сказал Шеннон.

– Идет. А бабки у тебя с собой?

– Не дергайся. Все при мне.

– Тогда подваливай часа в три, – сказал Ламбер.

Шеннон на минуту задумался.

– Нет. Встретимся здесь, – сказал он и дал Ламберу адрес своего отеля.

Лучше было встретиться с коротышкой на людях. К его удивлению, Ламбер, как ему показалось, с облегчением в голосе согласился подойти к нему в гостиницу. Что-то здесь было не так, но Шеннон не мог понять, что именно. Ему было невдомек, что парижский жулик получил от него информацию, которую собирался позже продать Ру.

Мистер Штайн говорил по другому аппарату, когда Шеннон прозвонился. Вместо того, чтобы ждать, Шеннон решил перезвонить позднее. Что он и сделал через час.

– Я бы хотел договориться о собрании, посвященном открытию

моей холдинговой компании «Тайроун Холдингс», – начал он.

– Да, да, мистер Браун, – послышался в трубке голос Штайна. – Все готово. Когда вы предлагаете его провести?

– Завтра днем, – ответил Шеннон.

Договорились, что собрание состоится в кабинете Штайна в три часа. Шеннон попросил дежурного заказать ему билет на экспресс Париж-Люксембург, отправляющийся рано утром на следующий день.

– Должен сказать, что нахожу это довольно странным, весьма странным, откровенно говоря.

Мистер Данкен Далглиш-старший по внешнему виду и манерам полностью соответствовал своему кабинету, а кабинет скорее походил на декорацию в сцене чтения завещания сэра Вальтера Скотта.

Он внимательно, не торопясь, изучил четыре акта о передаче акций, подписанных леди Макаллистер и засвидетельствованных миссис Бартон. Несколько раз печально изрек «Ай-я-яй», покачивая головой, и неодобрительно уставился на молодого человека из Лондона. Как видно, он не привык иметь дело с чеками цюрихского банка и поэтому, вчитываясь в содержание, брезгливо держал их между большим и указательным пальцами, оттопырив в сторону остальные. Он снова поднес к глазам акты и, наконец, заговорил.

– Видите ли, к леди Макаллистер уже обращались ранее по поводу продажи этих акций. В прошлом она всегда считала необходимым проконсультироваться с фирмой Далглиш, а я всегда считал необходимым отсоветовать ей продавать акции, – продолжал он.

Торп про себя подумал, сколько же других клиентов мистера Данкена Далглиша до сих пор держатся за совершенно бросовые пакеты акций по его совету, но сохранил на лице участливо вежливую мину.

– Мистер Далглиш, вы должны признать, что джентльмены, которых я представляю, заплатили леди Макаллистер почти в два раза больше номинальной цены акций. Она, в свою очередь, добровольно подписала акты и уполномочила меня забрать акции по представлении чека или нескольких чеков на общую сумму в 30 000 фунтов стерлингов. Именно их вы и держите в руках.

Старик снова вздохнул.

– Это так странно, что она не проконсультировалась сначала со мной, – печально произнес он. – Я всегда даю ей советы по финансовым вопросам. У меня даже есть право подписывать за нее финансовые документы.

– Но это не значит, что ее собственная подпись недействительна, –

настаивал Торп.

– Да, да, конечно, моя доверенность никак не обесценивает ее право подписывать документы от своего имени.

– В таком случае, я был бы вам признателен, если вы вручите мне акции, чтобы я мог вернуться в Лондон, – сказал Торп.

Старик медленно встал.

– Извините меня, мистер Торп, – с достоинством произнес он и прошел в соседний кабинет.

Торп знал, что он отправился звонить в Лондон, и молил Бога, чтобы слуховой аппарат леди Макаллистер вынудил миссис Бартон выступить в роли посредника между ними. Старый поверенный вернулся только через полчаса.

В руке он держал пачку старых выцветших акций.

– Леди Макаллистер подтвердила ваши слова, мистер Торп. Только не подумайте, что я вам не доверяю, Бога ради. Я просто посчитал своим долгом переговорить со своей клиенткой, прежде чем завершить столь значительную акцию.

– Конечно, – сказал Торп, поднялся и протянул руку.

Далглиш расстался с акциями так, будто они были его собственными.

Час спустя Торп ехал в поезде по весенним лугам графства Ангус в сторону Лондона.

За шесть тысяч миль от поросших вереском холмов Шотландии Саймон Эндин сидел рядом с грузной тушей полковника Боби в небольшой, снятой в аренду вилле, на окраине Котону. Он прилетел утром и остановился в отеле «дю Пор», где управляющий израильтянин помог ему обнаружить дом, в котором проживал находящийся в изгнании офицер зангарийской армии.

Боби представлял собой неуклюжего громилу, звероподобной внешности, с огромными кулачищами, подчеркнуто грубого в обращении. Это сочетание пришлось Эндину по душе. Ему было наплевать, к каким трагическим последствиям может привести Зангаро правление Боби после не менее ужасного Жана Кимбы. Он обнаружил перед собой человека, который будет готов подписать разрешение на право разработки в районе Хрустальной горы для «Бормак Трейдинг Компани» за символическую официальную плату и щедрую взятку на его личный счет. Он нашел то, что искал.

В обмен на месячное жалованье в 500 фунтов полковник с радостью согласился занять пост консультанта по Западной Африке в компании «Бормак». Он подчеркнуто углубился в изучение контракта,

который привез Эндин, но англичанин с удовлетворением отметил, что перейдя ко второй странице, которую Эндин предварительно специально перевернул вверх тормашками, Боби даже глазом не моргнул. Он был неграмотным или с большим трудом различал буквы.

Эндин медленно перечислил условия контракта на той смеси языков, которой они пользовались: что-то среднее между французским и афро-английским диалектом. Боби угрюмо кивал, впившись маленькими глазками, белки которых были покрыты сеткой красных прожилок, в текст контракта. Эндин подчеркнул, что Боби должен оставаться на своей вилле или поблизости от нее в ближайшие два-три месяца, пока Эндин снова не навестит его в этот период.

Англичанин обнаружил, что на руках у Боби был еще действительный зангарийский дипломатический паспорт, оставшийся у него со времен официального визита за границу, который он совершил однажды в компании министра обороны, двоюродного брата Кимбы.

Незадолго до захода солнца он накарябал в конце документа закорючку, которая должна была сойти за подпись. Подпись эта на самом деле ничего не значила. Только позже Боби скажут, что «Бормак» вернет его к власти за концессию на разработку полезных ископаемых. Эндин прикинул, что если цена будет подходящей, Боби не станет кочевряжиться.

Следующим утром, на рассвете, Эндин уже сидел в самолете, направляющемся в сторону Парижа и Лондона.

Встреча с Бенни Ламбером произошла, как и договаривались, в гостинице. Она была краткой и сугубо деловой. Ламбер передал пакет, который Шеннон тут же раскрыл. Он извлек оттуда два листка бумаги с одинаковыми фирменными знаками Резиденции Посла Республики Того в Париже, напечатанными в верхней части. На одном бланке больше ничего не было, если не считать подписи внизу, скрепленной посольской печатью. На другом бланке был напечатан текст письма, автор которого утверждал, что он

уполномочен своим правительством воспользоваться услугами господина чтобы обратиться к правительству на предмет покупки военного оружия согласно списку, приложенному на отдельном бланке.

Письмо заканчивалось обычными заверениями, что оружие предназначено исключительно для использования вооруженными силами Республики Того, и не будет передано или продано третьей

стороне. В конце тоже стояла подпись и государственная печать республики.

Шеннон кивнул. Он был уверен, что Алан Бейкер сможет вписать в качестве агента-посредника свое имя, а в качестве государства-продавца – Федеративную Республику Югославия таким образом, что никто не заметит и следа этой процедуры. Он вручил Ламберту 500 фунтов, которые оставался ему должен, и покинул кафе.

Как большинство слабых людей, Ламбер был нерешителен. Вот уже три дня его подмывало позвонить Шарлю Ру и сообщить, что Шеннон в городе и занимается поисками сертификата получателя.

Он знал, что французский наемник был более чем заинтересован в получении такой информации, но не мог догадаться почему. Он решил, что это происходит потому, что Ру считает Париж и всех местных наемников заодно своей вотчиной. Он не станет мириться с тем, что иностранец появится здесь и начнет доставать оружие или людей, не включив Ру на равных, как партнера, или, еще того лучше, как «патрона», хозяина проекта. До Ру никогда не дойдет, что никто не станет тратить деньги на него как организатора операции, потому что он уже слишком много таких проектов провалил, слишком много нахапал взяток и слишком многим не доплатил обещанных денег.

Но Ламбер побаивался Ру и понимал, что все же должен ему рассказать. Он уже почти решился на это в тот самый день и наверняка рассказал бы, не будь у Шеннона с собой оставшихся пяти сотен фунтов. А предупредить Ру при таких обстоятельствах означало для жалкого мошенника лишиться своих 500 фунтов, потому что было ясно как день: Ру не станет выкладывать такие деньги только за наводку. Ламбер, конечно, не мог знать, что Ру нанял наемного убийцу для ирландца.

Поэтому, оставаясь в неведении, он разработал другую идею.

Не отгилаясь большим умом, Бенни Ламбер решил, что наткнулся на идеальное решение задачи. Он заберет всю тысячу фунтов, которую Шеннон ему обещал, и скажет Ру, что ирландец подкатывался к нему с просьбой устроить сертификат получателя, а он категорически отказался. Оставалась только одна загвоздка. Он был достаточно наслышан о Шенноне, чтобы и его опасаться, и поэтому боялся, что если Ру встретится с ирландцем сразу же после его встречи с Ламбером в отеле, Шеннон сообразит, кто на него навел. Он решил дожидаться следующего утра.

Когда, наконец, он дал Ру наводку, было уже поздно.

Ру сразу же позвонил в отель, представился под вымышленной

фамилией и спросил, не остановился ли у них некий мистер Шеннон. Главный администратор абсолютно честно ответил, что никого с такой фамилией среди постояльцев нет.

После дополнительного допроса вконец перепуганный Ламбер утверждал, что он на самом деле не ходил в гостиницу, а только говорил с Шенноном по телефону. Тогда тот и сказал ему, где остановился.

В десятом часу утра человек от Ру, Анри Алэн, был у стойки регистратора в гостинице «Плаза-Сюрен» и выяснил, что единственный англичанин или ирландец, который ночевал в отеле предыдущей ночью, целиком подходил под описание Кота Шеннона, но что у него был паспорт на имя Кейта Брауна, и он заказал через гостиницу билет на утренний экспресс Париж-Люксембург.

Анри Алэн узнал еще кое о чем. А именно о встрече, которая была у мистера Брауна в кафе гостиницы предыдущим днем, и о том, как выглядел француз, с которым он разговаривал. Обо всем этом он доложил Ру в конце дня.

В квартире французского наемника Ру, Анри Алэн и Раймон Томар держали военный совет. Ру принял окончательное решение.

– Анри, мы его на этот раз упустили, но есть надежда, что он пока ни о чем не догадывается. Поэтому он может появиться в том же отеле, когда ему придется в очередной раз переночевать в Париже. Я хочу, чтобы ты познакомился или даже подружился с кем-нибудь из сотрудников этого отеля. В следующий раз я должен знать, когда он там появится, и немедленно. Ясно?

Алэн кивнул.

– Конечно, патрон. Я там все подготовлю, и если он даже просто позвонит, чтобы заказать место, мы будем об этом знать.

Ру повернулся к Томару.

– Когда он снова появится, Раймон, ты должен кончить этого ублюдка. А пока, между делом, одно небольшое задание. Этот говнюк Ламбер решил нам мозги запудрить. Ему ничего не стоило предупредить меня прошлым вечером, и делу конец. Значит, он, видимо, получил денежки с Шеннона и хотел еще немного нажать на мне за несвежую информацию. Сделай так, чтобы Бенни Ламберу в ближайшие полгода было трудно передвигаться.

Регистрация компании, которая должна была называться «Тайроун Холдингс», прошла куда быстрее, чем Шеннон мог ожидать. Все произошло так стремительно, что кончилось, почти не успев начаться. Его пригласили в личный кабинет мистера Штайна, где уже сидели

мистер Ланг и их младший компаньон. У стены расположились три секретаря, как выяснилось, – личные секретари присутствующих в кабинете бухгалтеров. В присутствии необходимых семи держателей акций мистер Штайн зарегистрировал новую компанию за пять минут. Шеннон вручил остаток в пятьсот фунтов, и были выписаны тысяча акций.

Каждый из присутствующих получил по одной акции, в чем и расписался, после чего мистер Штайн собрал акции у себя для хранения в сейфе компании. Шеннону достались 994 акции в пачке, и он тоже расписался в получении, но свои акции положил в карман. Уставные документы ассоциации были подписаны председателем и секретарем Совета директоров. Копии этих документов должны будут поступить в Регистр Компаний Эрц-герцогства Люксембург. После чего трех секретарей отослали заниматься своими делами, а Совет директоров в количестве трех человек остался заседать, чтобы одобрить цели и задачи компании. Соответствующий протокол заседания был зачитан секретарем и подписан председателем. Рождение компании «Тайроун Холдингс» официально состоялось.

Двое директоров пожали Шеннону руку, называя его мистер Браун, и вышли. Мистер Штайн проводил его до двери.

– Когда вы или ваши компаньоны захотят купить компанию, чья сфера деятельности подпадает под устав «Тайроун Холдингс», – сказал он Шеннону, – вам придется приехать сюда, предъявить нам чек на надлежащую сумму и выкупить новые акции по одному фунту за штуку. Все формальности можете оставить на наше попечение.

Шеннон понял. Любые расспросы не пойдут дальше мистера Штайна как председателя компании.

Два часа спустя он сел на самолет, вылетающий в Брюссель, и около восьми вечера поселился в «Холидей Инн».

Человек, пришедший следующим утром к нему в номер с Крошкой Марком Вламинком, представился как месье Буше. Пара, стоящая на пороге номера Шеннона, когда он открыл дверь, выглядела комично. Огромная мускулистая фигура Марка возвышалась над партнером. А тот был толст, причем толст чрезвычайно. Он был похож на водевильных толстяков, которые смешат публику на ярмарочных представлениях. Или похож на неваляшку – детскую пластмассовую игрушку, которая никогда не падает, потому что круглая со всех сторон. Только взглядевшись пристально, можно было обнаружить внизу, под колыхающейся глыбой живота, две маленькие ножки в начищенных до блеска ботинках, и становилось ясно, что

шарообразная туша снизу разделялась на две части, переходящие в ноги. Издали они казались слипшимися вместе.

Голова месье Буше представлялась единственным объектом, выделяющимся на фоне ровной шарообразной поверхности. Она была маленькой у макушки и расширялась книзу, скрывая собой воротничок рубашки. Мясистые складки щек мирно покоились на плечах. Спустя несколько секунд Шеннон усмотрел у него еще пару рук, по одной с каждой стороны. И в одной из них был зажат продолговатый атташе-кейс толщиной в пять дюймов.

– Заходите, пожалуйста, – сказал Шеннон и отступил в комнату.

Буше вошел первым, слегка поворачиваясь из стороны в сторону, чтобы пролезть в дверь. Словно большой куль серого шерстяного сукна на колесиках. Шеннон жестом указал на кресло, но Буше предпочел краешек кровати. Он был человеком мудрым и опытным. Из кресла ему бы ни за что уже больше не выбраться.

Шеннон налил всем кофе и сразу перешел к делу. Крошка Марк уселся, сохраняя молчание.

– Месье Буше, мой друг и компаньон, вероятно, уже сказал вам, что моя фамилия Браун, я англичанин по национальности и представляю здесь группу друзей, которые хотели бы приобрести некоторое количество пулеметов и автоматов. Месье Вламинк любезно сообщил, что может представить меня человеку, который имеет автоматы на продажу. Как я понял по его словам, речь идет о «шмайссерах» калибра 9 мм, автоматах военного производства, но не побывавших в употреблении. Я, кроме того, понимаю и согласен принять, что об экспортной лицензии на них даже не стоит поднимать вопрос, но это не смущает моих партнеров, и они готовы нести всю ответственность в этом смысле. По-моему, это справедливо, а вы как считаете?

Буше медленно кивнул. Быстро кивать он не мог.

– Я могу предоставить определенное количество единиц этого товара, – осторожно произнес он. – Вы правы по поводу невозможности оформления лицензии на экспорт. По этой причине все участники с моей стороны должны быть должным образом застрахованы. Любое деловое соглашение, к которому мы можем прийти, должно быть основано на оплате наличными и гарантиях безопасности для моих людей.

«Врет, как сивый мерин, – подумал Шеннон. – Никаких людей за Буше нет. Товар принадлежит ему, и работает он в одиночку».

На самом деле месье Буше, когда был моложе и стройнее, служил в

бельгийских частях СС, работая поваром в эсэсовских казармах в Намюре. Исключительная склонность, если не сказать безумная любовь, к еде привела его к кухонной плите, но до войны ему пришлось расстаться с несколькими местами работы, потому что он умудрялся съедать больше, чем подавал клиентам.

В голодной, охваченной войной Бельгии он завербовался поваром в бельгийское подразделение СС – одну из нескольких местных групп эсэсовцев, которых нацисты вербовали на оккупированных территориях. В войсках СС, догадался молодой Буше, с голода не подохнешь. В 1944 году немцы, отходя от Намюра назад, к границе, прихватили из арсенала партию новеньких «шмайссеров». По дороге на восток грузовик с оружием сломался. Времени на ремонт не было, и груз был перетащен в ближайший бункер, а вход в него заминирован. Буше был свидетелем происходящего. Через несколько лет он вернулся, разобрал камни и вытащил из тайника тысячу автоматов.

С тех пор они покоились в подполе, за потайной дверцей гаража загородного коттеджа, который оставили ему в наследство родители, умершие в середине пятидесятых годов.

Время от времени он сбывал небольшие партии оружия, и половина запаса уж разошлась.

– Если эти автоматы в хорошем рабочем состоянии, я хотел бы приобрести сотню штук, – сказал Шеннон. – Естественно, оплата наличными в любой валюте. Все выдвигаемые вами разумные условия передачи груза будут приняты. Мы тоже заинтересованы в сохранении строгой секретности.

– В том, что касается их состояния, месье, то они все совершенно новые. В заводской смазке и обернуты промасленной бумагой, даже заводские пломбы не тронуты. Как будто бы тридцати лет не прошло, как они поступили с фабрики. До сих пор, наверное, это лучшие в мире автоматы.

Шеннону не надо было читать лекции о «шмайссерах» калибра 9 мм. Он лично придерживался мнения, что израильские «узи» лучше, хотя и тяжелее. «Шмайссер» был намного лучше, чем «стен», и наверняка не хуже куда более современного британского «стерлинга». Об американских автоматических винтовках и советских или китайских автоматах он вообще не думал. Однако ни «узи», ни «стерлинга» днем с огнем не сыскать, тем более в заводской упаковке.

– Можно взглянуть? – спросил он.

Тяжело сопя, Буше поставил черный кейс, который принес с собой, на колени, щелкнул замками, предварительно набрав код замка.

Поднял крышку и протянул кейс, даже не пытаясь подняться с места.

Шеннон встал, пересек комнату и взял кейс у него из рук.

Положив его на стол, вынул «шмайссер».

Это было прекрасное оружие. Шеннон обхватил пальцами вороненую сталь, положил палец на курок, приподнял и опустил автомат, наслаждаясь его легкостью. Откинул и закрепил складной приклад, несколько раз открыл и закрыл затвор, посмотрел внутрь ствола со стороны мушки. Внутри все было девственно чисто.

– Это образец, – просипел Буше. – Конечно, с него сняли заводскую смазку, осталась только тонкая масляная пленочка. Но все остальные новехоньки.

Шеннон положил автомат.

– Патроны стандартные, калибра 9 мм, которые легко достать, – предупредительно заметил Буше.

– Спасибо, я знаю, – сказал Шеннон. – А как насчет обойм? Их просто так не найдешь, как вы понимаете.

– Я могу предоставить по пять штук на каждый автомат, – сказал Буше.

– Пять? – Шеннон раскрыл глаза от наигранного изумления. – Мне нужно больше. По крайней мере десять.

Началась торговля. Шеннон сетовал на то, что торговец не может достать нужное количество обойм, а бельгиец возражал, что это предел, иначе самому придется побираться. Шеннон предлагал по 75 долларов за каждый «шмайссер» из сотни, Буше говорил, что мог бы согласиться на такую цену, если бы речь шла о партии в 250 штук, а сотня пойдет по 125 долларов за штуку. Через два часа они сошлись на сотне автоматов по 100 долларов каждый. Обговорили место и время встречи в ближайшую среду после захода солнца и обсудили способ передачи товара. Когда все было закончено, Шеннон предложил Буше подвезти его обратно в машине Вламинка до того места, где они встретились утром, но толстяк предпочел вызвать такси и без посторонней помощи добраться до дома в центре Брюсселя.

Он не мог поручиться, что ирландец, который наверняка был из ИРА, не завезет его в укромное местечко и не обработает хорошенько, пока не выпытает, где находится заветный тайник.

Буше был совершенно прав. Доверие – глупая и непозволительная слабость в деле нелегальной торговли оружием.

Вламинк проводил толстяка со смертоносным кейсом вниз до вестибюля и проследил, как он укатил на своем такси. Когда он вернулся, Шеннон укладывал вещи.

– Ты понял, зачем мне понадобился фургон, который ты купил? – спросил он Крошку.

– Нет, – ответил тот.

– Нам придется приехать за грузом на этой машине в среду, – пояснил Шеннон. – Я не вижу причин, по которым Буше должен видеть настоящие номера. Подготовь запасные к вечеру в среду, ладно? Все займет не больше часа, но если уж Буше и решит кому-нибудь стукнуть, то пусть ищут другую машину.

– О'кей, Кот. Все будет готово. Два дня назад я нанял отдельный гараж. Остальное оборудование тоже в порядке. Подвезти тебя куда-нибудь? Машина в моем распоряжении до конца дня.

Шеннон попросил Вламинка отвезти его на запад, в Брюгге, и подождать в кафе, пока он наведается в банк. Месье Гуссенс был на обеде, поэтому друзья тоже решили подкрепиться в маленьком ресторанчике на главной площади, и Шеннон вернулся в банк к половине третьего.

На счету Кейта Брауна все еще числилось 7000 фунтов, но предстоял расход в 2000 фунтов на жалование четверым наемникам через десять дней. Он выписал банковский чек на имя Йохана Шлинкера и вложил его в конверт с письмом, которое написал накануне вечером в гостиничном номере. В нем сообщалось, что прилагаемый чек на 4800 долларов предполагался для оплаты за вспомогательное оборудование, которое он заказывал неделю назад. Там же был адрес агента в Тулоне, которому надлежало выслать товар для последующего экспорта, с пометкой «собственность месье Жана-Батиста Лангаротти». В конце письма он информировал Шлинкера, что позвонит на ближайшей неделе, чтобы узнать, все ли в порядке с сертификатом получателя на закупку заказанных патронов калибра 9 мм.

Другое письмо было адресовано Алану Бейкеру. В Гамбург.

Вложенный чек на его имя был на 7200 долларов, и Шеннон пояснил, что эта сумма соответствует пятидесяти процентам от стоимости покупки, о которой они беседовали за ужином в «Атлантике» на прошлой неделе. Туда же был вложен сертификат получателя и пустой бланк от правительства Того. Он просил Бейкера непосредственно приступить к покупке и обещал справляться по телефону как идут дела.

Оба письма были отправлены из почтового отделения в Брюгге, ускоренной почтой, заказными.

После почты Шеннон попросил Вламинка довести его до Остенде,

выпил пару кружек пива с бельгийцем в припортовом баре и купил себе билет на вечерний паром до Дувра.

Около полуночи он сошел с поезда на вокзале Виктория и в час ночи, когда уже наступила суббота, крепко спал в своей постели. Последнее, что он успел сделать перед сном – это отослать телеграмму Эндину до востребования, где сообщил, что вернулся и настаивал на встрече.

С субботней утренней почтой пришло письмо из Малаги, с юга Испании. Оно было адресовано Кейту Брауну, но начиналось словами: «Дорогой Кот». Писал Курт Земмлер. Он нашел корабль, бывший рыболовный катер, построенный двадцать лет назад на британской верфи, принадлежащей гражданину Британии и приписанный к лондонскому порту. Он ходил под британским флагом, имел в длину девяносто футов и водоизмещение восемьдесят тонн. Две палубных надстройки: одна, основная, в центре и другая, поменьше, на корме. Судно зарегистрировано как частная яхта, но могло быть переведено в класс каботажных судов.

Земмлер сообщал, что судно продается за 20 000 фунтов, и двое из членов команды заслуживают того, чтобы их оставили при новом владельце. По поводу кандидатур на замену двух остальных моряков у него проблем не будет.

В конце письма он сообщал, что остановился в отеле «Паласио», в Малаге, и просил Шеннона известить его о дате приезда, чтобы осмотреть корабль.

Судно называлось СЯ^[16] «Альбатрос».

Шеннон позвонил в авиакомпанию БЕА и заказал билет на утренний рейс в Малагу, в ближайший понедельник, и обратный билет с открытой датой. Расплатиться он собирался наличными, в аэропорту. После этого он дал телеграмму Земмлеру в гостиницу, сообщив дату прилета и номер рейса.

Эндин позвонил Шеннону в тот же день после визита на почту, где его ждала телеграмма. Они встретились вечером в квартире Шеннона, и Эндин получил очередной, третий по счету, подробный отчет о текущих делах и произведенных расходах.

– Вам придется перевести новые суммы денег, если хотите, чтобы мы продвинулись в ближайшие две недели, – сказал ему Шеннон. – Нам предстоят самые значительные траты – закупка оружия и корабля.

– Сколько вам надо на этот момент? – спросил Эндин.

Шеннон ответил:

– Две тысячи на жалованье, четыре – за шлюпки и моторы к ним,

четыре – за автоматы и более десяти тысяч за боеприпасы. Всего более двадцати тысяч. Лучше давайте тридцать, а то мне придется снова встречаться с вами по этому поводу уже на следующей неделе.

Эндин отрицательно покачал головой.

– Я дам двадцать тысяч, – сказал он. – Вы всегда можете связаться со мной, если потребуется больше. Кстати, мне бы хотелось взглянуть хотя бы на некоторый товар. К концу месяца вы выйдете на уровень 50 000 фунтов затрат.

– Вам это не удастся, – сказал Шеннон. – Патроны еще не куплены, так же как и шлюпки, моторы и так далее. Пока нет ни минометов, ни базук, ни автоматов. Все эти сделки завершаются по правилам: «деньги на бочку» или «деньги вперед». Я пояснил это в своем первом отчете вашим компаньонам.

Эндин холодно смерил его взглядом.

– Неплохо было бы хоть что-нибудь купить на эти деньги, – проскрипел он сквозь зубы.

Шеннон дерзко взглянул на него.

– Только не надо пугать меня, Харрис. Многие пытались это сделать. Но траурные венки нынче дороги, недолго и прогореть. Кстати, как с оплатой за корабль?

Эндин поднялся.

– Дайте знать, какой именно корабль и у кого покупается. Я тут же переведу деньги с моего счета в швейцарском банке.

– Как вам будет угодно, – сказал Шеннон.

Этим вечером он в одиночестве и со вкусом поужинал, прежде чем рано лечь спать.

Воскресенье будет свободным, и он уже выяснил, что Джули Мэнсон гостит у родителей в Глостершире. Сидя за кофе и бренди, он погрузился в размышления, планируя время на ближайшие недели и пытаясь представить себе штурм дворца в Зангаро.

Поздним воскресным утром Джули Мэнсон вдруг взбрело в голову позвонить на квартиру в Лондон своему новому возлюбленному и выяснить, дома ли он. За окнами весенний дождик резво поливал окрестности Глостершира. А она еще надеялась оседлать прекрасного нового мерина, которого отец преподнес ей месяц назад, и поскакать галопом по парку вокруг усадьбы. Ей казалось, что это освежит то чувство, которое она испытывала каждый раз, когда вспоминала запавшего в душу мужчину. Но дождь начисто смыл идею прогулки верхом. И теперь она вынуждена слоняться по старому дому, слушая нескончаемую болтовню матери о благотворительных базарах и

комитетах по защите сирот, или смотреть на дождь, обильно поливающий сад.

Отец работал в кабинете, но она видела, как несколько минут назад он вышел и направился к гаражу, чтобы поговорить с шофером. Так как мать была неподалеку и могла услышать разговор по телефону из прихожей, она решила воспользоваться аппаратом в кабинете.

Джули не успела поднести трубку к уху, как взгляд упал на кипу разбросанных по столу бумаг. Сверху лежала тонкая папка. Она прочла название и, нехотя приподняв картонную обложку, взглянула на первый лист. Фамилия, написанная на нем, привела ее в оцепенение. Гудящая трубка застыла у уха.

Там так и было написано: Шеннон.

Как большинству юных девушек, ей было свойственно мечтать.

Лежа в темноте спальни школы-интерната, она представляла себя в роли героини множества опаснейших приключений, где чаще всего ей доводилось спасать возлюбленного от страшной участи, получая в награду вечную преданность и трепетную любовь с его стороны. Однако, в отличие от большинства юных девушек, она так и не вышла из этого возраста. Помня настойчивые расспросы Шеннона об отце, она уже почти представляла себя в роли тайного агента своего любимого. Но беда в том, что отца она знала только таким, каким он ей представлялся дома, а именно – обожающим дочку папочкой или жутким занудой. О его бизнесе ей ничего не было известно. И вот, наконец, в это дождливое воскресное утро ей представляется шанс.

Она пробежала глазами по первой странице папки и ничего не поняла. Какие-то цифры, цены, снова ссылка на Шеннона, названия нескольких банков и два упоминания какого-то человека по имени Кларенс. Дальше ей продвинуться не удалось.

Медленно поворачивающаяся ручка двери прервала ее интересное занятие.

Она резко закрыла папку, отпрянула от стола подальше и начала тараторить в молчашую трубку. В дверях стоял отец.

– Хорошо, Кристина, это будет просто замечательно, дорогая! Значит встретимся в понедельник. Пока! – она быстро повесила трубку на рычаг.

Сердито сдвинутые брови отца расправились, когда он увидел, что в его кабинете не кто-нибудь, а любимая дочка. Он прошел по ковру и уселся за стол.

– И что это ты такое задумала? – с наигранной строгостью спросил он.

Вместо ответа она нежно обвила его руками за шею и чмокнула в щеку.

– Просто позвонила подружке в Лондон, папочка, – просюсюкала она тоненьким голоском. – Мама все время вертится в холле, поэтому я сюда перебралась.

– Хмм. У тебя есть собственный аппарат в комнате. Будь добра пользоваться им для частных бесед.

– Хорошо, папулечка. – Она посмотрела на бумаги, лежащие рядом с папкой на столе, но шрифт был слишком мелким, и в основном там были какие-то колонки цифр. Ей удалось разобрать только заголовки. Речь шла о ценах на горно-рудные разработки. Отец повернул к ней голову.

– Почему ты не бросишь эту противную глупую работу и не поможешь мне оседлать Тамерлана? – спросила она. – Скоро дождик кончится, и я хочу покататься верхом.

Он улыбнулся дочке, которая была его самой большой радостью в жизни.

– Потому что благодаря этой противной глупой работе мы сыты, одеты и обуты, – сказал он. – Но я тебе помогу. Подожди несколько минут, я подойду в конюшню.

Выйдя из кабинета, Джули Мэнсон остановилась и перевела дух. Куда там какой-нибудь Мата Хари!

Глава 14

Испанские власти относятся к туристам куда терпимее, чем многие думают. Учитывая, что миллионы скандинавов, французов и британцев каждую весну и лето наводняют Испанию, а по законам статистики некоторый процент из них должны представлять злоумышленники, властям приходится не сладко.

Незначительные нарушения правил, как, например, провоз двух блоков сигарет вместо положенного одного, что не прошло бы незамеченным в лондонском аэропорту, в Испании вызывает лишь ухмылку таможенника.

Позиция испанских властей всегда зиждилась на утверждении: туристу надо немало постараться, чтобы влипнуть в историю в Испании. Но если уж человек на это пошел, то испанцы сделают все, чтобы надолго отбить у него охоту. В списке фигурируют четыре наименования, против которых они резко возражают: оружие или взрывоопасные вещества, наркотики, порнография и коммунистическая пропаганда. В других странах скривят нос от двух бутылок необлагаемого налогом коньяка, но не обратят внимания на журнал «Пентхаус».^[17] Но только не в Испании.

У каждой страны свои ценности, но, как гордо заметит любой испанец, Испании другие – не указ.

Таможенник аэропорта в Малаге небрежно бросил взгляд на тысячу фунтов старыми двадцатифунтовыми банкнотами в дорожной сумке Шеннона и пожал плечами. Даже если он знал, что Шеннону пришлось тайком пронести эти деньги мимо таможенника в лондонском аэропорту, то вида не подал. В конце концов, это проблемы Лондона. Не обнаружив экземпляров «Секси Герлз» или «Совет Ньюс», он жестом пригласил пассажира пройти к выходу.

Курт Земмлер выглядел отдохнувшим и загорелым после трехнедельного мотания по средиземноморскому побережью в поисках подходящего корабля. Худой как жердь, он по обыкновению беспрестанно нервно курил, и только близкие люди знали, какое железное самообладание скрывается за этой привычкой. Но загар придавал ему свежести, ярко оттеняя коротко стриженные светлые волосы и холодно-голубые глаза.

По дороге из аэропорта в Малагу на такси, которое ждало

Земмлера, он рассказал Шеннону, что побывал в Неаполе, Генуе, Валлете, Марселе, Барселоне и на Гибралтаре, разыскивая старые связи по корабельным делам, обращаясь к самым уважаемым брокерам и агентам по продаже судов и осматривая некоторые из предлагаемых объектов, стоящих на якоре. Видел он много, но ничего подходящего не обнаружил.

Ему сообщили еще с дюжину названий судов, стоящих в других портах, где он еще не успел побывать, но он отказался от них сразу. По фамилиям капитанов легко было предположить, что суда на подозрении у властей. В результате он составил список из семи наименований, где «Альбатрос» фигурировал третьим.

По поводу его внутренних качеств он мог судить только по внешнему виду. Вроде бы все нормально.

Он заказал Шеннону номер в «Малага Паласио», и Шеннон сначала направился туда. Было уже около четырех, когда они прошли через широкие южные ворота площади Асера де ля Марина и направились к докам.

«Альбатрос» был пришвартован к причалу в самом конце порта. На вид выглядел именно так, как говорил Земмлер, блестя под жарким солнцем выкрашенными в белый цвет бортами.

Они взошли на борт, и Земмлер представил Шеннона капитану Джорджу Аллену, который провел их по судну. Вскоре Шеннон понял, что корабль маловат для их целей. Одна каюта на двоих, две одиночных и салон, где можно было бросить на пол матрасы и спальные мешки.

Трюм на корме при необходимости можно приспособить в качестве каюты для оставшихся шестерых, но с четырьмя членами команды и пятеркой Шеннона будет очень тесно. Он корил себя, что не предупредил Земмлера о необходимости рассчитывать дополнительно еще на шестерых.

Шеннон проверил документы на корабль, которые оказались в порядке. Судно зарегистрировано в Британии, о чем свидетельствовало удостоверение. Целый час они с Алленом обсуждали способ оплаты, изучали чеки и счета за проведенные в последние месяцы ремонтные работы на «Альбатросе», смотрели бортовой журнал.

Они с Земмлером ушли около шести, и Шеннон направился к отелю в глубоком раздумье.

– В чем дело? – спросил Земмлер. – Все чисто.

– Да я не об этом, – сказал Шеннон. – Посудина маловата.

Зарегистрирована как частная яхта. Не приписана ни к какой судовой компании. Я сомневаюсь, что экспортная контора признает ее пригодной для транспортировки оружия.

Когда они очутились в гостинице, было уже поздно звонить куда-то, поэтому решили дожидаться утра. В десятом часу на следующий день Шеннон позвонил в отдел регистрации судов в Лондон и попросил свериться со списком яхт. «Альбатрос» там фигурировал как двухмачтовое судно, водоизмещением 74 тонны. Порт приписки – Милдфорд, место стоянки – Ху, и то и другое в Британии.

– Тогда какого черта они делают здесь? – удивился он, после чего вспомнил о способе оплаты, который они обсуждали.

Второй звонок, в Гамбург, поставил точки над i.

– Nein,^[18] только не частная яхта, прошу вас, – сказал в трубку Йоханн Шлинкер. – Слишком велика вероятность, что ей не разрешат брать груз для коммерческих перевозок.

– О'кей. Когда вам нужно знать название судна? – спросил Шеннон.

– Как можно скорее. Кстати, я получил чек на те товары, которые вы заказали в моей конторе. Они будут упакованы и отправлены в таможенный склад во Франции по приложенному вами адресу. Кроме того, я имею на руках необходимые бумаги для второго заказа и как только получу деньги, дам ход делу.

– Когда последний срок для выяснения названия транспортного корабля? – прокричал в трубку Шеннон.

Шлинкер на минуту задумался.

– Если не позднее, чем через пять дней я получу от вас чек, то заявление на разрешение операции смогу оформить немедленно. Название судна потребуется для лицензии на экспорт. Приблизительно через пятнадцать дней после этого.

– Вы его получите, – сказал Шеннон и, положив трубку, объяснил Земмлеру, что случилось.

– Прости, Курт. Речь должна идти о компании, имеющей право на морские грузовые перевозки, и это должно быть грузовое судно, а не частная яхта. Тебе придется продолжить поиски. Но я должен знать название судна через двенадцать дней, не позднее. Мне необходимо передать его человеку в Гамбурге в ближайшие двадцать дней.

Они расстались вечером в аэропорту. Шеннон возвращался в Лондон, а Земмлеру предстоял путь в Рим и дальше в Геную, следующий пункт своих поисков.

Было уже поздно, когда Шеннон наконец приехал на свою

квартиру. Перед сном он позвонил в аэрокомпанию БЕА и заказал себе билет на дневной рейс до Брюсселя. Затем набрал номер Марка Вламинка и попросил встретить его в аэропорту и отвезти сначала в Брюгге, к банку, а оттуда на randevу с Буше по поводу передачи оружия.

Так закончился День Двадцать Второй.

Мистер Харольд Робертс был человеком полезным. Родившись шестьдесят два года тому назад от отца-британца и матери-швейцарки, он, после безвременной кончины отца, вырос в Швейцарии и сохранил двойное гражданство. С ранних лет поступив на службу в банк, он двадцать лет проработал в управлении одного из крупнейших швейцарских банков в Цюрихе, до того, как его послали в лондонский филиал помощником управляющего.

Это случилось сразу после войны, и за последующие двадцать два года своей карьеры он дослужился сначала до начальника отдела вкладов, а потом и до управляющего лондонским отделением, выйдя на пенсию в шестьдесят лет. К тому времени он решил провести остаток дней в Британии, получая пенсию в швейцарских франках.

После ухода на пенсию ему приходилось принимать участие в деликатных операциях, как от имени своих прежних хозяев, так и по просьбе других швейцарских банков. В эту среду он как раз был занят выполнением очередного поручения подобного рода.

Он взял официальное письмо от Цвинглибанка к председателю и секретарю правления компании «Бормака», рекомендуя им мистера Робертса, и прихватил бумаги, из которых следовало, что он является агентом Цвинглибанка в Лондоне.

Между секретарем правления и мистером Робертсом состоялись две встречи, на последней из которых присутствовал председатель правления, майор Лютон, младший брат покойного помощника сэра Иэна Макаллистера на далеких восточных плантациях.

Договорились о созыве очередного заседания правления, которое состоялось в конторе секретаря правления «Бормака», в Сити. Помимо стряпчего и майора Лютона, на заседание в Лондон согласился прибыть еще один член Совета директоров. Хотя для кворума было достаточно присутствия двух директоров, трое представляли собой убедительное большинство. Они рассмотрели выдвинутую секретарем правления резолюцию на основании представленных документов. Четверо отсутствующих держателей акций, чьи интересы представлял Цвинглибанк, поделили между собой тридцать процентов акций компании. Они действительно поручили Цвинглибанку действовать от

их лица, а банк, вне всякого сомнения, уполномочил мистера Робертса выступать в качестве своего представителя.

Главный аргумент, предопределивший исход дискуссии, был чрезвычайно прост: если уж консорциум бизнесменов решил объединиться для покупки такого количества акций «Бормака», нет смысла не верить утверждению их банка о намерении вложить свежий капитал в компанию и тем оживить ее деятельность.

Подобные действия могут только благотворно сказаться на цене акций, а все трое директоров были их владельцами. Резолюция была предложена, поддержана и принята. Мистер Робертс был включен в Совет директоров, как представитель интересов Цвинглибанка. Никто не потрудился изменить устав компании, где утверждалось, что двое директоров составляют кворум при принятии решений правлением, хотя теперь в правлении было уже не пять, а шесть директоров.

Мистер Кейт Браун стал частым гостем в Брюгге и ценным клиентом Кредитбанка. Он был с обычным радушием принят месье Гуссенсом, который подтвердил поступление на его счет суммы в 20 000 фунтов из Швейцарии этим утром. Шеннон снял 10 000 долларов наличными и выписалменной чек на 26 000 долларов для герра Йоханна Шлинкера из Гамбурга.

Из ближайшего почтового отделения он отослал чек Шлинкеру заказным письмом, приложив записку, в которой просил торговца не медлить с испанской закужкой.

Им с Марком Вламинком предстояло убить почти четыре часа до назначенной встречи с Буше, и два из них они провели за чаем в кафе города Брюгге, прежде чем с наступлением темноты отправиться в путь.

Между Брюгге и Гентом, что в сорока четырех километрах к востоку, есть одинокая дорога. Она так причудливо извивается, огибая поля и фермы, что большинство автомобилистов предпочитают ей участок новой автострады Е5, тоже связывающий два этих фламандских города, по пути из Остенде в Брюссель. В середине пустынной старой дороги двое наемников обнаружили заброшенную ферму, которую описал им Буше. Вернее, они нашли выцветший от времени указатель на съезд к ферме, скрытой от дороги в зарослях деревьев.

Шеннон проехал немного дальше намеченного места и остановился. Вламинк вышел из машины и пошел осмотреть ферму. Через двадцать минут он вернулся и сообщил, что ферма действительно заброшенная и при этом довольно давно. Не было там и

следов приготовлений к приему покупателей.

– В доме или надворных строениях кто-нибудь есть? – спросил Шеннон.

– Дом заперт спереди и сзади. Никаких следов человека. Я осмотрел сарай и конюшню. Никого.

Шеннон взглянул на часы. Уже стемнело, а ждать нужно было еще час.

– Возвращайся туда и наблюдай из укрытия, – приказал он. – Я буду следить за центральным входом в дом отсюда.

Когда Марк удалился, Шеннон снова осмотрел фургон. Он был старым и битым, но на ходу, а двигатель побывал в руках у хорошего мастера. Шеннон достал из-под сиденья два фальшивых номера и примотал их прозрачной клейкой лентой поверх настоящих. Отодрать их ничего не стоит, как только они подальше отъедут от фермы, а причин для того, чтобы Буше видел настоящие номера, он не видел. По бокам фургона были наклеены рекламные плакаты, которые бросались в глаза издали, но и от них тоже можно было быстро избавиться. В багажном отделении лежали шесть мешков с картошкой, которые он велел захватить Вламинку, и широкая доска, с выпиленными пазами. Из нее получалась высокая перегородка в кузове, если закрепить ее поперек бортов. Удовлетворенный увиденным, он занял место у обочины дороги и продолжил наблюдение за фермой.

Крытый грузовичок появился без пяти восемь. Когда он затормозил и свернул с шоссе, Шеннон разглядел силуэт склонившегося за рулем водителя, а рядом с ним – темный шар с головой-набалдашником, которым, без сомнения, мог быть только Буше. Красные габаритные огни машины удалялись от шоссе, пока не скрылись в тени деревьев. Очевидно, Буше играл в открытую.

Шеннон подождал три минуты, потом тоже сел в фургон и свернул на проселок, ведущий к ферме. Когда он въехал в ворота, машина Буше стояла с включенными фарами посреди двора. Он заглушил двигатель и вылез из фургона, не выключая фар. Расстояние между машинами было не больше десяти футов.

– Месье Буше, – позвал он в темноту и сам старался держаться в стороне от света фар своей машины.

– Месье Браун, – услышал он сипенье Буше, и толстяк вразвалку вышел на свет.

С ним был «помощник», крупный мускулистый тип. Хорош для переноса тяжестей, но неуклюж и тяжеловат, подметил про себя

Шеннон. Марк же, как ему было известно, при необходимости мог порхать словно балерина. При случае проблем не будет.

– Привезли деньги? – спросил Буше, подходя ближе. Шеннон жестом показал на сиденье своего фургона.

– Они там. «Шмайссеры» на месте?

Буше в свою очередь махнул пухлой лапой в сторону своей машины.

– В кузове.

– Я предлагаю вынуть то, что мы привезли, и положить на землю между машинами, – сказал Шеннон.

Буше повернулся и что-то сказал своему напарнику по-фламандски. Шеннон не понял ни слова. Здоровяк подошел к кузову машины и откинул борт. Шеннон насторожился. Если ждать сюрпризов, то именно сейчас. Сюрпризов не последовало. В тусклом свете фар он разглядел десять приземистых прямоугольных ящиков и большую картонную коробку.

– Вашего друга здесь нет? – спросил Буше.

Шеннон свистнул. Крошка Марк вышел из-за ближайшего амбара и подошел ближе.

Никто не произнес ни слова. Шеннон откашлялся.

– Давайте покончим с передачей товара, – сказал он. Протянул руку под переднее сиденье своей машины и извлек увесистый пакет в плотной обертке. – Наличные, как просили. Даадцатидолларовые купюры. В каждой пачке по пятьдесят штук. Десять пачек.

Он стоял рядом с Буше, пока толстяк проверял каждую пачку, удивительно проворно перебирая купюры своими толстыми пальцами и распахивая пачки по боковым карманам. Закончив с последней, он снова вытащил все пачки и достал из каждой наугад по несколько банкнот. При помощи карманного фонарика он внимательно изучил каждую из них на предмет возможной подделки. Все было как в аптеке. В конце концов, он кивнул.

– Порядок, – сказал он и бросил что-то своему помощнику.

Тот отошел в сторону от открытого борта машины. Шеннон кивнул Марку, который подошел к кузову и вытащил первый ящик на траву. Достав из кармана монтировку, он отодрал прибитую сверху крышку и в свете своего фонаря осмотрел десять «шмайссеров» лежащих рядком на дне ящика. Один из них он вынул и проверил, как работает спусковой механизм, затвор, и нет ли проблем с бойком. Положив автомат на место, он снова крепко приколотил крышку ящика.

На десять ящиков у него ушло двадцать минут. Пока он занимался

этим, могучий помощник Буше стоял поблизости.

Шеннон с Буше держались бок о бок в двенадцати футах от них.

В конце концов, Марк заглянул в картонную коробку. В ней было 500 магазинов для «шмайссеров». Он проверил один из них, чтобы убедиться, что он подходит, а не соответствует какой-нибудь другой модели автомата.

После этого он повернулся к Шеннону и кивнул.

– Все в порядке, – сказал он.

– Вы не могли бы попросить вашего друга помочь моему напарнику погрузить товар? – спросил Шеннон у Буше.

Толстяк проинструктировал своего ассистента. Через пять минут десять плоских ящиков и картонная коробка с магазинами были загружены в фургон Марка. Перед погрузкой два мощных фламандца вытащили мешки с картошкой, и Шеннон слышал, как они о чем-то переговаривались на родном языке. Помощник Буше рассмеялся.

Когда ящики с оружием были нагружены, Марк установил широкую доску вертикально, словно перегородку, поперек багажника фургона. Вытащив нож, он распорол первый мешок с картошкой, взвалил его на плечо и высыпал содержимое в багажный отсек. Клубни картофеля покатались по крышкам ящиков, забиваясь в щели между ними и бортами фургона.

Смеясь, второй бельгиец тоже включился в работу.

Того количества картошки, которое они привезли, с избытком хватило, чтобы надежно прикрыть десять ящиков с автоматами и коробку с магазинами к ним. Кто бы ни заглянул в фургон, не обнаружил бы ничего, кроме наваленной врассыпную картошки. Мешки выбросили в канаву.

Закончив работу, оба фламандца вместе вышли из-за машины.

– О'кей, пора ехать, – сказал Марк.

– Если не возражаете, мы поедем первыми, – обратился Шеннон к Буше. – Теперь отягчающие улики у нас.

Он подождал, пока Марк заведет машину и развернется передом в сторону дороги, ведущей к шоссе, после чего отошел от Буше и сел в машину. На полдороге к шоссе проселок перерезала довольно глубокая канава, через которую приходилось переезжать очень осторожно и крайне медленно. В этом месте Шеннон что-то бросил Марку, забрал у него нож и, выпрыгнув из машины, спрятался за придорожными кустами.

Через пару минут подъехал Буше. Он тоже почти остановился, чтобы перевалить через канаву. Шеннон выскользнул из-за кустов как

только машина проехала мимо, догнал ее и, резко нырнув вперед, всадил нож в заднее колесо.

Забегая за кусты он слышал, как воздух со свистом вырывается наружу. Он подошел к Крошке Марку на шоссе в тот момент, когда тот закончил снимать рекламные плакаты с машины и отцеплял фальшивые номерные знаки спереди и сзади, У Шеннона против Буше ничего не было, он просто хотел иметь получасовой запас времени.

К половине одиннадцатого парочка вернулась в Остенде, фургон, забитый молодой картошкой, был заперт в гараже, который Марк Вламинк арендовал по указанию Шеннона, и, потягивая пенящееся пиво в баре Марка на Кляйнштраат, они ждали, пока Анна приготовит еду. Шеннон впервые встретился с крепко сбитой фигуристой женщиной, которая была любовницей его приятеля, и, как принято в таких случаях, был с ней необычайно любезен.

Вламинк заказал ему номер в гостинице, в центре города, но они пили допоздна, вспоминая былые бои и засады, удивительные случаи и старых друзей, атаки и внезапные отступления, то смеясь над тем, что теперь казалось забавным, то угрюмо кивая, когда бередились еще саднящие раны. Бар работал до тех пор, пока Крошка Марк пьет, а остальные простые смертные должны были сидеть рядом и слушать. Разошлись они только на рассвете.

Крошка Марк зашел к нему в гостиницу на следующее утро, и они вместе позавтракали. Он объяснил бельгийцу, что хочет припрятать «шмайссеры» таким образом, чтобы можно было переправить их через границу во Францию для погрузки на корабль в одном из портов на Средиземном море.

– Можем отправить их в ящиках из-под молодой картошки, – предложил Марк.

Шеннон отрицательно покачал головой.

– Картошку перевозят в мешках, а не в ящиках, – сказал он. – Нам только не хватало попасться во время перевозки или погрузки в порту. Сразу всего лишимся. У меня есть идея получше.

В течение получаса он рассказывал Вламинку, что надо сделать с автоматами, и бельгиец послушно кивал.

– Хорошо, – сказал он, поняв окончательно что от него требуется. – Я могу работать в гараже по утрам до открытия бара. Когда надо отправлять груз на юг?

– До 15 мая, – сказал Шеннон. – Поедем окольным путем. Я пришлю сюда в помощь Жана-Батиста, и в Париже поменяем фургон на французский. Нужно все подготовить к отправке вовремя.

Марк проводил его до порта на такси потому, что фургон теперь предстояло использовать только один, последний раз, на пути из Остенде в Париж с грузом нелегального оружия. Никаких проблем с покупкой билета на паром для автотуристов до Дувра не было, хотя Шеннон был без машины. К вечеру он уже вернулся в Лондон.

Остаток времени до ужина он потратил на составление подробного отчета Эндину, опуская имя торговца оружием и не называя места, где оно было спрятано. К отчету он приложил список расходов и копию справки об остатке вклада на счету в Брюгге. Все это он отослал на адрес «до востребования», которым пользовался для контактов с сотрудником сэра Джеймса Мэнсона.

С утренней почтой в пятницу поступил массивный пакет от Жана-Батиста Лангаротти. В нем были рекламные каталоги трех европейских фирм, занимающихся выпуском прорезиненных надувных катеров на жестком каркасе, таких, как ему было нужно. Их широко рекламировали как подходящие для использования в качестве спасательных катеров, буксиров для воднолыжников, прогулочных катеров, незаменимых для подводной охоты, шлюпок для яхт и тому подобное. Нигде даже не упоминался тот факт, что все эти модели были разработаны на основании первоначального проекта, целью которого было снабдить морских десантников маневренным и быстрым средством для внезапной высадки на берег.

Шеннон с интересом просмотрел все брошюры. Из трех фирм одна была итальянской, другая – английской и третья – французской. Итальянская фирма, шесть складов которой располагались на Лазурном Берегу, показалась Шеннону самой подходящей с точки зрения предлагаемой продукции и удобства доставки. Два экземпляра их самой крупной модели – катера длиной пять с половиной метров – в данный момент были в наличии на складах. Один в Марселе, а другой в Каннах. В буклете французского промышленника была фотография их самого крупного образца, пятиметровой длины катера, мчащегося по лазурной водной глади, гордо задрав нос вверх.

Лангаротти в письме писал, что один такой экземпляр стоял в магазине морского оборудования в Ницце. Он добавил также, что модели британского производства надо заказывать отдельно и, наконец, что несмотря на возможность приобрести каждую из предложенных моделей, окрашенную в ярко-оранжевый цвет, он остановился только на черном варианте. Каждый катер мог быть снабжен подвесным мотором мощностью не менее, чем в пятьдесят лошадиных сил. Семь вариантов таких двигателей имелось в

свободной продаже на месте.

Шеннон написал подробное письмо, где велел Лангаротти купить два катера итальянского производства, готовые к немедленной отправке, и один – французский. Он особо подчеркнул, что корсиканцу следует срочно позвонить на склады и выслать десятипроцентный задаток заказной почтой. Помимо этого надо купить три лучших мотора, но в разных магазинах.

Он выписал цены всех перечисленных товаров, и общая сумма перевалила за 4000 фунтов. Это означало, что он выбился из предполагаемого бюджета на покупку вспомогательного оборудования в 5000 фунтов, но его это не волновало. Оружие обойдется дешевле, чем предполагалось, да и корабль, как он надеялся, тоже. Он написал Лангаротти, что переводит на его счет сумму в 4500 фунтов, на остаток от которой ему следует купить подержанный фургон грузоподъемностью около тонны, главное, чтобы документы на него были в порядке и страховка оформлена.

На нем ему предстояло путешествовать по побережью, закупать надувные катера и подвесные моторы к ним и самому доставить их на таможенный склад агента по экспорту в Тулоне. Весь товар обязан быть на месте и подготовлен к отправке не позднее 15 мая. Утром этого числа Лангаротти должен будет встретиться с Шенноном в парижском отеле, которым обычно пользовался Шеннон. Жан-Батисту нужно приехать на фургоне.

Главарь наемников отослал в этот день еще одно письмо. В Кредитбанк города Брюгге, с просьбой перевести 2500 фунтов на счет мосье Жана-Батиста Лангаротти в Центральном отделении банка Сосьете Женераль города Марселя. Оба письма были отправлены срочной почтой в тот же день.

Вернувшись после этого в свою квартиру, Кот Шеннон улегся на кровать и усталился в потолок. Он чувствовал усталость и апатию. Сказывалось напряжение последних тридцати дней.

Пока все развивалось по плану. Алан Бейкер оформит покупку минометов и базук в Югославии, так что к началу июня они будут готовы к отправке; Шлинкер в данный момент должен быть в Мадриде, закупая достаточно патронов, чтобы палить из «шмайссеров» круглый год. Единственная причина, по которой он согласился на такой большой объем покупки боеприпасов – чтобы все выглядело солидно в глазах испанских властей. Разрешение на экспорт будет получено в середине июня, если он сообщит немецкому торговцу название судна не позднее середины мая, и при условии, что

корабль и компания, которой он принадлежит, не вызовут подозрения чиновников в Мадриде.

Вламинк должен будет завершить подготовку автоматов к нелегальной переброске по территории Бельгии и Франции в Марсель до 1 июня. В то же время будут погружены в Тулоне десантные катера, двигатели и вспомогательное оборудование, которое он заказал у Шлинкера.

Помимо нелегальной доставки «шмайссеров» остальное было оформлено по закону и должно быть соответствующим образом погружено на борт. Это не означало, что все должно пройти гладко. Не исключено, что какое-нибудь правительство будет тянуть резину или откажется продавать товар на основании представленных документов.

Затем шла экипировка, которую Дюпре продолжал закупать в Лондоне. Ее тоже необходимо доставить на склад в Тулоне не позднее конца мая.

Оставалась одна крупная нерешенная проблема – корабль.

Земмлер должен подыскать нужное судно, а он уже целый месяц потратил впустую.

Шеннон скатился с постели и передал по телефону телеграмму на квартиру Дюпре в Бейсуотере, требуя немедленной встречи. Не успел он положить трубку, как телефон зазвонил снова.

– Привет, это я.

– Хелло, Джули, – ответил он.

– Где ты был, Кот?

– Далеко. За границей.

– На этот уикэнд куда не собираешься? – спросила она.

– Нет. Пока не собираюсь. – На самом деле ему больше нечего было делать и некуда ехать до тех пор, пока Земмлер не свяжется с ним по поводу покупки корабля. Он даже не знал, где в данный момент может находиться немец.

– Хорошо, – сказала девушка в трубке. – Давай проведем уикэнд вместе и займемся делом.

Вероятно, усталость сказывалась. Он стал туго соображать.

– Каким делом? – переспросил он.

Она начала рассказывать, описывая детали настолько подробно, что он не выдержал, прервал ее и велел быстро приехать, чтобы зря не тратить время.

Хотя всю неделю ее распирало от неожиданной информации, увидев снова своего любимого, Джули мигом забыла обо всем, что так хотела ему сообщить. Память вернулась к ней только к полуночи. Она

склонилась к лицу дремлющего наемника и сказала:

– Да, кстати, я тут как-то видела твою фамилию.

Шеннон недовольно замычал спросонья.

– На листке бумаги, – продолжала настаивать она.

Он не проявил интереса, повернулся и зарылся лицом в подушку.

– Сказать где?

Его реакция ее разочаровала. Он снова промычал что-то.

– В папке на столе моего папы.

Если она собиралась сделать ему сюрприз, то ей это удалось. Он мигом вскочил на кровати и резко схватил ее за руки выше локтей. Что-то в его взгляде ее напугало.

– Мне больно, – недовольно протянула она.

– Что это была за папка на столе твоего отца?

– Папка как папка, – жалобно прохныкала она, вот-вот готовая разрыдаться. – Я просто хотела тебе помочь.

Он ослабил хват и взгляд его смягчился.

– Что тебе там было надо?

– Ну, ты же всегда о нем спрашиваешь. Когда я заметила эту папку, то просто решила заглянуть внутрь. Тогда и увидела твою фамилию.

– Расскажи мне все по порядку, – мягко попросил он.

Закончив рассказ, она потянулась к нему и обвила руками за шею.

– Я люблю вас, мистер Кот, – прошептала она. – И сделала это только поэтому. Разве я была не права?

Шеннон на минутку задумался. Она уже знала слишком много, и существовало всего два способа заставить ее молчать.

– Ты правда меня любишь? – спросил он.

– Да, правда.

– Ты не хочешь, чтобы мне было плохо от того, что ты что-нибудь не то сделаешь или скажешь?

Она слегка отстранилась и пристально заглянула ему в лицо. Это было так похоже на ее девические сны.

– Никогда, – патетически произнесла она. – Я не скажу ни слова. Что бы со мной ни сделали.

Шеннон от удивления даже несколько раз моргнул.

– Никто с тобой ничего делать не собирается, – сказал он. – Просто не болтай отцу, что знакома со мной, и не рассказывай, что копалась в его бумагах. Видишь ли, он пользуется моими услугами для сбора информации в Африке о перспективах разработок. Если он узнает о нашем знакомстве, то тут же меня уволит. Мне придется искать другую работу. Есть одно предложение. Придется уехать далеко, в

Африку. Так что, понимаешь, нам придется расстаться, если только он о нас пронюхает.

Удар пришелся в самую точку. Она не хотела, чтобы он уезжал. Он, конечно, понимал, что скоро придет тот день, когда им придется расстаться, но пока не собирался рассказывать ей об этом.

– Я ничего не скажу, – пообещала она.

– Еще пару слов, – сказал Шеннон. – Ты говоришь, что обратила внимание на заголовок в верхней части листка со списком расценок за горно-рудные работы. Что это был за заголовок?

Она наморщила лоб, пытаясь вспомнить.

– Ну, то что в авторучках используют. Я видела это слово на рекламе дорогих авторучек.

– Чернила? – спросил Шеннон.

– Платина? – неуверенно сказала она.

– Платина, – поправил он ее, вдруг задумавшись. – И последнее, что было написано на обложке папки?

– Ну это я запомнила, – с радостью отозвалась она. – Как в детских сказках. Хрустальная гора.

Шеннон глубоко вздохнул.

– Пойди приготовь мне кофе, малышка.

Услышав, как она загремела чашками на кухне, он облокотился на спинку кровати и устремил взгляд в окно на ночной Лондон.

– Ах ты, хитрая скотина, – прошептал он. – На этот раз дешево отделаться не удастся, сэр Джеймс. Фокус не пройдет.

В темноте раздался его смех.

Той же субботней ночью Бенни Ламбер, пошатываясь, плелся в свою берлогу после солидной поддачи с друзьями в одном из любимых кафе. Он много раз этим вечером ставил выпивку корешам на те бабки, которые ему отсыпал Шеннон. Он уже успел обменять их на франки. Приятно было вешать всем лапшу на уши о «крупном деле», которое только что удалось провернуть, и покупать шлюхам в баре шампанское. Сам он тоже заправился под завязку, даже перебрал немного, и поэтому не обратил внимания на машину, которая медленно кружила за ним в сотне ярдов. Не придал он значения и тому, что когда вышел на пустырь в полумиле от дома, машина вдруг рванула вперед и подъехала к нему вплотную.

К тому времени, когда он сообразил, что происходит, и начал протестовать, громадных размеров человек, вылезший из машины, уже тащил его в сторону за рекламный щит, стоящий в девяти ярдах от обочины.

Протесты прекратились, когда человек, не отпуская захвата за шиворот, развернул его к себе и резким ударом двинул кулаком в солнечное сплетение. Бенни Ламбер обмяк и рухнул на землю. Стоя над ним так, что лицо скрывалось от света фонаря в тени афиши, человек достал из-за пояса короткий стальной ломик. Наклонившись, гигант подхватил корчащегося на земле Ламбера под левую коленку и приподнял ногу вверх.

Послышался приглушенный хруст, когда нападающий со всего размаху шмякнул ломиком по коленной чашечке, разmozжив ее вдребезги. Ламбер испустил пронзительный вопль, как проткнутая шомполом крыса, и потерял сознание. Он так и не почувствовал, как разбивалось второе колено.

Двадцать минут спустя Томар звонил своему нанимателю из телефона-автомата напротив ночного кафе в миле от пустыря. Ру выслушал его и кивнул.

– Хорошо, – сказал он. – У меня тоже есть новости для тебя. Из той гостиницы, где обычно останавливается Шеннон. Анри Алэн только что сообщил, что они получили письмо от мистера Кейта Брауна. Ему зарезервирован номер на 15 мая. Понял?

– Пятнадцатое, – повторил он. – Да. Значит, он там будет.

– И ты тоже, – сказал голос в трубке. – Анри будет держать связь со своим знакомым из гостиницы, а ты будешь стоять на стреме неподалеку от отеля с полудня накануне и далее.

– До каких же пор? – спросил Томар.

– Пока он не выйдет в одиночестве, – сказал Ру. – Тут ты его и прихлопнешь. За пять тысяч долларов.

Выходя из телефонной будки Томар слегка улыбался. Попивая пиво, он облокотился на стойку бара, и почувствовал, как пистолет прижался к ребрам слева подмышкой. Это его еще больше развеселило. Через несколько дней он поможет ему заработать небольшое состояние. У него не было сомнений по этому поводу. Он уговаривал себя, что нет ничего проще, чем ухлопать человека, пусть даже самого Кота Шеннона, который тебя никогда не видел и не догадывается о твоём существовании.

Курт Земмлер позвонил поздним утром в воскресенье.

Шеннон, голый, лежал на постели, уставившись в потолок, пока Джули возилась на кухне с завтраком.

– Мистер Кейт Браун? – спросила телефонистка.

– Да, я у телефона.

– С вами будет говорить мистер Семolina из Генуи.

Шеннон рывком сел на кровати, прижав трубку к уху.

– Соединяйте, – сказал он.

Голос немца звучал слабо, но помех не было.

– Карло?

– Да. Курт?

– Я в Генуе.

– Я знаю. Что нового?

– Я нашел то, о чем ты просил. На этот раз наверняка. Правда, есть человек, который тоже не прочь ее купить. Надо будет заплатить больше, если хотим приобрести корабль. Но он в порядке. Для нас это то, что надо. Можешь приехать посмотреть?

– Ты вполне уверен, Курт?

– Да. Вполне. Грузовое судно, собственность генуэзской судовой компании. Недавно из ремонта.

Шеннон подумал.

– Прилечу завтра. В какой гостинице ты остановился?

Земмлер назвал.

– Буду на первом же самолете. Не знаю точно, когда это случится. Не выходи с утра из гостиницы, я с тобой свяжусь. Закажи мне номер.

Через несколько минут он уже беседовал со службой заказа билетов компании БЕА и узнал, что первый рейс вылетает в Милан в 9.05 на следующее утро, откуда можно пересесть на самолет до Генуи, прибывающий на место во втором часу дня по местному времени. Он заказал себе билет.

Когда Джули принесла кофе, он улыбался. Если корабль подойдет, то он оформит все дела в ближайшие двенадцать дней и будет на свидании с Лангаротти в Париже 15 мая, с полной уверенностью, что Земмлер подготовит корабль к отплытию до конца мая, с надежной командой, запасом горючего и продовольствия.

– Кто это звонил? – спросила девушка.

– Приятель.

– Что за приятель?

– Компаньон по делу.

– Что ему надо?

– Мне нужно поехать на встречу с ним.

– Когда?

– Завтра утром. В Италию.

– И надолго?

– Не знаю. Недели на две. Может, больше.

Она, опустив голову, уставилась в свою чашку.

– А мне что прикажешь делать все это время?

Шеннон улыбнулся.

– Подыщешь себе что-нибудь. Такого добра везде навалом.

– Ты, конечно, порядочный негодяй, – задумчиво сказала она. – Но раз уж тебе надо ехать, то ничего не поделаешь. Значит, у нас остается время только до завтрашнего утра. Учти, мой милый котенок, я не собираюсь терять ни минуты!

После того, как его кофе выплеснулся на подушку, он про себя заметил, что атаковать дворец Кимбы, наверное, куда проще, чем удовлетворить ненасытные желания славной маленькой дочурки сэра Джеймса Мэнсона.

Глава 15

Генуэзский порт купался в лучах послеполуденного солнца, когда Кот Шеннон и Курт Земмлер расплатились за такси, и немец повел своего командира вдоль причала туда, где пришвартовалось самоходное судно «Тоскана». Старенький транспортный корабль был с двух сторон зажат мощными грузовыми судами водоизмещением по три тысячи тонн. Но это не имело значения для Шеннона. По его оценке, «Тоскана» была достаточно велика для их целей. Крыша небольшого носового отсека обрывалась на четыре фута вниз к главной палубе, в центре которой был большой прямоугольный люк, ведущий в единственный грузовой трюм корабля. Ближе к корме располагался капитанский мостик, под которым угадывалась каюта капитана и помещения для команды. На единственной, довольно короткой и толстой мачте была укреплена стрела грузоподъемника, поднятая почти вертикально. На корме, по правому борту, была закреплена спасательная шлюпка.

Посудина была старой, краска в одних местах блестела на солнце, а в других – облупилась под действием времени и соленых морских волн. Небольшое, старое, аляповатое суденышко обладало тем качеством, которое требовалось Шеннону – было неприметным. Тысячи таких маленьких трудяг непрерывно перевозят грузы из Хайфы в Гибралтар, из Танжера в Дакар, из Монровии в Симонстаун. Они все похожи друг на друга, не привлекают внимания и редко наводят на подозрения, что замешаны хоть в чем-то, выходящем за рамки доставки малых партий товара из одного порта в другой.

Земмлер провел Шеннона на борт. Они прошли на корму, спустились по трапу в темноту кают-компаний, и Земмлер позвал кого-то. Потом они прошли дальше. В каюте их встретил мускулистый человек с мужественным обветренным лицом, лет сорока с небольшим, который кивнул Земмлеру и вопросительно уставился на Шеннона.

Земмлер пожал ему руку и представил Шеннону.

– Карл Вальденберг, первый помощник капитана.

Вальденберг коротко кивнул, и они обменялись рукопожатием.

– Пришли осмотреть нашу старушку «Тоскану»? – спросил он.

Шеннон с удовольствием отметил, что он говорит хотя и с

акцентом, но на приличном английском, да и по виду похож на человека, который за хорошую плату согласится взять на борт груз, не отмеченный в декларации. Ему стало понятно, почему немец заинтересовался этим человеком. Земмлер предупредил его, что сказал команде о предстоящем осмотре корабля своим начальником, на предмет возможной покупки. Для первого помощника личность нового владельца была совсем не безразлична. Помимо всего прочего, Вальденбергу приходилось думать и о своем будущем.

Механик-югослав был где-то на берегу, но они увидели матроса – юного итальянца, рассматривающего мужской журнал в своей каюте. Не дожидаясь прихода капитана-итальянца, первый помощник провел их по «Тоскане».

Шеннона интересовали три вещи: возможность разместить на корабле еще двенадцать человек, даже если им придется спать на палубе, под открытым небом; каков объем грузового трюма и можно ли припрятать от чужих глаз несколько ящиков дополнительно и, наконец, насколько надежны двигатели, смогут ли они дотянуть до берегов Южной Африки, если потребуется.

Глаза Вальденберга чуть заметно сузились, когда Шеннон задал свои вопросы, но он обстоятельно ответил на них. Он сам прекрасно понимал, что ни один пассажир не будет платить деньги за удовольствие спать на палубе «Тосканы» под летним звездным небом, завернувшись в одеяло, так же, как было ясно, что «Тоскана» не предназначена для доставки груза на другой конец Африки. На такие расстояния груз отправляют большими судами. Преимущество маленького грузового корабля в том, что на него можно быстро погрузить товар по первому требованию и через пару дней выгрузить его в порту за пару сотен миль от места погрузки. Большим судам требуется куда больше времени проводить в портах. Но на больших расстояниях, например при переходе из Средиземноморья в Южную Африку, большие суда быстро компенсируют потерю времени в порту за счет скорости хода. Для экспортера такие посудины, как «Тоскана», не представляют интереса, если речь идет о доставках на расстояние более чем 500 миль.

Осмотрев корабль, они поднялись на палубу, и Вальденберг предложил им пива, которое они пили в тени, под брезентовым навесом за капитанским мостиком. Там и начались настоящие переговоры. Немцы обменивались репликами на своем гортанном языке, моряк, видимо, задавал вопросы, а Земмлер отвечал на них. В конце концов Вальденберг внимательно посмотрел на Шеннона,

перевел глаза на Земмлера и медленно кивнул.

– Возможно, – произнес он по-английски.

Земмлер повернулся к Шеннону и объяснил:

– Вальденберг интересуется, почему такой человек, как вы, очевидно, незнакомый с фрахтовкой торговых грузовых судов, хочет купить себе такой корабль. Я сказал, что ты бизнесмен, а не моряк. Он считает, что перевозка товара слишком рискованное предприятие, и богатый человек не станет вкладывать сюда деньги, если только у него нет каких-то особых соображений на этот счет.

Шеннон кивнул.

– Справедливо. Курт, я хочу кое-что сказать тебе с глазу на глаз.

Они прошли на корму и облокотились на поручни, пока Вальденберг попивал свое пиво.

– Что скажешь об этом парне? – тихо произнес Шеннон.

– Мужик что надо, – без колебаний ответил Земмлер.

– Капитан к тому же владелец корабля, но он человек старый и собирается на покой. Поэтому ему приходится продавать судно, чтобы обеспечить старость. Значит, место капитана освобождается. Мне кажется, что Вальденберг на него нацелился, и меня это бы вполне устроило. У него есть лицензия, и он знает корабль как свои пять пальцев. Кроме того, он не новичок на море. Остается вопрос, согласится ли он взять на борт рискованный груз. Мне кажется, что да, если цена будет соответствующая.

– Он уже что-то заподозрил? – спросил Шеннон.

– Конечно. Считает, что ты занимаешься нелегальным ввозом иммигрантов в Британию. Не хочет иметь неприятности с законом, но за приличную цену, на мой взгляд, пойдет на риск.

– Очевидно, прежде всего надо купить корабль. Позже он сможет решить, уйти или остаться. Если захочет уйти, подыщем другого капитана.

Земмлер отрицательно покачал головой.

– Нет. Нам придется немало рассказать ему заранее, чтобы приблизительно ввести его в курс предстоящего дела. Если он уйдет, это будет связано с утечкой информации.

– Если он узнает, в чем будет заключаться работа, а после этого решит уйти, то другого пути, кроме этого, у него не будет, – сказал Шеннон и указал пальцем вниз на покрытую масляными пятнами воду за кормой.

– Есть еще кое-что, Кот. Было бы совсем неплохо привлечь его на нашу сторону. Он знает корабль, и если решит остаться, то может

уговорить капитана продать «Тоскану» нам, а не местной судовой компании, которая тоже точит на него зубы. Его мнение не безразлично капитану, потому что старик хочет передать «Тоскану» в надежные руки, а Вальденбергу он доверяет.

Шеннон обдумал сказанное. Идея пришлась ему по душе.

Времени оставалось все меньше и меньше, а «Тоскана» ему нравилась. Первый помощник может способствовать ее покупке и наверняка сможет с нею управиться на посту капитана. Он же подыщет себе помощника, такого, на которого можно будет надеяться.

Существует одно полезное правило подкупа людей. Никогда не пытайся купить всех до одного. Достаточно хорошо заплатить человеку, который будет контролировать своих подчиненных. Он сам о них позаботится.

Шеннон решил попытаться привлечь Вальденберга в союзники. Они вернулись под тент.

– Буду с вами откровенен, мистер, – сказал он немцу. – Вам, конечно, ясно, что если я куплю «Тоскану», то не стану возить на ней арахис. Правда и то, что возникнет элемент риска, когда груз поступит на борт. При разгрузке риска не будет, потому что судно не войдет в территориальные воды. Мне нужен хороший шкипер, а Курт Земмлер считает, что вы – подходящая кандидатура. Тогда давайте говорить о главном. Если я куплю «Тоскану», то предложу вам место капитана. Вы получите гарантированное полугодовое жалование, в два раза больше вашего теперешнего, плюс единовременную премию в 5000 долларов за первый рейс, который планируется через десять недель.

Вальденберг выслушал, не сказав ни слова. Потом улыбнулся и поднялся со своего места, протянув руку.

– Мистер, капитан к вашим услугам.

– Прекрасно, – сказал Шеннон. – Теперь дело за малым – купить корабль.

– Никаких проблем, – сказал Вальденберг. – Сколько вы готовы выложить за него?

– А какова цена? – в свою очередь спросил Шеннон.

– Цена рыночная, – ответил Вальденберг. – Конкуренты сказали, что готовы заплатить 25 000 фунтов, но ни пенни больше.

– Я пойду на 26 000. Капитан согласился? – спросил Шеннон.

– Конечно. Вы говорите по-итальянски?

– Нет.

– А Спинетти не знает английского. Разрешите мне быть вашим переводчиком. Я обо всем договорюсь со стариком. Учитывая цену и

то, что я стану капитаном, он отдаст вам «Тоскану». Когда вы готовы с ним встретиться?

– Завтра утром подойдет? – спросил Шеннон.

– Хорошо. Завтра в десять утра здесь, на борту.

Они снова обменялись рукопожатиями, и наемники ушли.

Крошка Марк Вламинк работал не щадя сил в гараже, пока запертый на ключ фургон стоял снаружи, перед воротами. Ворота гаража Марк тоже запер на тот случай, чтобы его никто не потревожил. Он уже второй день проводил в гараже и почти закончил первую часть работы.

Вдоль задней стены гаража он поставил рабочий стол из деревянных брусьев, оборудовав его всем необходимым.

Инструменты были куплены на 500 фунтов, данных Шенноном, как и сам фургон, да и все остальное снаряжение. Вдоль боковой стены стояли пять больших стальных бочек. Они были окрашены в ярко-зеленый цвет, и сбоку на каждой красовалась надпись «Нефтяная компания КАСТРОЛ». Они были пустыми, Марк их приобрел по дешевке в порту, а когда-то в них хранилось густое смазочное масло, о чем также свидетельствовала надпись на каждой бочке.

В первой бочке Марк вырезал круглое отверстие на дне и поставил ее вверх тормашками дырой кверху, а закручивающейся крышкой к полу. От дна бочки оставалась лишь узкая, в полтора дюйма шириной полоска металла по краю.

Из багажного отделения фургона Марк вытащил два ящика с автоматами, и двадцать «шмайссеров» были почти готовы к помещению в новый тайник. Каждый автомат был туго обмотан клейкой лентой от одного конца до другого, при этом к каждому были приметаны по пять магазинов. После этого автоматы вкладывались в большие плотные полиэтиленовые мешки, из которых Марк тщательно высасывал воздух, а затем крепко перетягивал шпагатом. Затем каждый мешок помещался в следующий, внешний мешок, который также туго перевязывался.

Такая упаковка гарантирует, что автоматы будут сухими, когда придет время вытаскивать их на свет.

Он обхватил двадцать увесистых продолговатых свертков и обвязал их куском нейлонового шпагата. Получился большой тюк, который он аккуратно просунул в отверстие бочки и опустил внутрь. Бочки были стандартные, рассчитанные на сорок четыре галлона или двести литров, и в каждой из них было достаточно места для двадцати «шмайссеров» с запасными обоймами. Между стенками и тюками

оставалась еще небольшая воздушная прослойка.

Когда первый тюк был спрятан, Марк приступил к процессу запаивания бочки. Он запасся в портовом магазине жестяными дисками нужного размера и приладил один из них поверх отверстия бочки. Полчаса ушло на работу ножовкой и напильником, пока, наконец, диск не лег плотно на дно, аккуратно прилегая изнутри к ребру нижнего кольца окантовки и полностью прикрывая собой то, что осталось от прежнего дна.

Включив паяльную лампу, он взял стержень из мягкого припоя и начал припавать жесть к жести.

Металл можно приварить к металлу, и для получения прочных соединений так обычно и поступают. Но в бочке, когда-то содержащей масло или легковоспламеняющиеся вещества, всегда остается опасность взрыва.

Пайка куска жести на другой кусок не дает такой же прочности соединения, но может быть произведена при куда более низких температурах. Если бочки не будут класть на бок и прыгать на них, что может привести к существенным напряжениям, припаянное дно никуда не денется.

Когда дело было сделано, Марк залил все мелкие швы припоем и, дождавшись, пока дно остынет, выкрасил его свежей краской, точно такой же, какой красят нефтяные бочки фирмы «КАСТРОЛ» во всем мире. После того, как краска высохла, он аккуратно перевернул бочку, установив ее на новое дно, отвинтил крышку и опорожнил внутрь несколько канистр с густым смазочным маслом.

Изумрудно-зеленая жидкость, тяжелая, клейкая, вязкая, толстой струей вливалась в отверстие и с бульканьем стекала на дно. Постепенно заполнялись все пустоты между тюком с автоматами и стенками бочки, масло проникало во все складки и зазоры между полиэтиленовыми пакетами, поднимаясь все выше.

Хотя Марк и высосал воздух из мешков, прежде чем завязать их, внутри виднелись пузырьки воздуха, вышедшего из патронника и затвора и обойм. Это уменьшало вес тюков и делало их почти невесомыми, отчего они сначала неуклюже всплывали на поверхность, словно тонущий человек, а потом медленно опускались на дно.

У бельгийца ушло две больших канистры масла, прежде чем бочка заполнилась доверху, и он прикинул, что семь десятых объема занимает тюк, а три десятых приходится на масло. Он вылил шестьдесят литров жидкости на двухсотлитровую бочку.

Достав карманный фонарик, осмотрел поверхность масла. Луч

отразился от блестящей ровной глади, зеленой, со слегка золотистым оттенком. Ничто не напоминало о том, что покоилось на дне бочки. Он прождал еще час и обследовал дно. Ни капли жидкости не протекло, новое дно бочки плотно легло на свое место.

Отперев ворота гаража, он загнал фургон внутрь. На душе было легко и весело. Ему еще предстояло избавиться от двух деревянных ящиков с немецкой маркировкой и забросить куда-нибудь подальше бесполезный жестяной диск. Первым – место в огне, а второму – на дне гавани. Он убедился, что система работает, и теперь можно оборудовать по одной бочке в два дня. К 15 мая все будет готово, как они договаривались с Шенноном.

Приятно снова чувствовать себя при деле.

Профессор Иванов был вне себя, что случилось с ним не в первый, да и наверняка не в последний раз в жизни.

– Бюрократы! – в сердцах произнес он за завтраком, обращаясь к жене, сидящей напротив. – Просто уму непостижимо, до какой степени идиотизма и безнаказанности разрослась бюрократия в этой стране!

– Ты абсолютно прав, Михал Михалыч, – мягким тоном успокоила его жена, разливая по чашкам густой, крепкий до черноты чай, который так любил ее муж. Благоразумная, сдержанная, она считала, что вспыльчивый ученый супруг должен сдерживать подобные выплески эмоций и, уж во всяком случае, не выносить их из дома.

– Если бы капиталисты знали, сколько времени надо угробить в этой стране, чтобы достать два болта с гайками, они бы попадали от смеха.

– Успокойся, дорогой, – сказала жена, размешивая сахар. – Не надо кипятиться.

Уже несколько недель прошло с тех пор, как директор вызвал его в свой обитый сосновыми панелями кабинет, находящийся в самом центре огромного комплекса научных лабораторий, объединенных в исследовательский центр, недавно построенный в сибирской глуши. Директор объявил, что Иванов назначается руководителем поисковой партии, отправляющейся в Западную Африку, и он должен немедленно заняться вопросами подготовки и организации экспедиции.

Это означало забросить интересную тему, на которой он в тот момент работал, и оторвать от дела двух сотрудников. Он составил список снаряжения, необходимого с учетом африканского климата, и послал заявки в полдюжины различных снабженческих организаций, отвечая на дурацкие вопросы сдержанно, насколько это возможно, и

находясь в постоянном, томительном ожидании, когда же наконец пришлют заказанное оборудование. Ему доводилось принимать участие в экспедиции, работавшей в Гане в те времена, когда у власти стоял Нкрума, и он прекрасно понимал, что значит работа в джунглях.

– Не могу жить без снега, – жаловался он тогда руководителю экспедиции. – Не выношу жары.

Тем не менее, он сделал то, что требовалось. Экспедиция была укомплектована людьми, оборудование подготовлено к отправке. Не забыли ничего, вплоть до таблеток для дезинфекции воды и брезентовых раскладушек. Если повезет, надеялся он, они отработают и вернутся с образцами породы еще до того, как короткое, но жаркое сибирское лето сменится унылыми осенними дождями. Письмо в его руке означало, что этим надеждам не суждено сбыться.

Оно было подписано директором, но он на него не обижался, потому что понимал: это не его инициатива, а распоряжение из Москвы. К несчастью, там решили, что конфиденциальный характер экспедиции исключает возможность использовать для транспортировки регулярные рейсы, а МИД отказывался обязать Аэрофлот предоставить в распоряжение экспедиции отдельный авиалайнер. Учитывая развитие событий на Ближнем Востоке, рассчитывать на военный транспортный АН тоже не приходилось.

В связи с этим, гласила инструкция из Москвы, а также учитывая количество оборудования, необходимого для проведения экспедиции, и значительного объема образцов, которые предстоит доставить из Западной Африки, надлежало воспользоваться морским транспортом. Было решено, что экспедиция будет доставлена по месту назначения на борту советского грузового судна, направляющегося вдоль берегов Западной Африки, в Юго-Восточную Азию. По мере того, как они закончат свои дела и известят об этом посла Добровольского, тот даст распоряжение, и направляющийся к родным берегам корабль свернет с курса, чтобы взять на борт трех членов экспедиции и ящики с образцами. Они будут поставлены в известность о предстоящей дате отплытия и из какого порта оно произойдет, и соответствующие разрешения на доставку груза в порт будут предоставлены.

– Целое лето! – выкрикнул Иванов жене, пока та помогала ему облачаться в пальто с меховым воротником и пушистую меховую шапку. – Я должен буду целое лето пустить коту под хвост. А там в это время как раз сезон дождей.

Кот Шеннон и Курт Земмлер на следующий день снова были на борту корабля, где впервые встретились с капитаном Алессандро

Спинетти. Это был коренастый старик с лицом, изрезанным морщинами, словно грецкий орех, в майке, натянутой на бочкообразную грудь, и в белой фуражке, лихо сдвинутой набок.

Переговоры начались еще на борту и продолжились в конторе поверенного капитана, некоего Джулио Понти, который вел прием в доме на одной из узких улочек, уходящих от гремющей и скандальной Виа Грамши. Чтобы отдать справедливость синьору Понти, следует заметить, что его контора была расположена поблизости от наиболее уважаемого конца Виа Грамши. По мере того, как они подходили к конторе стряпчего, шлюхи в барах становились более шикарными и дорогими.

Ни одно дело, связанное с законом, в Италии не продвигается быстрее улитки, причем улитки, страдающей артритом.

Условия были уже обговорены. Капитан Спинетти, которому переводил Карл Вальденберг, согласился в целом на предложение Шеннона: 26 000 фунтов наличными за корабль, в любой устраивающей капитана валюте; предоставление его бывшему помощнику места капитана с гарантированной полугодовой выплатой жалования, в два раза превышающего то, которое он получал до этого; предоставление возможности механику и матросу либо остаться на своих местах с сохранением прежней зарплаты, либо уйти с выплатой компенсации 500 фунтов матросу и 1000 фунтов механику.

Про себя Шеннон уже решил убедить матроса уйти, но сделать все, чтобы оставить механика, угрюмого серба, который, по словам Вальденберга, мог выжать из двигателей больше, чем они способны дать, всегда молчал и не задавал вопросов, и у которого, что самое главное, видимо, не все в порядке с документами и поэтому работа нужна как воздух.

Чтобы меньше платить налогов, капитан очень давно вложил 100 фунтов в организацию маленькой частной компании «Спинетти Маритимо Шиппинг Компани». Было выпущено 100 акций, из которых девяносто было у Спинетти, а одна досталась его адвокату синьору Понти вместе с должностью секретаря правления компании. Таким образом, продажа корабля «Тоскана», единственного имущества компании, сопровождалась продажей самой судовой компании «Спинетти Маритимо», что очень устраивало Шеннона.

Не устраивало его только то, что пришлось пять дней кряду встречаться с адвокатом, пока не были урегулированы все детали. И это была всего лишь первая стадия процедуры.

Уже прошла неделя мая и наступил День Тридцать Первый

личного календаря Шеннона, прежде чем Понти смог приступить к составлению контрактов. Раз сделка совершалась в Италии, а «Тоскана» была зарегистрирована там же и принадлежала жителю этой страны, контракт должен был соответствовать итальянским законам, а это весьма непросто. Всего контрактов было три.

Один – о продаже «Спинетти Маритимо» и всего ее имущества люксембургской компании «Тайроун Холдингс», второй – о предоставлении «Тайроун Холдингс» Карлу Вальденбергу места капитана на шесть месяцев по договорной плате, и третий гарантирующий двум другим членам экипажа возможности полугодовой работы с неизменной зарплатой или выплаты единовременного выходного пособия. Процесс оформления контрактов занял четыре дня, и Понти выглядел так, будто ему приходится бить все мыслимые рекорды скорости оформления бумаг, хотя в скорейшем завершении сделки были одинаково заинтересованы все участники.

Большой Жанни Дюпре в это погожее майское утро был явно доволен жизнью. Он только что вышел из магазина туристического снаряжения, в котором разместил последний свой заказ. Он внес задаток на нужное количество рюкзаков и спальных мешков. Товар обещали поставить на следующий же день, а в этот же день после обеда он собирался получить две больших коробки с ранцами военного образца и беретами со склада в лондонском Ист Энде.

Три больших ящика со вспомогательным снаряжением были отправлены в Тулон. Первый, по его расчетам, уже должен прибыть, а два других еще в пути. Четвертый будет запакован и передан в руки агента по транспортировке на следующий день, это значит, что у него впереди целая неделя. Вчера он получил письмо от Шеннона. Он просил съехать с его лондонской квартиры и 15 мая выехать в Марсель. Ему надлежало поселиться в условленном отеле и ждать, когда с ним выйдут на связь. Ему нравились четкие приказы, ошибки практически исключались, а если вдруг что-нибудь сорвется, то не по его вине. Он заказал билет на самолет и стал с нетерпением ждать, чтобы неделя прошла побыстрее. Хорошо снова чувствовать себя в деле.

Когда синьор Понти в конце концов закончил с писаниной, Кот Шеннон разослал из геноуэзской гостиницы несколько писем.

Первое – Йоханну Шлинкеру, где сообщал, что боеприпасы из Испании будут вывезены на грузовом корабле «Тоскана», принадлежащем судовой компании «Спинетти Маритимо», из Генуи.

Ему самому требовалось узнать у Шлинкера, куда официально отправлялись патроны, чтобы капитан мог оформить соответствующую заявку.

Он описал в письме, что собой представляет «Тоскана», и уже сверился с Судовым Регистром Ллойда, копию которого изучал в кабинете британского вице-консула в Генуе, чтобы убедиться в том, что «Тоскана» там присутствует. Он извещал Шлинкера, что свяжется с ним в ближайшие пятнадцать дней.

Следующее письмо было отправлено Алану Бейкеру, чтобы он в свою очередь сообщил югославским властям название и данные судна, на котором предполагалась транспортировка оружия, для оформления лицензии на экспорт. Он уже знал, что будет записано в маршрутном листе. Там будет значиться, что судно следует из югославского порта в Ломе, столицу Того.

Он написал длинное письмо мистеру Штайну, как президенту «Тайроун Холдингс» с просьбой подготовить бумаги к заседанию правления компании в помещении офиса через четыре дня. На повестке дня – два вопроса. Первый касается покупки компании Спинетти Маритимо и всего принадлежащего ей имущества за 26 000 фунтов, а второй – о выпуске дополнительного тиража однофунтовых акций на предъявителя, которые следует передать мистеру Кейту Брауну в обмен на чек на сумму в 26 000 фунтов.

Он также черкнул пару строк Марку Вламинку, сообщив, что отправка груза из Остенде задерживается до 20 мая, а в письме к Лангаротти написал, что парижская встреча переносится на девятнадцатое число.

Наконец, он отправил письмо в Лондон Саймону Эндину, которого просил прибыть на встречу с ним через четыре дня в Люксембург, имея с собой сумму не менее 26 000 фунтов, необходимую для покупки корабля и вступления операции в завершающую фазу.

Вечер тринадцатого мая был тихим и прохладным. Жан-Батист Лангаротти сидел за рулем своего фургона, который мчался по идущему вдоль побережья на запад шоссе из Иера до Тулона. Он опустил боковое стекло и вдыхал запахи хвойного леса, покрывающего холмы по правую руку от него. Как и Дюпре в Лондоне, собирающийся этим вечером вылететь в Марсель, или Вламинк в Остенде, заканчивающий работу над своей пятой, и последней, бочкой с оружием, Лангаротти был доволен жизнью.

В багажном отсеке его фургона лежали два последних подвесных мотора, купленные за наличный расчет и снабженные системой

подводного выхлопа для бесшумного хода. Он направлялся в Тулон, чтобы доставить их на таможенный склад.

На складе «Маритим Дюфо» уже хранились три черных надувных шлюпки, в разобранном виде, в ящиках, и третий подвесной мотор. Там же находились четыре коробки с экипировкой, прибывшие на его имя за последние две недели из Лондона. Он тоже не выбился из графика.

Обидно только, что пришлось переезжать из гостиницы.

Случайная встреча у вестибюля со старым знакомым по преступному миру, которая произошла три дня назад, заставила его быстренько смотаться на следующее утро. Теперь он жил в другом отеле и готов был сообщить об этом Шеннону, если бы только знал, где его искать. Но это не важно. Через сорок восемь часов, пятнадцатого числа, он прибудет на встречу со своим шефом в гостиницу «Плаза Сюрен», в Париже.

Заседание 14 мая в Люксембурге прошло на удивление быстро.

Шеннон на нем не присутствовал. Он встретился с мистером Штайном в его кабинете заранее и вручил ему документы на продажу судовой компании «Спинетти Маритимо» и принадлежащего ей судна «Тоскана», вместе с заверенным чеком на 26 000 фунтов стерлингов, предназначенным к оплате компанией «Тайроун Холдингс».

Спустя тридцать минут мистер Штайн вернулся с собрания правления и вручил Шеннону 26 000 однофунтовых акций «Тайроун Холдингс», на предъявителя. Кроме того, он показал ему конверт, в котором находились документы, подтверждающие покупку корабля компанией «Тайроун» и чек на имя синьора Алессандро Спинетти. Он заклеил конверт, на котором был написан адрес конторы синьора Джулио Понти в Генуе, и вручил его Шеннону. В последнем документе, который он передал Шеннону, сообщалось о решении правления назначить герра Курта Земмлера исполнительным директором судовой компании «Спинетти Маритимо».

Два дня спустя в конторе итальянского адвоката сделка была завершена. Чек на покупку «Тосканы» был оплачен, и «Тайроун Холдингс» стала легальным владельцем ста процентов акций «Спинетти Маритимо». В соответствии с этим, синьор Понти отослал заказной почтой сто акций «Спинетти Маритимо» на адрес управления компании «Тайроун», в Люксембурге. Кроме того, синьор Понти принял из рук Шеннона пакет и запер его в своем сейфе для верности. Он взял два образца подписи Шеннона, под именем Кейта Брауна, для того чтобы удостоверить подлинность каждого письма от Шеннона,

касающегося содержимого оставленного у него пакета. Понти не знал, что в пакете содержатся 26 994 акции. Это был контрольный пакет акций компании «Тайроун Холдингс».

Карл Вальденберг получил свою должность капитана и контракт на полгода, так же как и механик-серб. Месячная зарплата была выплачена каждому наличными, а оставшаяся сумма за пять месяцев работы по контракту передана на хранение синьору Понти.

Итальянского матроса без труда удалось уговорить забрать свое выходное пособие в 500 фунтов и еще сотню фунтов в придачу, после чего покинуть корабль. Земмлер был представлен членам команды как исполнительный директор.

Шеннон перевел на свой счет в Генуе очередные 5000 фунтов со счета в Брюгге. Из этих денег он и уплатил жалование двоим, оставшимся на «Тоскане», членам команды. Прежде чем покинуть Геную 18 мая, он вручил остаток Земмлеру с соответствующими указаниями.

– Как обстоит дело с двумя новыми членами экипажа?

– Вальденберг этим уже занимается, – сказал Земмлер. – Он утверждает, что этот порт просто кишит людьми, подходящими для работы. Он здесь все знает как свои пять пальцев. Кроме того, он понимает, кто нам нужен. Хорошие, крепкие парни, из числа тех, что не задают лишних вопросов и делают то, что сказано, особенно в том случае, когда впереди светит дополнительная оплата за удачную работу. Не волнуйся, он подберет хорошую парочку до конца этой недели.

– Правильно. Хорошо. Это как раз то, что мне надо. Подготовьте «Тоскану» к отплытию. Полная проверка и профилактика двигателей. Портовые пошлины должны быть уплачены, документы на нового капитана оформлены как положено. Маршрутный лист – с указанием выхода в Тулон для загрузки товара, отправляемого в Марокко. Запаситесь горючим и провизией. Рассчитайте так, чтобы хватило на всех членов команды плюс дополнительно двенадцать человек. Питьевая вода, пиво, вино, сигареты должны быть в избытке. Когда все будет готово, идите в Тулон. Вы должны быть там не позднее 1 июня. Я буду вас ждать вместе с Марком, Жанни и Жан-Батистом. Связь со мной держи через агентства по экспорту. Агентство «Маритим Дюфо». Их склад на территории порта. Там и увидимся. Желаю удачи!

Глава 16

Жан-Батист Лангаротти дожил до своих лет отчасти благодаря способности чувствовать опасность задолго до ее приближения.

В первый день, появившись в парижском отеле, он просто тихо сидел в холле и читал журнал. Прошло два часа после назначенного Шенноном времени, но главарь наемников так и не появился.

На всякий случай, корсиканец поинтересовался у регистратора. Хотя Шеннон и не говорил, что собирается остаться на ночь в Париже, но, возможно, он прибыл рано утром и взял себе номер. Дежурный клерк сверился с журналом регистрации гостей и сообщил Лангаротти, что в гостинице нет никакого «месье Брауна из Лондона». Лангаротти решил, что Шеннон задерживается и прибудет на встречу завтра, в тот же час.

Итак, корсиканец сидел в то же время в холле гостиницы шестнадцатого числа. Шеннона так и не было, но он заметил кое-что еще. Дважды один и тот же служащий гостиницы выглядывал в холл и исчезал, как только Лангаротти поднимал глаза. Прождав снова два часа, в течение которых Шеннон так и не появился, он опять вышел из гостиницы. Проходя по улице, он заметил человека у одного из подъездов, с неестественным интересом разглядывающего витрину магазина напротив. В витрине были выставлены образцы женских корсетов. У Лангаротти возникло ощущение, что этот человек как-то не вписывается в общую спокойную картину этой тихой, спокойной улочки, освещенной весенним утренним солнцем.

В течение следующих двадцати четырех часов корсиканец вынюхивал, откуда ветер дует, в парижских барах, где любили собираться наемники. У него были свои люди среди представителей подпольного Союза Корсиканцев. Он продолжал каждое утро исправно ходить в гостиницу и на пятый день, девятнадцатого, там оказался Шеннон.

Он прилетел предыдущим вечером на самолете из Генуи через Милан и провел ночь в гостинице. Настроение у него было хорошее, и он рассказал приятелю за кофе в баре гостиницы, что ему удалось купить корабль, необходимый для их операции.

– Никаких проблем? – спросил Лангаротти.

Шеннон отрицательно покачал головой.

– Никаких.

– Зато здесь, в Париже, у нас проблемы возникли.

Лишенный возможности точить нож в таком людном месте, малыш корсиканец сидел, положив руки на колени. Шеннон опустил чашку с кофе на стол. Он знал, что если Лангаротти говорит о проблемах, то дело плохо.

– Какие именно? – тихо спросил он.

– На тебя заключили контракт, – ответил Лангаротти.

Они посидели молча, пока Шеннон обдумывал новость.

Приятель не перебивал его. Он обычно отвечал на вопросы только после того, как ему их зададут.

– Тебе известен наниматель? – спросил Шеннон.

– Нет. Как и тот, кто под это дело подписался. Но ставка высокая, около 5000 долларов.

– Давно?

– Говорят, в течение последних шести недель. Не совсем ясно, действует ли тот, кто предложил контракт, а он должен жить в Париже, от своего имени или выполняет чье-то поручение. Поговаривают, кроме того, что подписаться под тебя может только либо хороший профессионал, либо дурак. Но кто-то за это взялся. О тебе наводят справки.

Шеннон тихо выругался. Он практически не сомневался в том, что корсиканец говорит правду. Слишком он осторожен, чтобы зря разбрасываться непроверенной информацией такого рода. Он попытался припомнить случай в прошлом, который мог привести к заключению контракта на его голову. К сожалению, можно было насчитать слишком много возможных причин. О чем-то он мог даже и не подозревать.

Он начал методично перебирать все известные ему возможности. Этот контракт имеет отношение к настоящей операции или возник по причинам более далеким? Сначала он рассмотрел первую предпосылку.

Возникла утечка информации? Какое-нибудь правительственное учреждение получило сведения от разведки о том, что он планирует переворот в Африке, и решило одним махом предупредить его, выведя из игры командующего операций? У него даже мелькнула мысль, что сэр Джеймс Мэнсон узнал о многократной дефлорации – если такое словечко подходит для этой искушенной Лолиты – своей дочери. Все эти варианты он решительно отбросил. Может быть, он случайно обидел кого-нибудь из темного мира дельцов оружейного черного

рынка, который решил жестоко с ним рассчитаться, оставаясь в тени.

Но подобным действиям обязательно должны предшествовать споры при заключении сделки, скандал из-за денег, обмен оскорблениями или угрозы. Ничего подобного не было.

Он начал вспоминать более далекие события, прошедшие сражения и войны. Беда в том, что никогда не догадаешься, не разозлил ли ты ненароком какую-нибудь большую организацию, сам того не зная? Вдруг кто-нибудь из тех, кого ему пришлось пристрелить, был секретным агентом ЦРУ или КГБ. Обе эти организации давно точат зубы друг на друга, а так как они укомплектованы самыми беспринципными в мире людьми, то часто настаивают на сведении счетов даже тогда, когда для этого нет никаких весомых оснований, кроме обыкновенной мести. Он знал, что ЦРУ до сих пор держит открытым контракт на убийство Брюса Росситера, который пристрелил американца в баре Леопольдвилля за то, что тот на него уставился. Американец, как выяснилось позднее, был одним из местных резидентов ЦРУ, хотя Росситер об этом понятия не имел. Это ему не помогло. Контракт до сих пор действует, а Росситер по сей день в бегах.

КГБ ничем не лучше. Они рассылают убийц по всему миру, чтобы ликвидировать перебежчиков, иностранных агентов, которые им насолили, провалившихся осведомителей, выведенных на чистую воду и лишившихся защиты своих прежних хозяев. При этом русских не интересуют практические мотивы, как, например, информация, которую человек пока не разгласил. Они убивают исключительно из мести.

Оставалась еще французская СДЕКЕ и британская СИС.

Французы могли бы его прикончить сотню раз за последние два года и наверняка это случилось бы где-нибудь в африканских джунглях. Более того, они никогда не стали бы связываться с человеком из Парижа и рисковать провалом операции. У них в штате есть свои хорошие ребята. С англичанами версия еще менее вероятная. Закоренелые буквоеды, они должны будут получить разрешение на акцию чуть ли не на уровне кабинета министров и используют эти методы только в случае чрезвычайной важности, чтобы предотвратить глобальную утечку информации, создать прецедент, способный заставить остальных поверить в силу организации. Возможно, конечно, и сведение счетов, но только в том случае, когда кто-нибудь из агентов был преднамеренно убит, и личность убийцы хорошо известна.

Шеннон был уверен, что за свою жизнь ни разу не прикончил ни одного владельца британского голубого удостоверения, поэтому мог не ждать неприятностей с этой стороны. Русские и французы готовы убить по любой причине, но только не англичане. Они оставили в живых Стивена Уорда и дали ему предстать перед судом, что чуть было не привело к отставке правительства Макмиллана; они не тронули Филби после того, как он был раскрыт, да и Блейка тоже. Во Франции или в России оба изменника давно бы пополнили собой список жертв дорожных происшествий.

Оставались нелегальные организации. Союз Корсиканцев? Нет, Лангаротти не стал бы с ним связываться в таком случае.

Насколько ему было известно, он ни разу не вступал в конфликт ни с итальянской мафией, ни с североамериканским синдикатом.

Таким образом, дело сводилось к частному лицу, что-то имеющему против него. Если это не правительственная организация и не большая частная фирма, значит, речь идет об одиночке. Но кто же это, черт возьми?

Лангаротти внимательно смотрел на него, ожидая, что он скажет. Шеннон нахмурился.

– Им известно, что я в Париже?

– Думаю, да. По-видимому, они знают про эту гостиницу. Ты всегда здесь останавливаешься. Это ошибка. Я был здесь четыре дня назад, как ты велел...

– Разве ты не получил письма, где я просил перенести встречу на сегодня?

– Нет. Мне пришлось поменять гостиницу в Марселе неделю назад.

– Ах, вот как. Продолжай.

– Кто-то наблюдал за гостиницей, когда я пришел сюда во второй раз. Я до этого справлялся по твоему поводу, назвав фамилию Браун. Поэтому, мне кажется, что информация поступила отсюда, из гостиницы. Человек продолжал наблюдение вчера, наблюдает и сегодня.

– Значит, мне надо переехать в другой отель, – сказал Шеннон.

– Кто знает, удастся ли тебе от него избавиться таким образом. Кому-то известно имя Кейт Браун. Они тебя везде разыщут. Часто ты собираешься бывать в Париже в ближайшие недели?

– Несколько раз, – ответил Шеннон. – В основном короткие визиты проездом. А через два дня придется везти из Бельгии в Тулон через Париж груз Марка.

Лангаротти пожал плечами.

– Они, возможно, сейчас не найдут тебя. Нам неизвестно, насколько они умелы или сколько их. И кто они. Но в следующий раз они могут на тебя выйти. Тогда возникнут неприятности. Вероятно, с полицией.

– Я не могу себе это позволить. Только не сейчас. Не с тем грузом, который будет в фургоне Марка, – сказал Шеннон.

Он был человеком рассудительным и при других обстоятельствах предпочел бы переговорить с человеком, выписавшим на него контракт. Но сейчас он решил поступить иначе.

Шеннон, конечно, не отказался бы побеседовать с этим типом. Но надо было сначала узнать, кто это. Ему угрожал в данный момент один человек. Тот, что подрядился его убить. Он сказал это корсиканцу, который в ответ угрюмо кивнул.

– Да, mon ami,^[19] наверное ты прав. Нам придется брать убийцу. Но сначала надо его выманить.

– Ты сможешь мне, Жан-Батист?

– Конечно, – сказал Лангаротти. – Кем бы он ни был, к Союзу это не имеет отношения. Раз это не мои люди, я в твоём распоряжении.

Почти час они просидели над разложенной на столе картой Парижа. Потом Лангаротти ушел.

Днем он поставил свой фургон с марсельскими номерами в условленном месте. Ближе к вечеру Шеннон подошел к стойке дежурного и спросил, как пройти к известному ресторану, который находился приблизительно в миле от гостиницы. Тот служащий, которого описал ему Лангаротти, в этот момент находился поблизости и все слышал. Дежурный администратор рассказал ему, как добраться до ресторана.

– Это недалеко? – спросил Шеннон.

– Ну, конечно, месье. Минут пятнадцать, ну, может быть, двадцать ходьбы.

Шеннон поблагодарил клерка и, воспользовавшись его телефоном, заказал столик на 10 вечера, на фамилию Браун.

Остаток дня он не выходил из гостиницы.

Ровно в девять сорок, с саквояжем в одной руке и перекинутым через другую руку плащом, он вышел из отеля и свернул на улицу, ведущую в сторону ресторана. Путь не был прямым. Предстояло пройти две улочки еще меньше той, на которой располагалась гостиница. Прохожих встречалось все меньше и меньше и, наконец, он вышел на тускло освещенный пустынный переулок в Первом Аррондисмане Парижа. Он замедлил шаг и начал подолгу

рассматривать освещенные витрины закрытых магазинов, попросту убивая время. Ему уже давно надо быть в ресторане. Он не оглядывался. Иногда, в тишине, ему казалось, что он слышит осторожные приглушенные шаги где-то на темных улочках за спиной. Кто бы это ни был, но только не Лангаротти. Корсиканец мог передвигаться так, что и пылинки не шелухнется.

Был уже двенадцатый час, когда он дошел до темного, неосвещенного проулка, который они наметили заранее. Он отходил налево от улицы и был абсолютно пустынным. В дальнем конце он упирался в ряд близко расположенных столбиков, перегораживающих проход. По обе стороны тупика стены были гладкие и высокие, без окон. В конце тупика, поперек дороги, виднелся темный силуэт фургона, пустого, с раскрытыми задними дверцами. Шеннон приблизился к фургону со стороны зияющей черноты багажника и, дойдя до него, повернулся.

Как большинство солдат, он считал, что лучше смотреть опасности в лицо, чем чувствовать ее спиной. Из прежнего опыта он знал, что даже отступать лучше пятясь, оставаясь лицом к лицу с источником опасности. По крайней мере, так можно за ним следить. Пока он шел по проулку к тупику, у него шевелились волосы на затылке. Если бы законы психологии подкачали, он давно был бы мертв. Но психология оказалась на высоте. Человек, крадущийся за ним по пустынным улочкам, держался на приличном расстоянии, надеясь, что в конце концов ему должен представиться случай.

Шеннон бросил на землю саквояж с плащом и уставился на громадный силуэт на фоне слабого света фонарей в начале проулка. Он терпеливо ждал. Оставалось надеяться, что здесь, в центре Парижа, шума не будет. Силуэт замер, оценил ситуацию, очевидно, пытаясь определить, есть ли у Шеннона пистолет. Но открытые дверцы фургона успокоили убийцу. Он решил, что Шеннон припарковал его здесь, подальше от любопытных глаз, и поэтому шел сюда намеренно.

Силуэт в проулке бесшумно двинулся вперед. Шеннон смог разглядеть в полутьме, как нападающий вынул из кармана плаща правую руку и выставил перед собой, зажав что-то в кулаке.

Лицо его было в тени, четко обозначился только силуэт, и он был явно больше средних размеров. Человек остановился в самом центре тупика и начал медленно поднимать пистолет. Замер на несколько мгновений, видимо, прицеливаясь, потом вдруг снова опустил правую руку вниз, будто бы передумав.

Не сводя глаз с Шеннона, человек медленно наклонялся вперед и

опустился на колени. Некоторые стрелки так поступают, чтобы надежней прицелиться. Убийца прочистил горло, еще больше наклонился вперед и уперся локтями на булыжную мостовую. «Кольт 45» с металлическим звоном шмякнулся о камни. Медленно, как правоправный мусульманин во время молитвы, убийца склонил голову вниз, впервые за последние двадцать секунд отведя взгляд от Шеннона, и уставился на мостовую. Слышалось тихое журчание, как будто струя лилась на камни. Колени и локти его подкосились, он грузно шлепнулся в лужу собственной крови, хлещущей из перерезанной аорты, и затих.

Шеннон так и стоял у раскрытых дверей фургона. Теперь, когда человек упал, слабый свет пробился в проулок с дальнего конца. Из спины лежащего, облаченного в серый плащ, чуть левее позвоночника, между четвертым и пятым ребрами, торчала полированная костяная рукоятка ножа.

Кот поднял глаза. В свете дальнего фонаря теперь появилась другая фигура, маленькая, безмолвная, все еще застывшая в пятнадцати ярдах от тела в том месте, откуда был произведен бросок. Шеннон свистнул, и Лангаротти, бесшумно ступая по мостовой, подошел.

– А я уже начал думать, что ты опоздаешь, – сказал Шеннон.

– Нет. Никогда. С того самого момента, как ты вышел из гостиницы, у него не было шансов нажать на курок своего «кольта».

На полу фургона, поверх брезента, был постелен полиэтилен.

Брезент был заблаговременно снабжен проделанными по краям отверстиями для веревок, чтобы можно было легко и быстро упаковать поклажу, а к дальнему концу брезента были привязаны камни. Взяв тело за руки и за ноги, они приподняли его и перенесли в фургон. Лангаротти взобрался внутрь, чтобы вытащить нож, а Шеннон закрыл дверцы и тщательно запер их для верности.

Лангаротти перелез на переднее сиденье и завел мотор. Он медленно подал фургон назад и развернул его в сторону выезда из тупика. Перед тем, как машина должна была тронуться, Шеннон подошел к открытому боковому стеклу со стороны водителя.

– Ты его хорошо рассмотрел?

– А как же.

– Знаешь, кто он?

– Да. Человек по имени Ролан Томар. Был в Конго, но очень недолго, в основном промышлял в городе. Профессиональный убийца. Но не самого высокого качества. Такого солидный человек нанимать не станет. Скорее всего работал на своего постоянного босса.

– На кого именно? – спросил Шеннон.

– На Ру, – сказал Лангаротти. – На Шарля Ру.

Шеннон тихо, но крепко выругался.

– Это ублюдок, тупой, ничего не смыслящий кретин. Готов завалить любую операцию только потому, что его не пригласили в ней участвовать.

Он на минуту замолк и задумался. Ру надо как-то проучить, притом таким образом, чтобы он уже никогда не смог вмешаться в операцию с Зангаро.

– Поторопись, – сказал Корсиканец. – Я хочу уложить этого кандидата в постельку до того, как здесь кто-нибудь появится.

Шеннон принял решение и скороговоркой за несколько секунд дал указания Лангаротти. Тот кивнул.

– Хорошо. Мне нравится. Это надолго выведет ублюдка из игры. Но за отдельную плату. Пять тысяч франков.

– По рукам, – сказал Шеннон. – Поезжай быстрее. Встретимся у входа в метро «Порт де ля Шапель» через три часа.

С Марком Вламинком они встретились за ланчем в маленьком городке Динан на юге Бельгии, как было условленно заранее.

Шеннон позвонил ему накануне, отдал распоряжения и назначил место встречи. Крошка Марк утром поцеловал на прощание Анну, и она вручила ему с любовью уложенный чемодан с личными вещами и пакет с полбуханкой хлеба с маслом и головкой сыра на завтрак. Как всегда, попросила беречь себя.

Он пересек почти всю Бельгию с пятью двадцатилитровыми бочками смазочного масла фирмы «КАСТРОЛ» в фургоне. Его ни разу не остановили. Да и не было причин для этого. Документы на машину, страховка и права были в полном порядке.

Трое друзей сидели за столиком кафе на центральной улице городка. Шеннон спросил бельгийца:

– Когда будем переходить границу?

– Завтра утром, перед рассветом. Это самое спокойное время. Вам удалось поспать прошлой ночью?

– Нет.

– Тогда лучше отдохните, – сказал Марк. – Я пригляжу за фургонами. У вас есть еще время до полуночи.

Шарль Ру тоже чувствовал себя усталым в тот день. Весь предыдущий вечер, с тех пор, как ему позвонил Анри Алэн и сообщил, что Шеннон отправился ужинать в ресторан, он ждал новостей. До двенадцати ночи так ничего и не случилось, хотя в это время должен

был позвонить Томар и сообщить, что все кончено. Не было звонка ни в три утра, ни на рассвете.

Ру был небрит, измотан ожиданием и удивлен. Он понимал, что Томар не смог бы тягаться с Шенноном на равных, но был уверен, что ирландца уложат со спины в тот момент, когда он будет проходить по какой-нибудь пустынной улочке на пути к ресторану.

Поздним утром, когда Лангаротти и Шеннон на пустом фургоне без осложнений пересекли границу с Бельгией севернее Валенсьенна, Ру наконец напялил брюки и рубаху, чтобы спуститься на лифте с шестого этажа и проверить, нет ли чего в почтовом ящике.

Ничего подозрительного с замком ящика не приключилось.

Ящик как ящик – двенадцать дюймов высотой, девять – шириной и столько же в глубину, прикручен к стене в вестибюле дома, как у всех остальных жильцов.

Никаких признаков того, что он открывался, не было.

Взломщик должен был бы повредить замок. Но, тем не менее, кто-то его наверняка открывал.

Ру достал ключ, засунул в скважину и распахнул дверцу.

Секунд десять он стоял не двигаясь. Внешне он никак не изменился, только щеки, обычно розово-румяные, вдруг посерели. Не сводя застывшего взгляда с ящика, он начал бормотать: «Боже мой, Боже мой...» – бесконечно повторяя эти слова словно заклинание. Живот у него подвело, он почувствовал себя так же, как в Конго, когда конголезские солдаты начали допытываться, кто он такой, в тот момент, когда он, забинтованный с ног до головы, лежал на носилках и Джон Питерс пытался вывезти его из страны, чтобы спасти от неминуемой гибели. Ему захотелось помочиться, убежать куда глаза глядят, но он только стоял и потел от страха. С полусонным и тоскливым выражением полужакрытых глаз и плотно сжатыми губами на него взирала из глубины почтового ящика голова Раймона Томара.

Ру никогда не был трусом, но и железной выдержкой тоже не славился. Он запер ящик, вернулся в квартиру и принялся за бутылку бренди, исключительно в медицинских целях. Ему требовалось много лекарства.

Алан Бейкер вышел из здания югославской оружейной компании на залитую солнцем улицу Белграда в хорошем настроении. Его удовлетворял ход событий. Получив 7200 долларов от Шеннона, он направился к официальному торговцу оружием, на которого в былые времена подрабатывал. Так же, как и в случае со Шлинкером, торговец считал, что объем предлагаемой закупки чрезвычайно мал, но внял

аргументам Бейкера, что если покупатели будут удовлетворены товаром, то предложат значительно больший контракт.

Итак, он отдал Бейкеру распоряжение лететь в Белград и сделать заявку на покупку, используя сертификат из Того, в который вписаны соответствующие фамилии, а также рекомендательное письмо от заказчика, наделившего Бейкера полномочиями своего представителя.

Правда, в этом случае Бейкер терял часть своей доли, но это был единственный способ быть принятым в Белграде. При таком незначительном заказе он мог в любом случае рассчитывать не более чем на сто процентов прибыли.

Переговоры с мистером Павловичем, длившиеся в течение пяти дней, оказались вполне успешными и включили в себя посещение государственного склада, на котором он смог подобрать два миномета и две базуки. Боеприпасы к обоим видам оружия были стандартными – упаковки по двадцать ракет для базуки и десять мин для миномета в каждой.

Югославы приняли тоголезский сертификат получателя без сомнения. Сам Бейкер, официальный торговец-посредник, и, весьма вероятно, мистер Павлович, прекрасно понимали, что сертификат – не что иное, как «липа», но все делали вид, что правительство Того горит желанием закупить югославское оружие для апробации. При этом мистер Павлович настоял на немедленной оплате наличными, на что Бейкер не мог возразить и выложил 7200 долларов – то, что дал ему Шеннон, за вычетом дорожных расходов – и плюс своих тысячу. Он был уверен, что потеря ему возместится из суммы в те же 7200 долларов, оставшихся за Шенноном. И даже после того, как свое получит посредник, Бейкеру ляжет в карман кругленькая сумма в 4000 долларов.

Во время утренних переговоров его заверили в том, что товар получит разрешение на экспорт и будет вывезен армейскими грузовиками на таможенный склад в северо-западном порту Плоче, недалеко от курортов Дубровник и Сплит.

Именно в этом порту и должна была после 10 июня стоять «Тоскана» в ожидании груза. С легким сердцем Бейкер ближайшим рейсом вылетел через Мюнхен в Гамбург.

Утром 20 мая Йоханн Шлинкер находился в Мадриде. Он отослал на целый месяц раньше установленного срока подробный телекс о закупке девятимиллиметровых патронов, которые собирался переправить своему мадридскому партнеру, испанцу по национальности. И чуть позже вылетел в испанскую столицу сам, имея

при себе иракский сертификат получателя и 26 тысяч долларов, присланные Шенноном.

В Испании пришлось соблюсти гораздо больше формальностей, чем в Белграде. Потребовались две справки – одна на закупку оружия, другая на его экспорт. Сертификат на закупку был заготовлен в Мадриде через три государственных инстанции, которые занимались подобными вопросами. Сначала Министерство финансов должно было подтвердить получение суммы в 18 000 долларов в качестве оплаты за покупку, которая должна была быть произведена в твердой валюте и через определенный банк.

Еще несколько лет назад твердой валютой считались только американские доллары, но с недавнего времени Мадрид стал с удовольствием принимать немецкие марки.

Вторая инстанция – Министерство иностранных дел. Там нужно было получить подтверждение, что страна-покупатель не является враждебной по отношению к Испании. С Ираком в этом смысле проблем не было, так как испанское оружие с давних времен поставлялось арабам, с которыми испанцы были в дружбе.

Поэтому разрешение этого департамента на вывоз в Ирак девятимиллиметровых патронов было получено беспрепятственно.

И, наконец, на сцену вышло Министерство обороны, которое должно было подтвердить, что в ряду закупаемого оружия не находилось единиц, внесенных в списки секретного или не подлежащего экспорту. Патроны, которые закупались в данном случае, подозрений не вызвали.

И все же, несмотря на то, что никаких сложностей в этом процессе не возникло, он занял восемнадцать дней.

Восемнадцать дней сертификаты бродили по недрам трех высокопоставленных инстанций, обрастая постепенно все более плотной бумажной оболочкой, пока, наконец, на них не появилась долгожданная печать. Только тогда упаковки с боеприпасами были вывезены с завода «ЧЕТМЕ» и доставлены на испанский армейский склад в предместьях Мадрида. И только тогда к своим обязанностям приступило Министерство вооруженных сил, а именно – начальник военно-экспортного отдела полковник Антонио Салазар.

Шлиinker лично прилетел в Мадрид, чтобы предоставить разрешение на экспорт. По прибытии он располагал всеми возможными сведениями о «Тоскане» и заполнил все семь страниц анкеты, досконально ответив на вопросы. Вернувшись в свой номер в гостинице «Минданао», немец и там не испытывал сомнений.

«Тоскана» – суденышко чистое, хотя и небольшое.

Зарегистрировано в официальной корабельной компании «Спинетти Маритимо», как указано в судовом регистре Ллойда. В соответствии с текстом формуляра, она, «Тоскана», должна бросить якорь в Валенсии где-то между 16 и 20 июня, взять на борт груз и проследовать прямиком в Латакию на побережье Сирии, где накладная на товары будет передана иракцам для переправки их сушей в Багдад. Получение разрешения на экспорт должно занять не более двух недель. Затем упаковки будут вывезены с армейских складов и переданы в распоряжение офицера, который возглавит сопровождение груза подразделение из десяти солдат. Под такой надежной охраной груз будет доставлен в порт Валенсии. Последняя предосторожность принималась ввиду печального опыта последних трех лет – на пути можно было ожидать нападения баскских террористов. Меньше всего правительству каудильо хотелось видеть Гражданскую Гвардию Коруны, прошитую мадридскими пулями.

Готовясь к отъезду из Гамбурга, Шлинкер считал, что его мадридский партнер вполне в силах сохранить и подстраховать добрые отношения с Министерством вооруженных сил, и поэтому сохранял уверенность, что груз появится в Валенсии вовремя и будет дожидаться прибытия «Тосканы».

В Лондоне произошла третья и, на первый взгляд, безотносительная встреча. В течение последних трех недель мистер Гарольд Робертс, кандидат на должность директора «Бормак Трейдинг Компани», обладатель тридцати процентов акций этой компании, обрабатывал председателя, майора Лютона.

Он несколько раз приглашал его на ланч и однажды даже нанес ему визит домой в Гилфорд. Они стали почти друзьями.

В дружеских беседах Робертс ясно дал понять, что для того, чтобы деятельность компании сдвинулась с мертвой точки и она, вернувшись в рабочее состояние, занялась делом – производством каучука или какой-нибудь торговлей, потребуется вливание свежего капитала. Майору Лютону тоже было это понятно. Уловив удобный момент, мистер Робертс предложил председателю, чтобы компания предприняла новый выпуск акций один к двум, общим количеством в полмиллиона штук.

Поначалу майор был явно ошарашен смелостью, даже скорее наглостью такого хода, но мистер Робертс заверил его, что банк, чьим представителем он является, сочтет такое вложение капитала вполне резонным. Робертс также добавил, что все новые акции, которые не

раскупят старые или новые акционеры, будут приняты по полной стоимости Цвинглибанком с одобрения его клиентов.

Самым привлекательным оказался довод о том, что, когда сообщение о появлении новых акций достигнет биржи, изначальная стоимость акций «Бормак Трейдинг Компани» вырастет вдвое от прежней – один шиллинг и три пенса. Майор Лютон сразу вспомнил, что у него самого в наличии акций на сто тысяч, и согласился. Стоит человеку один раз дать слабину, он уже не сможет остановиться. Так было и с майором.

Все остальные предложения мистера Робертса были приняты безоговорочно.

Новоявленный директор доказывал, что они в паре составят кворум и полномочны принять резолюцию о расширении деятельности компании. По настоятельному требованию майора остальным четверем директорам были все же отосланы письма, уведомляющие о созыве внеочередного заседания совета, на котором будет обсуждаться нынешнее положение дел компании и возможность выпуска дополнительного пакета акций.

На заседание явился только секретарь компании, городской поверенный. Резолюция была принята, и появление на бирже новых акций объявлено. Созывать собрание всех акционеров не было никакого смысла, так как еще в далеком прошлом в уставе было записано одобрение возможного притока нового капитала, но с тех самых пор это событие еще ни разу не произошло.

Старым акционерам был дан приоритет в приобретении новых акций, для чего разосланы письма с указанием количества этих акций. Разрешалось также приобретать любые акции из тех, которые ранее были отвергнуты другими акционерами.

Спустя неделю все бумаги и чеки, подписанные месье Адамсом, Боллом, Картером и Дэвисом, заверенные Цвинглибанком, сосредоточились в руках секретаря компании.

Каждый намеревался закупить новых акций по 50 000 штук, включая ту долю, которая была им предназначена изначально.

Акции должны были быть выпущены равноценные – на четыре шиллинга каждая, а при существующих ценах на старые акции почти в треть от этой суммы предложение становилось не слишком выгодным. Два биржевых спекулянта, заметив объявление в прессе, быстро вылезли с предложением застраховать выпуск акций, чуя, что пахнет жареным. И они бы наверняка преуспели, будь на месте мистера Робертса кто-нибудь другой. На бирже уже была его собственная

заявка от имени Цвинглибанка о намерении скупить все акции, оставшиеся от распределения между акционерами «Бормак Трейдинг Компани».

Какой-то идиот из Уэльса закупил тысячу акций по самой высокой цене, а еще три тысячи были раскуплены восемнадцатью акционерами, разбросанными по всей стране, которые, видимо, с детства не проявляли способностей к арифметике или считали себя ясновидами. Мистер Робертс сам не спешил покупать эти акции. Он был только кандидатом в директора и своей доли не имел. Но все оставшиеся в день закрытия распродажи, в три часа дня 20 мая, он выписал на имя Цвинглибанка, который, в свою очередь, выступал в интересах клиентов – неких господ Эдвардса и Фроста. И вновь банк воспользовался открытыми счетами компании.

Правила Устава компании тоже не помогли разоблачению.

Месье Адамс, Болл, Картер и Дэвис владели теперь каждый по 75 000 акций от первой продажи и по 50 000 – от второй. Но поскольку количество акций в обращении теперь возросло от миллиона до полутора, каждый из них стал обладателем не более чем десяти процентов пакета и, таким образом, мог сохранить свою анонимность. Месье Эдвардс и Фрост являлись обладателями 148 000 акций каждый, что соответственно тоже не превышало десяти процентов.

А вот что осталось в тайне от публики и даже от директоров, так это то, что сэр Джеймс Мэнсон являлся обладателем 796 000 акций компании «Бормак», то есть преобладающей части всего пакета. Пользуясь услугами Мартина Торпа, он держал под контролем всех шестерых несуществующих акционеров, которые с таким трудом наскребли свои десять процентов. И теперь они все с тем же Мартином Торпом могли давать указания Цвинглибанку по связям с компанией. Банк же, в свою очередь, действовал через своего преданного слугу мистера Робертса. Используя свои полномочия, шестеро невидимок за спиной Цвинглибанка действовали руками Гарольда Робертса и могли теперь вертеть компанией, как хотели.

Сэру Джеймсу Мэнсону пришлось выложить за 300 000 акций 60 000 фунтов стерлингов, а за полмиллиона нового выпуска 100 000. Но к тому времени, когда каждая акция потянет на рынке 100 фунтов стерлингов, а это должно было произойти после «неожиданного открытия» Хрустальной горы компанией «Бормак» в самом сердце Зангаро, он рассчитывал вернуть затраты с лихвой – доход превысит 80 миллионов фунтов стерлингов.

Мистер Робертс летел, как на крыльях, из конторы «Бормак

Компани», узнав, что его клиенты – шестеро швейцарских акционеров – получили по неплохой доле. Он прекрасно знал, что, сосредоточив биржевые сертификаты в руках доктора Мартина Штейнхофера, он обеспечивает себе в будущем неплохой куш. Правда, его и сейчас трудно назвать бедным человеком, но старость – не радость... Ну что ж, теперь она во всяком случае будет безбедной.

С наступлением темноты Шеннон и Лангаротти проснулись в кузове пустого французского фургона в Динанте. Разбудил их Марк.

– Труба зовет, – объявил бельгиец.

Шеннон взглянул на часы.

– Ты же сказал, что отправимся с рассветом, – проворчал он.

– К этому времени все должно быть закончено, – сказал Марк. – Надо вывезти отсюда фургоны, пока их не заметили. Можем до конца ночи притулиться где-нибудь у обочины дороги.

Так и сделали, но больше уже никто из них не заснул. Они курили, играли в карты колодой Вламинка, сохранившейся в «бардачке». Сидя под деревьями в стороне от бельгийской дороги и подставляя лица свежему ночному ветерку, они представляли себе, что ожидают рассвета где-нибудь в джунглях Африки, готовясь к началу военных действий. И только проникающий сквозь ветви деревьев яркий свет фар автомобилей, несущихся в сторону Франции, разрушал их мечты.

Коротая предрассветные часы, отбросив надоевшие карты и стараясь утихомирить возбуждение, мешавшее заснуть, каждый занимался привычным делом. Крошка Марк дожевывал последние крошки хлеба и сыра, которые ему дала с собой заботливая подруга Анна; Лангаротти точил лезвие ножа – пусть будет еще острее. Шеннон любовался на звезды и тихо насвистывал.

Глава 17

Переправить через бельгийско-французскую границу нелегальный груз, в том числе и оружие, не составляет никакого труда.

Между морем в Ла Панны и узловой станцией по дороге в Люксембург, недалеко от Лонгви, такая граница протянулась на многие мили, и большая ее часть, на юго-востоке, идет по охотничьим угодьям, покрытым густыми лесными зарослями.

Правда, здесь же границу пересекают несколько дорог и тропинок, ведущих через лес, но ни на одной из них живой души не встретишь.

Правительства обеих стран решили установить все же некий контроль, используя, как они говорили, *douanes volantes*, то есть передвижные таможни. Это подразделения, которые устанавливают контроль над одним из пограничных участков.

Имея такую таможенную службу, можно быть уверенным в том, что, как минимум, один из десяти грузовиков, пересекающих границу, будет остановлен и досмотрен. А в том случае, если дороги особенно пустынные, то, скорее всего, и каждый грузовик подвергнется осмотру с той или другой стороны границы. Но, конечно, в том случае, если эти подразделения в течение всего дня не покинут свой пост. Так что рискнуть всегда можно.

Третий вариант – поехать той дорогой, где таможенников не будет наверняка. Именно такой способ перевозки грузов через границу предпочитают поставщики контрабандного французского шампанского. Они считают, что этот эликсир веселья ни в коей мере не должен отвлекать внимание хмурых бельгийских таможенников от более важных и не столь веселых дел. Будучи владельцем бара, Вламинк знал о таком маршруте. Его называли Шампанская Тропа.

Начав свой путь на юг от Намюра, старинного крепостного города Бельгии, двигаясь параллельно реке Мез, вы попадаете сначала в Динан, а потом точно на юг, через границу, в первый на пути французский город Живе. Вдоль этой дороги вы пересекаете французскую территорию, тонким длинным отростком втискивающуюся в этом месте в Бельгию. Этаким французским коридором бельгийской квартиры. Здесь тоже есть охотничьи угодья, пересеченные дорогами и тропинками. Основная дорога из Динана в Живе имеет, нужно сказать, пограничный пост. Даже два – один с

французской, другой с бельгийской стороны. Они расположены в четырехстах футах друг от друга, но в зоне прямой видимости.

Незадолго до рассвета Марк достал свои карты и коротко поведал Шеннону и Жану-Батисту все, что необходимо сделать для того, чтобы проскочить границу незамеченными. Поняв, что требуется, они распределились так: впереди бельгийский фургон с Марком за рулем, в двухстах ярдах позади двое других во французском.

На юг от Динана местность достаточно густо заселена. По обеим сторонам дороги одна за другой выстроились деревни, и их поля тесно примыкают друг к другу. В предрассветной тишине эти мирные деревеньки казались мрачными и безлюдными. Через шесть километров на юг от Динана вправо ответвляется боковая дорога. По ней и поехал Марк. Здесь они в последний раз увидели Мез. Следующие четыре с половиной километра они ехали по холмистой территории, покрытой густыми лесами, которые в это время года, в конце мая, шелестели свежей листвой. Дорога шла параллельно границе в самом сердце охотничьих угодий. Не предупредив, Вламинк вдруг резко подал влево, в сторону границы, и через три-четыре сотни ярдов остановился на обочине. Выйдя из кабины, он направился к французскому фургону.

— Рвем когти, — сказал он. — Долго я здесь ошиваться не могу. С остендскими номерами, дураку понятно, куда я намылился. — Он показал вдоль дороги. — Граница вон там, ровно через полтора километра. Даю вам двадцать минут, а я пока сделаю вид, что меняю колесо. Потом возвращаюсь в Динан, и мы встречаемся в кафе.

Корсиканец кивнул и включил зажигание. Трюк заключался в следующем. Если французские или бельгийские таможенники установили передвижной проверочный пункт, то первый из подъехавших грузовиков позволяет себя досмотреть. Поскольку он, естественно, чист, то после досмотра едет дальше на юг, выезжает на главную дорогу по направлению к Живе, поворачивает на север и возвращается через обычный пограничный пост в Динан. Если какой-либо из постов в действии, через двадцать минут он вернуться не сможет.

Ровно через полтора километра Шеннон с Лангаротти заметили бельгийский пограничный пост. С обеих сторон дороги были установлены вертикальные стальные столбики, укрепленные на бетонном основании. Справа притулилась деревянная застекленная будка, в которой обычно отсиживались таможенники, пока водители робко протягивали им через окошко свои документы. Если пост в

действии, стальные столбики будут удерживать поперек дороги шлагбаум, выкрашенный в белую и красную полосу. На этот раз его не было.

Лангаротти медленно проехал мимо, а Шеннон напряженно вглядывался в окна будки. Ни души.

С французской стороны было любопытней. Полкилометра дорога петляла между склонами холмов, скрытых от глаз бельгийских таможенников. Вот, наконец, и французская граница. Никаких постов, никаких будок. Просто карман с левой стороны дороги, где обычно паркуется французский фургон с таможенниками. Там никого не было. Они уехали за пять минут до этого. Шеннон знаком велел Корсиканцу проехать дальше за поворот, но ничего нового не обнаружил. Над кромкой леса на востоке стало светлеть.

– Разворачивай, – скомандовал Шеннон. – Поехали!

Лангаротти заложил крутой вираж, почти вывернул машину в обратном направлении, подал назад и рванул в сторону Бельгии, как пробка из бутылки самого отменного шампанского. Теперь счет шел на секунды. Они проскочили мимо французской границы, бельгийского пограничного поста и через полтора километра заметили силуэт стоящего у обочины фургона Марка. Лангаротти мигнул фарами, два раза коротко, один – подольше, и Марк запустил двигатель. Секунду спустя он промчался мимо них в сторону Франции.

Жан-Батист теперь уже без спешки развернулся и последовал за ним. Если Марк поднажмет, то проскочит опасную зону через четыре минуты, даже с тонной груза в багажном отсеке. Если в эти роковые пять минут где-нибудь вздумают возникнуть таможенники, значит, не повезло. Марк попытается навесить им лапшу на уши, сказать, что заплутал, и остается лишь надеяться, что бочки с маслом выдержат пристальный досмотр.

Но и во второй раз им не встретились представители власти.

Сразу за пустынным французским пропускным пунктом дорога шла на юг относительно прямо, на протяжении пяти километров.

Здесь тоже частенько патрулирует французская жандармерия, но на этот раз не было никого. Лангаротти нагнал фургон бельгийца и пристроился в двухстах метрах за ним. Через пять километров Марк свернул с шоссе направо и шесть километров петлял по проселкам, пока наконец не выбрался на приличную дорогу. На обочине стоял дорожный указатель. Шеннон видел, как Марк высунул руку в окно и жестом указал на него. На указателе было написано «Живе» там, где стрелка указывала в направлении, откуда они приехали, а впереди

значилось: «Реймс». Из переднего фургона до них донесся невнятный бодрый клич.

Они свернули с дороги на специальную асфальтированную стоянку напротив дорожного кафе к югу от Суассона. У фургонов открыли задние дверцы и поставили их багажниками вплотную друг к другу, после чего Марк перетащил пять железных бочек из бельгийского фургона во французский. У Шеннона и Лангаротти это отняло бы все силы, потому что груженный фургон просел на рессорах, и пол в кузовах машин был на разной высоте. Чтобы попасть в пустой фургон, надо было преодолеть ступеньку высотой в шесть дюймов. Марк справился с этим в одиночку, обхватывая бочку сверху своими могучими ручищами и перекатывая ее из стороны в сторону на нижнем ребре.

Жан-Батист пошел в кафе и вернулся с завтраком, состоящим из длинного с хрустящей корочкой батона хлеба, сыра, фруктов и кофе. У Шеннона ножа не было, поэтому все пользовались ножом Марка. Лангаротти ни за что не дал бы свой нож для таких целей. У него на этот счет были свои принципы.

Разрезать апельсин таким ножом – значит унижить его.

В одиннадцатом часу они снова тронулись в путь. Теперь ситуация поменялась. Бельгийский фургон, старый и тихходный, вскоре завели в овраг и оставили, предварительно сняв номера и выбросив их в реку. Кому какое дело, откуда он взялся, все равно машина была французского производства. После этого все трое ехали вместе.

За рулем сидел Лангаротти. По документам это была его машина. Если вдруг остановят, он скажет, что везет бочки с машинным маслом на юг, своему приятелю, у которого ферма неподалеку от Тулона, и три трактора. А двоих пассажиров прихватил по дороге – просили подвезти.

Они съехали с шоссе А1, обогнули Париж по окружной и выехали на шоссе А6, ведущее в Лион, Авиньон, Экс и Тулон.

Отъехав немного к югу от Парижа, они увидели указатель, справа, у поворота на аэропорт «Орли».

Шеннон выбрался из машины, и они попрощались.

– Вам понятно, что надо делать? – спросил он.

Оба кивнули.

– Хорошенько припрятать машину до тех пор, пока ты не приедешь в Тулон. Не волнуйся, малышку ни одна живая душа не обнаружит, если я ее спрячу, – сказал Лангаротти.

– «Тоскана» должна прийти не позднее 1 июня, может быть,

раньше. К тому времени я уже буду с вами. Понятно, где встречаемся? Желаю удачи!

Он пожал им руки и пошел своей дорогой, а фургон покати к югу. Из ближайшего гаража он по телефону вызвал такси из аэропорта и уже через час прибыл туда. Заплатив наличными, купил билет на Лондон и к заходу солнца был в своей квартире на Сент Джонс Вуд. Из отпущенных ему ста дней он уже израсходовал сорок шесть.

Хотя сразу по приезду домой он послал телеграмму Эндину, было воскресенье, и Эндин позвонил только через двадцать четыре часа. Они договорились встретиться во вторник утром.

Целый час ушел на то, чтобы рассказать Эндину все, что произошло за неделю, прошедшую с их последней встречи. Он сказал также, что потратил уже все деньги, как наличные, что оставались в Лондоне, так и те, что лежали на счету в Бельгии.

– Что теперь на очереди? – спросил Эндин.

– Я должен вернуться во Францию в ближайшие пять дней и проследить за погрузкой первой партии груза на «Тоскану», – сказал Шеннон. – С грузом все чисто, за исключением того, что спрятано в железных бочках. Четыре контейнера с экипировкой и вспомогательным оборудованием попадут на борт без каких-либо проблем, даже если таможня решит произвести досмотр. Это же относится к товару невоенного назначения, купленному в Гамбурге. Все, что там есть, попадает в категорию обычного корабельного снаряжения: сигнальные ракеты, ночные бинокли и так далее. Надувные лодки и подвесные моторы предполагается доставить в Марокко, во всяком случае так будет записано в маршрутном листе. Опять-таки все совершенно легально. Пять бочек с машинным маслом должны быть взяты на борт под видом пополнения необходимого корабельного запаса. Конечно, может показаться, что многовато, но помимо этого проблем возникнуть не должно.

– А если они возникнут? Вдруг тулонские таможенники решат проверить содержимое бочек? – спросил Эндин.

– Тогда нам крышка, – просто ответил Шеннон. – Корабль конфискуют, если только капитану не удастся доказать, что он и знать не знал о том, что происходит. Экспортера арестуют. Операция сорвется.

– Слишком дорогая цена, – заметил Эндин.

– А что вы хотите? Автоматы так или иначе должны быть доставлены на борт. Бочки с маслом, пожалуй, один из самых лучших способов это сделать. Риск всегда присутствует.

– Вы могли бы легально купить автоматы, через Испанию, – сказал Эндин.

– Мог бы, – согласился Шеннон. – Но в таком варианте слишком велика вероятность отказа в поставке товара. Автоматы вместе с патронами наводят на определенные мысли. Это похоже на попытку вооружить небольшую группу людей, то есть подготовить военную операцию. Мадрид мог бы отклонить заявку на этих основаниях или более пристально изучить сертификат получателя. Конечно, я мог бы купить автоматы в Испании, а патроны – на черном рынке. В таком случае мне пришлось бы тайком проносить на борт боеприпасы, а они занимают куда больше места. Как ни крути, а без нелегалщины не обойдешься. Если все погорит, то сцапают меня и моих людей, а вы останетесь в тени. Вы надежно прикрыты со всех сторон.

– Все равно мне это не нравится, – вдруг заявил Эндин.

– В чем дело? – насмешливо спросил Шеннон. – Нервишки пошаливают?

– Нет.

– Тогда советую успокоиться. Что вам терять? Какие-то жалкие деньги.

Эндин чуть было не сказал Шеннону, что рискуют потерять он и его хозяин, но сдержался. Рассуждая логично, получалось, что если наемнику грозит тюрьма, он ни за что не станет зря рисковать.

Еще час они обсуждали финансовые проблемы. Шеннон пояснил, что выплата всех денег Йоханну Шлинкеру, половины обещанного Алану Бейкеру, жалование наемникам за второй месяц, 5000 фунтов, которые он послал в Геную на нужды «Тосканы», а также его собственные транспортные расходы полностью истощили счет в Брюгге.

– Кроме того, – добавил он, – я хочу получить вторую половину причитающихся мне денег.

– Почему сейчас? – спросил Эндин.

– Потому что меня могут арестовать, начиная со следующего понедельника, а после уже я не вернусь в Лондон. Если погрузка пройдет без приключений, «Тоскана» отойдет в Бриндизи, пока я займусь подготовкой к отправке югославского оружия. После этого – Валенсия и испанские патроны. Оттуда направляемся к цели. Если мне вдруг удастся опередить график, то лучше уж переждать в открытом море, чем лишнее время маячить в порту. Как только груз окажется на борту, я сделаю все, чтобы корабль как можно скорее вышел в море.

Эндин переварил аргументацию.

– Я должен обсудить этот вопрос с моими партнерами, – сказал он.

– Я хочу, чтобы до конца этой недели деньги лежали на моем счету в швейцарском банке, – твердо сказал Шеннон, – а все остальное из намеченной суммы затрат должно быть переведено на счет в Брюгге.

Они вместе подсчитали, что после выплаты Шеннону вознаграждения целиком от всей намеченной суммы в Швейцарии должно остаться 20 000 фунтов.

Шеннон объяснил, зачем ему нужны все эти деньги.

– Отныне мне нужно будет всегда иметь при себе солидную пачку аккредитивов в долларах США. Если вдруг возникнут неприятности, то разрешить их впредь можно будет только щедрой взяткой на месте. Я хочу уничтожить все возможные следы. Так что, если вдруг нас накроют, то больше ни на кого выйти не удастся. Кроме того, не исключено, что придется делать денежные вливания членам экипажа корабля, чтобы они не спасовали, когда поймут, в чем на самом деле будет заключаться наша операция. А этого не избежать сразу после того, как мы выйдем в море. Учитывая, что за оружие в Югославии уплачена пока только половина, мне понадобится в общем не меньше 20 000 фунтов.

Эндин пообещал довести все это до сведения «своих партнеров», о чем поставить Шеннона в известность.

На следующий день он позвонил и сказал, что получено добро на оба денежных перевода и соответствующие инструкции отосланы в швейцарский банк.

Шеннон заказал на ближайшую пятницу билет из Лондона в Брюссель, а на утро в субботу зарезервировал место в самолете на рейс из Брюсселя через Париж в Марсель.

Эту ночь он провел с Джули, как и следующий день, и ночь с четверга на пятницу. Утром он уложил вещи, отослал ключи от квартиры вместе с письмом агентам по аренде недвижимости и уехал. Джули подвезла его в аэропорт на своем красном спортивном автомобиле.

– Когда вернешься? – спросила она, когда они стояли у дверей с надписью «Только для отлетающих пассажиров», перед входом в зону таможенного контроля второго корпуса аэропорта «Хитроу».

– Никогда, – сказал он и чмокнул ее в щеку.

– Тогда возьми меня с собой.

– Нет.

– Ты должен вернуться. Я не спрашивала, куда ты направляешься, но знаю, что это опасно. Это не бизнес, не обычный бизнес, я имею в

виду. Но ты вернешься. Обязан вернуться.

– Я не вернусь, – спокойно произнес он. – Найди себе кого-нибудь другого, Джули.

Она захныкала.

– Мне никто не нужен. Я тебя люблю. А ты меня не любишь. Поэтому и говоришь, что мы больше не встретимся. У тебя есть другая, в этом все дело. Ты к ней уходишь...

– Другой женщины у меня нет, – сказал он, поглаживая ее по волосам.

Стоящий рядом полицейский деликатно отвернулся.

Слезы в зале отлета дело обычное. Шеннон прекрасно понимал, что другой женщины у него в объятиях теперь не будет. Только автомат. Холодок вороненой стали, прижатой к груди, будет ласкать его всю ночь. Она все еще плакала, когда он поцеловал ее в лоб и решительно прошел в зону таможенного контроля.

Спустя полчаса самолет компании САБЕНА, сделав последний вираж над южным Лондоном, лег на курс в родной Брюссель. Под правым крылом самолета распростерлось залитое солнцем графство Кент. Стоял прекрасный майский день. В иллюминаторы можно было увидеть раскинувшиеся на многие акры цветущие сады, окрашенные бело-розовым яблоневым и вишневым цветом.

Вдоль многочисленных дорожек, изрезавших сеть морщин сердце Южной Англии, уже, наверное, зацвел боярышник и конские каштаны слепили своими белыми цветами на ярко-зеленом фоне листвы, а в кронах могучих дубов слышалось голубиное воркование. Он прекрасно знал эти места с тех самых пор, когда учился в Четхеме и обзавелся мотоциклом, чтобы поближе ознакомиться со старыми местными пивными между Ламберхерстом и Смарденом. Хорошие места, особенно для того, кто хочет здесь осесть. Если, конечно, есть к этому склонность.

Десять минут спустя пассажир, сидящий сзади, вызвал стюардессу и начал жаловаться, что ему мешает назойливый свист кого-то из сидящих впереди.

Кот Шеннон потратил два часа днем в пятницу на то, чтобы снять пришедшие из Швейцарии деньги и закрыть свой счет.

Он взял два заверенных банком чека на 5000 фунтов каждый, которые можно было положить на счет в любом банке мира и перевести, если потребуется, в аккредитивы. Кроме них он запасся двадцатью 500-долларовыми чеками, которые можно было использовать как наличные, как только на них будет поставлена его

личная подпись.

Он провел ночь в Брюсселе и на следующее утро вылетел через Париж в Марсель.

Такси отвезло его из аэропорта к маленькой гостинице в предместье Марселя, где когда-то жил Лангаротти под фамилией Лаваллон и где, выполняя инструкцию, должен был проживать теперь Жанни Дюпре. Его не оказалось на месте, и Шеннону пришлось дожидаться вечера, после чего они вместе, на машине, взятой напрокат Шенноном, отправились в Тулон. Кончался день Пятьдесят Второй, и французский порт купался в ласковых, нежных лучах солнца.

По воскресеньям агентство по морским перевозкам не работало, но это не имело никакого значения. Местом свидания была набережная напротив агентства, и здесь Шеннон и Дюпре встретились с Марком Вламинком и Лангаротти ровно в девять часов, как было условленно. Они впервые оказались вместе за много недель, только Земмлера не было с ними. В этот момент он должен был находиться милях в ста от берега, на борту «Тосканы», направляющейся на всех парах в Тулон. По предложению Шеннона Лангаротти позвонил из ближайшего кафе в контору начальника порта и удостоверился в том, что из Генуи поступила телеграмма, согласно которой «Тоскана» должна прибыть в порт утром в понедельник и место у причала для нее уже заказано.

В этот день больше делать было нечего, и они поехали в машине Шеннона вдоль побережья в сторону Марселя и весь оставшийся день провели на пляже маленького рыбацкого городка Санари. Несмотря на жару и живописную красоту городка, Шеннон так и не смог расслабиться. Дюпре купил себе плавки и мужественно нырял с мола, ограничивающего гавань для яхт.

Потом он признался, что вода еще чертовски холодная.

Потеплеет она только позже, в июне-июле, когда потоки отдыхающих хлынут на юг из Парижа. К тому времени они будут готовиться нанести удар по другому прибрежному городку, немногим больше этого и за много миль отсюда.

Почти целый день Шеннон просидел на террасе бара «По д'Етэн» в компании бельгийца и корсиканца, греясь на солнышке и думая о предстоящем утре. Югославские и испанские поставки могут быть задержаны по какой-нибудь одному Богу известной бюрократической причине, но ни под каким видом им не грозит арест в Югославии или Испании. Их могут продержать несколько дней, пока будут производить досмотр корабля, и все. Но следующим утром все будет иначе. Если кому-то придет в голову сунуть нос поглубже в железные

бочки, придется долгие месяцы, а то и годы киснуть в «Ле Бонетт» – громадной мрачной тюрьме-крепости, мимо которой они проезжали в субботу по пути из Марселя в Тулон.

«Нет ничего хуже ожидания», – заметил он про себя, когда заплатил по счету и пригласил своих соратников в машину.

Все прошло куда более гладко, чем они ожидали. Тулон известен как мощная военно-морская база, и в прибрежной гавани главное место занимают могучие конструкции военных кораблей французского флота, стоящие на якоре. Внимание туристов и зевак Тулона в этот понедельник было привлечено к крейсеру «Жан Барт», только что вернувшемуся из похода в Карибское море, к берегам французских заморских территорий.

Многочисленная команда получила жалование, и у матросов руки чесались поскорее потратить деньги на вино и девушек.

Вдоль примыкающей к гавани широкой полосы, застроенной увеселительными заведениями, множество людей, сидя за столиками, предавались самому популярному в Средиземноморье времяпрепровождению – глазели по сторонам. Они сидели живописными компаниями в тени навесов и рассматривали стоящие в гавани яхты – от утлых лодчонок с подвесными моторами до шикарных океанских красавиц, ожидающих своих богатых хозяев.

У дальнего восточного конца причала расположилась дюжина рыбацких катеров, по какой-то причине не вышедших в море, а за ними раскинулись приземистые строения складов, портовых контор и таможни.

Еще дальше за ними, в маленьком, почти неприметном торговом порту, где-то около полудня и бросила якорь «Тоскана».

Шеннон ждал, пока она пришвартуется, сидя на кнехте в пятидесяти метрах от нее и наблюдая, как Земмлер и Вальденберг суетятся на палубе. Механика-серба не было видно, наверное, он-таки не вышел из своего любимого моторного отсека, но с фалами орудовали еще двое, должно быть, новые люди, нанятые Вальденбергом.

Маленький «рено» протарахтел вдоль причала и остановился у сходней. Полный француз в темном костюме выбрался из машины и поднялся на борт «Тосканы». Представитель агентства морских перевозок «Маритим Дюфо». Вскоре он спустился на пристань вместе с Вальденбергом, и они скрылись в помещении таможни.

Прошло около часа, прежде чем они вышли. Агент по перевозкам вернулся к машине и покатил обратно в город, а капитан возвратился

на свой корабль. Шеннон подождал еще полчаса, после чего подошел к «Тоскане» и начал подниматься по сходням. Земмлер проводил его по трапу вниз в кают-компанию.

– Ну, как идут дела? – спросил Шеннон, когда они с Земмлером уселись.

Земмлер расплылся в улыбке.

– Все как по маслу, – сказал он. – Я позаботился о переоформлении документов на нового капитана, провел полную профилактику двигателя, купил достаточное количество одеял и дюжину надувных матрасов. Никто не задавал лишних вопросов, а капитан до сих пор уверен, что мы собираемся переправлять иммигрантов в Британию.

– Место здесь в порту заказывал наш обычный агент из Генуи, в маршрутном листе сказано, что мы собираемся принять на борт груз различного туристического и спортивного снаряжения для поставки на базу отдыха где-то на берегу Марокко.

– Как обстоит дело с машинным маслом?

Земмлер снова улыбнулся.

– Все было заказано, потом я позвонил и отменил заказ. Когда масло не поступило, Вальденберг хотел задержаться на день и дожждаться поставки, но я решительно возразил и сказал, что загрузимся маслом здесь, в Тулоне.

– Прекрасно, – похвалил Шеннон, – только не давай Вальденбергу этим заниматься. Скажи, что ты уже сам все заказал. Тогда он не удивится, если бочки вдруг появятся на борту. Тот человек, который приезжал...

– Агент по перевозкам. Весь товар на таможенном складе, документы подготовлены. Сегодня днем пришлют груз на двух машинах. Контейнеры небольшие, мы сможем их загрузить своим краном.

– Хорошо. Пусть он вместе с Вальденбергом займется оформлением бумаг. Через час после того, как груз будет спущен в трюм, подъедет машина от нефтяной компании с маслом. За рулем будет Лангаротти. У тебя осталось достаточно денег, чтобы заплатить за масло?

– Да.

– Побеспокойся о том, чтобы никто слишком сильно не кантовал бочки при погрузке и вообще обращайтесь с ними аккуратнее. Нам не хватало только, чтобы у какой-нибудь бочки дно отвалилось. По всему причалу «шмайссеры» растекутся.

– Когда ребята придут на борт?

– Сегодня, когда стемнеет. Один за другим. Только Марк и Жанни. Жана-Батиста оставляю здесь на время. Он с машиной, а тут осталась несделанной одна работенка. Когда сможем выйти в море?

– Когда угодно, хоть сегодня вечером. Я это запросто устрою. Знаешь, совсем неплохо быть исполнительным директором компании.

– Только не привыкай. Это всего лишь крыша.

– О'кей, Кот. Кстати, а куда мы отправляемся отсюда?

– В Бриндизи. Знаешь, где это?

– Еще бы не знать. Я в Италию из Югославии переправил больше сигарет, чем ты съел обедов за всю жизнь. Что будем брать там?

– Ничего. Жди от меня телеграммы. Я буду в Германии. Пришлю тебе телеграмму на адрес управления портом в Бриндизи с указанием курса и когда тебе следует прибыть оттуда. Попроси местного агента заказать тебе место в том югославском порту, куда отправишься. Против визита в Югославию у тебя нет возражений?

– Думаю, ничего страшного. В конце концов, я на берег сходить не собираюсь. Возьмем еще оружие?

– Да. По крайней мере, план такой. Остается надеяться, что мой агент и югославские власти не пустят его коту под хвост. Ты запасся необходимыми логиями?

– Да, я все закупил в Генуе, как ты сказал. Знаешь, Вальденберг наверняка поймет, что мы возьмем на борт в Югославии. Станет ясно, что перевозкой нелегальных иммигрантов мы заниматься не собираемся. Шлюпки, моторы, переговорные устройства, экипировку он воспримет нормально, а оружие – это уже нечто совсем другое.

– Знаю, – ответил Шеннон. – Потребуется слегка раскошелиться. Но мне кажется, что он уловит намек. На борту будем мы с тобой, Жанни и Марк. Кроме того, к тому времени можно будет сказать ему, что в бочках. Он уже будет знать слишком много, чтобы идти на попятный. Что за люди эти новички?

Земмлер кивнул и загасил пятую сигарету. В небольшой каюте стоял густой сизый дым.

– Хорошие ребята. Итальянцы. Парни крепкие, но послушные. По-моему, они оба в бегах по какому-то поводу. Они с радостью согласились работать на корабле, лишь бы быть под прикрытием. Им просто не терпится выйти в море.

– Прекрасно. В таком случае они не захотят, чтобы их высадили на берег в чужой стране. Это значит, что без документов их тут же задержат и репатрируют прямо в руки родной полиции.

Вальденберг хорошо сработал. Шеннон встретился с двумя

новобранцами, и они обменялись приветственными кивками.

Земмлер представил его как представителя управления компанией, а Вальденберг перевел. Норбиатто, помощник капитана, и Чиприани, матрос, не проявили к его персоне большого интереса. Шеннон отдал несколько распоряжений Вальденбергу и покинул корабль.

В середине дня два фургона из агентства «Маритим Дюфо» подкатили к «Тоскане». Тут же был толстяк, приехавший накануне утром. Французский таможенник, появившийся из своей конторки, стоял рядом, наблюдая, как контейнеры поднимают на борт с помощью палубного крана. Четыре ящика с разнообразной одеждой, ремнями, ботинками и беретами для марокканцев, решивших отдохнуть на природе. Три ящика с разобранными большими надувными катерами – их можно использовать для прогулок и занятий водными видами спорта. К ним же прилагались три подвесных мотора. Две коробки с сигнальными ракетами, биноклями, корабельной сиреной, радиооборудованием и магнитными компасами. Последний груз значился в накладной, как корабельное оборудование.

Таможенник ставил галочку перед каждой позицией списка по мере того, как ящики грузились на борт, отмечая после консультаций с агентом по экспорту, какие товары реэкспортируются, будучи приобретенными в Германии или Британии, а какие куплены здесь и не подлежат обложению экспортным налогом. Таможенник даже не захотел заглянуть хотя бы в один из ящиков. Он прекрасно знал это агентство. Они каждый день работали бок о бок.

Когда груз был на борту, таможенник проставил штамп в судовом листе. Вальденберг сказал что-то Земмлеру по-немецки, и тот перевел. Он объяснил представителю агентства, что Вальденбергу нужно машинное масло для двигателей. Он заказывал его еще в Генуе, но поставки своевременно произведено не было.

Агент сделал пометку в своем блокноте.

– Сколько вам надо?

– Пять бочек, – сказал Земмлер по-французски, которого Вальденберг не понимал.

– А не много ли будет? – удивился агент.

Земмлер рассмеялся.

– Эта старая калоша жрет масла не меньше, чем солянки. Потом, нам хотелось бы сделать большой запас, чтобы надолго хватило.

– Когда вам это нужно? – спросил агент.

– Сегодня в пять пойдет? – переспросил Земмлер.

– В шесть для верности, – сказал представитель агентства, записав

в блокнот вид товара, количество и срок доставки.

Он посмотрел на таможенника. Тот кивнул. Его это не интересовало, поэтому он отошел в сторонку. Вскоре агент уехал в своем «рено», за ним проследовали два фургона.

В пять часов Земмлер сошел в «Тосканы», заглянул в кафе на набережной и, позвонив оттуда в агентство, отменил заказ на масло. Капитан, сказал он, обнаружил в трюме на корме целую бочку, а этого хватит на несколько недель. Агент был недоволен, но согласился.

Ровно в шесть к пристани подъехал фургон и остановился напротив «Тосканы». За рулем сидел Жан-Батист Лангаротти в комбинезоне ярко-зеленого цвета с надписью «КАСТРОЛ» поперек спины.

Открыв задние дверцы фургона, он аккуратно выкатил на землю по специально прилаженному скату пять больших железных бочек с маслом. Таможенник наблюдал за этим из окошка своей конторки.

Вальденберг заметил его и помахал рукой. Он указал пальцем сначала на бочки, потом на свой корабль.

– О'кей? – крикнул он и добавил с сильным акцентом по-французски: – Cava?

Таможенник кивнул и исчез в окне, чтобы сделать пометку в журнале. По приказу Вальденберга два итальянца обмотали бочки тросом и начали по одной поднимать их на борт лебедкой.

Земмлер был необычайно суетлив, принимая раскачивающиеся бочки и покрикивая на стоящего за лебедкой Вальденберга, чтобы полегче опускал их вниз. Они исчезли в зияющей темноте грузового трюма «Тосканы», и вскоре крышка люка была установлена на свое место и тщательно задраена.

Лангаротти, получив по накладной, к этому времени уже давно укатил восвояси. А через несколько минут после этого зеленый комбинезон полетел на дно мусоросборника в центре города. Сидя на причальном столбике, кнехте, в дальнем конце набережной, Шеннон наблюдал за погрузкой с замиранием сердца.

Он бы предпочел сам принимать в этом участие, как Земмлер, потому что ожидание было просто болезненно невыносимо, куда хуже, чем активные действия.

Когда все было кончено, на «Тоскане» стало тихо. Капитан со своими людьми спустился вниз, механик, вышедший на палубу, чтобы глотнуть соленого воздуха, опять вернулся к своему дорогому дизелю. Земмлер выждал полчаса, потом потихоньку сошел на пристань и подошел к Шеннону. Они отошли за угол, чтобы их не могли заметить со стороны гавани.

Земмлер улыбался.

– Ну, что я тебе говорил? Никаких проблем.

Шеннон кивнул и облегченно улыбнулся в ответ. Он лучше Земмлера представлял, что поставлено на карту, и в отличие от него не был знаком с портовыми формальностями.

– Когда сможете взять людей на борт?

– Таможня закрывается в девять. Им надо будет подойти между двенадцатью и часом ночи. Отплываем в пять утра. Это уже решено.

– Хорошо, – сказал Шеннон. – Пойдем, найдем их и выпьем немного. Я хочу, чтобы ты поскорее вернулся на корабль, а то, не дай Бог, возникнут дополнительные вопросы.

– Ничего не возникнет.

– И тем не менее. Лучше перестраховаться. Я хочу, чтобы ты следил за этим грузом, как насадка за цыплятами. Не подпускай никого к этим бочкам, пока я не разрешу, а это случится только в югославском порту. Тогда мы и скажем Вальденбергу, что у него в трюме.

Они встретились с тремя остальными в заранее намеченном кафе и, чтобы охладить пыл, выпили по несколько кружек пива.

Солнце уже садилось, и легкий бриз мелкой рябью покрывал поверхность моря в гигантской чаше, образованной набережной и причалами Тулона. Несколько яхт крутили пируэты у выхода из гавани, словно балерины на сцене, в то время, как рулевые подставляли их под очередной порыв ветра. Земмлер поднялся в восемь и пошел обратно на «Тоскану».

Жанни Дюпре и Марк Вламинк благополучно проскользнули на борт в половине первого ночи, а в пять Шеннон и Лангаротти с набережной наблюдали, как «Тоскана» удаляется из гавани в сторону моря.

Лангаротти отвез Шеннона в аэропорт к утреннему рейсу. За завтраком Шеннон отдал корсиканцу последние распоряжения и оставил достаточно денег, чтобы их выполнить.

– Я бы предпочел улететь с тобой, – сказал Жан-Батист, – или уплыть с ребятами.

– Знаю, – сказал Шеннон. – Но мне для этой работы нужен надежный человек. Это очень важно. Без этого у нас ничего не выйдет. Мне нужен тот, на кого я могу положиться, а у тебя то преимущество, что ты француз. Кроме того, двоих из них ты хорошо знаешь. Один довольно сносно говорит по-французски. Жанни туда путь заказан с его южно-африканским паспортом. Марк мне нужен, чтобы

утихомирить команду, если они вдруг надумают взбунтоваться. Я понимаю, что ножом ты орудуешь лучше, чем Марк кулаками, но мне не нужна драка. Просто надо убедить членов экипажа делать то, что от них требуется. А Курт мне нужен на тот случай, если Вальденберг вдруг в штаны наложит. Думаю, в самом худшем случае Вальденберг отправится кормить рыб, а Курт станет на его место. Выходит, кроме тебя это дело некому поручить.

Лангаротти согласился выполнить возложенную на него миссию.

– Они славные ребята, – сказал он, немного приободрившись. – Приятно будет снова с ними встретиться.

Когда они прощались в аэропорту, Шеннон снова сказал:

– Дело может провалиться, если мы окажемся там без поддержки. Поэтому все зависит от того, как ты себя поведешь. Предварительная договоренность имеется. Делай только то, что я сказал, а незначительные проблемы решай на месте самостоятельно. Встретимся через месяц.

Он оставил корсиканца, прошел таможеню и сел в самолет, вылетающий по маршруту Тулон–Гамбург.

Глава 18

– По моей информации вы можете забрать базуки и минометы в любой день после десятого июня, и это же было подтверждено вчера по телексу, – сказал Алан Бейкер.

Прошел день после прилета Шеннона в Гамбург, и они встретились поздним утром в ресторане на ланче, договорившись до этого о встрече по телефону.

– Какой порт? – спросил Шеннон.

– Плоче.

– Как, простите?

– Плоче. Пишется П-Л-О-Ц-Е, а произносится Плоче. Это маленький порт, ровно посередине между Дубровником и Сплитом.

Шеннон задумался. Он велел Земмлеру еще в Генуе закупить необходимые лоции югославского побережья, но предполагал, что речь пойдет о более крупном порте. Ему оставалось надеяться, что у немца есть карта подходов морем к порту Плоче или такую придется доставать в Бриндизи.

– Насколько это маленький порт?

– Достаточно неприметный. Почти неизвестный. Полдюжины мест на причале и пара береговых складов. Югославы обычно используют его для экспорта оружия. Последний раз я вывозил товар из Югославии самолетом, но меня предупредили, что в случае отгрузки морем это произойдет в Плоче. У маленького порта свои преимущества. Погрузка идет быстро, прямо с причала. Более того, таможенная служба там очень малочисленная, скорее всего один человек, который смотрит за всем. Если преподнести ему хороший подарок, то вы сможете отчалить через несколько часов после начала погрузки.

– О'кей, пусть будет Плоче. 11-го июня, – сказал Шеннон.

Бейкер записал дату.

– Как «Тоскана», в порядке? – спросил он.

Ему, конечно, было обидно, что не удалось уговорить Шеннона воспользоваться кораблем его приятеля «Сан Андреа», но он решил в дальнейшем взять на заметку «Тоскану». Он чувствовал, что Шеннон не станет ею пользоваться после того, как провернет свою темную операцию, а Бейкеру всегда нужен надежный корабль, чтобы

доставлять горячий груз в самые отдаленные и Богом забытые места.

– С ней все нормально. – ответил Шеннон. – Сейчас она на пути в итальянский порт, куда я должен буду сообщить им по телексу или письмом дальнейший маршрут. С твоей стороны есть какие-нибудь дополнительные проблемы?

– Одна, – сказал Бейкер. – Цена.

– А что с ней?

– Я понимаю, что назвал фиксированную цену, за все вместе 14 400 долларов. Но ситуация в Югославии за последние полгода изменилась. Чтобы вовремя закончить оформление бумаг, мне пришлось привлечь югославского партнера. Если можно так его назвать, хотя по сути дела это просто очередной посредник.

– Ну и? – спросил Шеннон.

– Ну и ему надо дать в лапу за ускорение прохождения бумаг в белградском министерстве. Я подумал, что тебе важнее будет получить товар вовремя, без лишних бюрократических проволочек. Поэтому и решил воспользоваться его услугами. Он шурин одного чиновника из Министерства торговли.

Примазываются со всех сторон. Но что можно еще ожидать в наше время? Балканы есть Балканы, их уже на мякине не проведешь.

– Сколько дополнительно он будет стоить?

– Тысячу фунтов стерлингов.

– В динарах или в долларах?

– В долларах.

Шеннон задумался. Возможно, это правда, но, может быть, Бейкер просто пытается выжать из него дополнительные деньги.

Если правда, то отказать Бейкеру – значит заставить его заплатить югославу из своего кармана. Это сократит долю Бейкера до таких мизерных размеров, что он может утратить интерес к делу, ему станет безразлично, выгорит оно или нет.

А Бейкер был ему еще нужен и будет нужен до тех пор, пока он не увидит, как «Тоскана», выйдя из Плоче, направляется в сторону Испании.

– Хорошо, – сказал он. – Кто этот новый партнер?

– Человек по фамилии Зилиак. Он сейчас на месте, следит за тем, чтобы груз был доставлен на склад в Плоче. Когда подойдет корабль, он займется доставкой со склада, таможней и погрузкой на борт.

– Я считал, что это твое дело.

– Так оно и есть, но теперь я вынужден привлечь югослава в качестве партнера. Если честно, Кот, они не оставили мне выбора.

– Тогда я лично заплачу ему аккредитивами.

– Я бы не стал этого делать, – сказал Бейкер.

– Почему?

– Предполагается, что товар закупает правительство Того, верно? Черные. А тут вдруг откуда ни возьмись появляется какой-то белый и начинает расплачиваться за услуги. Тут-то они и почуют запах жареного. Мы можем отправиться в Плоче, если хочешь, или я поеду один. Но если ты решишь быть со мной, то тебе придется смириться с ролью моего помощника. Кроме того, аккредитивы можно поменять на наличные только в банке, а в Югославии это значит, что нужно будет сообщить фамилию человека и номер его удостоверения личности. Если аккредитивы отоваривает югослав, то могут возникнуть вопросы. Лучше заплатить Зилиаку наличными, как он просит.

– Хорошо. Я поменяю аккредитивы здесь в Гамбурге и заплачу ему долларами, – сказал Шеннон. – Но ты получишь свое в аккредитивах. Я не собираюсь таскать с собой большие суммы долларов. Только не в Югославию. Они начинают нервничать по этому поводу. Служба безопасности может заинтересоваться. Еще заподозрят в финансировании шпионской организации. Поэтому мы поедем как туристы, с аккредитивами.

– Меня это устраивает, – сказал Бейкер. – Когда хочешь ехать?

Шеннон посмотрел на часы. Завтра уже первое июня.

– Послезавтра, – ответил он. – Полетим в Дубровник и недельку погреемся на солнце. Мне бы отдохнуть не помешало. Ты, если хочешь, можешь подъехать ко мне числа 8-го или 9-го, но не позже. Я возьму машину, и мы проедем вдоль берега на север до Плоче. Я попрошу «Тоскану» прийти туда вечером этого дня или ранним утром одиннадцатого.

– Поезжай один, – сказал Бейкер. – У меня есть работа в Гамбурге. Я к тебе подъеду восьмого.

– Только без обмана, – сказал Шеннон. – Если не появишься, я тебя из-под земли достану. И буду очень сильно сердиться.

– Куда я денусь, – сказал Бейкер. – Не забудь, что ты мне еще должен. Пока мне пришлось за это дело из своего кармана платить. Я хочу, чтобы все побыстрее выгорело, не меньше, чем ты сам.

Именно этого Шеннон и хотел добиться от Бейкера.

– Надеюсь, что деньги у тебя есть? – спросил Бейкер, взяв двумя пальцами кусок сахара.

Шеннон достал пачку чеков и помахал ею у Бейкера под носом. Спекулянт оружием улыбнулся.

Они встали из-за стола и по дороге позвонили в гамбургскую charterную компанию, которая специализировалась на организации поездок для тысяч немцев, желающих провести свой отпуск на Адриатике. Там они узнали названия трех лучших отелей на югославском курорте. Бейкер должен будет разыскать Шеннона в одном из них, где он будет записан под фамилией Браун.

Йоханн Шлинкер был уверен не меньше Бейкера, что ему удастся успешно завершить сделку, хотя он, конечно, и понятия не имел, что Шеннон ведет дела еще и с Бейкером. Несомненно, они слышали друг о друге, возможно, даже были знакомы, но никто никогда не станет обсуждать с конкурентом подробности своих дел.

– Скорее всего это будет порт Валенсии, хотя окончательное решение зависит от испанских властей, – сказал он Шеннону. – Мадрид утверждает, что даты намечены где-то между 16 и 20 июня.

– Я бы предпочел двадцатое для отгрузки, – сказал Шеннон.

– «Тоскана» может пришвартоваться в ночь с девятнадцатого на двадцатое, а с утра загрузиться.

– Хорошо, – сказал Шлинкер. – Я извещу своего мадридского партнера. Он обычно сам занимается вопросами доставки и погрузки. У него есть прекрасный агент в грузовом порту Валенсии, который знаком со всей таможней. Никаких проблем не будет.

– Не должно быть проблем, – проворчал Шеннон. – Корабль уже однажды задержали и, загрузившись двадцатого, у меня будет времени в обрез, чтобы не нарушить условия своего контракта.

Это не соответствовало истине, но он знал, что Шлинкер не мог подвергнуть это сомнению.

– Я бы хотел лично присутствовать при погрузке, – сказал он торговцу оружием.

Шлинкер собрал губы трубочкой.

– Вы, конечно, вольны наблюдать издалека, – сказал он. – Я не могу вам помешать. Но раз в качестве клиента выступает правительство арабского государства, вы не можете претендовать на роль покупателя товара.

– Кроме того, я хотел бы сесть на корабль в Валенсии, – сказал Шеннон.

– Это будет еще сложнее. Весь грузовой порт огорожен забором из колючей проволоки. Вход только с разрешения властей. Чтобы сесть на корабль, вам придется пройти паспортный контроль. Помимо этого, раз на корабле будут боеприпасы, у сходней должен дежурить патруль Гражданской Гвардии.

– А если капитану потребуется новый матрос? Может он нанять человека на месте?

Шлинкер задумался.

– Думаю, да. Вы не связаны с компанией, владеющей кораблем?

– Формально нет, – сказал Шеннон.

– Если капитан предупредит агента по приходу в порт, что он разрешил одному из членов экипажа сойти на берег в предыдущем порту и срочно вылететь домой, например, на похороны матери, с тем, чтобы вернуться на корабль в Валенсии, я думаю, что возражений быть не должно. Но вам потребуется удостоверение матроса торгового флота, чтобы доказать, что вы служили на корабле. На вашу фамилию, мистер Браун.

Шеннон на минуту задумался.

– О'кей. Я это устрою, – сказал он.

Шлинкер заглянул в блокнот.

– Я буду по делам в Мадриде 19-го и 20-го, – сказал он. – Это связано с другим делом. Остановлюсь в отеле «Минданао». Захотите связаться со мной, ищите там. Если погрузка будет назначена на 20-е, то весьма вероятно, что сопровождение и испанский военный патруль отправятся из Мадрида в порт 19-го вечером, чтобы прибыть на место на рассвете. Если вы вообще собираетесь попасть на борт, то советую это сделать до того, как в порту появится военный патруль.

– Я буду в Мадриде девятнадцатого, – сказал Шеннон. – Вы мне сообщите, отправили груз вовремя или нет. Если поторопиться, то я смогу приехать в Валенсию на машине быстрее их и очутиться на борту «Тосканы» в роли матроса, возвращающегося из увольнения на берег, до того, как прибудет груз.

– Как вам будет угодно, – сказал Шлинкер. – Вам решать. Я, со своей стороны, организую через своих агентов транспортировку и отгрузку товара в соответствии с обычными правилами, к рассвету двадцатого числа. Это обговорено в моем контракте. Если в связи с вашей попыткой сесть на корабль в порту возникнет определенный риск, то меня это не касается. Я не собираюсь принимать на себя ответственность и за это. Могу только добавить, что суда, осуществляющие вывоз оружия из Испании, подлежат тщательному досмотру таможенниками и военными. Если возникнут затруднения с получением разрешения на отход судна из-за вас, то это не мое дело. Да, вот еще что. После загрузки оружия на борт судно должно покинуть порт в течение шести часов и не имеет права заходить в испанские территориальные воды, пока не произведет разгрузку.

Естественно, что маршрутный лист должен быть в полном порядке.

– Все будет в порядке, – сказал Шеннон. – Я буду у вас в Мадриде утром девятнадцатого.

Перед отплытием из Тулона Курт Земмлер передал Шеннону письмо для отправки. Оно было адресовано судовым агентам «Тосканы» в Генуе. Им сообщалось, что произошли некоторые изменения в плане и «Тоскана» не отправляется сразу к берегам Марокко, а держит курс на Бриндизи, где доберет небольшое количество дополнительного груза. Договор о перевозке этого груза весьма соблазнительный потому, что срочный, как писал агентам Земмлер, он подписал лично на месте, в то время как с поставкой туристического снаряжения в Марокко торопиться не обязательно. Будучи в роли исполнительного директора компании «Спинетти Маритимо», Земмлер отдавал распоряжения как начальник. Он просил агентов дать телеграмму в Бриндизи о резервировании места стоянки на 7 и 8 июня и договориться с администрацией порта, чтобы все письма, отправленные на адрес «Тосканы», оставили в порту до их прихода туда.

Одно такое письмо Шеннон послал из Гамбурга. На конверте значилось: синьору Курту Земмлеру, судно «Тоскана», п/о порта Бриндизи, Италия.

В письме сообщалось, что Земмлер должен следовать из Бриндизи в Плоче, что на адриатическом побережье Югославии, и если у него нет лощи, чтобы разобраться в хитроумных подходах к побережью к северу от острова Корчула, следует обзавестись ими на месте. Он должен привести туда «Тоскану» к вечеру десятого числа, место в порту будет зарезервировано.

Агентов в Генуе о дополнительном заходе из Бриндизи в Плоче ставить в известность не следует.

Последнее распоряжение для Земмлера было важным. Шеннон просил немецкого экс-контрабандиста раздобыть удостоверение матроса торгового флота на имя Кейта Брауна, завизированное итальянскими властями и снабженное печатью, как положено.

Кроме того, потребуется запастись путевым листом, в котором должно быть указано, что «Тоскана» направляется из Бриндизи напрямик в порт Валенсия, а из Валенсии, после загрузки, идет курсом на Латакию, в Сирии. Земмлеру придется использовать свои старые связи в Бриндизи, чтобы раздобыть оба документа.

Перед тем как отправиться из Гамбурга в Югославию, Шеннон отослал еще одно, последнее, письмо Саймону Эндину, в Лондон.

Эндину предлагалось прибыть на встречу с Шенноном в Рим 16 числа и прихватить с собой необходимые морские лоции.

В это время торговое судно «Тоскана», натужно пыхтя, преодолевало пролив Бонифачо, узкую полосу прозрачной лазури, разделяющую южную оконечность Корсики и северные берега Сардинии. Палящее солнце слегка смягчилось прохладным ветерком. Марк Вламинк растянулся во весь рост на крыше люка грузового трюма, подложив под себя мокрое полотенце и раздевшись до пояса. Его мощный торс, натертый маслом для загара, розово лоснился под солнцем, издали напоминая спину небольшого, но упитанного бегемота. Жанни Дюпре, который всегда от солнечных лучей краснел как рак, сидел, облокотившись на стену рулевой будки, под тентом и высасывал последние капли из десятой по счету за сегодняшнее утро бутылки пива. Чиприани, матрос, красил в белый цвет перила на баке, а первый помощник, Норбиатти, спал внизу, в своей каюте, после ночной вахты.

Там же внизу, в удушливой жаре машинного отделения, находился судовой механик, Грубич, смазывая что-то в двигателе, без чего, по его разумению, «Тоскана» не сможет спокойно давать свои восемь узлов по Средиземному морю. В рулевой будке Курт Земмлер и Карл Вальденберг потягивали холодное пиво и обменивались воспоминаниями о былых подвигах.

Жан-Батист Лангаротти очень хотел сейчас очутиться на корабле. С левого борта он мог бы любоваться залитым солнцем скалистым берегом своей родины, медленно проплывающим в каких-то четырех милях. Но он был очень далеко, в Западной Африке, где уже начался сезон дождей и, несмотря на невыносимую жару, небо было затянуто тяжелыми свинцовыми тучами.

Алан Бейкер появился в отеле Шеннона, в Дубровнике, как раз в тот момент, когда наемник возвращался с пляжа, вечером 8 июня. Вид у него был замученный и несвежий.

Кот Шеннон, наоборот, и выглядел, и чувствовал себя куда лучше. Он провел неделю на югославском курорте как любой другой отдыхающий – загорая и проплывая по несколько миль в день. Слегка похудел, но загорел и окреп. Настроение у него тоже улучшилось.

Устроившись в гостинице, он отослал телеграмму Земмлеру в Бриндизи, запрашивая подтверждение прихода судна в порт и получения письма из Гамбурга. Сегодня утром пришла ответная телеграмма от Земмлера. «Тоскана» благополучно объявилась в Бриндизи, письмо получено и принято к сведению, они отплывают

девятого утром, чтобы прибыть на место в ночь на десятое.

За рюмкой в баре на террасе отеля, где Шеннон снял Бейкеру номер на сутки, он поделился с дельцом из Гамбурга своими новостями. Бейкер кивал и улыбался.

– Прекрасно. Сорок восемь часов назад я получил телеграмму из Белграда от Зилиака. Контейнеры прибыли в Плоче и находятся на государственном складе, неподалеку от причала, под охраной.

Они переночевали в Дубровнике, а на следующее утро взяли такси и попросили отвезти их на сто километров к северу от Дубровника в Плоче. Это была не машина, а костедробильный агрегат. Казалось, что колеса у нее квадратные, а рессоры отсутствуют вовсе. Но дорога вдоль побережья была живописной.

Нетронутая человеком природа, если не считать маленького местечка Слано на полпути, где они остановились, чтобы выпить по чашке кофе и размять онемевшие мышцы.

К обеду они устроились в гостинице и дожидались на крытой террасе четырех часов, когда контора порта вновь начнет работу после перерыва.

Порт был расположен на берегу глубокого голубого залива, прикрытого со стороны моря длинным, выдающимся в море полуостровом под названием Пелисач, который выходил в сторону моря южнее Плоче и, свернув к северу, тянулся узкой полоской земли вдоль берега. На севере небольшой просвет между окончательностью полуострова и основной полосой берега был почти полностью загорожен скалистым островом Хвар, оставался только узкий проход со стороны моря в лагуну, на берегу которой расположился Плоче. Эта лагуна, длиной в тридцать миль, ограниченная землей на девять десятых своего периметра, была просто раем для купанья, рыбной ловли и парусного спорта.

Когда они подошли к управлению порта, появившийся неведь откуда маленький потрепанный «фольксваген» резко затормозил в нескольких ярдах от них и громко загудел. Шеннон замер.

Первое ощущение – беда, то, чего он так опасался все время, какая-нибудь оплошность с бумагами, неожиданное вмешательство властей и неминуемые долгие допросы в местном полицейском участке.

Человек, выбравшийся из маленькой машины, бодро помахал им и улыбнулся. Он, конечно, мог оказаться полицейским, если не учитывать, что в большинстве тоталитарных государств Востока или Запада полицейским запрещено улыбаться по уставу. Шеннон посмотрел на Бейкера и заметил, как тот облегченно опустил плечи.

– Зиляк, – буркнул он, почти не раскрывая рта, и пошел навстречу югославу, огромному и косолапому, словно косматый медведь.

Обеими лапами он приветственно обхватил Бейкера. Когда их представили друг другу, оказалось, что его зовут Кемаль, и Шеннон подумал, что в нем должна быть немалая толика турецкой крови. Это вполне устраивало Шеннона. Ему нравились такие люди, обычно хорошие бойцы и товарищи, со здоровым отвращением к бюрократии.

– Мой помощник, – представил Бейкер, и Зиляк начал трясти ему руку, приговаривая что-то, по-видимому на сербскохорватском языке, как предположил Шеннон. Бейкер и Зиляк объяснялись по-немецки. Многие в Югославии говорят на этом языке. Английского он не понимал.

С помощью Зиляка они разыскали начальника таможни и пошли осматривать товар на складе. Таможенник буркнул что-то охраннику, они зашли, и в углу помещения обнаружили свои ящики. Их было тринадцать. В одном, очевидно, были две базуки, в двух других – по миномету, вместе с опорами и прицельным механизмом. В остальных ящиках находились боеприпасы. Четыре коробки с ракетными снарядами для базук, по десять снарядов в каждом, и еще шесть ящиков на триста мин для минометов. Ящики были из свежеструганного дерева, без описания содержимого, снабженные только порядковыми номерами и надписью «Тоскана» на каждом.

Зиляк и шеф таможни лопотали что-то на своем наречии и, к счастью, пользовались одним и тем же диалектом, ибо в Югославии основных языков семь, а диалектов и того больше. Известны случаи, когда это приводило к затруднениям.

Зиляк повернулся к Бейкеру и произнес несколько фраз на своем запинаящемся немецком. Бейкер ответил, и Зиляк перевел таможеннику. Тот улыбнулся, они пожали друг другу руки и расстались. Солнечный свет на улице обрушился на голову сокрушительным ударом.

– О чем шла речь? – спросил Шеннон.

– Таможенник спросил у Кемалья, нет ли в этих ящиках для него подарка, – пояснил Бейкер. – Кемаль сказал, что подарок будет, и очень хороший, если бумаги пропустят без волокиты и корабль загрузят вовремя, к завтрашнему утру.

Шеннон уже отдал Бейкеру первую половину из 1000-фунтовой доли Зиляка за помощь, и Бейкер отвел югослава в сторону, чтобы тихонько сунуть деньги. Дружеские объятия веселого югослава стали еще дружелюбнее по отношению к ним обоим, и они отправились в

гостиницу отметить встречу «за рюмочкой сливовицы». Это Бейкер сказал «за рюмочкой». Зилиак тоже мог сказать такое, но только в шутку. Югославы на радостях рюмочками сливовицу не пьют. Хлопнув себя по карману с пятью сотнями фунтов, Зилиак заказал бутылку обжигающей сливовой водки и по блюду с миндалем и оливками на закуску. Солнце уже садилось, на улицы опускалась тьма адриатического вечера, а он все продолжал вспоминать военные времена, боевые подвиги в горах Боснии, на севере, в партизанских отрядах Тито.

Бейкеру пришлось туго в роли переводчика, когда словоохотливый Кемаль описывал свои дерзкие набеги на села в Монтенегро за Дубровником, неподалеку от того места, где они находились, операции в Герцеговине и в богатых, заросших густыми лесами районах к северу от Сплина, в Боснии.

Несколько раз он повторял, что в свое время его бы сразу пристрелили, попробуй он только появиться в некоторых городах, а теперь вот разъезжает по ним беспрепятственно, выполняя поручения шурина, работающего в министерстве. Шеннон спросил, раз он был в партизанах, то значит ли это, что он убежденный коммунист? Зилиак выслушал перевод Бейкера, который заменил слово «убежденный» словом «хороший», и начал бить себя мощным кулаком в грудь.

– *Guter kommunist!* – зарычал он, тыча в себя пальцем.

После этого вдруг испортил произведенное впечатление, лукаво подмигнув и разразившись веселым смехом. Потом откинул голову назад и опрокинул в глотку очередной стакан сливовицы. Левой рукой он весело похлопал себя по набитому карману, и сложенные купюры выразительно зашелестели. Шеннон расхохотался и даже пожалел, что этот гигант не поедет с ними в Зангаро. Он был парнем что надо.

Они не ужинали, а в полночь, пошатываясь, вернулись на набережную, чтобы посмотреть, как будет подходить «Тоскана».

Она обогнула ограждение гавани и уже через час пришвартовалась у причала, выложенного местным камнем. На носу стоял Земмлер и вглядывался в полутьму набережной, тускло освещенной редкими фонарями. Они чинно кивнули друг другу. Вальденберг встал у сходней, переговариваясь о чем-то с помощником. Ему было сказано, согласно письму Шеннона, что все переговоры поручается вести Земмлеру.

После того как Бейкер с Зилиаком направились обратно в гостиницу, Шеннон взобрался по трапу и прошел в тесную каюту капитана. Никто на берегу ничего не заметил. Земмлер привел

Вальденберга, и они заперлись на ключ.

Не спеша, обстоятельно, Шеннон рассказал Вальденбергу, за каким грузом на самом деле «Тоскана» пришла в Плоче. Немецкий капитан воспринял это спокойно. У него на лице даже мускул не дрогнул, когда Шеннон закончил.

– Я никогда раньше не возил оружия, – сказал он. – Вы сказали, что этот груз легальный. Насколько легальный?

– Легальный на все сто, – ответил Шеннон. – Он был закуплен в Белграде, доставлен сюда, и власти, естественно, в курсе того, что находится в ящиках. Иначе не было бы разрешения на экспорт. Лицензия не поддельная, никому взятка давать не пришлось. Это совершенно легальная операция, согласно югославским законам.

– А по законам той страны, в которую направляется груз? – спросил Вальденберг.

– «Тоскана» не войдет в территориальные воды страны, где предполагается использовать это оружие, – сказал Шеннон. – После Плоче нам предстоит зайти еще в два порта. В каждом из них мы только возьмем на борт грузы. Вам должно быть известно, что суда, приходящие в порт на дозагрузку, обычно не досматривают, если только власти не будут специально предупреждены.

– Тем не менее, такое бывало, – сказал Вальденберг. – Если у меня на борту эти штуки, а в путевом листе они не значатся, то после досмотра, если их найдут, корабль конфискуют, а меня посадят. Я не договаривался возить оружие. Сейчас, когда в мире орудуют Черный Сентябрь и ИРА, власти повсюду ищут оружие.

– Но только не в том порту, где груз берут на борт, – возразил Шеннон.

– Я не договаривался возить оружие, – повторил Вальденберг.

– Вы договаривались о перевозке нелегальных иммигрантов в Британию, – уточнил Шеннон.

– Они становятся нелегальными только после того, как ступят на британскую землю, – парировал капитан. – А «Тоскана» будет вне территориальных вод. Они могут добраться на берег на катерах. Оружие – совсем другое дело. Оно незаконно находится на корабле, если в накладной ничего не указано. Почему не вписать его в путевой лист? Так и скажите, что оружие законным образом переправляется из Плоче в Того. Никто не узнает, что мы потом отклонимся от курса.

– Потому, что если на борту уже есть оружие, испанские власти не разрешат судну зайти в Валенсию или в любой другой порт Испании. Даже транзитом. И уж во всяком случае ни о какой дозагрузке

оружием речи быть не может. Поэтому приходится умалчивать об этом в путевом листе.

– Тогда откуда мы должны прибыть в Испанию? – спросил Вальденберг.

– Из Бриндизи, – ответил Шеннон. – Вы зашли туда за грузом, но он вовремя не поступил. После этого руководство компании велело вам направиться в Валенсию за новой партией груза для Латакии. Очевидно, что вы подчинились.

– А если испанская полиция обыщет корабль?

– Нет ни малейших поводов для этого, – сказал Шеннон. – Но если это случится, ящики следует спрятать под пол трюма, между шпангоутами.

– Если они их там найдут, то нам вообще надеяться не на что, – заметил Вальденберг. – Они решат, что мы возим товар для баскских террористов. Нас засадят до конца дней.

Переговоры продолжались до трех часов утра. Шеннону пришлось раскошелиться на 5000 фунтов. Половину до погрузки и половину после выхода из Валенсии. Дополнительной платы за остановку в африканском порту не требовалось. Там проблем возникнуть не может.

– С командой вы сами разберетесь? – спросил Шеннон.

– С командой я разберусь сам, – решительно сказал ему Вальденберг.

Шеннон в этом и не сомневался.

В гостинице Шеннон вручил Бейкеру половину оставшейся суммы за оружие, 3600 долларов, и попытался немного поспать.

Это оказалось не просто. Было душно, пот катил с него градом, а из головы не выходила «Тоскана», стоящая у причала, и ящики с оружием на складе. Как бы чего не вышло. Он понимал, что осталось совсем немного, всего три короткие процедуры, которые отделяют его от того момента, когда никто и никаким образом не сможет его остановить.

Погрузку начали в семь. Солнце уже давно встало. В сопровождении вооруженного винтовкой таможенника, вышагивающего рядом, ящики на автокаре подвозили к причалу, где «Тоскана» брала их на борт с помощью своего грузового крана. Ящики были не особенно громоздкие, и внизу, в трюме, Вламинк и Чиприани без особого труда ворочали их, прежде чем установить так, чтобы можно было надежно закрепить груз. К девяти утра все было сделано и люки задраены.

Вальденберг приказал механику разводить пары, и дважды повторять не пришлось. Позже Шеннон узнал, что механик вдруг неожиданно разговорился, когда через три часа после выхода из Бриндизи понял, что «Тоскана» направляется к берегам его родной страны. Оказалось, что его там по каким-то причинам разыскивают. Все время стоянки он прятался в машинном отделении, и никто к нему не спускался.

Провожая глазами «Тоскану», выходящую из гавани, Шеннон вложил Бейкеру в боковой карман оставшиеся 3600 долларов и 500 фунтов для Зилиака. Они не знали, что, когда ящики оказались в трюме, Вламинк наугад вскрыл пять из них, проверил содержимое, дал отмашку Земмлеру, стоящему у открытого люка на палубе, а Земмлер вытащил платок и высморкался, подав условный сигнал Шеннону. На всякий случай.

Вдруг в ящиках окажется металлолом. Такое случалось, и не раз, в мире торговцев оружием.

Бейкер, получив деньги, вручил югославу 500 фунтов, как будто бы от своего имени, а Зилиак позаботился, чтобы шеф таможни не отправился домой натошак. После этого Алан Бейкер и его «помощник»-англичанин тихо уехали из города.

На личном календаре Шеннона из ста дней, отпущенных сэром Джеймсом Мэнсоном на подготовку переворота, прошло уже шестьдесят семь.

Как только «Тоскана» вышла в открытое море, капитан Вальденберг начал проводить на корабле организационную работу. Члены команды по одному вызывались на конфиденциальную беседу. Хотя никто не догадывался об этом, но если бы кто-то отказался дальше служить на «Тоскане», несчастных случаев на борту избежать бы не удалось. Нет лучше места для внезапного исчезновения человека, чем корабль ночью в открытом море. А Вламинк и Дюпре, на пару, могли забросить любого далеко-далеко за борт при необходимости. Может быть, их присутствие повлияло, но никто из членов команды не стал возражать.

Вальденберг потратил тысячу фунтов из двух с половиной, которые получил от Шеннона в аккредитивах. Механик-югослав, довольный, что снова оказался далеко от своей страны, взял свои 250 фунтов, запихнул в карман и отправился в машинное отделение. Он не стал комментировать происходящее. Первый помощник, Норбиатто, очень разволновался при мысли об испанской тюрьме, но, положив в карман 600 фунтов долларовыми купюрами, прикинул, сколько

придется добавить, чтобы когда-нибудь купить собственный корабль, и успокоился. Матрос Чиприани, похоже, обрадовался перспективе оказаться на корабле, набитом контрабандой, взял свои 150 фунтов, радостно сказал: «Спасибо!» и удалился, восторженно бормоча: «Вот это жизнь!» Он был человеком недалеким и ничего не знал об испанских тюрьмах.

После этого все ящики были вскрыты, содержимое осмотрено, завернуто в полиэтилен и спрятано под пол трюма, вплотную к обшивке, между шпангоутами и вдоль киля. Те доски пола, которые пришлось отодрать для этого, были установлены на свои места, а сверху завалены невинными тюками с одеждой, ящиками с надутыми лодками и подвесными моторами.

Наконец, Земмлер сказал Вальденбергу, что он бы переставил бочки с маслом в дальний конец кладовки. А когда объяснил своему соотечественнику, зачем это надо, тот впервые потерял самообладание. При этом он вышел из себя настолько, что разразился выражениями, о которых в дальнейшем культурному человеку остается только сожалеть.

Земмлер его успокоил, и они сели пить пиво, пока «Тоскана» разрезала носом волны, направляясь к югу, в сторону пролива Отранто и Ионического моря. Наконец, Вальденберг рассмеялся.

– «Шмайссеры», – сказал он. – Чертовы «шмайссеры». Да, давненько их не было слышно в этом мире.

– Ничего, скоро снова заговорят, – сказал Земмлер.

Вальденберг задумчиво посмотрел на него.

– Знаешь, – произнес он наконец. – А мне жаль, что я не сойду на берег вместе с вами.

Глава 19

Когда Шеннон появился, Саймон Эндин читал номер «Таймс», который купил утром в Лондоне перед отлетом в Рим. Гостиная отеля «Эксельсиор» была почти безлюдна, поскольку большинство из опоздавших к утреннему кофе теперь потягивали его на открытой террасе, поглядывая на грохочущий хаос римских улиц, и старались перекричать этот шум в надежде быть услышанными собеседниками.

Шеннон выбрал это место для встречи, потому что оно находилось как раз на середине пути между Дубровником на востоке и Мадридом на западе. В Рим он попал впервые и теперь удивлялся, чем так восторгались авторы путеводителей. В городе в это время проходило, как минимум, семь забастовок и одна из них – среди рабочих-мусорщиков. Раскаленный на солнце город тонул в зловонии, исходящем от гниющих фруктов и другого мусора, засыпавшего тротуары улиц и переулков.

Он опустил в кресло рядом с гостем из Лондона и почувствовал облегчение от прохлады, царившей в помещении.

Последний час он провел в такси, тая, как масло на сковородке, от невыносимой духоты. Эндин смотрел на него в упор.

– Давненько вы не появлялись, – холодно произнес он. – Мои партнеры уже начали опасаться, что вы улизнули. Не слишком благоразумно с вашей стороны.

– Какой смысл появляться до тех пор, пока нечего сообщить? Корабль по воздуху не летает. Потребовалось время, чтобы отвести его из Тулона в Югославию. По пути ничего интересного не происходило, так что и сообщать было не о чем. Кстати, вы привезли карты?

Эндин кивнул на свой пухлый портфель рядом с креслом.

Получив письмо от Шеннона, он три дня рыскал по трем самым крупным картографическим морским компаниям Лондона, расположенным на Лидснхолл Стрит, а потом еще обошел множество мелких лавок, подбирая лоции всего африканского континента от Касабланки до Кейптауна.

– Зачем вам такое количество карт? – раздраженно спросил он. – Вполне хватило бы одной или двух.

– Меры предосторожности, – коротко ответил Шеннон. – Предположим, мы с вами попадаемся на таможне, или береговая

охрана вздумает осмотреть корабль в порту. Имей мы только одну лоцию, всем сразу становится ясна цель нашего путешествия. А при таком количестве, мы можем быть спокойны – никто, включая капитана и команду, не догадается, какой именно береговой район меня интересует. Вплоть до последнего момента, конечно, когда мне самому придется им это сообщить. Но тогда будет уже поздно. Дیاпозитивы вы тоже прихватили?

– Естественно.

Вторым заданием, которое Шеннон дал Эндину, было сделать слайды со всех фотографий, которые он привез из Зангаро, а также с остальных карт и схем Кларенса и зангарийского побережья.

Шеннон ранее сам отправил проектор, купленный беспощинно в лондонском аэропорту, на «Тоскану», в Тулон.

Теперь он дал Эндину полный отчет о своих действиях, начиная с момента вылета из Лондона. Рассказал о пребывании в Брюсселе, о погрузке «шмайссеров» и другого оборудования на «Тоскану» в Тулоне, о разговоре со Шлинкером и Бейкером в Гамбурге и о погрузке за несколько дней до этого в Югославии, в Плоче.

Эндин слушал внимательно, не перебивая и время от времени делал пометки в блокноте для собственного отчета, который должен будет предоставить позднее сэру Джеймсу Мэнсону.

– Где сейчас находится «Тоскана»? – спросил он, когда рассказ был окончен.

– Должна быть на юго-западе от Сардинии, по пути в Валенсию.

Шеннон рассказал о дальнейших планах на ближайшие три дня – погрузка 400 000 боевых патронов калибра 9 мм для автоматов в Валенсии и затем отбытие к цели. При этом он не упомянул о том, что один из его людей уже в Африке.

– А теперь мне нужно кое-что узнать от вас, – сказал он Эндину. – Что предполагается после завершения операции на рассвете? Должен вас предупредить, что мы не сможем долго ждать, пока придет к власти новый режим, разместится во дворце и объявит о перевороте и новом правительстве.

– Все продумано, – уклончиво произнес Эндин. – В конце концов, новое правительство и есть основная цель всего предприятия.

Он достал из портфеля три больших листа бумаги, сплошь заполненных отпечатанным текстом.

– Это инструкция по вашим действиям после того, как дворец будет занят, а охрана и армия разогнаны или уничтожены. Прочтите, запомните и ликвидируйте эти страницы до того, как мы расстанемся,

здесь, в Риме. Весь план должен быть у вас в голове.

Шеннон быстро пробежал глазами первую страницу. Там для него сюрпризов почти не оказалось. Он уже давно предполагал, что человек, которого Мэнсон хочет посадить на место президента, – полковник Боби, и, хотя в тексте президент обозначался литерой «Х», он не сомневался, что кандидатура осталась неизменной. Весь остальной план, на его взгляд, был чрезвычайно прост.

Он взглянул на Эндина.

– Где вы будете?

– В ста милях к северу от вас.

Шеннон понял, что Эндин имеет в виду столицу республики, граничащей с Зангаро с северной стороны. Из этого города идет прямая дорога вдоль побережья к границе и затем в Кларенс.

– Вы уверены, что получите мое сообщение?

– В моем распоряжении будет портативный приемник достаточной мощности, «Браун», лучший из тех, что сейчас делают. На таком расстоянии я смогу поймать любое сообщение в том случае, конечно, если оно будет передаваться на требуемой частоте. Судовой передатчик должен обладать достаточной мощностью, чтобы передавать на расстояния и вдвое большие.

Шеннон кивнул и продолжил чтение. Закончив, он положил листы на стол.

– Вроде все ясно, И все же, кое-что требует дополнительных разъяснений. В назначенный час я буду передавать на необходимой частоте с «Тосканы», но она в это время будет находиться в море, где-нибудь в пяти-шести милях от берега. И если вы меня не услышите, если будет слишком много помех – это не моя вина. Услышать меня – дело ваше.

– Передать – дело ваше, – возразил Эндин. – Частота проверяется до начала передачи. Мой приемник должен поймать сообщение с «Тосканы» за сто миль. Может быть, не сразу, но если вы будете передавать в течение тридцати минут – то услышу наверняка.

– Ну, что ж, хорошо, – согласился Шеннон. – И еще. Сообщение о том, что произошло в Кларенсе, не должно достигнуть ушей зангарийских пограничников. Там будут люди из племени Винду. И вам предстоит пройти этот пост. После границы, а именно поблизости от Кларенса, на дорогах тоже могут встретиться отдельные группы Винду. Они очень опасны. Как вы рассчитываете с ними справиться?

– Справимся. Нам помогут.

Шеннон предположил, и не без основания, что эта помощь будет

исходить от небольшой геологической партии, которая, как было известно Шеннону, работала в республике на Мэнсона.

Для шефа компании они наверняка раздобудут грузовик или джип, а то и пару охотничьих ружей в придачу. Впервые он подумал, что, несмотря на мерзкий характер, у Эндина, видимо, голова варит неплохо.

Шеннон заучил наизусть код и частоту, которая ему понадобится для сообщения, и, пройдя вместе с Эндином в туалет, сжег листы. Час спустя они расстались. Больше им нечего было сказать друг другу.

В кабинете, расположенном на уровне шестого этажа над улицами Мадрида, за своим столом сидел полковник Антонио Салазар, начальник экспортного отдела Министерства вооруженных сил Испании (отдел Международной торговли оружием) и просматривал бумаги. Это был седеющий человек средних лет, простой, открытый, чьи помыслы были чисты и бескомпромиссны. Его преданность Испании, дорогой и любимой Испании, преданность и вера во все то, что было ясно и справедливо, а только ясность и справедливость свойственны Испании, сосредоточилась и обрела плоть в конкретном человеке – старом, коротконогом генералиссимусе, который находился в Прадо. Антонио Салазар был франкистом до мозга костей.

За два года до ухода в отставку, в возрасте пятидесяти восьми лет, он был одним из тех, кто ступил на песчаный берег Фуэнгиrolы вместе с Франциско Франко. Это было много лет назад, когда каудильо новой Испании считался повстанцем и изгоем, не выполнившим приказ и развязавшим войну против республиканского правительства Испании. Их было тогда всего несколько человек, приговоренных Мадридом к смерти. И они едва не погибли.

Сержант Салазар был прекрасным солдатом. Он неукоснительно выполнял все приказы, какими бы они ни были, в перерывах между боем ходил к мессе, глубоко и искренне верил в Бога, в Пресвятую Деву, в Испанию и во Франко.

В другой армии и в иные времена ему не удалось бы дослужиться выше старшего сержанта, а он закончил войну капитаном, одним из «ультра», приближенным к узкому кругу.

Происхождение у него было самое надежное – из семьи рабочих и крестьян, образование – равное нулю. Но он добрался до звания полковника и был счастлив и исполнен благодарности. Кроме того, ему доверили работу ответственную и секретную, одну из тех, о которых в Испании не принято говорить вслух. Ни один испанец ни при каких обстоятельствах не может знать, что Испания продает

оружие, и в больших количествах, практически любому, кто изъявит желание. Официально Испания заявляет о своем отрицательном отношении к торговле оружием, как неэтичной и располагающей к дальнейшему ведению войны в мире, уже и так истекающем кровью. Но это только официально. А втихую эта страна делает на такой торговле деньги, и немалые.

Антонио Салазар был именно тем человеком, которому можно доверить работу с секретными документами, а также решение вопроса о том, кому разрешить, а кому и отказать в выдаче экспортной лицензии. При этом было точно известно, что рот у него останется на замке.

Вот уже четыре недели он держит в руках досье, которое и теперь лежит перед ним на столе. Некоторые документы этого досье проверены Министерством обороны, которое подтвердило, не удосужившись поинтересоваться причиной запроса, что 9-миллиметровые патроны не включены в список секретного оружия.

Побывали эти документы в Министерстве иностранных дел, где тоже не сочли нужным поинтересоваться источником, а просто подтвердили, что продажа такого товара Ираку не противоречит внешней политике Испании. Министерство финансов поступило еще проще – подтвердило получение суммы в долларах с определенного счета Банка Популар.

Первый лист в досье – разрешение на вывоз, с указанием количества упаковок, из Мадрида в Валенсию и дальнейшую транспортировку на борту судна «Тоскана». Следующим шел лист, требующий его собственной подписи, – лицензия на экспорт.

Он поднял глаза на гражданского служащего, стоявшего перед его столом.

– Почему произошли изменения?

– Полковник, просто потому, что в порту Валенсии яблоку негде упасть уже в течение двух недель. Все забито.

С этим полковник Салазар спорить не мог. Объяснение логично. В летние месяцы Валенсия действительно всегда запружена судами. Из соседней Гансии привозят миллионы апельсинов. И все же он не любил, когда что-нибудь менялось.

Предпочитал, чтобы все шло согласно изначально намеченному плану. И этот заказ ему тоже не нравился. Очень уж мал.

Слишком мал для целой национальной гвардии. На учебных стрельбищах тысяча полицейских используют такой запас боеприпасов в течение часа. Да и Шлинкеру этому он не верил, тем

более, что хорошо его знал. Тот пропустил этот заказ через министерство вместе с целой пачкой других, включая 10 000 артиллерийских снарядов для Сирии.

Он снова пробежал взглядом бумаги. За окнами церковный колокол пробил час. Время ланча. В конечном счете, все бумаги оформлены правильно. Включая сертификат получателя. На каждом документе печать. Если бы хоть одна зацепка. В справке или в оформлении покупки судна у компании, которая им владела. Нет, все чисто. Приняв окончательное решение, полковник поставил свою подпись на разрешении на вывоз и протянул всю пачку служащему.

– Ладно, – буркнул он. – Все в порядке. Каstellон так Каstellон.

– Нам пришлось поменять порт погрузки с Валенсии на Каstellон, – сказал Йоханн Шлиinker двое суток спустя. – Не было другого выхода. Порт Валенсии забит наглухо недели на две, а нам надо было позарез успеть к двадцатому.

Кот Шеннон сидел на кровати в номере отеля «Минданао», где остановился немецкий торговец оружием.

– Где этот Каstellон?

– В сорока милях севернее вдоль побережья. Порт поменьше и поспокойнее. Для вас даже лучше, чем Валенсия. Вам ведь нужно побыстрее обернуться. Торговый агент в Валенсии оповещен и поедет прямо в Каstellон, чтобы проследить за погрузкой. Как только «Тоскана» свяжется по радио с береговой службой, ей передадут, чтобы она следовала в другой порт. Если она отправится туда немедленно, то задержка будет не более чем на два часа.

– А как же мне попасть на борт?

– Это уж ваше дело, – сказал Шлиinker. – Я на всякий случай предупредил агента, что матрос с «Тосканы», который десять дней назад остался в Бриндизи, должен вернуться, и назвал его имя – Кейт Браун. Как дела с вашими документами?

– Прекрасно, в полном порядке. И паспорт, и удостоверение матроса торгового судна.

– Агента вы найдете в таможенной конторе в Каstellоне, как только она откроется, утром 20-го. Его зовут синьор Москар.

– Как дела в Мадриде?

– Разрешение на вывоз предполагает, что грузовик будет загружен под наблюдением армейского представителя между восемью вечера и полночью завтра, 19-го. В полночь он двинется в путь в сопровождении этого представителя и должен появиться у ворот гавани в Каstellоне в шесть утра, то есть в час открытия. Если

«Тоскана» появится вовремя, то уже ночью будет пришвартована у причала. Грузовик гражданский, из той же торговой фирмы, услугами которой я всегда пользуюсь. Там люди опытные и надежные. Я оставил распоряжение управляющему, чтобы он немедленно позвонил мне, как только машина отойдет от склада.

Шеннон кивнул. Вроде бы все в порядке.

– Я буду здесь, – сказал он и вышел.

В тот же день он взял «мерседес» в одной широко известной прокатной фирме с филиалами в Мадриде.

На следующий вечер, в половине одиннадцатого, он был снова со Шлинкером, и они вместе ожидали звонка. Оба нервничали, как всегда нервничают мужчины, когда успех в деталях продуманной операции зависит от посторонних. Правда, Шлинкер нервничал и по другой причине. Он знал, что если что-то сорвется, неминуемо последует детальное исследование сертификата получателя, который доставал именно он, а этот сертификат такого исследования не выдержит, поскольку не имеет чека от Министерства внутренних дел Багдада. Если это случится, то все остальные дела с Мадридом, гораздо более для него важные, будут прикрыты. Не впервые в жизни он пожалел, что связался с этим заказом, но какой скупец откажется от денег, которые сами собой идут в руки. Все равно, что самому себе надавать пощечин.

Полночь, а звонка все нет. Половина первого – нет. Шеннон мерил шагами комнату, выплескивая свой гнев и раздражение на толстяка-немца, который все это время потягивал виски. Без двадцати час телефон зазвонил. Шлинкер бросился к аппарату и рывком снял трубку. Сказал несколько слов по-испански и замолчал.

– Что там? – Шеннон сгорал от нетерпения.

– Минутку, – сказал Шлинкер и поднял руку, призывая к тишине.

Затем, видимо, к телефону подошел кто-то другой, и Шлинкер заговорил так быстро, что Шеннон не мог понять. Он плохо знал испанский. Наконец Шлинкер улыбнулся, несколько раз сказал в трубку «Gracias»^[20] и положил ее.

– Все в порядке, – объяснил он. – Грузовик выехал со склада в Каstellон пятнадцать минут назад в сопровождении охраны.

Но Шеннона уже и след простыл.

Грузовик с «мерседесом» тягаться не мог, хотя и выжимал по автострате от Мадрида до Валенсии 100 километров в час. Сорок минут потребовалось Шеннону, чтобы выбраться из лабиринта окраинных улиц Мадрида, и он понимал, что водитель грузовика знал

дорогу лучше. Зато на автострате он взял свое – 180 километров в час. Внимательно вглядываясь во все разрывающие своим ревом ночную тишину грузовики, он наконец увидел то, что искал. Это случилось в сорока милях к западу от Валенсии, за небольшим городком Реквена.

Выхватив из темноты светом фар армейский джип, эскортирующий крытую восьмитонку, он прочел на борту грузовика название фирмы, которую упоминал Шлинкер. Впереди грузовика ехала еще одна машина, четырехдверный военного образца автомобиль. На заднем сидении одиноко сидел офицер.

Шеннон вдавил педаль газа в пол, и «мерседес» рванул дальше, в сторону побережья.

У Валенсии он поехал по окружной дороге, огибающей спящий город, в сторону шоссе E26, по направлению к Барселоне.

Автострада вела на север от Валенсии и кишела грузовиками, везущими апельсины, и всевозможными другими машинами, нагруженными товарами с ферм. Дорога шла мимо волшебнопредкрасной крепости Сагунто, вытесанной легионерами из скалы, а позднее превращенной маврами в цитадель Ислама. Шеннон приехал в Кастеллон в начале пятого утра и поехал по направлению, указанному стрелкой, – «Puerto».[21]

Порт Кастеллон находится в пяти километрах от города, и ведет туда узкая прямая дорога, протянувшаяся до самого моря.

Гавань и порт пропустить невозможно, так как дорога упирается прямо в них.

По обыкновению средиземноморских портов, он делится на три части – одна для грузовых кораблей, другая для яхт и прогулочных лодок и третья – для рыболовецких суденышек. В Кастеллоне, если стоять лицом к морю, торговая гавань расположена слева и, как все порты Испании, огорожена решеткой с воротами и снабжена вооруженной охраной Гражданской Гвардии. В самом центре расположена контора начальника порта и неподалеку великолепный яхт-клуб с рестораном, чьи окна выходят с одной стороны на торговый порт, а с другой – на прогулочную и рыболовецкую стоянки. С противоположной от моря стороны конторы расположились в ряд пакгаузы.

Шеннон свернул налево, остановил машину на обочине дороги и вышел. Пройдя по периметру приблизительно половину забора, он обнаружил ворота. В будке клевал носом привратник. Ворота оказались заперты. Пройдя немного дальше, он через прутья решетки к огромному своему облегчению увидел «Тоскану», мирно

покачивающуюся на небольших волнах у дальнего причала. Он решил дождаться шести.

Без четверти шесть он был у ворот, улыбаясь и приветливо кивая строгому представителю Гражданской Гвардии, который гордо, игнорируя все знаки внимания, смотрел в сторону. В лучах восходящего солнца он увидел армейский автомобиль, грузовик и джип, припаркованные в ста ярдах от ворот. В 6.10 у ворот появилась гражданская машина и загудела. Из нее вышел щегольски одетый коротышка-испанец. Шеннон подошел к нему.

– Сеньор Москар?

– Si.^[22]

– Меня зовут Браун. Я матрос, который должен здесь вернуться на корабль.

Испанец удивленно поднял бровь.

– Por favor? Que?^[23]

– Браун, – повторил Шеннон. – «Тоскана».

Лицо испанца просветлело.

– Ah, si. El marinero...^[24] Пойдемте, прошу вас.

Ворота открылись, и Москар показал свой пропуск. Он сказал несколько слов охраннику и таможеннику, которые открыли ворота, и показал на Шеннона. Кот несколько раз поймал слово «маринеро» и передал свой паспорт и удостоверение матроса. Потом прошел за Москаром в таможню. Час спустя он был на борту «Тосканы».

Осмотр начался ровно в девять. Без предупреждения.

Декларация капитана была представлена и проверена. Она оказалась в полном порядке. На причале уже стояли грузовик, армейский автомобиль и джип. Армейский капитан из сопровождающих, худой, болезненного вида, почти безгубый, разговаривал с двумя таможенниками. Через некоторое время они поднялись на борт в сопровождении Москара и проверили груз, что был указан в декларации. И не более того. Ткнулись во все укромные уголки и щели, но так и не заглянули в трюм. Открыли дверь склада, окинув взглядом ворох цепей, бочек с маслом и банок с краской, и закрыли ее. Больше всего их интересовал вопрос, почему капитану Вальденбергу понадобилось на таком маленьком судне семь человек команды. Им объяснили, что Дюпре и Вламинк – служащие компании, которые отстали от своего корабля в Бриндизи, и что по дороге в Латакию их высажат на Мальте. Удостоверений у них нет, так как они все вещи оставили на борту своего корабля. Когда Вальденберга спросили, о каком корабле идет речь, он назвал один, который видел в

гавани Бриндизи. Испанцы молча смотрели на своего начальника. Он взглянул на армейского капитана, пожал плечами и удалился. Еще через двадцать минут началась погрузка.

В половине первого «Тоскана» снялась с якоря и, покинув гавань Каstellлона, направилась в сторону мыса Сан Антонио.

Кот Шеннон, чувствуя невероятную усталость после того, как все закончилось, и твердо зная, что теперь его уже никто остановить не в силах, стоял на палубе, облокотившись на перила, и смотрел на медленно удаляющиеся зеленые апельсиновые рощи Каstellлона. К нему подошел Карл Вальденберг.

– Это последняя остановка?

– Последняя, когда мы открывали люки. В Африке нам придется забрать еще нескольких человек, но пришвартовываться мы не будем. Людей подбросят на катере. Палубные рабочие, грузчики. Во всяком случае такие у меня о них сведения.

– Но у меня лоции только до Гибралтара, – возразил Вальденберг.

Шеннон расстегнул молнию своей ветровки и вытащил из-за пазухи целую кипу карт, половина из которых были те, что передал Эндин в Риме.

– Вот это поможет вам добраться до Фритауна в Сьерра Леоне. Там мы бросим якорь и подберем людей. Прибыть туда нужно в полдень 2-го июля. Это время встречи.

Капитан ушел к себе в каюту, чтобы начать работу по составлению курса, а Шеннон остался на своем посту один. Над кормой кружили чайки, бросаясь на лакомые кусочки, время от времени вылетающие из камбуза, где орудовал Чиприани, готовя ланч. Каждый новый кусочек хлеба или овощей птицы встречали восторженным пронзительным криком и камнем бросались следом.

Если прислушаться, среди птичьего базара можно было услышать и другой звук – кто-то насвистывал «Испанский Гарлем».

Далеко на севере другой корабль поднял якорь и, следуя за маленьким портовым катером-лоцманом, вышел из порта в Архангельске. Теплоход «Комаров» был совсем новым – трех лет от роду и водоизмещением более 5000 тонн.

На мостике было тепло и уютно. Капитан и штурман стояли рядом и смотрели на проплывающие мимо левого борта причал и пакгаузы. Впереди было открытое море. В руках у обоих было по чашке черного дымящегося кофе. Рулевой вел корабль по курсу, проложенному штурманом, а слева от него светился экран радара, по которому бегала неугомонная радужная стрелка, прощупывая лежащую впереди

поверхность океана, где можно встретить ледяные глыбы айсбергов, которые никогда не тают, даже самым жарким летом.

На корме, прислонившись к перилам, стояли два человека и смотрели вслед удаляющемуся русскому арктическому порту. Над головами у них развевался красный флаг со скрещенными серпом и молотом. Профессор Иванов зажал в зубах смятый картонный фильтр папиросы и втянул носом холодный просоленный воздух.

Оба были тепло одеты, поскольку даже в июне на Белом море нельзя одеться по-летнему. Рядом с профессором стоял молодой начинающий геолог, взволнованный первой в жизни заграничной командировкой.

– Товарищ профессор...

Иванов вынул изо рта окурок и выбросил за борт, в пенящуюся белой гривой волну.

– Знаете, друг мой, – перебил он геолога, – поскольку мы с вами теперь уже, как говорится, в одной упряжке, называйте меня просто Михаилом Михайловичем.

– Но в институте...

– Мы же с вами не в институте. Мы на борту корабля. И в течение ближайших месяцев и здесь, и в джунглях должны будем жить бок о бок.

– Понятно, – сказал молодой человек, но, по всей видимости, доводы профессора его не убедили. – Вы когда-нибудь раньше бывали в Зангаро?

– Нет, – сказал учитель.

– А вообще в Африке? – настаивал пытливый ученик.

– В Гане.

– Что она из себя представляет?

– Джунгли, болота, москиты, змеи и люди, которые не понимают ни черта из того, что вы им говорите.

– Но по-английски-то они понимают. А мы с вами оба говорим по-английски.

– В Зангаро и по-английски не говорят.

– О! – Молодой специалист прочел все, что мог обнаружить о Зангаро в энциклопедии, которую взял в институтской библиотеке, и решил блеснуть эрудицией.

– Капитан сказал, что если мы поддадим ходу, то доберемся в Кларенс за двадцать два дня. Как раз будет праздник – День Независимости.

– Я за них счастлив, – угрюмо проворчал Иванов и ушел.

Пройдя мыс Спартель и направляясь из Средиземного моря в Атлантический океан, «Тоскана» передала в Гибралтаре на берег телеграмму, которая предназначалась для переправки в Лондон.

В телеграмме стоял лондонский адрес мистера Уолтера Харриса.

Текст был простой: «С радостью сообщая, что ваш брат совершенно здоров». Понимать это надо было так: «Тоскана» с курса не сбивается и из графика не выходит. Некоторые ухудшения в здоровье брата могли означать изменения в курсе или какие-нибудь другие неприятности. Отсутствие такой телеграммы могло означать, что «Тоскана» вовсе не вышла из территориальных вод Испании.

В кабинете сэра Джеймса Мэнсона в этот день шло заседание.

– Так, – сказал шеф, когда Эндин закончил свой доклад. – Сколько времени им потребуется, чтобы достичь цели?

– Двадцать два дня, сэр Джеймс. Сегодня Семьдесят Восьмой день из ста, отведенных на операцию. Шеннон планировал отход от берегов Европы на восьмидесятый день, таким образом ему предположительно оставалось только двадцать. Он рассчитывал провести в море дней шестнадцать-восемнадцать, если принять во внимание возможные погодные помехи. Так что, даже по его собственным оценкам, у него в запасе будет четыре дня.

– Он начнет операцию раньше назначенного срока?

– Нет, сэр. Операция, как и решено, начнется на сотый день. Если придется, поторчит в море до срока.

Сэр Джеймс Мэнсон нервно ходил взад-вперед по кабинету.

– Как насчет арендованной виллы? – спросил он через некоторое время.

– Все устроено, сэр Джеймс.

– Тогда не вижу смысла в том, чтобы тебе ошиваться в Лондоне. Лети в Париж, организуй визу Коту, оттуда вытаскивай нашего нового сотрудника, полковника Боби и отправляйтесь вместе в Зангаро, вернее, в соседнюю страну. Если он начнет кочевряжиться, предложи ему еще денег. Когда устроитесь, позаботьтесь о грузовике и винтовках, и как только получишь сигнал от Шеннона о начале операции, сообщи об этом Боби. Заставь его подписать договор о горнорудных разработках от имени Президента Боби, датируя его месяцем позже, и отошли все три экземпляра экспресс-почтой мне сюда. В трех отдельных конвертах. Боби держи под замком до тех пор, пока не получишь второе сообщение от Шеннона, что все в порядке. Тогда выезжайте. Кстати, охранник, которого ты собираешься с собой взять, готов?

– Да, сэр Джеймс. За те деньги, которые он получает, он всегда готов.

– Что он из себя представляет?

– Мерзопакостный тип. Именно такой, какого я искал.

– У вас все же могут возникнуть проблемы. Все люди Шеннона будут с ним. Во всяком случае те, кто будет участвовать в перевороте. А проблемы могут исходить именно от него.

Эндин усмехнулся.

– Люди Шеннона последуют за Шенноном, а я на него найду управу. У него ведь тоже есть своя цена. Я просто предложу ему ее. Но с условием, что деньги он получит в Швейцарии, а из Зангаро уберется немедленно.

Когда он ушел, сэр Джеймс Мэнсон подошел к окну и, глядя вниз, задумался, есть ли на свете такой человек, у которого не было бы своей цены. Цена эта может выражаться в деньгах, а может в страхе. Но цена есть всегда. Человека, не имеющего цены, он не встречал никогда. «Купить можно всякого, – когда-то сказал ему один из наставников. – А кого нельзя купить, можно сломать». И теперь, уже много лет находясь на вершине власти и наблюдая за разными людьми – политиками, генералами, журналистами, издателями, министрами, предпринимателями и аристократами, рабочими и профсоюзными лидерами, белыми и чернокожими, в будни и в праздники, он ни разу не разуверился в этом.

Много лет назад один моряк, глядя с морских просторов на землю, увидел гору, которая в лучах восходящего позади нее на востоке солнца показалась ему похожей на голову льва. Он назвал эту землю Львиной горой и проплыл мимо. Название осталось, и страна впоследствии стала называться Сьеррой Леоне. Прошло время, и другой моряк, увидев ту же гору, но освещенную солнцем с другой стороны, а может быть, он смотрел на нее под другим углом, назвал ее Сияющей горой. И это название осталось. Еще позже, человек, обладающий не менее богатой фантазией, белый человек, назвал город, выросший в тени этой горы, Свободным Городом – Фритаун. Название тоже прижилось, и город носит его по сей день.

После полудня второго июля, в день Восемьдесят Восьмой личного календаря Шеннона, судно «Тоскана» бросило якорь в трех милях от берега, на котором расположен Фритаун, столица Сьерра Леоне.

Шеннон приказал, чтобы на пути из Испании груз не трогали и не распаковывали. На случай досмотра во Фритауне, хотя при том, что они ничего не собирались там разгружать или, наоборот, грузить, это

было маловероятно. Ящики с боеприпасами были очищены от испанских маркировок и надраены добела наждаком. На месте старых маркировок появились новые, написанные маслом по трафарету и уведомляющие любопытных, что под ними скрываются буры для нефтяных разработок в прибрежном районе Камеруна.

По пути на юг было разрешено сделать только одну работу.

Была разобрана беспорядочно разбросанная куча тюков с одеждой, и один из них, содержащий вещмешки и веревки, раскрыт. Вооружившись ножницами и иглами, Чиприани, Вламинк и Дюпре трое суток резали мешки на куски и мастерили из них походные рюкзаки, снабженные узким длинным подсумком, в котором могла поместиться ракета для базуки. Бесформенные, грубые, но готовые к употреблению, мешки спрятали в шкаф, где хранилась краска и ветошь. Ранцы тоже видоизменились. От них отрезали постромки, оставив последние в целости, и приторочили на новый лад – теперь они обхватывали не только плечи, но и грудь крест-накрест, а потом оборачивались вокруг пояса. К каждой плечевой части постромки прикрепили по скобе.

Еще одна скоба крепилась к поясному ремню. Это сооружение впоследствии должно было служить упаковкой для мин. Таким образом, их можно было перетаскивать по двадцать штук зараз.

За шесть миль до берега «Тоскана» заявила о своем прибытии береговому начальству Фритауна и получила разрешение войти в гавань и бросить якорь в заливе. Поскольку ей не требовалось разгружаться или принимать груз, то не было смысла тратить на нее место на драгоценном причале имени Королевы Елизаветы II.

«Тоскана» подошла ведь только для того, чтобы подобрать членов команды.

Во Фритауне с большей охотой, чем в каком-нибудь другом порту на западном африканском побережье, подбирают мускулистых парней, которые, набив руку на такелажных работах, используются грузовыми судами в других небольших портах, разбросанных вдоль берега. Их берут на борт во Фритауне и высаживают на берег на обратном пути, выплатив сумму денег, оговоренную при найме. В сотнях бухт и заливов, где нет кранов и других погрузочных приспособлений, судам приходится выходить из положения своими силами для того, чтобы разгрузиться. Это адски тяжелый труд, учитывая африканское пекло. Белым матросам платят за то, что они матросы, а не за то, чтобы они превратились в портовых грузчиков. На местах грузчиков может не оказаться, а подвернувшиеся под руку добровольцы могут, не имея

опыта, с работой не справиться, поэтому такими умельцами запасаются в Сьерра Леоне. Они спят прямо на палубе, там же готовят еду и совершают омовения, прыгая через корму. Поэтому, когда «Тоскана» объявила о цели своего прибытия, это ни у кого не вызвало удивления.

Якорная цепь поползла вниз, и Шеннон вышел на палубу, пристальным взглядом осмотрев прибрежную полосу залива, сплошь застроенную хижинами городской окраины.

Небо было пасмурное, дождь назревал, но под нависшими облаками жара стояла как в аду, и Шеннон почувствовал, что по всему телу льется потоками пот, приклеивая к нему рубашку.

Теперь так будет все время. Взгляд его остановился на середине прибрежной полосы, где окнами на залив поднималась высокая башня. Где, как не здесь, должен сейчас сидеть Лангаротти, с нетерпением вглядываясь в морскую даль. А может быть, он еще не приехал. Но не могут же они ждать вечно. Если он не появится до захода солнца, им придется придумывать причину задержки в заливе – что-нибудь вроде поломки рефрижератора. Всем понятно, что без него дальнейшее плавание невозможно. Он перевел взгляд с гостиницы на детей, играющих поблизости корабля «Элдер Дэмпстер», пришвартованного у причала.

Но корсиканец заметил «Тоскану» еще до того, как она бросила якорь, и теперь спешил в город. Он жил здесь уже целую неделю и нашел всех людей, о которых говорил Шеннон.

Они были не местными, но это не имело никакого значения. В работе на погрузке кораблей принимали участие представители разных племен.

В третьем часу от причала у здания таможни отвалил маленький катер с человеком на корме. Когда он поднялся на борт, то оказался заместителем начальника таможни.

Белоснежные гольфы, шорты и сорочка цвета хаки свежевыглажены, эполеты сияют, а форменная фуражка слегка заломлена на затылок. Великолепие формы оттеняли лоснящаяся физиономия и острые коленки цвета черного дерева. Шеннон вышел ему навстречу, представился уполномоченным владельца судна, с жаром потряс протянутую руку и проводил таможенника в каюту капитана.

Три бутылки виски и два блока сигарет уже ждали своей участи. Таможенник обмахнулся рукой, облегченно вздохнул под прохладной струей воздуха из кондиционера и отхлебнул пива.

Он мельком взглянул на новый путевой лист, где говорилось, что «Тоскана» забрала груз машинного оборудования в Бриндизи и направляется к месту морских разработок нефтяной компании «АДЖИП Ойл» неподалеку от берегов Камеруна. Ни Югославия, ни Испания вообще не упоминались. Помимо деталей оборудования в грузовом листе значились: шлюпки (надувные), двигатели (подвесные) и тропическая экипировка, — все для буровиков-нефтяников. На обратном пути они собираются загрузиться какао-кофе в Сан Педро, на берегу Слоновой Кости, после чего возвратиться в Европу. Он подышал на печать и приложил ее к путевому листу.

Таможня дала добро. Через час таможенник спустился на борт своего катера, не забыв прихватить подарки.

В седьмом часу, когда жара спала, Шеннон разглядел приближающуюся со стороны берега шлюпку. Двое местных, подрабатывающих доставкой пассажиров на суда, стоящие на якоре в заливе, сидели на веслах. На корме расположились еще семеро африканцев с узелками на коленях. Впереди, на носу, одиноко восседал единственный европеец. Когда шлюпка подошла вплотную к «Тоскане», Жан-Батист Лангаротти ловко взобрался на борт по спущенному трапу.

Один за одним на борт «Тосканы» передавали с раскачивающейся лодки узелки, за ними стали взбираться семеро африканцев. Хотя так близко от берега этого делать не следовало, Вламинк, Дюпре и Земмлер начали похлопывать их по спинам и дружески жать руки. Африканцы, улыбаясь от уха до уха, похоже, были рады не меньше наемников. Вальденберг и его помощник раскрыли от удивления рты. Шеннон дал знак капитану выводить «Тоскану» в море.

Когда стемнело, они расселись группками на палубе и благодарно вдыхали прохладный морской воздух. «Тоскана» шла на юг. Шеннон представил новобранцев Вальденбергу. Наемники были с ним уже знакомы. Шестеро африканцев оказались молодыми людьми, которых звали Джонни, Патрик, Джинджа (кличка, от имени Джинджер), Сандей, Бартоломью и Тимоти.

Каждый из них воевал вместе с наемниками, каждый прошел курс специальной персональной подготовки у европейских бойцов, был неоднократно проверен в бою и мог постоять за себя в любых, самых сложных условиях. И каждый был истово предан своему командиру. Седьмой был человеком пожилым, улыбался реже, держал себя уверенно и с достоинством. Шеннон называл его «доктор». Он тоже был предан своему командиру и своему народу.

– Как дела дома? – спросил его Шеннон.

Доктор Окойе грустно покачал головой.

– Неважно.

– Завтра за работу, – сказал Шеннон. – С завтрашнего дня начинаем готовиться.

Часть третья

Большая бойня

Глава 20

До самого прихода к месту назначения Кот Шеннон не давал своим людям передышки. Единственное исключение делалось для пожилого африканца, которого он называл «доктором». Остальных поделили на группы, каждой из которых было поручено определенное дело.

Марк Вламинк и Курт Земмлер вскрыли пять зеленых железных бочек с надписью «КАСТРОЛ», отбив накладное дно, и извлекли из каждой упаковки по двадцать «шмайссеров», с сотней запасных магазинов. Машинное масло было перелито в меньшие емкости и оставлено для корабельных нужд.

При помощи шести африканских бойцов они распаковали сотню автоматов, которые были затем тщательно очищены от заводской смазки. К тому моменту, когда дело было сделано, африканцы успели изучить устройство «шмайссеров» не хуже, если не лучше, чем солдаты на занятиях по материальной части.

Открыв первые десять ящиков с патронами, все восемь усадились на палубе и начали вставлять патроны в обоймы, по тридцать штук в каждую, пока в их распоряжении не оказалось 500 снаряженных обойм с 1500 патронами. После этого восемьдесят «шмайссеров» были отложены в сторону. В это время Жан-Батист Лангаротти готовил форменное обмундирование, перерывая стоящие в трюме ящики. В набор вошли две майки, две пары трусов, две пары носков, пара башмаков, брюки, один берет, одна форменная рубашка и один спальный мешок. Когда все было подобрано, одежда связывалась в узел, один «шмайссер» с пятью снаряженными обоймами оборачивался в промасленную тряпку и вкладывался в полиэтиленовый мешок.

Затем все засовывалось в спальник. Перевязанный сверху и готовый к транспортировке как вещмешок, спальник содержал в себе всю необходимую экипировку и оружие для будущего бойца.

Двадцать оставшихся «шмайссеров» с пятью обоймами каждый и двадцать комплектов формы были отложены в сторону. Они предназначались непосредственно для участников штурма, хотя их было всего одиннадцать человек. Запасные комплекты при необходимости могли быть розданы команде корабля. Лангаротти, научившийся за годы, проведенные в армии и в тюрьме, орудовать

иглой и ниткой, ловко подогнал одиннадцать комплектов обмундирования под участников штурма, пока они не сидели как влитые.

Дюпре и Чиприани, который, к счастью, оказался умелым плотником, быстро разобрали ящики, где хранились патроны, и принялись за подвесные моторы. Все три мотора были шестидесятилитровыми, фирмы «Джонсон». Они смастерили деревянные короба, выложив их изнутри резиной от надувных матрасов, которые надевались сверху на надводную часть двигателя. В то время как шум выхлопа приглушался системой подводного выпуска отработанных газов, звукоизолирующие короба уменьшали стук механических деталей двигателя до еле слышного урчания.

Закончив с этими делами, Вламинк и Дюпре начали заниматься тем оружием, которое каждый из них предполагал использовать во время штурма. Дюпре извлек из ящиков два минометных ствола и углубился в изучение прицельного механизма. Ему не приходилось иметь дело с югославскими минометами, но он с радостью для себя обнаружил, что система была предельно простой. Он приготовил семьдесят снарядов, тщательно проверив и снарядив взрыватели, установленные на остроконечной конической верхушке мины.

Уложив готовые снаряды в ящики, он взял два из них, поставил друг на друга и сунул в рюкзак, из числа тех, что купил в Лондоне два месяца назад.

Вламинк занялся своими базуками, одну из которых предстояло использовать в ночь штурма. Это ограничение возникло только в связи с тем, что он физически не мог унести обе. Приходилось рассчитывать только на свои силы. Встав на колени и упершись на шест флагштока, он тщательно настроил прицел базуки, пока не понял, что сможет попасть в ствол пушки с расстояния в две сотни метров не более чем с двух попыток. Он уже взял себе в помощники Патрика, потому что им доводилось воевать вместе и они хорошо дополняли друг друга.

В рюкзаке африканец будет нести десять ракет для базуки, не считая собственного «шмайссера». Вламинк добавил к своей экипировке две дополнительные ракеты, и Чиприани подцепил к его ремню два брезентовых подсумка.

Шеннон разбирался со вспомогательными средствами, осматривая осветительные ракеты и объясняя Дюпре, как ими пользоваться. Он раздал каждому наемнику по компасу, проверил аварийную сирену и портативные переговорные устройства.

Имея в запасе время, Шеннон велел «Тоскане» на пару дней лечь в

дрейф в том месте, где на двадцать миль в округе не было других кораблей. Пока судно, слегка покачиваясь на волнах, неподвижно стояло на месте, каждый проверил свой личный «шмайссер». Для белых проблем не было. Каждому из них в свое время пришлось испробовать с полдюжины различных автоматов, а они отличаются друг от друга довольно незначительно. Африканцам потребовалось чуть больше времени, чтобы к ним привыкнуть, потому что они, в основном, имели дело с карабинами «маузер», калибра 7.92 или со стандартными натовскими самозарядными винтовками калибра 7.62 мм. Один из немецких автоматов постоянно заклинивало, поэтому Шеннон выбросил его за борт и протянул бойцу другой. Каждый африканец выпустил по девятьсот патронов, пока они не привыкли к «шмайссеру» и не избавились от популярной среди африканских солдат дурной привычки – зажимивать глаза во время стрельбы.

Пять пустых железных бочек, которые оставили в запас, теперь качались на волнах за кормой «Тосканы» в качестве мишеней. Стрельба продолжалась, пока каждый из тренирующихся, неважно, белый или черный, не мог с сотни метров уверенно продырявить бочку очередью. Четыре бочки, использованные таким образом, благополучно пошли ко дну, а пятую приберег для себя Марк Вламинк. Он дал ей отплыть на две сотни метров, потом встал на корме «Тосканы», расставив ноги, базаука на правом плече, глаз прильнул к прицелу. Он подождал, чтобы приспособиться к покачиванию палубы под ногами, и выпустил первую ракету. Она скользнула по верхнему краю бочки и со столбом брызг взорвалась при входе в воду. Вторая ракета угодила прямо в центр бочки. Гулкий грохот взрыва эхом прокатился по поверхности моря, вернувшись к наблюдающим с борта корабля наемникам и членам экипажа. Кусочки жести осыпали воду мелким дождем рядом с тем местом, где только что была бочка, и у зрителей вырвался восторженный крик. Широко улыбаясь, Вламинк повернулся к Шеннону, содрал защитные очки и смахнул с лица частички сажи.

– Ты говорил, что хочешь разнести дверь, верно, Кот?

– Точно, здоровенные деревянные ворота, Крошка.

– Они у меня разлетятся на мелкие кусочки, размером со спичку, обещаю, – сказал бельгиец.

Из-за шума, который они наделали, Шеннон велел «Тоскане» отправиться в путь, а через два дня устроил вторую остановку.

За это время были извлечены из ящиков и собраны три надувные лодки. Они лежали рядом вдоль борта на главной палубе. На каждой,

окрашенной в темно-серый цвет, ярко выделялся оранжевый нос и название фирмы, того же цвета, на каждом боку. Их закрасили черной краской из корабельных запасов.

Когда краска подсохла, все три лодки проверили в действии.

Без звукоизолирующих коробов, установленных поверх мотора, тарактеные «Джонсонов» было хорошо слышно даже в четырехстах ярдах от «Тосканы». При установленных коробах и работающих в четверть силы моторах их с трудом можно было услышать с тридцати ярдов. Моторы начинали перегреваться через двадцать минут непрерывной работы в половину мощности, но, уменьшив обороты, можно было продлить срок работы до получаса. Шеннон гонял одну лодку по морю два часа, пробуя установить оптимальный режим и найти лучшую комбинацию скорости и шума.

Так как мощность моторов давала большой запас, он решил, что не стоит их гнать больше, чем на треть максимальных оборотов, и посоветовал своим людям перейти на четверть мощности за двести ярдов до берега при подходе к цели.

«Уоки-токи» тоже проверили на расстоянии до четырех миль.

Несмотря на пасмурную погоду и слышащиеся издали раскаты грома, сигнал проходил достаточно ясно и отчетливо. Для тренировки африканцев тоже возили на лодках с различной скоростью днем и в ночных условиях.

Ночные тренировки были самыми важными. Во время одной из них Шеннон увез четверых белых и шестерых африканцев за три мили от «Тосканы», у которой горел лишь один небольшой фонарь на мачте. На пути от корабля всем десятерым завязали глаза.

Когда повязки сняли, каждому дали по десять минут на то, чтобы глаза привыкли к черноте неба и океана, после чего стали возвращаться обратно. С приглушенным двигателем, в абсолютной тишине за бортом, десантный катер тихо скользил по направлению к огоньку «Тосканы». Сидя за румпелем, он установил дроссель сначала так, что мотор работал на треть мощности, а потом, при подходе, на четверть. Шеннон физически ощущал напряжение сидящих перед ним людей. Они понимали, что так будет в ту ночь, когда предстоит штурм, и возможности повторить подход к берегу уже не представится.

На борту корабля к Шеннону подошел Карл Вальденберг, и они наблюдали, как матросы при свете фонаря втягивают лебедкой лодку на палубу.

— Я практически ничего не слышал, — сказал он. — Пока вы не подошли на две сотни метров, а я вслушивался очень пристально. Если

только на берегу не будет слишком чуткой охраны, вам наверняка удастся высадиться незаметно, там, куда вы собираетесь. Кстати, куда вы собираетесь? Мне потребуются дополнительные лоции, если предстоит еще идти достаточно далеко.

– Мне кажется, лучше рассказать всем сразу, – сказал Шеннон. – Проведем остаток ночи за брифингом.

До восхода солнца экипаж (за исключением механика, который все еще спал в машинном отделении), семь африканцев и четверо наемников слушали Шеннона в кают-компании, пока он излагал план атаки. Он приготовил и установил проектор со слайдами.

Некоторые из них заснял во время пребывания в Зангаро, на других были изображены нарисованные им самим карты и схемы.

Когда он закончил, духота в салоне стояла невыносимая, усиленная густым сизым табачным дымом, струившимся через открытые иллюминаторы в тягостно душную ночь.

Наконец Вальденберг вздохнул: «Gott in Himmel!». ^[25] И тогда вдруг все заговорили разом. В течение следующего часа Шеннон отвечал на вопросы. Вальденберг потребовал гарантии, что в случае провала операции оставшиеся в живых немедленно вернутся на борт, так, чтобы «Тоскана» задолго до рассвета оказалась достаточно далеко в открытом море. Шеннон заверил его, что так и будет.

– Ведь мы только с ваших слов знаем, что у них нет ни морского флота, ни бронемашин, – переживал Вальденберг.

– Можете на мои слова положиться, – успокаивал Шеннон. – У них действительно ничего этого нет.

– Только от того, что вы этого не увидели...

– Нет у них ничего, – обрезал упряма Шеннон. – Я часами разговаривал с людьми, которые провели там многие годы. Нет у них ничего из того, что вас так беспокоит.

У шести африканцев вопросов не возникло. Они будут нога в ногу идти за наемником, который их поведет, и верить в то, что тот знает, что делает. Седьмой, «доктор», спросил только, где предполагается находиться ему, и, получив ответ, что должен оставаться на «Тоскане», безропотно согласился.

Четверо наемников задали по несколько чисто технических вопросов, на которые получили столь же профессиональные ответы.

Вернувшись на палубу, африканцы растянулись на своих спальных мешках и мгновенно заснули. Шеннон всегда завидовал их способности засыпать в любом месте, в любое время и при любых обстоятельствах. Доктор вернулся к себе в каюту, и Норбиатто

последовал его примеру. Ему надо было скоро заступать на вахту. Вальденберг направился в рубку, и «Тоскана» продолжила путь к своей цели, до которой оставалось всего три дня.

Пятеро наемников ушли на корму позади матросских кубриков и проговорили до позднего утра. Все одобрили план операции и сочли результаты разведки, проведенной Шенноном, вполне благоприятными. При этом они понимали, что в случае, если оборона города или дворца окажется более серьезной, чем предполагается, или произойдут еще какие-либо неожиданные изменения, им придется умереть. Их очень мало, слишком мало для проведения такой серьезной операции, и любые непредвиденные обстоятельства для них могут оказаться смертельными. Обдумав все возможные варианты, они решили, что либо должны завершить операцию в течение двадцати минут, либо немедленно вернуться на «Тоскану», если, конечно, будет кому возвращаться. Они знали также и то, что никто не будет подбирать раненых, и, если кому-нибудь из них попадется на глаза тяжело раненный товарищ, то он сделает для него то единственное, что будет в силах в такую минуту, – поможет уйти из жизни быстро и без мук – во всяком случае, это всегда лучше, чем умирать от ран или томиться в плену. Таковы были правила, по которым жили и выполняли свою задачу наемники, и правилам этим следовали неукоснительно.

Около полудня они разбрелись по своим каютам.

Все проснулись рано утром. Наступил день Девяносто Девятый. Шеннон половину ночи провел с Вальденбергом, не спуская глаз со стрелки небольшого радара, установленного в дальнем углу рубки. Стрелка вращалась по периметру, очерчивая линию побережья.

– Вы должны подойти с южной стороны столицы на расстояние видимости береговой линии, – сказал он капитану. – И все утро будете медленно двигаться к северу, параллельно берегу, чтобы к полудню мы смогли оказаться здесь.

Он описал пальцем дугу, показав, как они должны подойти к Зангаро с севера. Проведя двадцать дней в море, он стал доверять немцу-капитану. Получив свою долю в порту Плоче, Вальденберг сразу стал членом команды заговорщиков и полноправным участником сделки и все это время предпринимал все, что было в его силах, чтобы операция закончилась успешно. Шеннон был совершенно уверен в том, что капитан, согласно договору, будет держать «Тоскану» в четырех милях от берега чуть южнее Кларенса в течение всего времени, которое потребуется для проведения операции.

Услышав команду, переданную по переговорному устройству, он приведет судно в полную готовность и, подобрав на борт уцелевших, которые доберутся до корабля на моторных лодках, на всех парах двинется в открытое море. У Шеннона было слишком мало людей, чтобы он мог хоть одного оставить для наблюдения за Вальденбергом, поэтому ему не оставалось ничего другого, как доверять ему.

Он уже нашел частоту, на которой должен был передать сообщение Эндину по судовой рации. Первое сообщение должно было быть передано в полдень.

Утро тянулось невыносимо медленно. В корабельную подзорную трубу Шеннону было видно устье реки Зангаро и долгая низкая полоса зарослей мангровых деревьев вдоль горизонта. Ближе к полудню он заметил, что полоса зеленых насаждений поредела в районе Кларенса, и подозревал к окуляру Вламинка, Лангаротти, Дюпре и Земмлера. Они тоже заметили поредевший лес, и каждый, наглядевшись вдоволь, уступал место другому. Они курили больше обычного и, раздраженные бездействием, бродили по палубе. Близость опасности порождала желание броситься ей навстречу.

Ровно в полдень Шеннон начал передавать первое сообщение.

Он говорил открыто, не прикрываясь шифром. Но сообщение было короткое и состояло всего из одного слова – «Подорожник». В течение пяти минут он произносил его в микрофон каждые десять секунд, потом сделал пятиминутный перерыв, повторил сообщение. Трижды в течение тридцати минут, каждый раз с пятиминутным перерывом, он возобновлял передачу и надеялся, что Эндин на суше, где бы он ни был, примет его. Сообщение означало, что он со своими людьми на месте, что они готовы к операции по захвату Кларенса и дворца Кимбы и что начало ее, как обговорено ранее, назначено на предассветный час следующего утра.

В двадцати милях от места стоянки «Тосканы» Саймон Эндин, услышав это слово по своему транзистору «Браун», задвинул длинную стрелу антенны, покинул балкон гостиничного номера и вернулся в спальню. Затем он начал терпеливо и обстоятельно объяснять бывшему полковнику зангарийской армии, что он, Антуан Боби, в течение ближайших двадцати четырех часов станет президентом республики Зангаро. В четыре часа пополудни полковник, причмокивая губами и прищелкивая языком, предвкушая удовольствие от гнева, который обрушит на головы тех, кто в свое время способствовал его изгнанию, заключил сделку с Эндином – подписал контракт, по условиям которого «Бормак Трейдинг Компани»

предоставлялось исключительное право на горнорудные разработки в районе Хрустальной горы на ближайшие десять лет. При этом процент, отчисляемый в казну зангарийского правительства, был настолько мал, что имел чисто формальное значение. Эндин положил подписанный договор в конверт и подписал чек, подлежащий оплате в швейцарском банке на имя Антуана Боби. На чеке была проставлена кругленькая сумма в полмиллиона долларов.

Тем временем в Кларенсе своим чередом шли приготовления к празднованию Дня Независимости. Шестеро заключенных, жестоко избитые, лежали в подвале бывшего колониального полицейского управления и с ужасом прислушивались к яростным воплям членов Союза Патриотической Молодежи им. Кимбы, которые в это время маршем проходили по улицам. Заключенные знали, что завтра, во время церемонии празднования, они будут забиты насмерть на главной площади. Это входило одним из пунктов в праздничную программу, которую Кимба составлял сам. Почти все здания в городе были украшены портретами президента, а жены дипломатов уже заранее репетировали тяжелый приступ мигрени, который, «ах, как жаль!», не позволял им присутствовать на столь знаменательной церемонии.

Во дворце, за плотно закрытыми окнами и запертыми дверьми, президент Жан Кимба сидел в одиночестве за своим столом и мысленно вновь проходил весь шестилетний путь своего правления.

В течение дня «Тоскана», неразлучная со своим смертоносным грузом, постепенно развернулась и медленно двинулась назад вдоль побережья к югу.

Шеннон сидел в рубке, попивая кофе, и в который раз объяснял Вальденбергу, где желательно оставить «Тоскану», ожидая их возвращения.

– Держите ее севернее границы вплоть до захода солнца, – говорил он. – В начале десятого вечера снова разводите пары и двигайтесь по диагонали к берегу. Между закатом и девятью мы спустим на воду с кормы три полностью загруженные лодки. Эта операция будет проводиться при свете фонарей и достаточно далеко от берега – не менее чем в десяти милях. Когда вы пустите корабль вперед, старайтесь двигаться как можно медленнее, чтобы к двум часам утра оказаться в четырех милях от берега и в миле к северу от полуострова. В этой точке вас будет незаметно из города. Особенно при выключенных прожекторах. Насколько мне известно, на острове радара нет, и корабль появляется в зоне видимости только уже в порту.

– Если он у них даже и есть, зачем его направлять на «Тоскану»? –

проворчал капитан. Он стоял, склонившись над картой береговой линии, измеряя расстояние с помощью циркуля и линейки. – Когда спустится первая лодка?

– В два. С ней пойдет Дюпре и его минометный расчет. Остальные две лягут в дрейф и достигнут берега часом позже. Ясно?

– Ясно. – Вальденберг кивнул. – Я буду на месте.

– Тут нужно действовать с точностью, – настаивал Шеннон. – Мы из Кларенса огней не увидим, если бы даже они были, вплоть до тех пор, пока не подойдем к берегу. Поэтому ориентироваться будем только по компасу и скорости движения. Береговая линия, если все в порядке, может быть не далее чем в ста метрах. Многое зависит и от неба – тучи, луна, звезды.

Вальденберг кивнул. Остальное он уже знал наизусть.

Услышав первые орудийные залпы, он должен вывести «Тоскану» из гавани на четыре мили от берега и на две мили отойти к югу от Кларенса так, чтобы оказаться в четырех милях от оконечности острова. С этого момента ему останется только не отходить от переговорного устройства. Если все будет идти как задумано, он должен оставаться там вплоть до рассвета. Если заговорщиков постигнет неудача, то ему придется включить прожектора на топ-мачте, на фок-мачте и на корме, чтобы указать путь возвращающимся на «Тоскану».

Тьма в эту ночь стояла чернильно-густая, поскольку небо было затянуто тучами, и проблески лунного света, если бы и появились, то не раньше, чем к утру. Сезон дождей уже начался, и дважды за последние сутки дождевые потоки обрушивались с прохудившихся небес. Метеосводка обещала в ближайшие сутки кратковременные дожди, но шквалов не предполагалось, и можно было только молить Бога, чтобы затяжные ливни не обрушились на эту местность именно в то время, когда люди будут добираться до берега на лодках или еще того хуже, во время атаки на дворец.

Перед заходом солнца брезентовое покрытие было снято с оборудования и разложено на палубе, а как только темнота сгустилась, Шеннон и Норбиатто стали готовить к отплытию первую лодку, ту, на которой предполагалось отплыть Дюпре.

Ворот для спуска лодки не понадобится – вода была всего в восьми футах над палубой. Полностью загруженную лодку спустили на воду вручную, и Дюпре с Земмлером спустились в нее, плавно пританцовывавшую на волнах под боком «Тосканы».

Они вдвоем перетаскивали тяжелый мотор на место над кормой и

закрепили болтами. Прежде чем поставить короб-глушитель, Земмлер запустил мотор и дал ему пару минут поработать.

Сербский механик уже проверял его в свое время достаточно внимательно, и теперь он работал как швейная машинка. А когда сверху водрузили глушитель, шум мотора стал похож на тихое бормотание.

Земмлер вылез, и спустил оборудование в протянутые руки Дюпре. Это были станины и прицельные устройства минометов, два минометных ствола. Дюпре забирал сорок мин для дворца и двенадцать для барачников. На всякий случай он взял шестьдесят – все заряжены и готовы к взрыву в любую минуту. Еще он взял обе пусковые для осветительных ракет и десять световых зарядов к ним, одну аварийную сирену, один переговорник и ночной бинокль. Через плечо повесил свой личный «шмайссер» и на пояс прикрепил пять полных магазинов. Двое африканцев, которые шли с ним, Тимоти и Санди, спустились в лодку последними.

Когда все было готово, Шеннон перегнулся через борт и посмотрел вниз на поднятые к нему три лица, освещенные тусклым лучом фонаря.

– Желаю удачи, – негромко сказал он.

Вместо ответа Дюпре поднял большой палец и кивнул.

Зажав в руках фал лодки, Земмлер отошел назад по борту, а Дюпре подтягивал другой конец на себя, когда лодка встала с «Тосканой» бок о бок в полной темноте, Дюпре привязал ее фал к перилам на корме. Трое мужчин остались сидеть в лодке, качающейся на волнах.

Для того, чтобы спустить вторую лодку, потребовалось меньше времени, потому что ее держали в подвешенном состоянии. Теперь спустились для установки мотора Вламинк и Земмлер, так как это была их лодка. Вламинк брал с собой одну базуку и двенадцать ракет. Две оставил себе, остальные отдал своему напарнику, Патрику. У Земмлера был «шмайссер» и пять магазинов, каждый в отдельном подсумке, закрепленном на поясе. Вынуть магазин при этом было достаточно легко в любой необходимый момент. На груди у него болтался ночной бинокль, а к бедру прикреплен переговорник. Поскольку он единственный владел немецким, французским и довольно сносно английским, то должен был исполнять роль радиста. После того, как оба белых устроились в лодке, по веревочной лестнице стали спускаться Патрик и Джинджа, который должен был выполнять роль напарника Земмлера.

Когда они тоже оказались на месте, фал Дюпре передали Земмлеру,

и он привязал его за конец к своей лодке. Обе надувные лодки вытянулись в одну линию вдоль кормы «Тосканы» на расстоянии веревки, которая их соединяла. За все время не было произнесено ни слова.

Лангаротти и Шеннон спустились в третью лодку в сопровождении Бартоломео и Джонни, огромного, вечно улыбающегося бойца, которого по настоянию Шеннона, когда они в последний раз вместе воевали, представили к званию капитана. Получив это звание, Джонни отказался взять под командование свою собственную группу, что он теперь имел право сделать, а предпочел остаться при Шенноне, чтобы иметь возможность за ним приглядывать.

Шеннон, последний из всех, уже собирался спуститься в лодку, когда со стороны мостика появился Вальденберг и потянул его за рукав. Он отвел наемника в сторону и прошептал: «Кажется, у нас могут возникнуть проблемы».

Шеннон застыл, похолодев от одной мысли, что все может сорваться.

– В чем дело?

– Корабль стоит на рейде у входа в гавань Кларенса, недалеко от нас.

– Давно вы его заметили?

– Недавно. Но я сначала подумал, что это пассажирский корабль и идет вдоль берега на юг, как мы, или, наоборот, на север. Но теперь увидел, что ошибся. Они направляются туда же, куда и мы.

– Вы уверены? Ошибки быть не может?

– Нет, исключено. Мы шли такой малой скоростью, что если бы другое судно следовало тем же курсом, оно было бы уже далеко впереди. Если бы оно шло на север, то к этому времени прошло бы мимо нас. Но оно стоит неподвижно.

– Кто они такие? С какой целью прибыли? Никаких знаков отличия не видно?

Немец отрицательно покачал головой.

– Размер грузового. Но узнать, кто они такие, мы сможем только при близком контакте.

Шеннон несколько минут сосредоточенно размышлял.

– Если это грузовое судно, которое доставило в Зангаро груз, стало бы оно дожидаться утра на якоре или сразу пошло бы в гавань? – спросил он наконец.

Вальденберг кивнул.

– Вполне возможно, и стало бы. Вход в порт по ночам очень часто

запрещен в таких небольших гаванях, которые расположены вдоль этого берега. Наверняка они остановились на ночь, чтобы утром запросить разрешения подойти к причалу.

– Если вы их заметили, значит, они тоже могли заметить нас? – предположил Шеннон.

– Вполне. Возможно, мы у них на радаре.

– А лодки этот радар мог зацепить?

– Едва ли. Слишком близко к воде.

– Тогда мы продолжим то, что начали. Слишком поздно. Будем предполагать и надеяться, что это грузовой корабль и ждет утра.

– Но они почти наверняка услышат стрельбу, – сказал Вальденберг.

– Ну и что они, по-вашему, сделают?

Немец усмехнулся.

– Да в общем ничего особенного. Если вы потерпите неудачу и мы не сможем убраться отсюда до рассвета, они увидят «Тоскану» в бинокли.

– Значит, неудача тем более исключена. Действуйте по плану.

Вальденберг вернулся на мостик. Пожилой африканец-доктор, который издали наблюдал весь процесс спуска лодок на воду, подошел к борту.

– Желаю удачи, майор, – произнес он на очень правильном и красивом английском. – Да поможет вам Бог.

Шеннон чуть было не сказал, что предпочел бы в качестве помощи господу лишний винтовочный ствол, но сдержался. Он знал, насколько серьезно воспринимают религию эти люди, поэтому только кивнул, сказал «Спасибо» и перелез через борт.

В темноте над ними нависал черный силуэт «Тосканы», и гнетущую тишину нарушали только шлепки воды по прорезиненным бортам лодок, да изредка урчанье винта за кормой корабля. Со стороны, обращенной к берегу, не доносилось ни звука, потому что они находились на достаточно большом расстоянии от него.

Когда они подойдут ближе, ни криков, ни смеха не должно быть слышно, потому что в этот поздний час все должны уже спать, если повезет, конечно. Хотя смех в Кларенсе и днем большая редкость. Шеннон прекрасно понимал, насколько далеко разнесится по поверхности воды одиночный резкий звук ночью.

Всем членам экипажа «Тосканы» и сидящим в лодках строго-настрого запрещалось разговаривать и курить.

Шеннон посмотрел на часы. Без четверти девять. Оставалось только ждать.

Ровно в девять в корпусе «Тосканы» тихо загудело, вода за кормой начала бурлить и пениться, фосфоресцирующие белые буруны набегали на нос лодки. Они пустились в путь и, погружая пальцы в воду за бортом, Шеннон ощущал, как она мягко струится между ними. У них было пять часов на то, чтобы пройти двадцать восемь морских миль.

Тучи висели низко, и воздух был тяжелым и влажным, как в парнике, но сквозь небольшие просветы в облаках проникал слабый блеск звезд. Сзади Шеннон мог различить силуэт лодки с Вламинком и Земмлером, на расстоянии двадцатифутового фала, а где-то дальше, за ними, в кильватере «Тосканы», шла лодка Жанни Дюпре.

Пять часов тянулись словно кошмар. Делать было нечего, только смотреть по сторонам и слушать. Вокруг сплошная тьма, изредка вспыхивают фосфоресцирующие блики на воде, и ничего не слышно, кроме приглушенного натужного уханья старых поршней в ржавом чреве «Тосканы». Никто не мог заснуть, несмотря на убаюкивающее покачивание лодок, в каждом участнике операции росло внутреннее напряжение.

Рано или поздно всему приходит конец. На часах Шеннона было пять минут третьего, когда шум двигателей «Тосканы» умолк и она, замедлив ход, легла в дрейф. Сверху, с кормы, в темноте послышался негромкий свист. Вальденберг давал знать, что они подошли к месту. Шеннон повернулся, собираясь подать сигнал Земмлеру, но Дюпре, видимо, услышал свист, и несколько секунд спустя до них донесся звук мотора, который начал удаляться в сторону берега. Они не видели, как он отплывал, только слышали приглушенное гуденье накрытого коробом двигателя, постепенно затихающее во тьме.

Сидя на корме своего катера, Большой Жанни установил нужные обороты и, не выпуская из правой руки румпель, поднес к глазам левую руку с компасом, стараясь держать его неподвижно. Он понимал, что ему предстоит преодолеть четыре с половиной мили, двигаясь под углом к береговой линии, и попытаться пристать к берегу с внешней стороны северной косы, дугой охватывающей гавань Кларенса. При таких оборотах, держась заданного курса, он должен быть на месте через тридцать минут. За пять минут до подхода к берегу он почти полностью приглушит двигатель и попытается разглядеть в темноте место высадки. Если остальные дали ему час на подготовку минометов и осветительных ракет, к тому моменту, как он будет готов, они должны будут пройти оконечность косы и войти в гавань, направляясь к месту высадки. Но в течение этого часа он с

двумя африканскими помощниками будет в одиночестве на берегу Зангаро. Это еще одна причина, по которой им следует соблюдать абсолютную тишину при разворачивании огневой батареи.

Через двадцать две минуты после отхода от «Тосканы» Дюпре услышал со стороны носа лодки тихое «псст». Это Тимоти, которого он посадил впередсмотрящим. Дюпре оторвал глаза от компаса, и то, что он увидел, заставило его резко сбросить обороты. Они были совсем недалеко от берега, ярдах в трехстах, не более, и слабый свет звезд, проникающий сквозь разрывы в тучах, выхватил впереди из темноты иссиня-черную полосу берега на чуть более светлом фоне неба. Дюпре на самом малом ходу подошел еще на двести ярдов ближе. Мангровые заросли. Он отчетливо слышал, как волны плещутся между корней. Направо, вдалеке, он мог различить конец полосы прибрежной растительности. За ними вдаль уходил пустынный пляж. Он подошел к берегу с северной стороны полуострова в трех милях от намеченного места.

Дюпре развернул лодку, стараясь не увеличивать обороты, и направился обратно в сторону моря. Отойдя на полмили от берега, он повернул вдоль побережья полуострова, пока не достиг той точки, где располагался Кларенс, после чего начал снова медленно двигаться к берегу. Через две сотни метров он разглядел низкую вытянутую песчаную косу, которую искал, и на тридцать восьмой минуте после отхода от «Тосканы» выключил мотор, и лодка, по инерции скользя вперед, с легким шуршаньем песка под обшивкой выползла на берег.

Дюпре, мягко ступая между тюками с оборудованием, прошел на нос лодки, перенес ногу через борт и ступил на песок.

Чтобы лодку не унесло в море, он подхватил фал и намотал его на руку. Пять минут все трое не двигались с места, пытаясь уловить звуки со стороны города, который находился за невысокой полоской песка и гравия перед ними и в четырехстах ярдах левее. Но никаких звуков не было. Их прибытие прошло незамеченным.

Удостоверившись в этом, Дюпре снял с пояса гарпун, глубоко вонзил в прибрежный песок и крепко привязал к нему фал. Затем пригнулся и взбежал на вершину косы. Она находилась не более чем в пятнадцати футах над уровнем моря и сплошь поросла низкорослыми кустами, которые скребли его по икрам и с треском ломались под подошвами башмаков. Этот треск надежно приглушался шелестом прибоя и был слишком тихим, чтобы его могли услышать в городе. Взобравшись на самый верх косы, обрамляющей с одной стороны гавань, Дюпре осмотрелся. Слева от него в темноту убегала полоска

земли, а впереди простиралась зеркальная гладь гавани. Оконечность песчаной косы лежала всего в десяти ярдах правее от него.

Вернувшись к лодке, он шепотом приказал африканцам приступать к разгрузке снаряжения, соблюдая полную тишину. По мере того, как тюки доставали из лодки, он оттаскивал их на вершину косы. Все металлические детали во избежание шума были по отдельности обернуты в тряпки.

Когда все было собрано в одном месте, Дюпре приступил к сборке. Он работал быстро и бесшумно. На оконечности косы, где, по словам Шеннона, должна была быть ровная площадка, он решил установить основной миномет. Если расчеты Шеннона верны, а он на них полагался, то с конца косы до центра внутреннего двора президентского дворца расстояние 721 метр.

С помощью компаса он установил ствол миномета строго по азимуту, указанному Шенноном, в направлении президентского дворца, и выставил угол прицеливания таким образом, чтобы первый, пущенный по навесной траектории, снаряд угодил как можно ближе к центру двора внутри дворца.

Он понимал, что в свете ракет он не увидит дворец целиком, а только крышу здания, поэтому не сможет рассмотреть, куда упал снаряд. Но он увидит вспышку от взрыва над пакгаузом в дальнем конце гавани, и этого будет достаточно.

Покончив с первым, он принялся устанавливать второй миномет. Этот был нацелен на казармы, и Дюпре установил его в десяти ярдах от первого. Расстояние до цели и направление на нее были ему известны. Он понимал, что излишняя точность здесь не потребуется. Этот миномет должен бомбить бывшие полицейские казармы наугад, чтобы навести панику среди зангарийских солдат. Тимоти, который был в его минометном расчете во время последних боевых действий, справится со вторым минометом самостоятельно.

Он выложил в линию двенадцать снарядов рядом со вторым минометом, поставил Тимоти рядом и прошептал ему на ухо последние инструкции.

Между двумя минометами он установил два пусковых устройства для осветительных ракет и зарядил каждую ракетницу своей ракетой. Остальные восемь ракет положил рядом. Каждая ракета должна гореть в течение двадцати секунд, поэтому если он собирается обслуживать свой миномет и ракетницы одновременно, то придется действовать быстро и умело. Сандей будет подавать ему снаряды.

Закончив, он посмотрел на часы. Три часа двадцать две минуты.

Шеннон и остальные должны направляться к гавани. Он достал переговорник, вытащил антенну как можно дальше и подождал положенные тридцать секунд, чтобы он разогрелся.

Теперь его уже выключать не придется. Когда все было готово, он с интервалом в секунду три раза нажал на кнопку «сигнал».

В миле от берега сидящий на корме Шеннон вглядывался вперед в темноту. Слева от него шла лодка Земмлера, и именно он услышал три коротких гудка из лежавшего на колене переговорника. Он мягко подвел свою лодку вплотную к лодке Шеннона так, что прорезиненные надутые борта соприкоснулись друг с другом. Шеннон повернулся. Земмлер присвистнул, оттолкнул свою лодку и отошел на прежние два метра. У Шеннона отлегло от сердца. Он понял, что Земмлер услышал сигнал от Дюпре и это значило, что здоровяк-африканер уже подготовился и ждет их. Через две минуты, в километре от берега, Шеннон увидел короткую вспышку фонаря, стекло которого для маскировки было заклеено непрозрачной лентой, а для света оставлено лишь крошечное оконце. Это Дюпре. Шеннон увидел огонек справа от себя. Значит, он слишком далеко отклонился к северу. Обе лодки свернули правее. Шеннон пытался не забыть, откуда именно светил фонарь, чтобы идти чуть правее этого места. Там должен быть вход в гавань, фонарь зажегся снова, когда Дюпре расслышал тихое гуденье двигателей. В этот момент лодки находились в трехстах метрах от конца косы. Шеннон засек сигнал и скорректировал курс на несколько градусов.

Спустя две минуты, сбросив обороты до четверти мощности и производя не больше шума, чем жужжанье пчелы, две лодки прошли мимо того места, где был Дюпре, в пятидесяти метрах от него. Южноафриканец заметил светящийся след за кормой, пузыри от выхлопных труб, выходящие на поверхность, но скоро они скрылись из вида на гладкой поверхности гавани, удалившись в сторону пакгауза на другом ее берегу.

Шеннон не услышал ни одного звука, когда перед его глазами возник силуэт пакгауза, выделяющийся на фоне чуть более светлого неба. Он свернул правее и мягко выскользнул из воды на песчаный берег по соседству с перевернутыми рыбацкими каноэ и развешенными для просушки сетями.

Лодка Земмлера подошла к берегу в нескольких футах, и оба мотора одновременно смолкли. Как и Дюпре до этого, все оставались на своих местах еще несколько минут, молча ожидая возможной тревоги. Они пытались разглядеть, не прячутся ли за сигарами

рыбачьих лодок поджидающие их солдаты. Засады не было. Шеннон и Земмлер сошли на берег и каждый, вонзив гарпун в песок, привязал свою лодку. Остальные не заставили себя ждать. Тихо прошептав: «Замной, вперед», – Шеннон направился через пляж к пологому склону, шириной в двести ярдов, который отделял гавань от спящего дворца президента Жана Кимбы.

Глава 21

Восемь человек бежали, пригнувшись, вверх по поросшему чахлым кустарником склону на вершину невысокого плато. Было чуть больше половины четвертого утра, и огни во дворце были погашены. Шеннон знал, что на полпути от вершины склона до дворца, в сотне ярдов от него, проходит вдоль берега шоссе, и на перекрестке должно быть, как минимум, двое дворцовых охранников. Он не надеялся, что удастся убрать их без шума, а после того, как начнется стрельба, им придется ползком преодолевать последние сто ярдов до стен дворца. Он не ошибся в прогнозах.

В дальнем конце гавани, в напряженном одиночестве, Большой Жанни ждал выстрела, который послужит для него сигналом к действию. Его предупредили, что когда бы ни прозвучал выстрел и сколько бы выстрелов ни было, первый из них будет для него сигналом. Он придвинулся поближе к ракетницам, ожидая, когда можно будет пустить первую ракету. В другой руке у него был наготове снаряд для миномета.

Шеннон и Лангаротти держались чуть впереди остальных и первыми достигли перекрестка дорог напротив дворца. Пот лил с них градом. По вымазанным черной краской лицам текли струйки.

Просвет в облаках над их головами стал побольше, виднелось немало звезд, и, хотя луна все еще пряталась, открытая площадка перед дворцом была тускло освещена. За сотню ярдов Шеннон мог разглядеть линию крыши на фоне неба, но охранников так и не заметил, пока не наткнулся на одного из них. Тот, сидя на земле, согнулся и мирно посапывал.

От неожиданности Шеннон слегка замешкался, но быстро пришел в себя и выхватил нож. Охранник Винду тоже вскочил и издал изумленный вопль. Это разбудило его напарника, который дремал поблизости в высокой траве. Тот поднялся во весь рост, прохрипел что-то, в то время, как нож корсиканца вскрыл ему глотку от сонной артерии до яремной вены, раскрыл рот, пытаясь сделать последний в своей жизни вдох, и рухнул в траву, судорожно дергаясь еще несколько секунд. Человек Шеннона получил мощный удар ножом в плечо, снова испустил вопль и побежал.

Впереди, в сотне ярдов, где-то у дворцовых ворот, слышался еще

один крик и звук передергиваемого затвора винтовки. Трудно было понять, кто начал стрелять первым.

Выстрелы от ворот дворца и короткая очередь Шеннона вслед убегающему охраннику, перерезавшая его пополам, слились в общую канонаду. Далеко сзади что-то гулко ухнуло, послышался свист, и через две секунды небо над ними осветилось ослепительным огнем. Шеннон увидел перед собой дворец, двух охранников у ворот, краем глаза заметил шестерых товарищей, подбегающих ближе, справа и слева от него. После этого все восемь человек бросились на траву и поползли вперед.

Жанни Дюпре отошел от ракетницы в тот самый момент, когда рванул шнур запала первой ракеты, и пока ракета со свистом устремлялась вверх, опустил снаряд в ствол миномета. С тяжелым грохотом снаряд вылетел из ствола, направляясь по параболе ко дворцу, и этот звук слился с шипением магниевого заряда ракеты, освещающей то место, где должны были быть его товарищи. Он подхватил следующий снаряд и, вглядываясь в освещенный дворец, пытался угадать, куда попадет первая мина.

Он решил сделать четыре пробных выстрела и определить на глаз точность попадания. Каждый снаряд находится в полете примерно пятнадцать секунд. После пристрелки он сможет поддерживать огонь на уровне одного выстрела в две секунды, если только Сандей будет подавать ему снаряды ритмично и без задержки.

Первый прицелочный выстрел пришелся в правый передний карниз крыши дворца, достаточно высоко, чтобы ему было видно место попадания. Внутрь мина не прошла, но вдребезги разнесла черепицу крыши прямо над восточным желобом. Наклонившись, он повернул головку поперечной настройки и сдвинул прицел на пару миллиметров влево. Когда он опустил в ствол второй снаряд, осветительная ракета, рассыпавшись яркими брызгами, погасла. Он подошел ко второй ракетнице, выстрелил, заново зарядил обе ракетницы, после чего поднял глаза в сторону дворца. Вторая вспышка ярко засияла над дворцом, освещая все вокруг, и через четыре секунды приземлился второй снаряд. На этот раз прямо по центру, но с небольшим недолетом, он угодил в крышу над главным входом.

Дюпре тоже вспотел, и барашек головки прицела проскальзывал у него под пальцами. Он слегка изменил наклон ствола миномета, опустив его ближе к земле, чтобы увеличить дальность стрельбы. В отличие от артиллерии, бьющей прямой наводкой, ствол миномета опускают, если хотят увеличить дальность. Третий снаряд Дюпре был

в воздухе еще до того, как погасла вторая осветительная ракета, и у него было целых пятнадцать секунд на то, чтобы выпустить третью ракету, пройти несколько шагов, включить аварийную сирену и вернуться до того, как успеет взорваться третий снаряд. Он пролетел над крышей дворца и упал прямо во внутренний двор. Взметнулся на мгновение сноп пламени, потом исчез. Остальное его не интересовало. Он знал, что правильно установил прицел.

Недолетов, которые могли бы представлять опасность для его товарищей, находящихся перед дворцом, не будет.

Шеннон с товарищами лежали, уткнувшись лицами в траву, пока над ними зажигались осветительные ракеты и гремели прицельные выстрелы Жанни. Никто не собирался поднимать голову, пока африканец не начнет зашвыривать мины через крышу дворца во внутренний двор.

Между вторым и третьим взрывами Шеннон рискнул приподнять голову. Он знал, что у него в запасе было пятнадцать секунд, пока не прилетит очередной снаряд. Перед ним был дворец в свете магниевой вспышки третьей осветительной ракеты. На верхнем этаже дворца в двух комнатах зажегся свет. Когда отгремело эхо второго взрыва, он услышал многочисленные вопли и крики, доносящиеся изнутри крепости. Это были первые и последние звуки со стороны обороняющихся. Все остальное потонуло в грохоте канонады.

Через пять секунд взвыла сирена, нескончаемым безумным ревом наполнив африканскую ночь завываниями тысяч фей – предвестников смерти. Взрыв снаряда, упавшего во внутренний двор, был почти не слышен на этом диком фоне, и криков невозможно было разобрать. Снова приподняв голову, он увидел, что фасаду дворца больше не нанесено повреждений, и заключил, что Жанни перебросил мину через крышу. По договоренности, после первого попадания в цель Жанни должен прекратить пристрелку и продолжать обстрел в более высоком темпе. Сзади, со стороны моря, Шеннон слышал, как начали мерно ухать мортиры, словно удары пульса, отдающие в ушах, на фоне монотонного рева сирены, которая на одном баллоне со сжатым воздухом могла непрерывно работать в течение семидесяти секунд.

Чтобы истратить все шестьдесят снарядов, Жанни потребуется сто двадцать секунд, и было условлено, что, если возникнет десятисекундная заминка где-то по ходу стрельбы, он полностью прекращает огонь, чтобы его коллеги не попали под запоздавшую мину, бросившись в атаку. Шеннон в душе надеялся, что Жанни об этом не забудет.

Когда прошли пятнадцать секунд после начала непрерывной стрельбы, первые снаряды достигли дворца и перед лежащими в траве восемью наемниками открылось потрясающее зрелище.

Осветительные ракеты больше не требовались. Падающие на мощный камнем внутренний двор бомбы каждые две секунды вздымали вверх над дворцом снопы ярко-красных искр. Только Крошку Марка не интересовало зрелище, у него была своя работа.

Он находился чуть левее остальных в цепи, прямо напротив дворцовых ворот. Встав на ноги, он аккуратно прицелился и выпустил первую ракету. Длинный, в двадцать футов, язык пламени вырвался из базуки и, напоминаящий по форме ананас реактивный снаряд понесся к воротам. Он взорвался в правом верхнем углу двойных дверей, вырвав петлю из косяка и пробив дыру в двери размером в квадратный ярд.

Опустившись на колено рядом, Патрик высыпал снаряды из заплечного мешка на траву и подавал их наверх. Второй снаряд начал вращаться в воздухе и угодил в каменную арку над дверью. Третий ударил точно в замок. Двери как будто подпрыгнули вверх от взрыва, потом соскочили с вывернутых петель, развернулись и повалились внутрь.

Жанни Дюпре израсходовал только половину своих запасов, а красное свечение над крышей дворца не угасало. Что-то горело на заднем дворе, и Шеннон решил, что это бараки охраны. Когда ворота распахнулись, лежащие в траве люди увидели в пролете арки багровое свечение. Из огня выскочили две фигуры, но упали, так и не выбравшись наружу.

Марк послал еще четыре снаряда сквозь открытые ворота прямо в пекло за аркой, которая, очевидно, вела во внутренний двор. Так показалось Шеннону на первый взгляд.

Командир наемников крикнул Вламинку, чтобы тот прекратил огонь, потому что Крошка уже израсходовал семь из своих двенадцати снарядов, а Шеннон допускал, что в городе может случайно оказаться бронемашина, что бы ни говорил по этому поводу Гомез. Но бельгиец увлекся. Он выпустил еще четыре снаряда по окнам первого и второго этажа дворца и теперь стоял, радостно размахивая заряженной базукой с последним снарядом на плече, пока над головами продолжали свистеть снаряды из миномета Дюпре.

В этот момент сирена вдруг перешла на шепот и смолкла.

Оставив в покое Вламинка, Шеннон прокричал остальным, чтобы шли вперед, и сам, вместе с Земмлером и Лангаротти побегал,

пригнувшись к траве, — «шмайссер» на изготовку, предохранитель снят, палец на спусковом крючке. За ними устремились Джонни, Джинджа, Бартоломью и Патрик, у которого больше не осталось снарядов для базуки, и он, приняв с плеча автомат, присоединился к остальным.

За двадцать метров до ворот Шеннон остановился и подождал, пока упадут последние снаряды Дюпре. Он сбился со счета, но внезапная тишина после очередного взрыва дала понять, что все кончено. Секунду или две тишина оглушала. После воя сирены, грома минометов и сокрушительных взрывов снарядов базуки Крошки Марка отсутствие звуков казалось сверхъестественным.

Тем более не укладывалось в голову, что вся операция продолжается пока меньше пяти минут.

Шеннон задумался, выпустил Тимоти на казармы свои двенадцать снарядов или нет, разбежались ли солдаты, как он предполагал, и какое впечатление на жителей города произвела такая оглушительная канонада? Он вернулся к действительности, когда над их головами с шипом загорелись одна за другой две осветительные ракеты. Не теряя времени, он вскочил на ноги и с криком «Вперед!» побежал к тлеющим остаткам ворот.

Вбегая внутрь, он стрелял, скорее чувствуя, чем видя, фигуры Жана-Батиста Лангаротти слева и Курта Земмлера — справа от себя. То, что открылось перед ними за воротами, могло потрясти кого угодно. Арка вела сквозь здание дворца во внутренний двор. Осветительные ракеты, горящие над дворцом, ярко высвечивали все до мельчайшей детали. Создавалось впечатление, что ты угодил в самую Преисподнюю.

Охранники Кимбы были разбужены первыми пристрелочными выстрелами и выбежали из-под своих навесов на центр двора.

Именно там и накрыл их третий, а за ним и все остальные снаряды. К одной из стен была приставлена лестница, и четыре изувеченных трупа повисли на ее ступенях. Их поразило в спину, когда они пытались выбраться наружу. Остальные приняли на себя всю мощь разрывающихся на камнях мин, мелкие стальные осколки которых разлетались, сея смерть, во все стороны.

На земле валялись груды тел, некоторые еще шевелились, другие давно затихли. У дальней стены стояли два армейских грузовика и «мерседес» президента, изрешеченные, словно сито.

Несколько дворцовых слуг, видимо, спасаясь от ужаса во дворе, прятались за дубовыми воротами в тот момент, когда подоспели снаряды из базуки Вламинка. Их останки были разбросаны по всему

проходу.

Справа и слева были другие проходы. По всей видимости, они вели к лестницам вверх. Не ожидая специального приглашения, Земмлер рванулся направо, Лангаротти налево, и вскоре сверху, с обеих сторон, донеслись звуки автоматных очередей.

У подножья лестниц, ведущих на верхние этажи, были двери – по две с каждой стороны. Стараясь перекричать вопли раненых Винду и непрерывные очереди неумолимого «шмайссера» Земмлера, Шеннон приказал четверым африканцам захватить первый этаж.

Ему не приходилось напоминать им, что по дороге надо уничтожать все, что способно передвигаться, – африканцы, с округлившимися от возбуждения глазами и учащенным дыханием, горели желанием броситься в бой.

Тем временем сам Шеннон медленно и осторожно вышел на заднее крыльцо, ведущее во двор. Если в охране дворца оставалась какая-нибудь боеспособная группа, то она, наверняка, должна была находиться именно здесь. Не успел он спуститься с крыльца, как слева от него с криком бросилась фигура с винтовкой наперевес. Вполне возможно, это был впавший от страха в истерику Винду, отчаянно спасающий свою жизнь, но времени для подобных размышлений не было. Шеннон мгновенно повернулся и выстрелил. Нападавший или оборонявшийся буквально упал на грудь Шеннона, залив его куртку кровью, хлынувшей из рта. Воздух во дворце и снаружи был насыщен запахами крови и страха, пота и смерти, а над ними витал другой, тот, который неотступно следовал за наемниками, куда бы они ни направлялись, всегда сладостно опьянял их – запах пороха.

Шеннон скорее почувствовал, чем услышал шаги за своей спиной и обернулся. Из одной из боковых дверей, за которой только что пропал Джонни, бросившись в погоню за оставшимися в живых Винду, появился человек. То, что случилось потом, когда человек вышел вперед и оказался под аркой прохода, впоследствии всплывало в памяти Шеннона словно взбесившийся калейдоскоп. Человек увидел Шеннона в тот же момент, как Шеннон взглянул на него. Человек выстрелил из револьвера, который сжимал в правой руке на уровне бедра. Шеннон почувствовал, как пуля прошелестела мимо, едва не задев щеку, и выстрелил сам секундой позже. Но человек оказался проворнее. Выстрелив, он мгновенно бросился на пол, перекатился и вновь взял Шеннона на прицел. Шеннон выпустил из «шмайссера» пять пуль, одну за другой, но ни одна из них даже не задела распластавшегося на каменных плитах противника. Магазин

«шмайссера» был пуст. Не дожидаясь, пока его догонит пуля, он отступил назад и в сторону, укрывшись за каменной колонной. Выбросил пустой магазин и заменил его новым. Потом выстрелил, не выходя из-за колонны. Но стрелка на месте уже не было. Исчез.

И только тогда, стряхнув с себя хмель поединка, Шеннон осознал, что человек, в которого он стрелял, не был африканцем. Он был бос и раздет до пояса. Даже при тусклом освещении под аркой можно было разглядеть, что кожа у него белая, а волосы – темные и прямые.

Шеннон выругался и бросился к тому месту, где когда-то были двери, а теперь болтались на петлях их останки. Но было уже поздно.

Когда белый стрелок выбегал из развалин дворца, Крошка Марк Вламинк как раз появился под сводами арки. Он обеими руками придерживал на уровне груди базуку с торчащей из ствола последней ракетой. Стрелок даже не остановился. На бегу он сделал два выстрела. Позднее они нашли револьвер в зарослях густой высокой травы. Это был пистолет Макарова, калибра 9 мм. Обойма была пуста.

Бельгиец получил обе пули в грудь. Одна из них пробила легкое. А стрелок пробежал мимо, стараясь укрыться от света сигнальных ракет, по-прежнему исправно выпускаемых Дюпре.

Шеннон видел, как Вламинк, двигаясь словно в кадре, снятом замедленной съемкой, повернулся, поднял свою базуку, аккуратно пристроил ее к правому плечу, прицелился и дал залп вслед бегущему.

Вероятно, не всякому приходилось видеть, как снаряд базуки югославского производства бьет по такой крохотной цели, как человеческая спина. Единственное, что осталось от человека, – это пара лоскутков от брюк.

Шеннону самому пришлось броситься на землю, чтобы не поджариться на пламени, вырвавшемся из ствола при последнем выстреле бельгийца. Он все еще лежал на земле, в восьми ярдах от него, когда Крошка Марк выронил свое оружие и рухнул вперед лицом, раскинув в сторону руки.

И тогда взметнулась вверх последняя осветительная ракета.

Большой Жанни Дюпре выпустил последнюю из своих десяти магниевых ракет, выпрямился и позвал: «Сандей».

Ему пришлось крикнуть трижды, прежде чем африканец, стоявший в десяти ярдах, услышал. Все трое были почти полностью оглушены выстрелами минометов и ревом сирены. И все же Дюпре докричался до Сандея, чтобы тот оставался на месте караулить минометы и лодку, а сам махнул Тимоти следовать за ним. Утопая в песке, они вдвоем стали продираться через заросли кустарника к месту событий. Хоть он

за это время сделал выстрелов больше, чем все четверо наемников, вместе взятые, тем не менее считал бы себя обделенным, если бы не смог оказаться в самом центре бойни.

Кроме того, в его задачу входило разобраться с армейскими казармами, а он помнил по тем картам, которые изучал еще на «Тоскане», где они расположены. Десять минут потребовалось им с Тимоти, чтобы добраться до дороги, пересекавшей полуостров от одного конца до другого, и вместо того, чтобы повернуть направо к дворцу, Дюпре пошел в противоположном направлении в сторону казарм. Жанни и Тимоти шли по обеим сторонам дороги. Шли медленно и настороженно, держа «шмайссеры» наперевес, чтобы иметь возможность мгновенно встретить любую внезапно появившуюся опасность.

Опасность возникла сразу, за первым же поворотом дороги.

Растревоженные двадцатью минутами раньше первыми разрывами мин, выпущенных Тимоти и опустившихся между казармами, выстроившимися в одну линию, две сотни бойцов армии Кимбы высыпали из барачных корпусов и растворились в ночи. Но человек двенадцать из них успели в темноте перегруппироваться и теперь стояли на обочине дороги, переговариваясь шепотом. Не будь Дюпре и Тимоти полуоглохшими, они бы этот шепот услышали гораздо раньше. Но все случилось так, как случилось. Они обнаружили группу только тогда, когда увидели их воочию, – серые тени фигур в густой тени пальмовых деревьев. Десятеро из группы даже не успели одеться, разбуженные выстрелами. Но остальные двое в эту ночь дежурили и были полностью одеты и вооружены.

Прошедший прошлой ночью ливень так размягчил землю, что снаряды, пущенные Тимоти из минометов, слишком глубоко вошли в нее, не вызвав желаемого эффекта от взрыва. Солдаты племени Винду, которые встретили их за поворотом дороги, сообразили прихватить с собой кое-что из оружия, а у одного из них даже оказалась ручная граната. Первое, что заметили в темноте солдаты, было светлое пятно лица Дюпре, у которого вместе с потом уже давно сошла краска. Это пятно и привело их в движение, что не прошло для них бесследно. Южноафриканец среагировал мгновенно – с криком «Огонь!» он выпустил в группу автоматную очередь. Четверо из них были надвое рассечены прицельным огнем «шмайссера». Оставшиеся восемь бросились наутек, падая один за одним от догонявших их в зарослях деревьев пуль Дюпре. Один из них на бегу обернулся и бросил какую-то штуку, которая была зажата у него в руке. Он никогда не

пользовался ею и даже не видел, как это делали другие, но всегда гордился тем, что является ее обладателем, надеясь когда-нибудь пустить ее в дело.

Граната взлетела высоко в воздух, пропав из виду, но, падая, ударила Тимоти прямо в грудь. Инстинктивным движением африканский ветеран, падая, схватил, ударивший его предмет и, уже лежа на спине, разглядел. Ему стало смешно: тот дурак, который бросил гранату, даже не удосужился сорвать с нее чеку. Тимоти приходилось видеть, как однажды наемник перехватил таким же образом гранату и пустил ее вдогонку врагу, поднявшись на ноги, он сорвал чеку и бросил гранату как мог дальше вслед убегающим солдатам Винду.

Во второй раз граната взлетела в воздух, но на этот раз ударилась о дерево. Послышался тупой стук, и граната упала на землю, не достигнув предполагаемой цели. За минуту до этого Дюпре бросился вдогонку за отступающими, вставив в автомат новую обойму. Тимоти издал предупредительный окрик, но Дюпре, видимо, решил, что это победный клич, и продолжал преследование, стреляя на ходу от бедра. Он был уже среди деревьев и в двух ярдах от того места, куда упала отскочившая от дерева граната, когда она взорвалась.

Больше он ничего не помнил. Только почувствовал, как его подхватили и оттащили на дорогу, словно соломенную куклу.

Затем он потерял сознание. Придя в себя, обнаружил, что лежит на дороге и кто-то сидит подле него на коленях и поддерживает голову. В горле горячо, как бывало, когда он ребенком лежал в постели с высокой температурой и блаженствовал в полуреальности-полусне. Он слышал, как кто-то настойчиво обращается к нему, зовет, но не мог вымолвить в ответ ни слова. «Прости, Жанни, – повторял этот кто-то. – Прости, прости, прости...»

Он понимал только собственное имя, больше ничего. Человек говорил на другом, непонятном ему, языке. Он перевел взгляд на того, кто поддерживал его, и с трудом в темноте пальмовых зарослей разглядел черное знакомое лицо. Тогда он улыбнулся и довольно ясно произнес на африканер: «Привет, Питер.»

Жанни долго смотрел в небольшой просвет между пальмовыми листьями, и вдруг тучи разорвали свой плотный покров и появилась луна. Она казалась огромной, луна всегда кажется такой в Африке, белоснежной и сверкающей. Зелень, омытая дождем, источала густой аромат, а луна гигантской жемчужиной сверкала над лесом, словно вершина скалы Паарль после дождя.

«Как хорошо быть снова дома», – подумал он.

Жанни Дюпре, был в полном сознании, когда снова закрыл глаза и умер.

Была уже половина шестого утра. Дневной свет настолько далеко расплылся от горизонта, что люди во дворце смогли, наконец, выключить фонари. Правда, нельзя сказать, чтобы при свете дня картина во дворе стала привлекательней. Но дело было сделано.

Они подняли тело Вламинка с земли и перенесли его во дворец, в одну из боковых комнат первого этажа. Рядом с ним лежал Жанни Дюпре, которого принесли с приморской дороги трое африканцев. Джонни тоже был мертв. Его застал врасплох и застрелил тот же белокожий охранник, которого настиг последний снаряд из базуки Вламинка. Так они и лежали вдвоем, бок о бок.

Земмлер позвал Шеннона в главную спальню на втором этаже и показал, посветив фонарем, тело убитого им человека, который пытался вылезти из окна.

– Это он, – сказал Шеннон.

Только шестерым из дворцового штата удалось спастись. Они спрятались в одном из подвалов, решив больше инстинктивно, чем логически, что от железного дождя, сыпавшегося с неба, это будет самым надежным укрытием. Их использовали в качестве рабочей силы для уборки территории. Прочесали все комнаты дворца, и обнаруженные там тела друзей и соратников Кимбы, а также обслуги были вытащены на свет Божий и выложены в ряд на заднем дворе. Дверь восстановить не удалось, поэтому из президентских апартаментов принесли ковер и завесили вход, чтобы не было видно того, что творилось внутри.

В пять часов утра Шеннон на одной из моторных лодок вернулся на «Тоскану», таща за собой на буксире две другие.

Но прежде он связался с кораблем по переговорнику, сообщив условленным кодом, что все в порядке.

К половине седьмого утра он вернулся с африканским доктором и теми же лодками, но теперь уже груженными доверху оставшимися минометными снарядами, восьмьюдесятью неиспользованными «шмайссерами» и почти тонной патронов.

Ровно в шесть, следуя инструкции, полученной от Шеннона, капитан Вальденберг стал передавать с «Тосканы» три слова, которые Эндин должен был поймать на определенной частоте. Три слова: «По-по, Кассава и Манго», означали следующее: операция проведена в соответствии с заранее составленным планом и окончилась полной

победой. Кимба мертв.

Когда африканский доктор увидел кровавые следы бойни во дворце, он только вздохнул и грустно произнес: «Наверно, это было необходимо».

– Совершенно необходимо, – заверил его Шеннон, настойчиво рекомендовав заняться делом, ради которого его с собой брали.

К девяти часам утра в городе было тихо и уборка дворцовой территории почти полностью завершена. С похоронами охранников придется подождать. Две лодки вернулись на «Тоскану», были подняты на борт и уложены в трюм. Третью до поры до времени спрятали в небольшой бухте недалеко от порта. Все следы пребывания минометов были уничтожены – станины и стволы внесены внутрь, ракетницы и упаковочный материал сброшены в море. Все оставшееся было занесено во дворец, который изнутри пострадал гораздо больше, чем снаружи. С улицы о происшедшем нападении напоминали только два провала в черепичной крыше, три разбитых окна и ковер на входе, заменявший погибшую в сражении дверь.

В десять утра Земмлер и Лангаротти присоединились к своему командиру, который в одной из парадных столовых дворца уписывал за обе щеки хлеб с джемом, обнаружив их на кухне президента. Оба доложили результаты разведки. Земмлер сообщил, что радиостанция вполне пригодна для использования.

Стены в нескольких местах пробиты пулями, но передатчик в порядке. Личный бункер Кимбы, откликнувшись на уговоры нескольких выпущенных в него обойм, гостеприимно распахнул двери. Национальная казна была надежно спрятана в глубине бункера, и там же, вдоль стен, разложено оружие – достаточное количество винтовок и боеприпасов для того, чтобы держать в состоянии боевой готовности армию из двухсот-трехсот человек в течение нескольких месяцев.

– Ну, а теперь что? – спросил, закончив свой рассказ, Земмлер.

– А теперь мы будем ждать, – ответил Шеннон.

– Чего ждать?

Шеннон ковырял в зубах спичкой и думал о Жанни Дюпре и Марке Вламинке, которые лежали теперь внизу на полу, и о Джонни, которому уже никогда не придется добывать себе на ужин очередную козу. Лангаротти, обмотав левую кисть кожаным ремнем, молча водил по нему лезвием ножа.

– Мы будем ждать нового правительства, – сказал Шеннон.

Американский однотоновый грузовичок с Саймоном Эндином в

кабине прибыл в начале второго. Эндин держал в руках большое охотничье ружье, а рядом с ним примостился еще один европеец.

Шеннон услышал шум мотора грузовика, когда он, свернув с прибрежной дороги, подъехал ко входу, загороженному безжизненно повисшим ковром, сменившим почившие безвременно двери.

Из окна второго этажа он видел, как Эндин осторожно вылез из машины и подозрительно оглядел этот ковер, другие повреждения на фасаде и восьмерых темнокожих охранников при входе.

Путешествие Эндина прошло не без происшествий. Услышав утром сообщение с «Тосканы», ему пришлось два часа кряду уговаривать полковника Боби, чтобы тот после переворота возвратился в свою страну. Этот вояка получил звание полковника наверняка не за личное мужество и отвагу. У самого Эндина было больше оснований для мужества – сундук золота, который ожидал его после окончания работ по «обнаружению» платины в недрах Хрустальной горы, что должно было произойти через два-три месяца.

Они выехали из столицы соседней республики в половине десятого утра, и им предстояло покрыть расстояние в сто миль до Кларенса. В Европе такой путь можно проделать за два часа.

В Африке времени требуется гораздо больше. Они подъехали к границе к полудню, и пришлось начать торговлю с пограничниками Винду. Те еще слыхом не слыхивали о перевороте, который ночью произошел в столице. Полковник Боби в огромных и очень темных очках, одетый в длинный белый балахон, который скорее походил на ночную сорочку, должен был представиться как сопровождающий и личный слуга. Для таких людей пропуск при переходе границы в Африке обычно не требуется. У Эндина документы были в порядке, у человека, которого он захватил с собой, – тоже. Это был огромного роста и весьма крепкого телосложения выходец из лондонского Ист Энда, которого Эндину рекомендовали как одного из самых надежных охранников в Уайтчэпеле. Эрни Локи платили, и немало, за то, чтобы он охранял персону Эндина от возможных покушений на его драгоценную жизнь и здоровье. Для этого он держал под рубашкой револьвер. Наняли его через местную контору «Мэн-Кона» по проведению геологоразведочных работ в республике. Получив соблазнительную сумму, Локи решил, и так же, как Эндин, ошибочно, что хороший телохранитель в Ист Энде автоматически будет таким же хорошим телохранителем в Африке.

Переехав границу, грузовичок довольно спокойно продолжал свой путь вплоть до того момента, пока до Кларенса не осталось миль

десять. Там у него прокололась шина. Под охраной Эндина, стоявшего со своим ружьем, Локи поменял колесо. Боби в это время прятался под брезентом в кузове. Вот тогда неприятности и начались. Группа солдат Винду, убежавшая из Кларенса, обнаружила их и накрыла полдюжиной выстрелов.

Все эти выстрелы не достигли цели, кроме одного, пробившего пулей именно то колесо, которое только что поставил Локи.

Путешествие пришлось завершить на первой скорости со спущенной камерой.

Шеннон высунулся из окна и окликнул Эндина. Тот поднял голову.

– Все в порядке?

– Конечно, – ответил Шеннон. – Но все же лучше вам зайти внутрь. Пока все тихо, но скоро должны появиться любопытные.

Эндин пропустил Боби и Локи вперед за ковровую занавеску и вошел вслед за ними. Они поднялись на второй этаж, где их ожидал Шеннон. Когда они расселись в президентской столовой, Эндин потребовал полного отчета о происшедших ночью событиях.

Шеннон все подробно пересказал.

– Охрана дворца Кимбы? – спросил Эндин.

Вместо ответа Шеннон подвел его к одному из окон, выходящему на задний двор, и распахнул ставни. Двор кишел мухами. Эндин выглянул и сразу же отпрянул от окна.

– Прислуга? – спросил Эндин.

– Там же.

– Армия?

– Двадцать человек убиты, остальные разбежались. Оружие бросили все, кроме, пожалуй, пары дюжин человек, у которых остались винтовки. Проблем с ними никаких. Оружие все собрано и внесено во дворец.

– Президентский оружейный склад?

– В подвале под охраной.

– Радиопередатчик?

– Внизу, на первом этаже. Действует. Мы пока не проверяли электропроводку, но, похоже, что он работает на собственном дизельном генераторе.

Эндин удовлетворенно кивнул.

– Ну, что ж, тогда остается только новому президенту объявить о происшедшем ночью перевороте, о своем приходе к власти, сформировать новое правительство и приступить к работе, – сказал он.

– А как быть с охраной? – спросил Шеннон. – Из прежнего состава

армии на месте не осталось ни единого человека. Может быть, конечно, кто-нибудь и вернется, но не думаю, что все Винду захотят служить новому президенту.

Эндин улыбнулся.

– Как только они узнают, что новый президент пришел к власти и кто он, вернутся сразу. А пока будет работать ваша группа. В конце концов, они тоже черные, а я уверен, что ни один дипломатический представитель не в силах отличить одного черномазого от другого.

– А вы? – спросил Шеннон.

Эндин пожал плечами.

– Я смогу. Но это не имеет значения. Кстати, разрешите вам представить нового президента Зангаро.

Он жестом показал на зангарийского полковника, который в это время со снисходительной улыбкой осматривал комнату, так хорошо ему знакомую.

– Бывший командующий зангарийской армией, организатор и творец переворота, так во всяком случае будет сообщено миру, и, наконец, новый президент Зангаро. Полковник Антуан Боби.

Шеннон поднялся, взглянул на Боби и почтительно склонил голову. Улыбка Боби расплзлась еще шире. Шеннон показал на дверь в конце столовой.

– Может быть, президент желает ознакомиться с президентским кабинетом? – Эндин перевел.

Боби кивнул и побрел по кафельному полу в указанном направлении. Шеннон прошел следом. Дверь за ними закрылась, и пять секунд спустя грохнул одинокий выстрел. Когда Шеннон вновь появился в столовой, Энди спокойно поинтересовался:

– Что это было?

– Выстрел, – так же спокойно сказал Шеннон.

Тогда Эндин резко поднялся и пошел в соседнюю комнату. Остановившись в дверном проеме, он медленно повернул к Шеннону внезапно посеревшее лицо.

– Вы застрелили его, – прошептал он севшим голосом. – Пройти весь этот адский кровавый путь и застрелить его. Вы сумасшедший, Шеннон! Вы совсем спятили!

Голос вновь прорвался на свободу, и в нем прозвучала ярость и отчаяние одновременно.

– Вы не понимаете, что наделали, кретин, маньяк, наемный идиот...

Шеннон сидел за столом и наблюдал за Эндином с нескрываемым

интересом. Краем глаза он заметил, как рука телохранителя потянулась к револьверу под рубашкой. Второй выстрел показался Эндину гораздо громче, так как прозвучал совсем рядом. Эрн Локи почти прыжком выскочил из кресла и распластался на полу, добавив кровавый рисунок к старинному колониальному мозаичному узору кафельных плит. Он был мертв: пуля пробила позвоночник. Шеннон вытащил руку из-под крышки дубового стола и положил на нее пистолет «Макарова». Из ствола вился голубоватый дымок.

Эндин сидел, сгорбившись и втянув голову в плечи. К тягостной мысли о том, что уплывает прямо из рук куш, обещанный Мэнсоном после водворения на пост президента Боби, добавилось ощущение смертельной опасности – такого страшного человека, как Шеннон, ему еще встречать не доводилось. Но он слишком поздно это понял.

Земмлер появился в дверях кабинета позади Эндина, а со стороны коридора бесшумно вошел Лангаротти.

В руках у обоих были «шмайссеры», направленные дулом на него, Эндина. Шеннон встал.

– Пошли, – сказал он. – Я отвезу вас к границе. Оттуда доберетесь пешком.

Единственное непробитое колесо из двух зангарийских грузовиков, стоявших во дворе, перекинули на машину, в которой приехал Эндин. Брезент с кузова был снят, и там расселись трое африканцев с автоматами. Еще двадцать в полном обмундировании и при оружии выстроились в ряд за территорией дворца.

В коридоре у разломанной двери они встретили пожилого африканца в гражданской одежде. Шеннон кивнул ему, и они обменялись несколькими словами.

– Все в порядке, доктор?

– Да. Пока. Я договорился с моими людьми прислать сотню добровольцев, чтобы все здесь убрать и вычистить. Еще пятьдесят придут к вечеру, для починки оборудования. К семерым зангарийцам, которые значились в списке неблагонадежных, уже сходили домой, и они согласились нам служить. Они придут вечером.

– Прекрасно. А теперь, пока у вас есть время, составьте информационный бюллетень от имени нового правительства. Его нужно передать по радио как можно скорее. Попросите мистера Земмлера, чтобы он вам наладил передатчик. Если не сможет, воспользуйтесь радиостанцией на корабле. Что еще?

– Только одно, – сказал доктор. – Мистер Земмлер говорит, что недалеко от берега стоит русский корабль «Комаров» и подает

сигналы с просьбой разрешить ему войти в гавань.

Шеннон задумался.

– Передайте мистеру Земмлеру, чтобы он сообщил на «Комаров» следующее: «Просьба отклоняется. Точка. На неопределенный период. Точка».

Доктор ушел, и Шеннон отвел Эндина к грузовику. Он сам сел за руль и, вывернув на дорогу, двинулся в сторону границы.

– Кто это был? – с горечью спросил Эндин, когда грузовик несся по полуострову мимо жалких лачуг иммигрантов-рабочих.

Там, казалось, все было в движении. Эндин с удивлением обнаружил, что на каждом перекрестке стоит часовой, вооруженный карабином.

– Человек в коридоре? – переспросил Шеннон.

– Да.

– Доктор Окойе.

– Знахарь, наверное?

– Нет, врач. Доктор наук с дипломом Оксфорда.

– Ваш друг?

– Да.

Они больше не разговаривали до того момента, как свернули на шоссе, ведущее на север.

– Ну что ж, – произнес наконец Эндин, – я знаю, что вы натворили. Вы погубили одно из самых грандиозных и выгодных предприятий, когда-либо замышлявавшихся. Вам этого, разумеется, не понять. Для вас это слишком сложно. Но мне бы хотелось узнать только одно, почему? Почему, во имя всего святого?

Шеннон на мгновение задумался, с трудом удерживая грузовик на ухабистой дороге, уступившей место грязной разбитой колее.

– Вы совершили две ошибки, Эндин, – размеренно произнес он.

Эндин вздрогнул от неожиданности, услышав свое настоящее имя.

– Вы посчитали, что раз я наемник, то наверняка должен быть тупицей. Вам ни разу не пришло в голову, что мы все с вами наемники, вместе с сэром Джеймсом Мэнсоном и большинством власть имущих в этом мире. Вторая ошибка заключалась в том, что вы решили, что все негры одинаковы, только потому, что вам они кажутся такими.

– Я вас не понимаю.

– Вы тщательно исследовали ситуацию в Зангаро. Вам даже удалось обнаружить, что основная работа в стране делается руками десятков тысяч рабочих-иммигрантов. Вам так и не пришло в голову, что эти рабочие составляют самостоятельную общественную

формацию. Они как бы третье племя в стране, наиболее сообразительные и работающие. Дайте им хотя бы намек на такую возможность, и они превратятся в политическую силу. Более того, от вас ускользнуло, что новая зангарийская армия, а значит, и опора власти, может быть набрана из числа представителей этой прослойки, как, кстати, сейчас и случилось. Те солдаты, которых вы видели, не из племен Винду или Кайа. Когда вы прибыли во дворец, их было всего пятьдесят человек, вооруженных, в армейской форме. Сегодня к ним добавится еще полсотни. А через пять дней в Кларенсе будет более четырехсот новых солдат, разумеется, необученных, но достаточно надежных для того, чтобы поддержать закон и порядок. Отныне они станут реальной властью в стране. Действительно, прошлой ночью произошел военный переворот, но он совершался не в расчете на полковника Боби и не от его имени.

– А кто же имелся в виду в таком случае?

– Генерал.

– Какой генерал?

Шеннон назвал ему имя. У Эндина от ужаса отвисла челюсть.

– Только не он. Его разбили, он в изгнании.

– В данный момент да. Но не навечно же. Эти иммигранты-рабочие – его люди. Их прозвали «африканскими евреями». Полтора миллиона их рассеяно по африканскому континенту. Во многих странах они выполняют основную работу и определяют умственный потенциал. Здесь, в Зангаро, они живут в бараках за Кларенсом.

– Этот болван, безумный идеалист, кретин-мечтатель...

– Осторожнее, – предупредил Шеннон.

– Это еще почему?

Шеннон кивнул головой в сторону, за плечо.

– Они тоже солдаты генерала.

Эндин повернулся и взглянул на три непроницаемых лица над дулами «шмайссеров».

– Не может быть, чтобы они настолько хорошо понимали по-английски.

– Тот, что посередине, – мягко сказал Шеннон, – в былые времена был аптекарем. Он стал солдатом, когда его жену и четверых детей раздавил английский бронетранспортер. Их выпускает фирма «Алвис» из Ковентри, вы же знаете. С тех пор он не любит людей, имеющих к этому отношение.

Эндин замолк еще на несколько миль пути.

– Что будет теперь?

– Власть переходит к Комитету Национального Согласия, – сказал Шеннон. – Четверо человек от Винду, четверо от Кайа и двое представителей от иммигрантов. Но армия будет набрана из тех людей, что сидят позади вас. Эта страна будет использована, как военная база и штаб командования. Отсюда прошедшие подготовку новобранцы в один прекрасный день вернутся на родину, чтобы отомстить за то, что с ними сделали. Возможно, что генерал переедет сюда сам и устроит здесь свою резиденцию, фактически взяв в руки управление страной.

– И вы надеетесь, что вам это сойдет с рук?

– Вы собирались поставить во главе страны эту слюнявую обезьяну-полковника Боби, и надеялись, что все будет шито-крыто. По крайней мере, новое правительство будет сравнительно умеренным. Кстати, о месторождении, насколько мне известно платиновом, где-то в недрах Хрустальной горы. Несомненно, что новое правительство его обнаружит. И займется разработкой. Но если вы точите на него зубы, то придется платить. Настоящую, рыночную цену. Так и передайте сэру Джеймсу, когда вернетесь домой.

Впереди, за поворотом, показался пограничный пропускной пункт. Новости в Африке распространяются быстро, даже в отсутствие телефонов. Пограничников Винду на посту не было.

Шеннон остановил машину и указал рукой вперед.

– Отсюда дойдете пешком, – сказал он.

Эндин выбрался из кабины. Он посмотрел на Шеннона с нескрываемой ненавистью.

– Вы так и не сказали, почему, – произнес он. – Вы объяснили что и как, но почему?

Шеннон посмотрел вперед на дорогу.

– Почти целых два года, – сказал он задумчиво, – я наблюдал, как гибнут от голода малые дети. Около миллиона детей погибли на моих глазах, благодаря таким людям, как вы и Мэнсон. И происходило это оттого, что вы и вам подобные стремились получить все большие доходы, опираясь на жестокие и совершенно продажные диктатуры. И при этом все творилось якобы во имя закона и порядка, легально, на конституционных основаниях. Пусть я солдат, пусть я убийца, но я не садист, черт возьми! Я давно понял, как это делается, зачем и кто стоит за всем этим. На виду обычно оказываются несколько политиков и служащих Форин Офис, но они всего лишь свора кривляющихся обезьян, не видящих дальше своих междепартаментских стычек и проблем собственного переизбрания на следующий срок. За их

спинами всегда прятались невидимки-мошенники вроде вашего дражайшего Джеймса Мэнсона. Вот почему я это сделал. Расскажите Мэнсону, когда вернетесь. Я хочу, чтобы он знал. Передайте от меня. Лично. А теперь вперед!

Пройдя десять ярдов, Эндин обернулся.

– Не советую тебе возвращаться в Лондон, Шеннон, – крикнул он. – Мы знаем, как найти управу на таких, как ты.

– Не вернусь, – прокричал в ответ Шеннон. И тихо добавил: – Мне это больше ни к чему. – Потом развернул грузовик и направился в сторону полуострова, к Кларенсу.

Эпилог

Новое правительство было должным образом приведено к присяге и с первых шагов своего правления подтвердило данные народу обещания. В европейских газетах о перевороте почти не упомянули, только в «Ле Монд» появилась маленькая заметка, где говорилось, что мятежные подразделения зангарийской армии свергли президента накануне Дня Независимости и власть временно, до всеобщих выборов, перешла в руки правящего совета. В газете ни словом не обмолвились о том, что советской геологической партии было отказано в проведении разведки в республике и что предпринимаются шаги к организации экспедиции своими силами.

Большого Жанни Дюпре и Крошку Марка Вламинка похоронили на берегу океана, под пальмами, где со стороны залива дует свежий ветерок. По просьбе Шеннона могилы оставили безымянными. Тело Джонни забрали соплеменники, которые оплакали его и погребли по своим обычаям.

Саймон Эндин и сэр Джеймс Мэнсон помалкивали о своей причастности к этим событиям. Им совершенно нечего было открыто сказать по этому поводу.

Шеннон вручил Жану-Батисту Лангаротти 5000 фунтов, оставшихся у него от денег, выданных на операцию, и корсиканец отбыл обратно в Европу. Последний раз о нем слышали, когда он направлялся в Бурунди, где собирался заняться военной подготовкой партизан Хуту, пытающихся выступить против марионеточного правительства диктатора Микомберо. Как тогда, когда они расставались на берегу, он сказал Шеннону: «Дело не в деньгах. Деньги здесь вообще ни при чем». Шеннон написал синьору Понти в Геную от имени Кейта Брауна и велел разделить контрольный пакет акций компании, владеющей «Тосканой», поровну капитану Вальденбергу и Курту Земмлеру. Год спустя Земмлер продал свою долю акций Вальденбергу, которому пришлось залезть в долги, чтобы выкупить ее. А Земмлер отправился на очередную войну. Погиб он в Южном Судане, когда вместе с Роном Грегори и Гипом Кирби минировал дорогу, по которой должны были проехать суданские бронетранспортеры. Мина внезапно взорвалась. Кирби был убит на месте, Земмлер и Грегори тяжело ранены. Грегори удалось через

британское посольство в Эфиопии добраться до дома, а Земмлер умер в пустыне.

Последнее, чем занялся Шеннон, касалось банка в Швейцарии, куда он отправил распоряжения через Лангаротти.

Он велел перевести 5000 фунтов родителям Жанни Дюпре в Перль, провинция Кап, Южная Африка, и еще такую же сумму женщине по имени Анна, владелице бара на Кляйнстраат, в районе красных фонарей города Остенде.

Он умер через месяц после переворота так, как хотел умереть, говоря об этом Джули: с пистолетом в руке, кровью во рту и пулей в груди. Но пуля была из его собственного пистолета. Его погубили не риск и не смертельная опасность боя, а маленькие бумажные трубочки с фильтром на конце. Так ему сказал когда-то доктор Дюнуа в парижской клинике. Год, если не волноваться, менее шести месяцев, если не щадить себя. А последний месяц будет самым трудным. Поэтому, когда кашель стал усиливаться, он отправился в джунгли один, прихватив с собой лишь пистолет и пухлую папку с бумагами, напечатанными на машинке, которые несколько недель спустя переслали его другу журналисту в Лондон.

Местные жители, видевшие, как он один зашел в лес, и потом доставившие его тело в город, сказали, что он был весел и даже насвистывал что-то. Простые крестьяне, всю жизнь выращивающие тапиоку и батат, не могли знать, что это за мелодия. Это был «Испанский Гарлем».

Примечания

1

Здравствуй, приятель.

2

Здравствуй, ты африканер?

3

Куда направляешься? (африкаанс.)

4

Carlo Alfred Tomas – сокращенно САТ или «кот» по-английски.

5

1 стоун ~ 6,36 кг (английская мера веса).

6

Призывники (фр.).

7

ФО – Форин Офис (Министерство иностранных дел).

8

Паспорт выдается британскому подданному только при выезде в другие страны.

9

Лондонский муниципалитет.

10

Более подробно описание этой процедуры, которой пользовался предполагаемый убийца генерала де Голля, содержится в книге «День Шакала» того же автора.

11

«Корзина» – пригородный район Марселя (фр.).

12

Город на Корсике

13

Класс (нем.).

14

Согласен (фр.).

15

«За смерть, войну и за их брата, проклятого наемного солдата.» (фр.).

16

Самоходная яхта

17

Журнал для мужчин

18

Нет (нем.).

19

Мой друг (фр.).

20

Спасибо (исп.).

21

Порт (исп.).

22

Да.

23

Простите? Что?

24

Ах, да. Матрос (исп.).

25

Господи, Всевышний (нем.).